

ПАРВУСЪ.

ВЪ РЯДАХЪ
ГЕРМАНСКОЙ
СОЦІАЛДЕМОКРАТІИ.

Parvus. V rjadach germanskoj socialdemokratii.

ЦѢНА 1 РУБЛЬ.

ИЗДАНИЕ Н. ГЛАГОЛЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Книгоиздательство Н. ГЛАГОЛЕВА.
(С.-Петербургъ, Невскій пр., 92).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ
въ Западной Европѣ и Сѣв.-Амер. Соединен. Штатахъ.
Редакція Е. Смирнова.

Томъ I: Ю. Гамбаровъ: Предисловіе.—П. Звѣздичъ:
Австрія;—Д. Сатуринъ: Англія;—Ю. Стекловъ: Бельгія;—
XXXII+322 стр.—Съ прилож. 20 рисунковъ и портре-
товъ на мѣл. бум.

Цѣна:

2 р. 25 к.

Томъ II: Х. Инсаровъ: Болгарія;—П. Звѣздичъ: Вен-
грія;—А. Ковровъ: Германія;—Ю. Стекловъ: Голландія;—
Д. Григорьевъ: Греція. Приложение: Е. Смирновъ:
Пропорціональное представительство. — VI + 334 стр.—
Съ прилож. 19 рисунковъ и портретовъ на мѣл. бум.

2 » 25 »

Томъ III: Е. Линденъ: Данія;—А. Винардель-Ройчъ:
Испанія;—Л. Шейнесъ: Италія;—К. Карвало: Португалія;—
М. Гурвичъ: Сѣв.-Амер. Соед. Штаты;—М. Панинъ: Швей-
царія.—Приложеніе: В. Водовозовъ: Избирательное
право.—IV+368 стр.—Съ прилож. 19 рисунковъ и
портретовъ на мѣл. бум.

2 » 25 »

Цѣна по подпискѣ за все изданіе—4 тома (около
1.500 стр.), съ приложеніемъ 80 рисунковъ и портретовъ
выдающихся политическихъ дѣятелей на отдѣльныхъ ли-
стахъ мѣловой бумаги,—безъ доставки

6 » — »

» съ доставкой и пересылкой

7 » 50 »

За тисненіи золотомъ переплеть, за томъ

— » 50 »

КЪ РЕФОРМѢ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ РОССИИ.

Вып. I: СИСТЕМЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ВЪ ЗА-
ПАДНОЙ ЕВРОПѢ И СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИ-
НЕННЫХЪ ШТАТАХЪ. Статьи изъ «Handbuch des Oeffen-
tlichen Rechts» проф. Г. Марквардсена. Переводъ подъ ре-
дакціей и съ вступительной статьей проф. М. Соболева.—
XXXII+374 стр.

1 » — »

Вып. II: ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ВСЕНАРОДНОЕ
ГОЛОСОВАНИЕ. Содержаніе: В. Гессенъ: О правовомъ
государствѣ.—В. Мякотинъ: Идея земскаго собо-
ра въ русскомъ прошломъ и настоящемъ.—В.
Водовозовъ: Всеобщее избирательное право и
его примѣненіе въ Россіи.—И. Чернышевъ: О
всеобщемъ избирательномъ правѣ и его при-
мѣненіи въ Россіи.—Съ приложеніемъ таблицъ, цвѣт-
ныхъ диаграммъ и картограммъ.—352 стр.

1 » — »

Вып. III: Г. Фальбергъ и В. Чарнолускій. НАЦИОНАЛЬ-
НОЕ СОБРАНІЕ. Съ приложеніемъ перечня избирательныхъ
округовъ по губерніямъ и уѣздамъ и таблицъ.—272 стр. . .

1 » — »

Съ требованіями просятъ обращаться исключительно по адресу:
Контора книгоиздательства Н. Глаголева, С.-Петербургъ, Невскій пр., 92.

ПАРВУСЪ.

№ 20

ВЪ РЯДАХЪ
ГЕРМАНСКОЙ
СОЦІАЛДЕМОКРАТІИ.

R373

310

Изданіе Н. ГЛАГОЛЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

Професіональное движеніе и соціалдемократія	5
Введеніе	5
Часть первая: Развѣтіе мірового рынка и професіо- нальное движеніе въ Германіи	13
1. Промышленный подъемъ	13
2. Основные моменты промышленнаго подъема и виды на будущее .	17
3. Новыя времена	25
4. Професіональные рабочіе союзы въ Германіи и стачки	29
5. Англійскій образецъ, страхование рабочихъ въ Германіи и законодательство объ охранѣ труда вообще	34
6. Професіональные союзы, какъ боевыя организаціи	39
7. Картели и гигантскія предпріятія	43
8. Тенденціи капиталистическаго развитія и тактика рабочаго движенія	47
9. «Наивный» капиталъ	52
10. «Чистый професіонализмъ»	56
Часть вторая: Соціалдемократія съ 1890 г.	62
11. Обзоръ	62
12. Законъ о соціалистахъ	66
13. Мелкобуржуазный элементъ въ партіи	69
14. На распутьи	72
15. Политическія сумерки	75
16. Партийная пресса	79
Торговый кризисъ и професіональное движеніе	84
I. Къ теоріи торговаго кризиса	90
II. Грюндерскій обманъ и обманъ банковый	97
III. Періодъ бурнаго натиска капитала	101
IV. Итоги подъема	105
V. Професіональные союзы и экономическій подъемъ	110
VI. Професіональные рабочіе союзы и капиталъ въ Германіи . .	113
VII. Что же дальше	117
VIII. Професіональные рабочіе союзы и соціалдемократія	120
Приложеніе: Проектъ закона о нормальномъ восьмичасовомъ рабочемъ днѣ	126
Нѣмецкое рабочее движеніе и его критикъ	134
I. Докапиталистическія времена	136
II. Формы и видоизмѣненія классовой борьбы пролетаріата . . .	139

Типографія «Сѣверъ», Спб., Садовая, 60.

Int. Instituut
Soc. Geschiedenis
Amsterdam

III. Лассаль и начало социалдемократіи	162
IV. Соціалдемократія и революціонизмъ	167
Заключеніе	172
Государственный переворотъ и политическая массовая стачка . .	174
Введеніе	174
1. Новый курсъ	177
2. Отмѣна всеобщаго избирательнаго права	180
3. Полицейская война противъ социалдемократіи	184
4. Конституціонализмъ или абсолютизмъ	188
5. Государственный переворотъ, милитаризмъ, аграріи	192
6. Страхъ передъ соціальной революціей	195
7. Баррикадная революція	197
8. Всеобщая воинская повинность	202
9. Дисциплина	206
10. Народъ и войско при государственномъ переворотѣ	208
11. Организациа пассивнаго сопротивленія	210
12. Политическая массовая стачка	213
13. Дезорганизациа правительства	216
14. Предостереженіе	219
Оппортюнизмъ на практикѣ	223
1. Оппортюнизмъ и соціально-революціонное развитіе	223
2. Оппортюнизмъ и доктрина	231
3. Тактика Фольмара	236
4. Практицизмъ Ауэра	344
5. Что далъ оппортунизмъ	250

Профессіональное движеніе и соціалдемократія.

ВВЕДЕНІЕ.

Предлагаемая русской публикѣ статьи мои о рабочихъ синдикатахъ и тактикѣ нѣмецкой социалдемократіи впервые появились на нѣмецкомъ языкѣ въ «Саксонской Рабочей Газетѣ» въ Дрезденѣ въ 1896 году. По существу своему теоретическія изслѣдованія, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственно вытекли изъ практической работы, и являясь отвѣтомъ на жгучіе вопросы дня. Общій анализъ соотношеній между двумя главными формами классовой борьбы мірового пролетаріата такимъ образомъ приуроченъ къ специфически нѣмецкимъ условіямъ, производится на національной базѣ экономическаго и политическаго развитія Германіи и развитія въ этой странѣ рабочаго движенія. Со времени своего появленія статьи мои сами стали литературнымъ документомъ развитія нѣмецкой социалдемократіи. Русскому читателю приходится, правда, вслѣдствіе этого разбираться въ особенностяхъ политической исторіи Германіи и нѣмецкаго парламентаризма въ частности, которыя можно было бы оставить въ сторонѣ, но за то предлагаемые статьи вводятъ его въ жизнь рабочаго движенія. А русскимъ рабочимъ всего больше недостаетъ именно жизненнаго опыта въ ихъ классовой борьбѣ. Въ книжкахъ разсужденія, а въ жизни кипучая борьба. Тамъ логическіе доводы за и противъ, а здѣсь столкновеніе различныхъ теченій съ своими особыми интересами и личностей, являющихся ихъ выразителями. Сами наши принципы на жизненномъ фонѣ изъ абстрактныхъ предпосылокъ превращаются въ общіе выводы, вытекающіе изъ дѣйствительности. Статьи мои въ критическій моментъ отразили и переломили въ себѣ главныя теченія и видоизмѣненія классовой борьбы нѣмецкаго пролетаріата и охватили ихъ съ общей точки зрѣнія—нарушить эту жизненную связь передѣлками для русскаго изданія я не могъ рѣшиться.

Исторія повторяется только въ видоизмѣненіяхъ. Даже повторяясь, она создаетъ новое. Рабочимъ въ Россіи приходится слѣдовать примѣру западно-европейскаго пролетаріата. Но было бы ошибочно предполагать, что въ Россіи воссоздается болѣе или менѣе точная копія Западной Европы. Самый западно-европейскій образецъ на фонѣ національных, экономическихъ, политическихъ и общекультурныхъ условій Россіи получить другой видъ. Но этого мало. Воспользовавшись историческимъ опытомъ западно-европейскаго пролетаріата, русскій пролетаріатъ въ свою очередь долженъ сдѣлать шагъ впередъ — дальше того, что имъ перенято отъ другихъ. Исторія не останавливается. Классовая борьба пролетаріата въ своей основѣ одна и та же во всемъ мірѣ, но она развивается, принимаетъ все болѣе сложныя формы, — а въ это развитіе каждая великая нація вноситъ свою часть. Англія внесла свое. Франція внесла свое. Германія внесла свое. Общность интересовъ мірового пролетаріата сказывается въ томъ, что то, что вноситъ пролетаріатъ каждой страны, становится общимъ достояніемъ рабочихъ всѣхъ другихъ странъ въ ихъ классовой борьбѣ. И вотъ теперь историческій моментъ таковъ, что ставитъ передъ русскимъ пролетаріатомъ, помимо національных — вѣрнѣе общерусскихъ, понимая подъ этимъ всѣхъ рабочихъ Россіи, безъ различія націй и вѣроисповѣданій — міровыя задачи.

Нѣмецкая социалдемократія развила свою особую тактику. Въ основѣ этой тактики лежитъ использование общаго избирательнаго права. Въ настоящее время это стало общимъ достояніемъ пролетаріата. Никто не сомнѣвается болѣе въ пользѣ избирательнаго права для рабочихъ, напротивъ, это исходный пунктъ рабочей агитаціи. Но еще къ концу 50-хъ годовъ, когда нѣмецкіе рабочие впервые занялись вопросомъ избирательнаго права, и еще гораздо позднѣе дѣло обстоило иначе. Тогда социалистическіе рабочие относились къ избирательному праву, даже въ самой демократической его формѣ всеобщаго, тайнаго, прямого и равнаго избирательнаго права, либо отрицательно, либо, во всякомъ случаѣ, съ сильнымъ недоверіемъ и сомнѣніями. Въ основѣ этой отрицательной тактики лежало недоверіе къ буржуазному парламенту, очень обоснованное и теоретически, и историческимъ опытомъ. Только въ одномъ отношеніи расчетъ былъ невѣрный, что и показали нѣмецкіе рабочие на практикѣ. Покуда капиталисты имѣютъ экономическое господство, до тѣхъ поръ вся политика государства идетъ на ихъ пользу. Для нихъ вооружаются арміи, въ ихъ интересахъ ведутся войны, подати собираются съ народныхъ массъ, чтобы развить индустрію и доставить капиталистамъ барыши. Парламентаризмъ только измѣняетъ политическую форму, но не измѣняетъ сущности классового государства, которая состоитъ въ томъ, чтобы при помощи полиціи, тюремъ и войска держать классъ эксплуатируемыхъ въ зависимости

отъ ихъ эксплуататоровъ. Такъ какой же имѣетъ смыслъ для рабочихъ принимать участіе въ буржуазномъ парламентѣ? Ихъ ли дѣло сочинять за одно съ представителями класса капиталистовъ законы, которые либо ведутъ къ вѣщему обогащенію имущихъ классовъ на счетъ народа, либо прямо направлены къ угнетенію рабочихъ массъ? Такова была аргументація социалистическихъ рабочихъ, прежде чѣмъ нѣмецкій пролетаріатъ показалъ, какъ можно воспользоваться избирательнымъ правомъ въ классовой борьбѣ рабочихъ.

Въ Англіи, правда, рабочіе иначе отнеслись къ парламенту и уже вначалѣ прошлаго столѣтія организовали сильное массовое движеніе для завоеванія избирательнаго права. Но движеніе это, ставшее извѣстнымъ подъ именемъ чартизма, непосредственныхъ результатовъ не имѣло. Оно не пропало даромъ. Оно оказало большое вліяніе на политическое развитіе Англіи и этому вліянію въ значительной степени надо приписать позднѣйшія избирательныя реформы въ Англіи — въ 60-хъ и 80-хъ годахъ. Однако, сама массовая борьба англійскихъ рабочихъ за избирательное право, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ возстаній, къ концу 50-хъ годовъ замерла. Значеніе избирательнаго права въ глазахъ англійскихъ рабочихъ отошло въ сторону передъ тактикой трэдъ-уніоновъ. О трэдъ-уніонахъ, т. е. англійскихъ рабочихъ синдикатахъ, распространены ошибочныя взгляды. Опроверженіе этихъ взглядовъ читатель найдетъ въ самомъ текстѣ настоящихъ статей. Трэдъ-уніоны съ самаго начала поставили себѣ двойную задачу: путемъ экономической борьбы добиться уступокъ отъ предпринимателей, путемъ давленія извнѣ на парламентъ и правительство добиться законодательныхъ мѣръ въ пользу рабочихъ. И въ томъ и въ другомъ отношеніи имъ къ 60-мъ годамъ удалось достичь значительныхъ результатовъ. На этомъ то и концентрировалось вниманіе англійскихъ рабочихъ, а вопросъ объ образованіи собственной политической партіи для нихъ къ тому времени почти совершенно сошелъ со сцены. На видъ примирительная политика трэдъ-уніоновъ въ сущности, такимъ образомъ, рѣзко отграничивала рабочихъ отъ буржуазнаго парламента, ставила ихъ внѣ общаго веденія государственныхъ дѣлъ.

Французскіе рабочіе разочаровались въ парламентаризмѣ кровавымъ опытомъ революцій. Послѣ бурныхъ лѣтъ Великой Французской Революціи, когда французскій народъ не только создалъ у себя въ странѣ парламентарный порядокъ, но подорвалъ государственныя устои всей Европы и завоевалъ полміра, что досталось въ наслѣдство французскимъ рабочимъ? Экономическое рабство! Послѣ этого французскіе рабочіе неоднократно выносили на своихъ плечахъ буржуазную революцію, — но и новый парламентарный порядокъ и новое правительство въ рукахъ буржуазіи только служили

средствомъ, чтобы упрочить и расширить господство капитализма. Во время революціи 48 года, какъ извѣстно, это привело во Франціи къ открытой борьбѣ между пролетаріатомъ и буржуазіей. Когда буржуазія звала рабочихъ на баррикады, когда она при помощи рабочихъ стала у кормила правленія, она обѣщала обезпечить имъ свободу и счастье. Но представительница класса эксплуататоровъ, она оказалась не въ состояніи выполнить свое обѣщаніе. На мѣсто обобществленія производства, которое единственно въ состояніи измѣнить судьбу рабочихъ, были устроены, такъ называемыя, «національныя мастерскія», да и тѣ правительство мало по малу превратило въ родъ арестантскихъ работъ и нищенскую подачку безработнымъ. Рабочіе неоднократно протестовали противъ плутней правительства. Наконецъ, имъ стало не втерпѣжъ и въ знаменитые іюньскіе дни они поднялись, требуя проведенія соціальной программы. Тогда буржуазія, которая всего 4 мѣсяца тому назадъ при помощи рабочей революціи добила политическую власть, выставила противъ рабочихъ войска и потопила возстаніе въ морѣ крови.

Послѣ такого опыта понятно разочарованіе французскихъ рабочихъ въ буржуазномъ парламентаризмѣ. Поэтому также они потеряли интересъ къ избирательному праву. Но тотъ же историческій опытъ показалъ, что главную силу всякаго революціоннаго возстанія составляютъ рабочіе. Это опредѣлило слѣдующую тактику, которая была перенята соціалистическими партіями.

Пролетаріатъ долженъ путемъ революціоннаго возстанія сломить государственную власть. Свергнувъ правительство, онъ не долженъ дать образоваться новому буржуазному правительству, но самъ стать на его мѣсто, назначить рабочее правительство. Это—диктатура пролетаріата. Получивъ въ свои руки государственную власть, рабочіе отымаютъ у капиталистовъ фабрики, заводы, рудники, землю, всѣ орудія производства, и дѣлаютъ ихъ общественною собственностью. Такимъ образомъ, въ основѣ подрывается та экономическая сила, которая даетъ капиталистамъ господство надъ рабочими. Заодно съ этимъ пролетаріатъ измѣняетъ весь политическій строй, превращая армію изъ полицейской силы для порабощенія народа въ организацію народной самообороны, а государство изъ механизма классового господства въ стройный порядокъ общественной взаимопомощи и совмѣстной дѣятельности.

Нѣмецкіе рабочіе также боролись заодно съ буржуазіей во время революціи 48 года и заставили правительство пойти на уступки. Но нѣмецкая буржуазія съ самаго начала показала себя менѣе революціонной, чѣмъ французская, а послѣ описанной выше борьбы между пролетаріатомъ и буржуазіей во Франціи, она, боясь соціалистическаго возстанія, окончательно измѣнила дѣлу свободы. Послѣдствіемъ этого было усиленіе правительственной власти и новый

реакціонный періодъ, въ особенности въ Пруссіи. Но въ 50-хъ годахъ прусское правительство, которому для осуществленія своихъ завоевательныхъ плановъ необходимо было опереться на націю, дало нѣсколько больше свободы, и либерализмъ снова поднялъ голову. Либерализмъ этотъ велъ двойную игру. Какъ оппозиціонная партія, ему необходимо было опереться на народъ. Онъ поэтому искалъ связи съ рабочими и велъ среди нихъ отчасти просвѣтельную, отчасти политическую агитацію. Но какъ представитель буржуазіи онъ пуще всего боялся классовой борьбы рабочихъ. Въ виду этого онъ старался держать рабочихъ въ политической зависимости отъ себя и систематически препятствовалъ всему, что могло бы повести къ самостоятельной политической организаціи рабочихъ. По той же причинѣ нѣмецкій либерализмъ боялся революціи, которая выдвинула бы на политическую авансцену рабочія массы. Но не рѣшаясь на революцію, ему въ борьбѣ съ правительствомъ пришлось ограничиться словесной оппозиціей. Нѣмецкіе рабочіе, конечно, не могли удовлетвориться такимъ положеніемъ вещей. Они рвались на активную, рѣшительную борьбу съ правительствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они чувствовали, что либеральныя программы и либеральная политика не захватываютъ ихъ насущныхъ интересовъ. Но они не были въ состояніи дать этому настоящую политическую и экономическую формулировку и выставить собственную программу. Въ оппозиціи къ либераламъ среди рабочихъ стали развиваться революціонныя общества съ цѣлью вооруженнаго возстанія. Въ то же время дѣлаются попытки устроить общій съѣздъ рабочихъ. Либералы всякими хитростями и уловками старались помѣшать съѣзду, что имъ дѣйствительно, и удалось. Но тутъ то выступилъ Фердинандъ Лассаль, который инстинктивнымъ стремленіемъ нѣмецкихъ рабочихъ, вытекавшимъ изъ ихъ классового положенія, но мало сознаннымъ, далъ историческое обоснованіе и политическое выраженіе.

Лассаль уяснилъ рабочимъ двойственную, лицемерную и трусливую политику либераловъ, раскрылъ передъ ними ихъ классовое положеніе и доказалъ имъ, что имъ нужно организовать самостоятельно, внѣ зависимости отъ либераловъ и въ разрѣзъ со всѣми буржуазными партіями, съ цѣлью оказать давленіе на государственную власть, подчинить ее себѣ и при помощи ея преобразовать весь экономическій порядокъ общества въ смыслѣ уничтоженія господства капитализма. Въ Пруссіи тогда уже былъ парламентъ, но выборы въ него происходили по трехклассной системѣ, которая дѣлала невозможнымъ выборъ депутатовъ отъ неимущаго населенія. Лассаль указалъ рабочимъ, что, для того чтобы составить политическую силу, имъ прежде всего необходимо добиться всеобщаго, прямого, равнаго избирательнаго права. Итакъ, избирательное право для Лассалья было средствомъ составить изъ рабо-

чихъ самостоятельную, классовую политическую силу. Онъ хотѣлъ при его помощи организовать социальную-революционную армию и повести ее противъ капиталистическаго государства.

Нѣмецкіе либералы въ то время стояли за государственное невмѣшательство въ торговопромышленную жизнь и въ экономическія отношенія страны. Рабочимъ они совѣтовали устраивать ассоціаціи всякаго рода—производительныя, потребительныя товарищества и т. п. — убѣждая ихъ, что, такимъ образомъ, они освободятся отъ экономической зависимости и добьются благосостоянія. Не отрицая того, что такого рода товарищества могутъ улучшить положеніе отдѣльныхъ лицъ изъ рабочей среды, Лассаль разъяснялъ рабочимъ, что положеніе массы рабочихъ, всего класса, отъ этого не измѣнится, что рабочіе могутъ только соединить свою рабочую силу, ничего другого у нихъ нѣтъ, а это еще недостаточно для конкуренціи съ крупной машинной индустріей, что, наконецъ, противъ нихъ не просто отдѣльные предприниматели, а цѣлый общественный капиталистическій порядокъ съ его міровыми связями производства и торговли, опирающійся къ тому же на государственную власть и пользующійся громадными финансовыми средствами государства. Лассаль показалъ, что самъ капитализмъ на всемъ протяжении своей исторіи въ широкой мѣрѣ пользовался средствами государства—тѣмъ болѣе, слѣдовательно, ими нужно пользоваться пролетариату. Какъ примѣръ того, какъ можно воспользоваться денежными средствами государства для социального переворота, Лассаль набросалъ проектъ рабочихъ ассоціацій при содѣйствіи значительнаго государственнаго кредита—вродѣ того какъ государство обезпечивало сотнями милліоновъ постройку желѣзныхъ дорогъ. Проектъ этотъ послужилъ поводомъ къ сильнымъ недоразумѣніямъ. Соціалистическіе критики видѣли въ немъ отказъ отъ социальной революціи. Буржуазные критики съ своей стороны, доказывая неосуществимость Лассалевскаго проекта, думали, что доказываютъ этимъ неосуществимость социалистическаго переворота. Для самаго Лассалья его проектъ былъ въ первую линію идеей популяризаціи социального переворота. Онъ считалъ его практически выполнимымъ, но былъ далекъ отъ того, чтобы видѣть въ немъ единственный, а тѣмъ болѣе исключительный путь социалистическаго устройства общества. Коренная идея была—государственную власть, изъ-за которой буржуазныя партіи боролись между собой и съ правительствомъ, сдѣлать орудіемъ социально-революціоннаго переворота, а для этого организовать на базѣ демократическаго избирательнаго права самостоятельную политическую партію пролетариата.

Нѣмецкіе либералы отлично поняли, что суть агитаціи Лассалья составляетъ не финансовый его проектъ, а самостоятельная политическая организація пролетариата. Въ эту сторону они направили свои главные удары. Они упрекали рабочихъ въ томъ, что тѣ,

выдѣляясь въ собственную партію, ослабляютъ оппозицію и играютъ на руку правительству. Лассалья они обвиняли въ поддержкѣ реакціи и забросали клеветническими навітами. Но нѣмецкіе рабочіе не дали себя больше морочить. Они организовались подъ руководствомъ Лассалья. Этимъ было положено начало нѣмецкой социал-демократіи.

Когда въ 67 году въ Сѣверогерманскомъ союзѣ государствъ, куда вошла также Пруссія, было введено всеобщее и равное избирательное право, нѣмецкіе рабочіе при первыхъ же выборахъ провели въ парламентъ своихъ собственныхъ депутатовъ.

Впослѣдствіи въ отношеніе нѣмецкой социалдемократіи къ парламентаризму подъ вліяніемъ Маркса, Энгельса и ихъ учениковъ была внесена поправка, которая къ тому же вытекала изъ практики ея политической борьбы. Лассаль неявно отличалъ давленіе на правительство отъ завоеванія государственной власти. Для него это сливалось въ одно, потому что онъ государство понималъ не матеріалистически, какъ историческій продуктъ, а идеалистически, какъ развитіе принципа. Социалдемократія силою вещей и подъ вліяніемъ научнаго социализма принуждена рѣзко различить между завоеваніемъ политической власти и давленіемъ на государственную власть, покуда она находится въ рукахъ буржуазіи. Она убѣдилась, что въ буржуазномъ парламентѣ и отъ буржуазнаго правительства она можетъ добиться только нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу пролетариата, сводящихся къ смягченію наиболѣе звѣрскихъ и пагубныхъ формъ капиталистической эксплуатаціи и народной нужды, но не затрагивающихъ ни основъ капитализма, ни его развитія и все большаго расширенія экономического могущества класса капиталистовъ, и что измѣнить общественный порядокъ можно только послѣ того, какъ пролетаріатъ станетъ во главѣ государства, т. е. уже овладѣетъ государственной властью. Она убѣдилась также, что достичь этой цѣли однимъ ростомъ парламентарной партіи нельзя, что въ рѣшительный моментъ буржуазія не усумнится противопоставить военную силу государства политической силѣ пролетариата. Такимъ образомъ, парламентаризмъ былъ соединенъ съ революціонизмомъ. Съ этой точки зрѣнія самая парламентарная дѣятельность и пользованіе избирательнымъ правомъ получили главное значеніе какъ средство агитаціи и социально-революціонной организаціи пролетариата.

Этой тактикѣ нѣмецкая социалдемократія осталась вѣрна. Еще на партійномъ конгрессѣ въ 1872 году въ Эрфуртѣ было принято единогласно слѣдующее рѣшеніе.

«Въ виду политической узости и классового эгоизма буржуазныхъ партій конгрессъ не предастся ни малѣйшимъ иллюзіямъ относительно значенія парламентарныхъ успѣховъ по отношенію къ нашимъ основнымъ требованіямъ. Онъ разсматриваетъ выбор-

ную агитацію, какъ особенно дѣйствительное средство социалистической пропаганды, такъ какъ она даетъ наилучшую возможность войти въ соприкосновеніе съ пролетарскими массами и разъяснить имъ ихъ классовое положеніе и такъ какъ использование трибуны парламента составляетъ наиболѣе дѣйствительное средство, чтобы показать несостоятельность (существующихъ) общественныхъ властей въ вопросѣ уничтоженія спеціальнаго зла и раскрытія передъ всѣмъ міромъ неспособности господствующихъ классовъ оказать должное вниманіе новымъ культурнымъ потребностямъ удовлетворенія которыхъ требуетъ рабочій классъ».

И это рѣшеніе съ тѣхъ поръ неуклонно проводится партіей въ жизнь.

.....

«Введеніе» не могло быть закончено, такъ какъ автора административнымъ порядкомъ выслали въ Туруханскій край и ему пришлось, въ виду этого, пріостановить всѣ свои литературныя работы.

.....

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Развитіе мірового рынка и профессиональное движеніе въ Германіи.

1. Промышленный подъемъ.

Подъемъ промышленности, такъ рельефно отразившійся въ послѣднихъ удачныхъ стачкахъ, не представляетъ собою неожиданнаго явленія; уже въ 1893-мъ году многія торговыя палаты заканчивали свои отчеты выраженіемъ надеждъ на лучшее будущее. Несмотря на то, что 1894 годъ не могъ, по многимъ причинамъ, оправдать преувеличенныхъ и нетерпѣливыхъ надеждъ, все таки въ отчетахъ торговыхъ палатъ этого года мы уже ясно отмѣчаемъ слѣды промышленнаго подъема, — хотя эти отчеты и настроены на обыкновенный минорный тонъ; но вѣдь извѣстно, что купцы всегда плачутся!

Неопровержимымъ доказательствомъ промышленнаго подъема въ 1895 г. являются относящіеся къ этому году данныя о внѣшней торговлѣ Германіи.

Стоимость ввоза въ Германію возросла съ 3.938 мил. марокъ въ 1894 году до 4.092 мил. марокъ въ 1895-мъ, т. е. всего на 154 мил. марокъ; стоимость вывоза возрасла съ 2.961 до 3.311 мил. марокъ, т. е. на 350 мил. марокъ. Насколько позволяютъ судить сравнительныя статистическія данныя такое внезапное увеличеніе вывоза товаровъ, — почти на 12% за годъ, представляетъ въ исторіи Германіи совершенно исключительное явленіе.

Однако подъемъ промышленности вовсе не достигъ своей высшей точки въ 1895-мъ году; онъ держится до сихъ поръ и промышленность продолжаетъ могуче расширяться. Нѣмецкая торговая статистика показываетъ ростъ ввоза товаровъ за первые четыре мѣсяца 1896 г. на 115 мил. марокъ, т. е. на 12%, сравнительно съ прошлымъ годомъ и увеличеніе вывоза товаровъ на 95 миллионовъ марокъ т. е. на 13%.

Съ развитіемъ вывоза связанъ и ростъ внутренняго рынка; растутъ города и начинается лихорадочная строительная дѣ-

тельность: послѣдняя, какъ извѣстно, еще поощрялась въ нынѣшнемъ году различными выставками.

Таково положеніе. Какъ оно создано и какъ въ дальнѣйшемъ сложатся обстоятельства,—мы и должны обсудить на слѣдующихъ страницахъ.

Начнемъ съ Германіи.

Грюндерскій періодъ 70-хъ годовъ, это капиталистическое крещеніе Германскаго государства, былъ слѣдствіемъ войны. Въ 1870—71 году на театрѣ войны находилось больше полтора милліона человекъ, и въ то время, какъ промышленное производство было сильно парализовано приостановкой торговыхъ сношеній и уходомъ рабочихъ силъ, на нужды войны были истрачены безчисленные милліоны и опустошены всѣ торговые склады. Уже вслѣдствіе одного этого послѣ войны должна была развиваться лихорадочная промышленная дѣятельность. Къ этому нужно еще прибавить присоединеніе Эльзасъ-Лотарингіи, одна только хлопчато-бумажная промышленность которой, пользуясь міровой извѣстностью, дала Германіи свыше двухъ съ половиною милліоновъ веретенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ солидныя и широко распространенныя торговыя связи. Затѣмъ—притокъ милліардовъ контрибуціи, развитіе государственныхъ финансовъ, образованіе большого хозяйственнаго комплекса единой Германіи, постройка желѣзныхъ дорогъ и т. д. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Германіи развилась лихорадочная промышленная дѣятельность. Причины промышленнаго расцвѣта лежали не въ открытіи внѣшняго, а въ расширеніи внутренняго рынка, во внезапномъ обогащеніи нѣмецкой буржуазіи, связанномъ въ значительной мѣрѣ съ ограбленіемъ сосѣдняго государства. Потому-то нѣмецкая торговая статистика за 1872, 1873 и 1874-ый годы показываетъ намъ огромное увеличеніе ввоза, въ то время когда вывозъ товаровъ остается почти неизмѣннымъ. Лишь въ 1875-омъ году чувствуется необходимость усиленнаго вывоза товаровъ, потому что расширеніе производства переросло потребности рынка; но здѣсь уже наступаетъ кризисъ.

Нѣмецкіе промышленники не перестаютъ съ этого времени плакаться на недостатокъ въ сбытѣ. Такими же жалобами откликаются другія капиталистическія страны Европы. Были, конечно, и періоды незначительнаго подъема, но они такъ быстро смѣнялись упадкомъ, что ни благополучіе, ни кризисъ не давали себя сильно чувствовать. Казалось, будто капиталистическимъ производствомъ овладѣла перемежающаяся лихорадка, медленно изнурявшая общество, проявлявшаяся то сильнѣе, то слабѣе, и совершенно не позволявшая опредѣлить, когда она, наконецъ, прекратится. Короче, это была «промышленная депрессія», продолжавшаяся ровно 15 лѣтъ, если считать, что острый кризисъ 70-хъ годовъ уже кончился къ 1878-му году.

Несмотря на то, что нѣмецкіе капиталисты плакались больше всѣхъ остальныхъ, нѣмецкая промышленность развивалась лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ. Внутренній рынокъ расширялся подъ вліяніемъ расширенія желѣзнодорожной сѣти и роста городовъ; кромѣ того крупная промышленность имѣла широкую возможность расти на счетъ мелкаго производства; есть много свидѣтельствъ въ пользу того, что этотъ процессъ шелъ ускореннымъ темпомъ съ начала 80-хъ годовъ. Составить окончательное сужденіе объ этомъ развитіи возможно будетъ лишь по обнаруженіи результатовъ народной переписи за 1895 годъ.

Торговыя сношенія Германіи съ другими государствами за это время также сильно развились. Общія цифры торговаго оборота не подвергались значительнымъ измѣненіямъ и во всякомъ случаѣ Германіи удалось обезпечить цѣлымъ рядомъ производствъ почетное мѣсто на міровомъ рынкѣ. Таковы: желѣзодѣлательное производство и машиностроеніе, химическая индустрія, кожевенная промышленность, шерстяная промышленность, изготовленіе платья и бумаги. Поразительно сильно развились въ это время за океанскія торговыя отношенія Германіи.

Въ 1871-мъ году торговый флотъ Германіи состоялъ изъ 147 пароходовъ съ экипажемъ въ 4.736 человекъ и съ вмѣстимостью въ 61.944 рег. тоннъ; въ 1881 году флотъ состоялъ изъ 414 пароходовъ съ экипажемъ въ 8.657 человекъ и съ вмѣстимостью въ 215.758 рег. тоннъ, а въ 1893 году число пароходовъ достигало 986, съ экипажемъ въ 24.113 человекъ и съ вмѣстимостью въ 786.397 рег. тоннъ: ужь одни эти цифры даютъ представленіе о томъ, какъ сильно росъ вывозъ товаровъ за океанъ.

Но Германія расширила свои торговыя отношенія не только съ Соединенными Штатами: начавшись съ очень небольшихъ размѣровъ, торговля Германіи съ Южной и Центральной Америкой, съ Южной и Восточной Индіей, съ Австраліей и съ англійской Южной Америкой, достигла въ 80-хъ годахъ очень крупнаго подъема.

Вывозъ Германіи въ милліонахъ марокъ:

Въ:	1881	1885	1889	1894
Остъ-Индію	12,9	12,4	40,0	53,2
Китай	9,2	16,7	24,2	28,2
Японію	1,5	4,6	18,5	17,1
Южную Америку	26,0	32,7	172,3	124,9
Центральную Америку	5,4	3,6	39,0	37,3
Австралію	3,1	17,9	23,5	21,2
Африку (безъ Алжира и Египта)	3,1	5,1	19,3	31,6

Данныя показываютъ, какъ сильно росъ вывозъ въ эти страны.

А вѣдь это было время «промышленной депрессіи». Если подсчитать заокеанскіе обороты Германіи, считая въ томъ числѣ и Соединенные Штаты, то получается слѣдующій результатъ: въ 1881 году внѣевропейскій вывозъ товаровъ составлялъ 8% всего нѣмецкаго вывоза, а въ 1894 году уже 20%!

Нѣмецкая промышленность, такимъ образомъ, дала примѣръ того, какъ можно развить заокеанскія торговыя сношенія, не владѣя политически заокеанскими колоніями. Какъ мизерна въ сравненіи съ этими результатами, достигнутыми нѣмецкимъ капиталомъ путемъ свободнаго обмѣна, помпезная колоніальная политика «железнаго канцлера»! Главными предметами вывоза въ нѣмецкую Восточную Африку были: порохъ и затѣмъ золото и серебро въ монетахъ, составлявшіе 22% всего незначительнаго вывоза въ эту страну. Если прибавить, что въ 1894 году было вывезено еще 110 килогр. чернилъ, то мы имѣемъ очень ясную картину нѣмецкой колоніальной политики: милитаризмъ, расточительство и бюрократизмъ. Нѣмецкіе капиталисты показали, что они вовсе не нуждаются въ колоніальныхъ владѣніяхъ, потому что они превосходно умѣютъ класть яйца и въ чужія гнѣзда.

Нѣмецкіе купцы, забаррикадировавшіеся дома высокими охранительными пошлинами, патріоты до мозга костей, не менѣе, въ то же время, жадны къ наживѣ въ чужихъ странахъ, цѣлыми толпами двинулись они на заокеанскіе рынки. Они осѣли въ британскихъ, испанскихъ, голландскихъ и французскихъ колоніяхъ, главнымъ образомъ, въ многочисленныхъ американскихъ свободныхъ государствахъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, даже въ Китаѣ и Японіи. Они опутали весь земной шаръ густой сѣтью отводныхъ и питающихъ каналовъ нѣмецкой промышленности ¹⁾. Ближайшей ихъ задачей явится политическое возмущеніе колоній противъ своихъ метрополій.

Какъ, однако, ни развила Германія своей заокеанской торговли насчетъ другихъ странъ, она все же не могла избѣжать вліяній общаго положенія дѣлъ на міровомъ рынкѣ. Европейскія промышленныя страны вообще такъ тѣсно связаны теперь между собою

¹⁾ Характерны для такого положенія вещей сѣтованія нѣкоего англійскаго купца, одно изъ тѣхъ, число которыхъ все увеличивается. Онъ пишетъ въ «British Trade Journal»: «Англійскіе фабриканты не должны упускать изъ виду, что благодаря германской конкуренціи отъ нихъ все больше ускользаютъ восточно-азиатскіе рынки. Путешественникъ, понавѣшавъ въ Бомбей, готовъ спросить себя, да не находится ли онъ на берегу Рейна или въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ городѣ. Конкуренція Германіи поспѣваетъ всюду». Торговая статистика Остѣ-Индіи показываетъ, что такіа утвержденія ничуть не являются преувеличенными, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ отдѣльнымъ торговымъ центрамъ этой страны.

промышленнымъ и торговымъ развитіемъ, что почти невозможно говорить о каждой изъ нихъ въ отдѣльности; надъ ними всѣми тяготѣетъ одна судьба. Потому то настоящій подъемъ промышленности не можетъ быть объясненъ причинами, специфическими для одной только Германіи, но лишь общимъ развитіемъ мірового рынка. Однакожь роль Германіи въ этомъ процессѣ, была бы намъ не совсѣмъ понятна, если бы мы предварительно не выяснили себѣ обрисованнаго нами выше развитія заокеанскихъ торговыхъ отношеній Германіи.

2. Основные моменты промышленнаго подъема и виды на будущее.

Есть четыре момента, которые можно назвать краеугольными камнями происходящаго въ настоящее время переворота на міровомъ рынкѣ: голодъ въ Россіи, японско-китайская война, американскій кризисъ и быстрое развитіе добычи золота. Между этими самыми выдающимися социальными фактами существуютъ самыя разнообразныя связи и взаимодѣйствія, и все вмѣстѣ является завершеніемъ одного и началомъ новаго періода въ развитіи мірового рынка.

Голодъ въ Россіи, означалъ разрушеніе крестьянской Руси, съ ея первобытнымъ коммунизмомъ, давно уже утратившимъ всякую цѣльность, съ ея китайскимъ постоянствомъ отношеній. То, что постепенно подтачивалось долготѣннимъ процессомъ развитія, рассыпалось внезапно на тысячу кусковъ. Давно уже обнищавшему, задолжавшемуся, измученному тяжестью казенныхъ недоимокъ крестьянину былъ данъ послѣдній толчекъ, и голодный пролетаріатъ наводнилъ города, готовый на всякую работу, за любую плату, и это массовое перемѣщеніе изъ деревень въ города не прекращается.

Въ то же самое время оказалось, что уже существуетъ промышленность, жадно поглощающая притекающія массы. Съ другой стороны, голодъ, превратившій бѣднаго крестьянина въ нищаго, доставилъ зажиточному крестьянину дешевыя рабочія руки.

Въ первые года лучшаго урожая началась лихорадочная промышленная дѣятельность. Для того, чтобы понять развитіе русской промышленности, нужно принять во вниманіе, что Россія давно уже опѣнила, какую богатую область сбыта представляетъ для нея соседняя Азія, и что она давно уже старается завязать сношенія съ азіатскими странами. Постройкой Закаспійской желѣзной дороги

Россия создала первый торговый путь во внутрь Азии, удовлетворяющий современнымъ требованіямъ: она открыла, и притомъ исключительно для себя, доступъ въ богатую Центральную Азію, весьма мало доступную для европейской промышленности, благодаря плохимъ путямъ сообщенія; въ тоже время она все ближе и ближе придвигается къ Китаю и Остѣ-Индіи.

Россия разослала своихъ піонеровъ, поручила естествоиспытателямъ, географамъ, геологамъ, этнологамъ изслѣдовать страну, и они уже создали объемистую литературу; она образовала поселенія, ввела культуру хлопка и шелка, завязала торговые связи, и успѣхъ всѣхъ этихъ мѣропріятій превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Прежде чѣмъ привести въ пользу этого достовѣрное свидѣтельство, мы должны обратить вниманіе еще на одно: на Сибирскую желѣзную дорогу. Значеніе для Россіи этого колоссальнаго предпріятія почти необозримо. Благодаря связи съ плодородными областями Сибири, европейская центральная Россія избавится до нѣкоторой степени отъ крестьянскаго перенаселенія; одновременно съ этимъ для русской промышленности создастся богатый рынокъ сбыта. А выгоды желѣзнодорожной связи съ Китаемъ и Японіей? Сибирь населится очень скоро, изъ земли вырастутъ города и создастся самостоятельная сибирская промышленность.

Это только самые первые зачатки развитія русской промышленности и торговли, но каковы ихъ результаты уже теперь, о томъ даетъ вполне наглядное понятіе отчетъ германскаго консула за 1895 годъ. Указавъ сначала на благотѣльные послѣдствія урожая, онъ продолжаетъ: «Торговля и промышленность достигли сильнаго подъема благодаря все большей доступности азіатскихъ рынковъ и быстро развивающейся желѣзнодорожной сѣти. Постройка Сибирской желѣзной дороги, хотя она еще и не закончена, сильно оживила восточныя области; но еще болѣе благоприятное вліяніе на торговлю и промышленность имѣетъ Центрально-азиатская дорога. Торговля сношенія со странами, лежащими на ея пути, сильно развиваются и непрерывно расширяются. Уже теперь Центральная Азія доставляетъ русской промышленности треть потребляемаго ею хлопка, и притомъ наилучшаго качества; недалеко то время, когда американская и индійская хлопчатая бумага перестанутъ быть предметами ввоза въ Россію; другіе товары, какъ шелкъ, мѣха, шерсть и т. п. все въ большемъ количествѣ ввозятся въ Россію изъ Центральной Азіи. И по мѣрѣ того, какъ увеличивается транспортъ изъ азіатскихъ странъ, возрастаетъ также и сбытъ туда продуктовъ русской промышленности. Потребность въ хлопчатобумажныхъ матеріяхъ непрерывно растетъ, а русскіе фабриканты едва могутъ удовлетворить эту потребность, несмотря на то, что они сильно расширили производство. Хлопчатобумажная пряжа и ткань уже теперь рас-

проданы по высокимъ цѣнамъ до весны 1897 года. Кромѣ того, промышленность и торговля очень выигрываютъ отъ того, что внутри Россіи происходитъ усиленная и спѣшная постройка желѣзныхъ дорогъ, а также увеличивается и обновляется въ значительной мѣрѣ израсходованный желѣзнодорожный матеріалъ, пониженный желѣзнодорожный тарифъ привелъ къ такому усиленію движенія, что оно не можетъ быть удовлетворено существующимъ составомъ. Большіе заказы на локомотивы, вагоны, рельсы всецѣло занимаютъ русскую промышленность и вызываютъ къ жизни новыя предпріятія въ этой области».

Что же касается экономическихъ послѣдствій японо-китайской войны, то въ этомъ отношеніи мы можемъ сослаться на выводы, сдѣланные нами уже давно. Мы разбирали этотъ вопросъ еще въ 1895 году, т. е. тогда, когда восточно-азиатская война разсматривалась почти всѣми, по крайней мѣрѣ, въ Германіи, какъ своего рода курьезъ. Мы показали тогда, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о двухъ вещахъ: о выступленіи на сцену самостоятельнаго восточно-азиатскаго промышленнаго государства, Японіи, и о капиталистическомъ захватѣ Китая, являющагося пока неизмѣримой областью, сбыта фабрикатовъ и богатымъ источникомъ сырыхъ матеріаловъ и продуктовъ для непосредственнаго потребленія. Мы доказали, что оба эти явленія не случайны, а являются продуктами постепеннаго и планомѣрнаго развитія. Здѣсь какъ и при голодѣ въ Россіи, внезапно прорвались наружу давно боровшіяся между собою силы. Особенность капиталистическаго развитія именно и заключается въ томъ, что оно совершается путемъ противорѣчій и проявляется въ революціяхъ. Общій взрывъ даетъ просторъ новымъ силамъ, послѣ чего начинается быстрое и неудержимое движеніе впередъ.

Въ Китаѣ и въ Японіи точно также, какъ и въ Россіи, мы стоимъ лишь передъ первыми зачатками новаго промышленнаго періода. Японія переживаетъ нѣчто въ родѣ періода грюндерства въ Германіи 70-хъ годовъ. Тамъ, словно изъ подъ земли, вырастаютъ акціонерныя общества, банки, желѣзныя дороги, копи, хлопчатобумажныя, ткацкія фабрики и т. п. Это вызываетъ въ Японіи сильный спросъ на машины, сырые матеріалы, полуфабрикаты и на продукты культурнаго потребленія. И тамъ скоро наступитъ кризисъ, единственное, чего не достаетъ для того, чтобы Японія могла стать вполне капиталистической страной. Хотя отъ этого кризиса и пострадаютъ довольно чувствительно интересы европейскихъ предпринимателей и торговцевъ, однако онъ врядъ ли отразится на общемъ промышленномъ развитіи, такъ какъ торговые отношенія между Японіей и Европой еще недостаточно, для этого обширны. Для самой же Японіи кризисъ будетъ очень полезенъ, такъ какъ онъ установитъ болѣе планомѣрное развитіе промыш-

ленности, которой для этого вовсе не нужно сокращать своих размеров. Въ то время какъ Японія переживаетъ процессъ промышленнаго грюндерства, въ Китаѣ это грюндерство переносится пока на другія области: на финансы и политику. Каждому теперь извѣстно, какъ ловко удалось Россіи сочетать одно съ другимъ при помощи чужихъ денегъ она стала кредиторомъ Китая и за чужой счетъ—ея политическимъ повелителемъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Китай окончательно подпадетъ теперь подъ власть капитала. Китай принужденъ порвать со своей прежней рутинной, не только благодаря постоянной политической угрозѣ со стороны Японіи, но еще въ большей степени потому, что его новый другъ—Россія, при посредствѣ Закаспійской и Сибирской желѣзныхъ дорогъ тѣснить его политически и экономически съ сѣвера и востока. Такое положеніе вещей побуждаетъ также и Англію и Францію проявлять большую агрессивность по отношенію къ Китаю. Китай, отдѣленный до сихъ поръ отъ промышленныхъ странъ океаномъ и пустынями, ненаселенными пространствами, оказывается вдругъ совершенно осажденнымъ капиталистической промышленностью, доставляющей ему не только тюки товаровъ, но и нарѣзныя пушки. Въ его портахъ кишатъ иностранныя суда; онъ видитъ себя вынужденнымъ пересмотрѣть торговые договоры и сдѣлать таможенные уступки. Съ юга при посредствѣ желѣзной дороги надвигается Франція, на востокъ Туркестанъ, Бухара и смежныя страны превращаются въ настоящія промышленныя колоніи Россіи. Въ киргизскихъ степяхъ исчезаютъ кочевники, мѣсто которыхъ занимаютъ русскіе землепашцы и купцы. Но самая серьезная опасность грозитъ съ широкой сѣверной границы, раздѣляющей Азію по всей длинѣ. Развитіе городовъ и промышленности въ Сибири способствуетъ установленію самыхъ разнообразныхъ сношеній съ Китаемъ. Сибирская желѣзная дорога будетъ лишь главной артеріей, отъ которой пойдутъ многочисленныя развѣтвленія въ Сѣверный Китай. Русская желѣзная дорога проникаетъ черезъ Манчжурію въ самыя плодородныя и густонаселенныя прибрежныя области Китая, и можетъ быть со временемъ, слѣдуя пути, нѣкогда намѣченному географомъ Элизе Реклю, желѣзнодорожная линія соединитъ центральную Россію съ внутреннимъ Китаемъ.

Одно изъ двухъ: или Китай будетъ расчлененъ промышленными государствами на куски, изъ которыхъ каждый превратится въ новую Остъ-Индію, или же онъ сохранитъ свою самостоятельность, но только тѣмъ, что начнетъ строить желѣзныя дороги и будетъ заботиться о своемъ промышленномъ развитіи. Старый Китай окончательно проигралъ свою игру.

Японія, Китай, Центральная Азія, Сибирь—вездѣ центральный вопросъ заключается въ томъ, чтобы сдѣлать данникомъ капитала весь азіатскій материкъ во всемъ его

объемѣ, а не только по окраинамъ, какъ было до сихъ поръ. Азія занимаетъ площадь въ три раза большую, чѣмъ Европа до Урала, и притомъ съ населеніемъ, которое уже теперь въ полтора раза больше европейскаго. А вѣдь капиталистическое развитіе ея еще только начинается.

Кризисъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ можетъ быть разсматриваемъ какъ косвенный результатъ установленія хлѣбныхъ пошлинъ въ Европѣ.

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что развитіе Америки было ускорено европейскими защитительными пошлинами. Пока американскій хлѣбъ находилъ выгодный сбытъ въ Европѣ, въ Америкѣ разрабатывался участокъ за участкомъ, а земледѣльческое населеніе увеличивалось съ такой быстротой, что развитіе американской индустріи никакъ не могло поспѣть за этимъ процессомъ. По тѣмъ же причинамъ заработная плата, прибыль и процентъ на капиталъ были очень высоки. Вотъ почему американская промышленность не могла тогда конкурировать съ европейской. Наоборотъ, чѣмъ больше вывозилось хлѣба изъ Америки, тѣмъ больше ввозилось туда товаровъ изъ Европы.

Но когда подъ вліяніемъ кризиса 70-хъ годовъ и вслѣдствіе все возвышающихся хлѣбныхъ пошлинъ, Америка вынуждена была понижать свои хлѣбныя ставки, въ развитіи земледѣлія произошла заминка,—населеніе начало стекаться въ города, увеличился притокъ изъ Европы фабричныхъ рабочихъ, ремесленниковъ, купцовъ, капиталистовъ, техниковъ и американская промышленность развилась очень быстро. При такихъ условіяхъ промышленный ввозъ европейскихъ продуктовъ оказался для американцевъ также невыгоднымъ, какъ для европейскаго капитала ввозъ американскихъ хлѣбовъ. Тогда появился билль Макъ-Кинлея. Эти высокія охранительныя пошлины вогнали американскую промышленность въ прямой кризисъ.

Кризисъ повелъ за собою облегченіе рынка, уменьшеніе нормы прибыли, заработной платы и создалъ промышленную резервную армію.

Вооружившись, такимъ образомъ, Соединенные Штаты обратились въ капиталистическую страну, способную къ конкуренціи и прежде всего стремящуюся къ пріобрѣтенію внѣшняго рынка. Своимъ послѣднимъ кризисомъ американская промышленность предъявила на міровомъ рынкѣ «промысловое свидѣтельство»; это была ея пробная работа.

Въ 1894 году американскій торговый кризисъ достигъ самаго высшаго пункта; и когда разрушительная работа была окончена, то въ 1895 году естественно начался новый подъемъ. Ввозъ въ Соединенные Штаты увеличился на 125.000.000 долларовъ, т. е. на 18%, что было въ высшей степени выгодно для европейской про-

мышленности; но всетаки ввозъ еще не достигъ той высоты, на которой онъ стоялъ до кризиса, а вывозъ даже нѣсколько понизился. Впрочемъ, по торговымъ отчетамъ за первую четверть 1896 года, этотъ кратковременный подъемъ уже кончился. Но это только доказываетъ, что американская промышленность не можетъ болѣе развиваться насчетъ своего внутреннего рынка и что созданіе прочнаго внѣшняго рынка стало для нея жизненной необходимостью. Въ этомъ заключается объясненіе послѣднихъ конфликтовъ въ Центральной Америкѣ.

Соединенные Штаты уже въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ поддерживаютъ оживленные торговые сношенія съ Восточной Азіей; на первомъ мѣстѣ находится торговля съ Японіей. Намѣченное нами вѣроятное развитіе событій въ Азіи окажетъ очень сильное вліяніе на Сѣверную Америку.

Центральная и Южная Америка являются ближайшимъ рынкомъ для Соединенныхъ Штатовъ, и его, конечно, подчинить себѣ сѣверо-американская промышленность. Между этими странами существуютъ издавна широкія торговые сношенія. По отношенію къ нимъ сѣверо-американская промышленность является движущимъ факторомъ; она будетъ играть ту же самую роль, какую играютъ по отношенію къ Китаю Россія и Японія. Мѣсто Сибирской желѣзной дороги занимаетъ въ Центральной Америкѣ Панамскій каналъ.

Въ одной газетной статьѣ мы уже разъ писали: «Панамскій каналъ свяжетъ Остъ-Индію съ Вестъ-Индіей и сократитъ дорогу изъ Нью-Йорка въ Йокагаму на 40 дней; поэтому нѣтъ ничего невозможнаго, если Панамскій каналъ, поглотившій столько европейскихъ капиталовъ, будетъ оконченъ на американскія деньги». Вскорѣ послѣ того, какъ эти строки были написаны, торговая газета принесла извѣстіе объ образованіи интернаціональнаго консорціума (союза) банковъ съ цѣлью довести постройку Панамскаго канала до конца. Никанагуйскій каналъ будетъ соединенъ съ Панамскимъ, и акціонеры Панамскаго общества получатъ и тамъ свою часть. Иными словами: послѣ того, какъ мелкіе капиталисты изрядно порастратились, за дѣло берется крупный капиталъ. Онъ списываетъ со счетовъ всѣ потери мелкихъ капиталистовъ, а можетъ быть и нѣчто сверхъ того, и теперь, конечно, можетъ, довести предпріятіе до конца и хорошо при этомъ заработать.

Панамскій каналъ соединяетъ морскимъ путемъ Нью-Йоркъ съ Санъ-Франциско, а также съ Восточной Азіей и Австраліей; онъ устанавливаетъ прямое морское сообщеніе между Европой и Калифорніей и вообще впервые открываетъ Европѣ широкій доступъ къ восточнымъ берегамъ Сѣверной и Южной Америки, т. е. огромной торговой области въ 100 градусовъ ширины. Панамскій ка-

налъ дѣлаетъ Центральную Америку центромъ большого торгового пути и оказываетъ вліяніе на ея промышленную эксплуатацію.

Такимъ образомъ, и по отношенію къ Америкѣ мы находимся лишь въ началѣ грандіознаго промышленнаго развитія.

Съ увеличеніемъ добычи золота дѣло обстоитъ значительно проще, чѣмъ по отношенію къ тремъ уже разобранымъ основнымъ моментамъ промышленнаго развитія. Вниманіе всего міра обращено за послѣдніе годы на Южную Африку; съ 1888 года добыча золота возросла здѣсь въ колоссальныхъ размѣрахъ. Въ 1887 году во всей Африкѣ было добыто всего 9.888 килограммовъ, въ 1892 году 35.670 килограммовъ. За время отъ 1892 года мы располагаемъ данными только рудниковъ «Witwaters-Rand», гдѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ добывается почти все золото Африки. Въ 1892 году было добыто 34.624 килограмма, въ 1893—42.237 килограммовъ, въ 1894—57.876 килограммовъ, въ 1895—63.706 килограммовъ. Англійскій «Экономистъ» опредѣляетъ цѣнность всего добытаго золота въ 180.000.000 марокъ. Въ послѣднемъ году общества выдавали слѣдующіе дивиденды: никакого дивиденда—I общество, 10—20%—9 обществъ, 25—27½%—3 общества, 40—50%—8 обществъ, 55—65%—21 общество, 75—90%—4 общества и 200%—одно общество. Общая сумма выданныхъ дивидендовъ возросла съ 30.000.000 м. въ 1894 году до 50.500.000 марокъ въ 1895 году.

Южная Африка привлекала всеобщій интересъ уже потому, что тамъ были открыты новые рудники и основались новыя акціонерныя общества; но, съ другой стороны, старыя мѣстонахожденія золота также увеличиваютъ добычу его и даже въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ Африкѣ.

Добыча золота въ Австраліи значительно упала послѣ грандіозныхъ результатовъ, достигнутыхъ въ 50-хъ годахъ; но съ 90-хъ годовъ снова замѣтно увеличивается и держится на той же высотѣ и въ 1895 году. Цѣнность добытаго золота въ Австраліи равнялась въ 1893 году 143 милл. мар. 167 милл. мар. въ 1894-мъ году и дошла до 177 милл. мар. въ 1895-мъ году. Это увеличеніе добычи нужно приписать улучшенію въ технику полученія золота и открытію новыхъ областей.

Въ Россіи, послѣ довольно продолжительной заминки, съ конца 80-хъ годовъ, также наблюдается увеличеніе добычи золота; она особенно была велика въ 1895 году, именно на сумму 124,6 миллионъ марокъ, между тѣмъ, какъ въ 1894-мъ году было добыто всего на 96,6 миллионъ марокъ.

Но самое главное, это то, что добыча золота значительно увеличилась и въ Соединенныхъ Штатахъ—съ 158 мил. мар. въ 1894 году до 192 мил. мар. въ 1896 году. Колоссально было

увеличение въ Колорадо: съ 38 мил. мар. до 60 мил. мар.; затѣмъ слѣдуетъ Калифорнія и Аризона.

Вышеупомянутый «Экономистъ» оцѣниваетъ міровую добычу золота для 1895 года въ 800—820 мил. мар., «сумма, превосходящая ровно на 50% среднюю добычу 1856—60 годовъ, когда привозъ изъ Калифорніи и Австраліи достигъ максимума, и почти вдвое большая, чѣмъ средняя годовая добыча 1873—83 годовъ».

Это огромное количество золота, тотчасъ же обмѣненное и превращенное въ деньги, вступаетъ въ обращеніе въ формѣ дивидендовъ, заработной платы, затратъ на машины и увеличиваетъ спросъ на товары. Крупные барыши, высокая заработная плата, надежда на быстрое обогащеніе, все это притягиваетъ массы людей; вырастаютъ города и развивается многообразная промышленная и торговая дѣятельность.

Въ результатѣ: увеличеніе сбыта продуктовъ промышленности.

Золотая лихорадка несомнѣнно скоро прекратится, но, по всей вѣроятности, еще продлится нѣсколько лѣтъ.

Бросимъ бѣглый взглядъ на нѣкоторыя явленія внутренняго развитія капиталистическаго производства, ибо знаніе ихъ необходимо для оцѣнки силъ, приведшихъ къ подъему промышленности.

Промышленный застой понизилъ въ Европѣ цѣны, нормы прибыли, высоту процента и заработную плату; благодаря этому установился новый уровень производства. Въ силу указанныхъ нами причинъ, помимо техническихъ успѣховъ, издержки производства сильно сократились. Товары стали дешевле и способность конкуренціи европейской индустріи сильно повысилась.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ колебанія цѣнъ на сырье. Медленное развитіе промышленности привело къ перепроизводству сырыхъ продуктовъ, что, въ свою очередь, побудило ихъ производителей сократить издержки производства и позаботиться объ изысканіи новыхъ способовъ потребленія своихъ продуктовъ; какъ только имъ это удавалось, цѣны, разумѣется, понижались еще больше. Самый яркій примѣръ—хлопокъ, главный сырой матеріалъ ткацкой промышленности. Полученіе масла изъ сѣмянъ хлопчатника и использование отбросовъ производства—сѣмянныхъ жмыховъ—на кормъ вызвали за послѣдніе годы настоящую революцію въ цѣнахъ. Пока падали цѣны на сырые матеріалы, текстильная промышленность терпѣла убытки. Правда, промышленники покупали дешевое сырье, но, пока фабрикатъ изготовлялся, цѣны опускались еще ниже, и конкуренты, покупавшіе сырье позже, могли предлагать товаръ дешевле. Вотъ почему фабриканты сильнѣе всего жаловались на паденіе цѣнъ на сырье. Но, наконецъ, паденіе цѣнъ достигло опредѣленной границы. вмѣстѣ съ подъемомъ промышленности поднялись цѣны и на хлопокъ, шерсть, желѣзо и сталь; такимъ

образомъ, исчезла вышеуказанная неувѣренность въ цѣнахъ, которая такъ мѣшала развитію производства.

Наконецъ, промышленный застой способствовалъ накопленію запасовъ денежнаго капитала въ несравненно большей степени, чѣмъ усиленіе добычи золота и серебра; это золото лежитъ въ банкахъ, обезпечиваетъ государственные кредитные билеты и можетъ быть пущено въ обращеніе за очень незначительный процентъ.

Итакъ, мы подвергли обзору наиболѣе выдающіяся явленія мірового рынка. Это обозрѣніе приводитъ насъ къ заключенію, что промышленный подъемъ 1895 года былъ лишь первымъ зачаткомъ новаго грандіознаго развитія капиталистическаго мірового рынка.

Мы хотѣли бы еще вкратцѣ указать, какъ все это должно отразиться на хозяйственныхъ и политическихъ отношеніяхъ Европы, а въ особенности Германіи. Наше экономическое введеніе пожалуй слишкомъ растянулось, но кто хочетъ построить себѣ прочный домъ, долженъ прежде всего позаботиться о фундаментѣ.

3. Новыя времена.

Угнетенное состояніе промышленности приходитъ къ концу,—начинается новый періодъ бури и натиска капиталистической промышленности. Этого нельзя понимать, въ томъ смѣслѣ, что больше не будетъ никакихъ возвратовъ назадъ и что наступитъ періодъ сплошнаго благополучія. Вопросъ только въ темпѣ развитія, которое, во всякомъ случаѣ, подчиняется законамъ капиталистическаго волнообразнаго движенія. Вѣдь и угнетенное состояніе промышленности имѣло свои періоды повышенія и пониженія; но и тѣ и другія происходили въ малыхъ размѣрахъ и терялись на поверхности, ибо слишкомъ мало захватывали глубину. Теперь промышленный подъемъ начнется съ совершенно иной силой; онъ пріобрѣтетъ значительно большій размахъ, крушеніе произойдетъ рѣзче и острѣе, а его дѣйствіе будетъ разрушительнѣе, новый же подъемъ приметъ еще болѣе колоссальныя размѣры, пока гигантская промышленная область не будетъ исчерпана въ глубинахъ своихъ и вызванныя къ жизни огромныя производительныя силы не найдутъ себѣ выхода.

Промышленная депрессія вызвала угнетенное настроеніе; казалось, что капиталистическое производство распадается въ прахъ. Это настроеніе породило въ Германіи такъ называемую историко-

этическую школу политической экономии, продукт профессорской трусости и упорной усидчивости, безформенно распухший, разложившийся, словно утопленник; это же настроеніе породило курьезную идею «соціальной имперіи» и наложило свою печать на всю политическую жизнь Европы.

Промышленный капитал не былъ въ это время въ состояніи выдвигать крупныя политическія задачи. Въ 1878—79 годахъ различные государства провели систему охранительныхъ пошлинъ, центръ тяжести которыхъ лежалъ въ пошлинахъ на хлѣбъ. Аграріямъ, съ ихъ узкой точкой зрѣнія, такъ и полагалось — дѣйствовать безъ оглядки, невзирая ни на что; но представителямъ промышленности, какъ бы они ни были заинтересованы въ закрытіи внутренняго рынка, слѣдовало бы позаботиться о своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ, безъ которыхъ они не могутъ существовать. Различныя вѣтви европейской индустріи представляютъ, въ сущности, одну общую производственную область, искусственно раздѣленную, главнымъ образомъ, благодаря политическому расчлененію Европы. Но неуверенная, разрозненная, колеблющаяся дѣятельность представителей промышленности, освободила мѣсто аграріямъ, получившимъ только благодаря этому возможность использовать свои политическія привилегіи. За все это время, вообще, не велось никакой опредѣленной широкой капиталистической классовой политики, и европейскіе парламенты являлись ареной для разрозненныхъ стычекъ, торжищемъ на которомъ обдѣлывали свои дѣлишки мелкія котеріи, мѣстомъ національныхъ и религіозныхъ споровъ, учрежденіемъ, гдѣ пестрые средніе слои капиталистовъ отправляли свои естественныя надобности.

На этой то слабости буржуазныхъ парламентовъ, вытекающей изъ экономическаго положенія, и покоилась въ Германіи сила «железнаго канцлера», который обращался съ буржуазнымъ рейхстагомъ, какъ съ курятникомъ, чего онъ и заслуживалъ.

Такъ какъ это время, въ особенности въ Европѣ, мало благоприятствовало борьбѣ за повышение заработной платы и, вообще, борьбѣ за улучшеніе экономическаго положенія рабочихъ, то вниманіе рабочаго класса въ европейскихъ промышленныхъ странахъ направлялось на общее соціальное положеніе и крупныя политическіе вопросы.

Тамъ, гдѣ профессиональные союзы не представляли собою, какъ въ Англіи, солидной постройки на прочномъ фундаментѣ, профессиональное движеніе въ это время могло развиваться лишь очень медленно. Какъ страдали даже англійскіе союзы отъ угнетеннаго состоянія промышленности, видно изъ образцовой «Исторіи англійскихъ профессиональныхъ союзовъ» Сиднея и Беатрисы Веббовъ. Съ другой стороны, это состояніе приводило къ тому, что соціалистическія идеи стали снова проникать въ англійскій рабочий

классъ, въ его профессиональные союзы, что видно изъ поучительной главы о періодѣ 1875—89 годовъ вышеупомянутой книги Веббовъ. Въ Германіи, гдѣ пролетарская классовая борьба, проявлялась въ видѣ самостоятельнаго политическаго движенія, мудрая классовая политика Бисмарка спаяла соціалдемократію въ большую и единую парламентскую партію. Это разъ навсегда лишило промышленный капиталъ Германіи возможности господствовать въ парламентѣ при помощи избирательнаго бюллетеня, что конечно, не исключаетъ для него возможности политическаго господства другими способами. Извѣстно, что за это время политическая организація и дѣятельность рабочаго класса въ другихъ промышленныхъ странахъ также мощно развивалась.

Другимъ слѣдствіемъ промышленнаго застоя являлось сохраненіе и поддержаніе мира. Такъ какъ промышленное и торговое развитіе замедлились, то и противоположные интересы отдѣльныхъ промышленныхъ государствъ выступали менѣе рѣзко на такомъ чуткомъ политическомъ узломъ центрѣ, какъ міровой рынокъ. Жалобы на взаимную конкуренцію, правда, не прекращались, но все таки, въ общемъ, всѣ находились подъ вліяніемъ затишья въ производствѣ. Вялость въ дѣлахъ на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ ослабляла энергію, развивала нерѣшительность, отбивала охоту къ рискованнымъ предпріятіямъ. Совершенно иное дѣло, когда, послѣ быстро разцвѣтающаго благополучія разражается вдругъ кризисъ! Словомъ, то было время тихаго движенія впередъ, тайнаго прорыва, воровской — грязной погони за наживой, а не честнаго грабежа.

Но, вотъ, лѣнивое, лицемерное, лживое время промышленнаго застоя приходитъ къ концу! Характернѣе всего, что новый періодъ бурь и натиска открывается сложнымъ сѣпленіемъ политическихъ конфликтовъ повсюду и вездѣ; отъ разрѣшенія этихъ конфликтовъ, въ значительной мѣрѣ, зависитъ та роль, какую будутъ играть опредѣленные государства въ новомъ развитіи мірового рынка.

Нужно признать, что въ этомъ отношеніи нѣмецкая дипломатія дѣйствовала до сихъ поръ также нелѣпо, какъ нѣмецкая промышленность — хитро и обдуманно. Никто иной, какъ нѣмецкая дипломатія сообщила своимъ поведеніемъ въ Восточной Азіи толчокъ быстрому и безпримѣрному развитію политическаго вліянія Россіи, которая въ теченіе одного года дошла почти до того, что рѣшаетъ судьбы Европы.

Возможно, что эти конфликты закончатся міровой войной, политическіе результаты которой неуловимы, экономическія же послѣдствія, во всякомъ случаѣ, приведутъ къ еще большому развитію мірового рынка.

Съ войной или безъ войны, — могучее развитіе промышленности повлечетъ за собой переворотъ въ политическихъ отношеніяхъ.

Уже подъемъ промышленности 1887—90 годовъ далъ превосходные результаты. Въ Англіи этотъ сравнительно незначительный подъемъ помогъ рабочимъ газовыхъ заводовъ и доковъ въ ихъ знаменитой удачной массовой стачкѣ и этимъ создалъ основу для такъ называемаго «новаго юніонизма», что, въ свою очередь, сильно двинуло впередъ англійское профессиональное движеніе. Въ Германіи промышленный подъемъ привелъ къ паденію исключительнаго закона о социалистахъ. Если бы не увеличилось, въ силу благоприятнаго положенія промышленности, довѣріе рабочихъ къ собственнымъ силамъ, то врядъ ли за короткий срокъ 1887—90 годовъ произошелъ бы столь колоссальный, изумившій даже партію, приростъ голосовъ; дальнѣйшимъ слѣдствіемъ промышленнаго подъема явилось пониженіе хлѣбныхъ пошлинъ. А въ Парижѣ въ 1889 году онъ далъ новую основу солидарной международной дѣятельности рабочаго класса.

Что же будетъ теперь, когда начинается періодъ колоссальнѣйшаго развитія мірового рынка, который когда-либо переживался капиталомъ? Мы воздержимся отъ какихъ-либо пророчествъ. Одно несомнѣнно: въ этомъ бурномъ движеніи промышленности всѣ интересы и партіи отступятъ на задній планъ, за исключеніемъ интересовъ и партіи рабочаго класса. На его долю выпадаетъ, какъ всегда, двойственная задача: использовать обстоятельства такъ, чтобы вырвать у капитала непосредственныя уступки и путемъ организаціи готовиться къ тому историческому моменту, который передастъ политическую власть рабочему классу.

Этотъ моментъ наступитъ и тѣмъ скорѣе, чѣмъ сильнѣе пойдетъ начинающееся развитіе; ибо, несмотря на почти необозримые размѣры открывающейся области сбыта, производительныя силы растутъ все же быстрѣе сбыта; таковъ законъ капиталистическаго производства. Возгорится страстная борьба и конкуренція; въ состязаніе другъ съ другомъ вступятъ не отдѣльныя промышленныя страны, а цѣлыя части свѣта. Западная Европа выступитъ противъ Америки и Россіи, занимающей полъ-Европы и полъ-Азіи; рядомъ съ Россіей выступитъ Японія и Остъ-Индія; все это кончится міровымъ кризисомъ, который разрушитъ капиталистическую Европу.

Но нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что капиталистическая Европа протянетъ такъ долго; возможно, что развязка, а съ ней и освобожденіе наступитъ гораздо раньше. Въ этой борьбѣ міровъ всѣ невыгоды на сторонѣ Европы: отдаленность, меньшее количество естественныхъ богатствъ, капиталистическое перенаселеніе и, наконецъ, политическая разобщенность. Если, вслѣдствіе этого, Сѣверная Америка и Россія все быстрѣе и быстрѣе станутъ опережать европейскую промышленность, если сбытъ послѣдней на рынкѣ Тихаго и Атлантическаго океановъ, безъ коего немыслимо

капиталистическое существованіе Европы, пойдетъ на убыль, если, къ тому же, Америка и Россія заключатъ союзъ противъ Европы, а, неизбежно вытекающій изъ всего этого, политическій перевѣсъ Россіи угрожающе усилится, если, наконецъ, финальный результатъ всего этого развитія начнетъ выступать все отчетливѣе и все настойчивѣе проникать въ сознаніе,—то наступленіе момента, когда европейскій пролетаріатъ возьметъ въ свои руки судьбы европейскаго производства, а вмѣстѣ съ нимъ европейской культуры, этотъ моментъ, говоримъ мы, будетъ зависѣть главнымъ образомъ, только оттого, насколько въ отдѣльныхъ странахъ разовьются классовыя организаціи пролетаріата и какъ велика будетъ солидарность между отдѣльными социалистическими партіями различныхъ націй.

Мы стоимъ передъ началомъ конца; и, все-таки, какъ мы видимъ, капиталистическое производство имѣетъ передъ собой еще цѣлый циклъ развитія. Теперь возникаетъ вопросъ: какъ германскій рабочій классъ наилучшимъ образомъ можетъ использовать это развитіе?

Конечнымъ результатомъ промышленнаго застоя явилось для нѣмецкихъ рабочихъ созданіе большой самостоятельной парламентской партіи рабочаго класса и установленіе законодательства по охранѣ труда; открывающійся теперь періодъ бури и натиска капитализма долженъ быть использованъ для укрѣпленія профессиональных союзовъ и для отвоеванія высшей заработной платы и лучшихъ условій труда. Какъ этого добиться, мы и поговоримъ теперь.

4. Профессиональные рабочіе союзы въ Германіи и стачки.

Промышленный подъемъ придалъ новыя силы профессиональному движенію. Уже въ 1894 году замѣтно было значительное улучшеніе. По сводкамъ генеральной комиссіи число членовъ профессиональных союзовъ возросло съ 229,810 въ 1893 г. (наименьшая цифра съ 1891 г.) до 252,044 въ 94 году. Еще особенно нужно отмѣтить, что самыя важныя организаціи сильно выросли: таковы союзы рабочихъ по металлу и дереву, печатниковъ, каменщиковъ, плотниковъ и рабочихъ, занятыхъ въ текстильной промышленности. Доходы профессиональных союзовъ со времени 1894 г. увеличились съ 2.246.000 мр. до 2.643.000 мар., т. е. почти на 18%.

За 1895 г. мы имѣемъ очень мало данныхъ; наиболѣе существенныя изъ нихъ, относящіяся болѣе, чѣмъ къ 50.000 организо-

ванных рабочих и работниц, принадлежит берлинской комиссии профессиональных союзов. Согласно этим данным, число организованных рабочих в Берлине (46.425) возросло на 38%, сравнительно с прошлым годом. Из Мюнхена тоже сообщают о великодушных результатах агитации 1895 г. В организации, уже существовавшей в 1894 г., число рабочих увеличилось на 48¹/₄%, а если прибавить новые организации, то окажется, что число организованных рабочих увеличилось на 62⁴/₅%. Из других мест тоже сообщают об очень благоприятных результатах. Ежегодно появляющиеся в середине года статистические данные генеральной комиссии дадут возможность произвести более общие сравнения. Между прочим, заметим, что эти годовые отчеты заслуживают серьезнейшего внимания; к сожалению генеральной комиссии приходится бороться с трудностями, возникающими по милости самих же организаций.

Если подъем промышленности заставил рабочий класс быстро усвоить выгоды профессиональной сплоченности, то он же показал, как слабы немецкие профессиональные союзы по отношению к предстоящим им задачам.

Как велика была подготовка профессиональных союзов к весенним стачкам 1896 года?

По кассовым отчетам 1894 г. лишь одни шляпочники имели по 81 мар. на человека, но они представляли исключение.

В почтенном от них разстоянии следовали книгопечатники, имевшие по 35 марок на человека, затем строительные рабочие, да еще сортировщики сигар, уже только с 11 марками, чего хватило бы на вспомоществование только в течение одной недели общей стачки. Четыре организации, с 14.569 членами располагали 5—10 марками, восемь с 42.896 членами—только 3—5 марок, пятнадцать с 105.514 членами—только 1—3 марок на человека, остальные же, поскольку имеются данные, имели в своем распоряжении менее одной марки на человека. Если считать, что в течение одной недели стачки на каждого члена приходится по 10 марок вспомоществования, то получается следующий результат: лишь очень немногие союзы были бы в состоянии поддерживать всех своих членов, исключительно на средства кассы, хотя бы только в течение одной недели; если бы во время стачки не поступали экстраординарные взносы, то огромное большинство организаций было бы подорвано, даже в том случае когда в недельной забастовке принимала бы участие лишь половина, треть или даже одна десятая общего числа членов. Таким образом, за немногими исключениями немецкие профессиональные союзы, опираются во время больших стачек почти единственно на пожертвования и чрезвычайные взносы.

При этом, мы должны обратить внимание на отношение между числом организованных и неорганизованных рабочих. Распространенность организаций—момент весьма важный, а при начале движения даже важнейший. Как бы ни была богата касса, но если организация обнимает собою лишь ничтожный процент рабочих, занятых в определенном производстве крупного промышленного центра, она оказывается безсильной. И в этом отношении немецкие условия еще очень мало благоприятны. Так, например, в Берлине организовано только 2¹/₂% каменщиков! (В Любеке, наоборот, организовано почти 90%). Если считать всех каменщиков, работающих в Берлине во время горячего сезона, то положение окажется все же весьма плачевным. Переплетчиков в Берлине организовано 14,3%, шляпочников—около 9%, рабочих, занятых в текстильной промышленности (ткачей и прядельщиков) 11,3%, даже рабочих по металлу всего 16%, а рабочих по дереву 18%. Вообще, в Берлине организовано только 13%. А ведь, здесь организация, говоря относительно, очень сильна. Если сопоставить сравнительные данные для всей Германии, то соответствующее процентное отношение окажется еще гораздо более низким. Шляпочники, например, как мы уже упоминали, располагают наиболее богатой кассой. Однако, во всей Германии организовано, вообще, только 2.500 шляпочников (при этом, больше половины в Берлине). В то же время статистика профессий насчитывала в 1882 г. уже 20.221 шляпочника-подмастерья; к этому числу придется теперь добавить добрых 10.000 человек! По данным 1894 г., в союз рабочих по дереву организовано было 26.141,—статистические же данные 82 г. насчитывают в этой профессии 202.257 рабочих. Четверть миллиона профессионально-организованных рабочих составляет ровно 5% от общего пятимиллионного числа промышленных рабочих, подлежащих в 1891 г. страхованию от несчастных случаев.

Таково было состояние профессиональных рабочих союзов ко времени начала промышленного подъема. Что при таких условиях они не могли предпринимать продолжительных или вообще широких стачек,—ясно само собой. Это хорошо понимали предприниматели, и вот почему мы наблюдали так много стачек. Когда организации велики и сильны, то предприниматель, в качестве дельца, умеющий хорошо рассчитывать, может вполне точно сообразить, доводить ему дело до стачки или нет. Весной же этого года мы пережили много стачек, во время которых всякому проникательному человеку, по общему положению дела было ясно, что продержись рабочие хотя бы несколько,—и предприниматели были бы побуждены. Но предприниматели шли зачастую на стачку или даже на массовый расчет, так как они могли надеяться, что, при слабости профессиональных организаций, справятся с

рабочими въ нѣсколько дней,—что имъ, правда не удавалось. Въ иныхъ случаяхъ, предприниматели доводили, дѣло до стачекъ просто для того, чтобы вовлечь рабочихъ въ убытки, затруднить имъ достиженіе требованій,—или, какъ говорится, не позволить рабочему «забрать себѣ много въ голову»,—хотя эти дѣльцы заранѣе сознавали, что, въ концѣ концовъ, имъ все равно придется уступить. Съ весенними стачками 1896 года предприниматели вели фривольную игру и это происходило только отъ того, что профессиональные рабочіе союзы были еще недостаточны сильны, чтобы внушить уваженіе предпринимателямъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, приходилось ограничиваться самыми скромными требованіями и проводить стачки возможно скорѣе. Если по этому политика руководителей стачекъ представлялась порою робкой, то потому, что, при современномъ состояніи организаціи, иначе дѣйствовать было невозможно, разъ требовалось поступать осмотрительно, а не бросаться очертя голову въ потокъ событий, полагаясь цѣликомъ на случай. Чтобы вообще побѣдить нужно было быстро дѣйствовать.

Нужно еще замѣтить, что въ германскихъ стачкахъ большую роль играетъ политическая выучка рабочаго класса. Классовое сознаніе проявляется, во первыхъ, въ матеріальной поддержкѣ забастовщиковъ, путемъ сборовъ. Только такая, закаленная въ политической борьбѣ, организація рабочаго класса, какъ нѣмецкая социалдемократія, могла такъ быстро заполнять листы для сбора пожертвованій. Упомянемъ, далѣе объ агитаторахъ, поставляемыхъ политической партіей. Достаточно о нихъ напомнить, ибо кто же о нихъ не знаетъ. Въ заключеніе, укажемъ на прессу. Только благодаря социалдемократическимъ изданіямъ, стачечное дѣло выносится на поверхность широкихъ народныхъ слоевъ. Распространеніе профессиональных изданій естественно ограничивается рабочими, занятыми въ соответствующей профессіи. Профессиональная пресса можетъ вести пропаганду, но ея агитационное воздѣйствіе значительно слабѣе. Она не приспособлена къ этому и по срокамъ выхода, въ буржуазные же круги и вовсе не проникаетъ. Словомъ, безъ социалдемократической ежедневной прессы большія стачки въ Германіи немислимы. Уже по одному этому «чисто» профессиональное движеніе рабочихъ—безсмыслица.

Но дѣло этимъ и ограничивается. Вліяніе политической партіи на свободную борьбу съ капиталомъ далѣе не распространяется. Образцовая избирательная организація социалдемократіи, почти два милліона (теперь болѣе трехъ) приобрѣтенныхъ голосовъ, сильное представительство въ рейхстагѣ,—все это не могло помѣшать тому, чтобы въ моментъ, когда являлась возможность отважиться на энергичный натискъ противъ предпринимателей, съ цѣлью добиться

лучшихъ условій найма и труда, борьба не вырядилась въ партизанскіе набѣги, отдѣльные стычки, во время которыхъ удавалось лишь торопливо урывать у предпринимателей незначительныя уступки, а капиталисты собирали въ это время обильныя барыши. Стачки, дѣйствительно, развернули передъ нами картину крайней отсталости. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рабочимъ приходилось упорно бороться за требованія, давно уже осуществленные въ другихъ мѣстахъ ихъ товарищами по профессіи; объясненіе этихъ различій никоимъ образомъ не заключается въ разницѣ стоимости средствъ къ существованію, разнообразіи условій производства, но преимущественно, въ томъ, что именно въ этихъ мѣстахъ капиталисты еще чрезмѣрно сильны и могутъ оказывать на рабочихъ болѣе энергичное давленіе. А пока это такъ, до тѣхъ поръ, въ мѣстностяхъ съ лучшими условіями труда будетъ наблюдаться усиленный наплывъ рабочихъ извнѣ. А къ чему это приводитъ,—извѣстно всѣмъ.

Помочь такой бѣдѣ могутъ лишь профессиональныя организаціи рабочихъ. Обладай мы во время столь сильнаго промышленнаго подъема сильными организаціями и полными кассами, мы достигли бы результатовъ, о которыхъ теперь даже нельзя составить себѣ представленія! Каждый пфеннигъ, уплоченный рабочимъ въ профессиональную кассу, былъ бы возвращенъ теперь съ процентами и даже процентами на проценты, и не только въ матеріальномъ смыслѣ, но и въ смыслѣ усиленія классоваго сознанія организаціи и роста политическаго могущества рабочаго класса, о чемъ мы, впрочемъ, скажемъ въ другомъ мѣстѣ. Вотъ почему то обстоятельство, что рабочій классъ въ Германіи, насчитывая почти 2 милліона социалдемократическихъ избирателей, располагаетъ лишь четвертью милліона организованныхъ рабочихъ, должно разсматриваться, какъ несообразность.

Спросимъ себя теперь: какъ сохранить на долгое время уже достигнутые хотя и незначительные успѣхи? Предприниматели то грубо и открыто, то тайно и коварно (что, особенно, удобно при аккордныхъ работахъ) стремятся отнять или обойти только что сдѣланныя уступки. И то, что они рѣшаются на это, несмотря на промышленный подъемъ, служитъ новымъ доказательствомъ отсутствія у нихъ достаточнаго уваженія къ теперешнимъ профессиональнымъ организаціямъ рабочихъ. Что же будетъ, когда начнется промышленный упадокъ? Мы показали, что мы вступаемъ теперь въ новый періодъ роста мірового рынка. Это, однако, вовсе не исключаетъ возможности періодическихъ кризисовъ. Нужно быть поэтому постоянно готовымъ къ крайне энергичной защитѣ только что добытыхъ уступокъ. А для этого необходимы сильныя профессиональныя союзы рабочихъ.

Наступающее развитіе мірового производства дастъ капитали-

стамъ несмѣтныя богатства, и если нѣмецкіе рабочіе хотятъ использовать это обстоятельство для ослабленія капиталистическаго гнета, то они должны прежде всего заботиться о томъ, чтобы списки членовъ профессиональных союзовъ и профессиональныя кассы были бы, по возможности, заполнены.

Но этимъ достигнется еще нѣчто болѣе важное!

5. Англійскій образецъ, страхованіе рабочихъ въ Германіи и законодательство объ охранѣ труда вообще.

Когда пишешь о рабочихъ профессиональных союзахъ, никоимъ образомъ нельзя обойти молчаніемъ Англии. Да и въ профессиональных рабочихъ союзахъ Германіи, такъ называемый, «англійскій образецъ» играетъ далеко немаловажную роль.

Вниманіе особенно концентрируется вокругъ одного пункта: системы вспомошествованія и поддержки, принятыя въ англійскихъ профессиональных союзахъ. Одни не могутъ нахвалиться этими учрежденіями, съ ихъ благотѣльнымъ вліяніемъ на рабочихъ,—другіе же, наоборотъ, указываютъ, что какъ разъ въ этомъ отношеніи у германскихъ профессиональных союзовъ нѣтъ почвы и именно, благодаря государственному страхованію рабочихъ. Если изслѣдовать, какъ слагаются обстоятельства на дѣлѣ, то скоро придется притти къ заключенію, что здѣсь нужно во многомъ дѣлать различія.

Мы сразу же соглашаемся, что для германскихъ профессиональных рабочихъ союзовъ нѣтъ болѣе необходимости итти по пути вспомошествованія и поддержки больныхъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ. И это не потому, чтобы конкуренція государства отрѣзала профессиональнымъ союзамъ всякій путь въ этомъ направленіи,—примѣръ лѣнщиковъ, типографщиковъ, шляпочниковъ, рабочихъ въ фарфоровомъ производствѣ, все еще оказывающихъ поддержку, больнымъ и увѣчнымъ, доказываетъ, что безусловно согласиться съ этимъ нельзя; вопросъ не въ этомъ, а въ тактическихъ соображеніяхъ. Разъ уже создана основа въ видѣ государственнаго страхованія рабочихъ, то самый правильный путь постоянно толкать впередъ государство, принуждая его, черезъ предпринимателей все къ большимъ дѣйствіямъ въ этомъ направленіи. Безъ сомнѣнія въ настоящій моментъ общее положеніе не таково, чтобы возможно было надѣяться побудить нѣмецкое государство сдѣлать какія-

нибудь дополненія къ страхованію рабочихъ. Дѣтская увѣренность государственныхъ людей въ возможности прельстить рабочій классъ Германіи какой-нибудь грошовой подачкой—пропавшее дѣло. Ничего цѣльнаго, стало быть, больше не будетъ дано. Но разъ рабочій классъ Германіи сдѣлалъ одинъ шагъ въ этомъ направленіи,—чего никто изъ правящихъ не можетъ, конечно, отрицать,—то, при случаѣ, онъ постарается стать на отвоеванную у государства почву обѣими ногами. Нѣмецкій капиталъ еще не разъ раскается въ томъ, что онъ допустилъ себя втянуть въ эту «игру».

Было бы, однако, совершенно ошибочно усматривать хотя бы въ одномъ изъ англійскихъ профессиональных рабочихъ союзовъ такіе методы вспомошествованія и поддержки, какіе свойственны нѣмецкому страхованію рабочихъ. Даже въ тѣхъ англійскихъ профессиональных рабочихъ союзахъ, которые наиболѣе заняты поддержкой рабочихъ, центръ тяжести лежитъ не въ страхованіи, по образцу нѣмецкаго, но въ поддержкѣ безработныхъ и странствующихъ въ поискахъ за работой. Если подсчитать суммы, выданныя на различныя цѣли, за сорокъ лѣтъ (1850—90 г.) объединеннымъ союзомъ машиностроителей, образцовымъ для оказывающихъ поддержку англійскихъ профессиональных союзовъ, то окажется, что наибольшая часть, почти половина, выдачъ приходится на поддержку безработныхъ и странствующихъ. Однако, далеко не всѣ англійскіе профессиональные союзы выкроены по этому образцу. Даже между сильнѣйшими изъ нихъ найдется много такихъ, которые представляютъ собою вполне боевыя организаціи, въ нѣмецкомъ смыслѣ этого слова. Офіціальныя итоги расходовъ въ англійскихъ профессиональных союзахъ свидѣтельствуютъ, насколько позволяютъ матеріалы, что въ промежуткѣ отъ 1892—1893 г. изъ общей суммы израсходовано было на поддержку больныхъ, потерпѣвшихъ увѣчья, престарѣлыхъ и на погребеніе всего лишь 24—22%; главные же расходы поглощены стачками. Далѣе! Государственное страхованіе обязываетъ нѣмецкихъ рабочихъ вносить. Этимъ, говорятъ, создается подрывъ взносамъ нѣмецкихъ рабочихъ въ кассы профессиональных союзовъ. Такое заключеніе поразительно ложно. Прежде всего укажемъ на то, что большіе англійскіе профессиональные союзы, въ полной мѣрѣ осуществляющіе поддержку своихъ членовъ, взыскиваютъ съ нихъ по 1 маркѣ въ недѣлю. А, вѣдь, этотъ взносъ, какъ всякій легко разочтеть, гораздо выше налагаемаго на нѣмецкаго рабочаго государственнымъ страхованіемъ. Безъ сомнѣнія, заработная плата въ Англии въ общемъ выше; все же и въ Германіи бывають большіе взносы—такъ, напримѣръ, типографскіе рабочіе обложили себя взносомъ въ 1, 35 марки. Но всего важнѣе слѣдующее: англійскому рабочему приходится вносить въ профессиональную кассу столько, чтобы наряду съ расходами по поддержкѣ

безработных и странствующих вполне покрывать расходы по страхованию больных, учащихся и престарелых, — немецкий же рабочий уплачивает за перечисленные виды страхования лишь часть всех сумм остаток же, т. е. большая часть ложится на предпринимателей и государство. Следовательно, именно у немецкого рабочего остается сравнительно больший остаток для чисто профессиональных целей, чем у английского, которому за различные виды страхования приходится платить из собственного кармана. На самом деле, если бы английские профессиональные союзы пожелали упразднить все перечисленные виды страхования, то они могли бы понизить свои взносы с 1 марки до 60—65 пф., не отяготив, при этом, состояния кассы. Приведем еще более близкий пример. Согласно данным Германской имперской статистики по страхованию на случай болезни в 1893 году свободные кассы вспомоществования взымали с рабочих в среднем 18 марок, в локальных же больничных организациях (т. е. в государственных кассах) взнос равнялся 10 маркам. И профессиональные рабочие союзы вряд ли могут вести дело экономнее, чем вспомогательные кассы. Таким образом, именно благодаря государственному страхованию рабочий в состоянии сберечь 8 мар., которые он может тратить на профессиональные цели. Таким образом, благодаря наличности государственного страхования чисто профессиональная неспособность рабочих в союзах только увеличивается.

Прибавим еще одно. Нельзя упускать из виду, что английские рабочие пользуются страхованием на случай болезни не в одних только профессиональных союзах. Напомним, что тем же делом занимаются и «братские сообщества» (Friendly Societies), являющиеся, главным образом, чисто вспомогательными кассами. Эти мощные общества, обнимающие собою ровно 10.000.000 членов, владеют состоянием, превышающим полмиллиарда марок. Таким образом, их можно вполне сравнить с государственным страхованием рабочих в Германии. Если это последнее, выражаясь словами Бебеля, произнесенными на Кельнском партийном съезде, действительно умерщвляет «жизненный нерв» профессионального движения, то в том же не менее повинными оказались бы и английские свободные кассы вспомоществования. Но, если бы профессиональные союзы рабочих в Германии были бы хоть настолько развиты как в Англии, то это уже преисполнило бы нас радостью.

Наоборот, немецкое государственное страхование рабочих открывает профессиональным союзам широкое поле деятельности постольку, поскольку они наиболее приспособлены посылать от себя представителей в кассы для больных. Эта тема очень интересна, но детальное обсуждение ее отклонило бы нас от на-

шей непосредственной задачи. Скажем только: совершенно нет оснований опасаться при этом создать конкуренцию политической партии. Вместе с тем совершенно ясно, что есть существенная разница между тем, связаны ли представители рабочих в кассах для больных лишь единством образа мыслей, принадлежностью к одной и той же партии, или же за ними стоит особая организация, простирающаяся на всю Германию, как мы, действительно, и наблюдаем это на примере профессиональных рабочих союзов.

Сказанное нами по поводу касс для больных относится также и к промышленным судам.

Бебель, слова которого приведены нами выше, сказал по этому поводу буквально следующее: «В Германии социаль-политическое и, следовательно, страховое законодательство отмежевало эту отрасль профессиональной деятельности, перерывав, таким образом, жизненный нерв, благодаря которому эти кассы процветали в Англии и у книгопечатников в Германии. Точно также и другие обширные области, подлежащие, главным образом, воздействию со стороны профессиональных рабочих союзов, отняты у них промышленным законодательством, что будет в еще большей степени наблюдаться, когда проект Берлеппа или наш собственный законопроект об охране труда станет законом. Вот с какой точки зрения приходится освещать вопрос! При всяком расширении государственных полномочий поле деятельности профессиональных союзов будет все более суживаться».

Против такой в основе ложной постановки вопроса раздавались решительные протесты как на самом Кельнском партийном съезде, так и после него. И все же она по-прежнему встречается в партийных кругах. Как обстоит дело со страхованием рабочих мы только что выяснили; оно далеко оттого, чтобы препятствовать развитию профессиональных рабочих союзов, а законы об охране труда, во всей своей сложности и совокупности открывают ему богатое поле деятельности. Для соблюдения интересов рабочих, в пределах этого запутанного законодательного механизма, в иных случаях требуется именно профессиональная организация рабочих. Рабочие сами по себе вступают в бесконечные профессиональные споры, на почве права. Для отстаивания своих прав они, конечно, нуждаются в материальных средствах и юридической поддержке. В настоящее время за всем этим обращаются почти исключительно к редакциям партийных газет, которые обратились, таким образом, в настоящее юридическое бюро. Но, в конце концов, редакторы партийных газет не выходят за пределы кратких юридических указаний, не будучи в состоянии проследить дело до конца. Развить определенной юридической инициативы они, вообще, не в состоянии,

а между тѣмъ, бываютъ случаи, когда вовсе не требуется выжидать чьей бы то ни было жалобы, гдѣ организація можетъ выступить по собственному почину.

Какъ обстоитъ дѣло съ фабричной инспекціей? Этотъ вопросъ все вновь и вновь обсуждается въ ландтагахъ и рейхстагѣ, но, вообще говоря, дѣло предоставлено тѣмъ же партійнымъ газетамъ. И здѣсь также все зависитъ отъ случая. Инициативы не наблюдается, — нѣтъ и планомѣрнаго дѣйствія. Тамъ, гдѣ фабричный инспекторъ вдумчивъ, прилеженъ и энергиченъ, обстоятельства складываются сравнительно недурно, тамъ же гдѣ онъ нерадивъ или находится въ полномъ моральномъ подчиненіи у предпринимателей, дѣла идутъ своимъ обычнымъ чередомъ. О вмѣшательствѣ со стороны рабочихъ рѣшительно ничего не слышно. И, однако, разъ желательно дальнѣйшее развитіе законодательства по охранѣ труда, то рабочимъ организаціямъ нужно слѣдить затѣмъ, чтобы существующія предписанія исполнялись бы вполне точно; они должны также неуклонно выяснять замѣченные во всѣхъ отдѣльных случаяхъ неправильности и агитировать за ихъ уничтоженіе, путемъ изданія новыхъ законовъ, расширенія и лучшей формулировки уже существующихъ, отмѣны ничѣмъ неоправдываемыхъ исключеній, ложныхъ толкованій и т. п. Такъ поступали и дѣйствовали до самого послѣдняго времени англійскіе профессиональные рабочіе союзы, постоянно стоящіе въ этихъ вопросахъ насторожѣ и дебатирующіе фабричныя законы на всѣхъ своихъ собраніяхъ и сѣздахъ. Они неустанно ведутъ съ предпринимателями эту мелочную войну и достигли, такимъ образомъ, прекраснѣйшихъ успѣховъ.

Заниматься всѣмъ этимъ политическая партія не можетъ. Равно было бы тактической ошибкой навязывать ей эти задачи, ибо, въ такомъ случаѣ, она размѣняла бы свою дѣятельность на подлинную политику «лилипутовъ». Представительство рабочихъ въ свободной борьбѣ противъ предпринимателей, — зачастую мѣстной и ограничивающейся опредѣленной профессіей, охраны, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ правъ, предоставленныхъ рабочимъ законодательствомъ страховымъ и по охранѣ труда, контроль надъ исполненіемъ капиталистами наложенныхъ на нихъ закономъ обязательствъ по отношенію къ рабочимъ, наблюденіе за фабричными чиновниками, — все это задачи, приходящіяся на долю профессиональных рабочихъ союзовъ. Эти послѣдніе должны использовать рабочую прессу для того, чтобы вести агитацію въ самыхъ широкихъ слояхъ населенія. И, наконецъ, политической партіи надлежитъ выяснять общую всѣмъ отдѣльнымъ конфликтамъ сущность, представлять ее въ парламентъ и осуществлять законодательныя постановленія. Такимъ образомъ, использование и созданіе законодательства обь

охранѣ труда обуславливаетъ собою безусловную необходимость профессиональной рабочей организаціи.

Для успѣшности парламентскихъ выступленій политическая партія нуждается въ опорѣ въ массахъ. И въ вопросахъ законодательной защиты труда такую опору можетъ дать ей только сильное профессиональное движеніе. Кто еще недавно выдвинулъ на передній планъ политической жизни вопросъ о домашней промышленности? Не политическая партія. Это сдѣлала профессиональная борьба портныхъ и портнихъ. А въ связи съ этимъ и политической партіи представляется немало случаевъ проявить свое значеніе. Такъ обстоитъ дѣло и въ безчисленномъ рядѣ другихъ случаевъ, когда партійное выступленіе нисколько не исключаетъ отраженнаго вліянія на профессиональные рабочіе союзы; этимъ важнымъ обстоятельствомъ мы займемся болѣе полно впоследствии.

И, вотъ, при всемъ этомъ въ законодательствѣ по охранѣ труда усматриваютъ препятствіе для развитія профессиональнаго рабочаго движенія? Помимо всего прочаго, періодъ наибольшаго развитія англійскихъ профессиональных союзовъ начинается какъ разъ съ изданія фабричныхъ законовъ!

Если не считать буржуазныхъ призрачныхъ организацій, въ родѣ гиришъ-дункеровскихъ, то профессиональные рабочіе союзы являются пролетарскими боевыми организаціями. Законодательство по охранѣ труда также мало имъ мѣшаетъ, какъ таковымъ, какъ и политическая партія. Наоборотъ, всякое расширеніе полномочій государства въ сферѣ вопросовъ труда прямо принуждаетъ рабочихъ профессиональных организацій къ политической, resp. парламентской, дѣятельности.

6. Профессиональные союзы, какъ боевыя организаціи.

Профессиональные союзы суть боевыя организаціи, повсюду и всегда, хотя порой и представляются иными, въ особенности тѣмъ, чье зрѣніе ограничено буржуазными наглазниками. Они являются боевыми организаціями, во-первыхъ потому, что ихъ цѣль, значеніе и дѣятельность состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ достиженіи лучшихъ условій найма и труда, т. е. въ борьбѣ противъ капиталистической эксплуатаціи, а во-вторыхъ потому, что какъ ни разнообразны средства профессиональной борьбы, но всѣ они соединены въ одномъ узлѣ, связывающемъ ихъ вмѣстѣ: мы имѣемъ въ виду прекращеніе работъ, стачку. Развитіе

профессиональных рабочих союзов дѣлаетъ многія стачки излишними, сокращаетъ ихъ число, направляетъ ихъ на вѣрный путь, но въ тотъ моментъ, когда капиталистамъ удалось бы сдѣлать стачки невозможными, у профессиональных союзовъ фактически былъ бы перерѣзанъ не то что «одинъ» живой нервъ, но просто нервъ жизни, и они потеряли бы всякое значеніе и погибли бы отъ безсилія. Но потому то, пока существуетъ капиталистическое общество, стачки неискоренимы и неизбежны.

Только съ этой точки зрѣнія и можно понять и оцѣнить профессиональное движеніе рабочихъ. Оставить такую точку зрѣнія значитъ немедленно попасть въ цѣлый водоворотъ противорѣчій. Лучше всего это выясняется на вопросъ объ оказаніи поддержки безработнымъ. Она имѣетъ смыслъ только какъ средство профессиональной борьбы. Устанавливается она всего менѣе въ интересахъ самихъ безработныхъ, но, главнымъ образомъ, ради занятыхъ рабочихъ, страдающихъ отъ конкуренціи со стороны безработныхъ. Въ данномъ случаѣ, дѣло не въ устраненіи безработицы, но въ ослабленіи конкуренціи безработныхъ, съ ея пагубными для стойкости рабочихъ организацій влияніями.

Поддержка стачечниковъ есть также поддержка безработныхъ и она составляетъ главную задачу профессиональных союзовъ. Но во время нѣкоторыхъ стачекъ приходится зачастую поддерживать и неорганизованныхъ, а также рабочихъ, непосредственно незатронутыхъ стачкой, но еще раньше лишившихся заработка. Вѣдь, для того, чтобы воспрепятствовать замѣнѣ стачечниковъ другими рабочими, приходится идти на многое. И для облегченія рабочаго рынка существуетъ на практикѣ поддержка странствующихъ въ поискахъ работы. Если обнажить, такимъ образомъ, вопросъ о профессионально-организованной поддержкѣ безработныхъ отъ всѣхъ привходящихъ обстоятельствъ и идеологическихъ прикрасъ, то вопросъ предстанетъ въ слѣдующемъ видѣ: полезно-ли, профессиональной рабочей организаціи поддерживать безработныхъ и живущихъ на мѣстахъ членовъ также внѣ стачечнаго движенія и взыскивать, съ этой цѣлью, соответственно повышенные взносы? Это вопросъ чисто тактический, а не принципиальный.

Вполнѣ очевидно, что въ профессіяхъ, гдѣ безработица наступаетъ съ правильностью временъ года, захватывая всю область данной профессіи, отсутствуетъ не только возможность, но и профессиональная цѣль поддержки безработныхъ. Если, на примѣръ, въ строительномъ ремеслѣ зимою прекращается всякая работа, то, стало быть, въ этотъ періодъ времени отсутствуетъ и какая бы то ни было борьба за заработную плату. Поддерживать, въ данномъ случаѣ, безработныхъ значило бы опустошить кассу до послѣдняго

гроша. Настанетъ весна, и организація будетъ лишена всѣхъ средствъ для предстоящихъ стачекъ. Такимъ образомъ, профессиональной борьбѣ приносится не польза, а настоящий вредъ и вмѣсто укрѣпленія организаціи происходитъ ослабленіе ея. Это настолько очевидно, что въ строительномъ ремеслѣ никто и не займется такого рода экспериментами. Но во многихъ другихъ профессиональных отрасляхъ наблюдаются аналогичныя условія.

Мы должны, однако, имѣть въ виду не одну только сезонную работу; полезность поддержки безработныхъ, вообще говоря, зависитъ отъ слѣдующихъ обстоятельствъ: насколько систематично и широко, или же случайно и въ предѣлахъ только данной мѣстности наступаетъ безработица? Насколько сильно ощущается конкуренція со стороны рабочихъ родственныхъ профессій, необученныхъ рабочихъ и производящихъ на-дому? Насколько условія найма позволяютъ уплачивать высокіе взносы? Гдѣ всѣ эти условія сочетаются наиболѣе благоприятно, тамъ и поддержка безработныхъ приводитъ къ наилучшимъ результатамъ. Таковы въ большинствѣ случаевъ ремесла, которыя составляютъ замкнутую область, и которымъ поэтому нечего бояться внѣшней конкуренціи со стороны родственниковъ профессиональных отраслей. Въ такихъ условіяхъ находятся англійскіе машиностроители, лѣщники, нѣмецкіе книгопечатники, рабочіе фарфоровыхъ заводовъ и т. п.

Но и тамъ, гдѣ поддержка безработныхъ вполнѣ оправдываетъ себя, значеніе ея различно, смотря по условіямъ профессиональной борьбы. Во время промышленнаго подъема, при растущемъ спросѣ на рабочія силы, профессиональные союзы оказываются въ необходимости вести наступательную политику, и если, стационарная поддержка безработныхъ, вообще говоря, оказываетъ хорошія услуги, то въ это время, когда спросъ на рабочихъ великъ, она имѣетъ небольшое значеніе. Наоборотъ, во времена острыхъ кризисовъ наблюдается непрерывное движеніе безработныхъ, подрывающее многія кассы. Полезность поддержки безработныхъ обнаруживается, главнымъ образомъ, во время промышленной депрессіи. Это такое время, когда фабрики не идутъ къ быстрому раззоренію, — однако, все же прозябаютъ съ трудомъ, работаютъ при сокращенномъ персоналѣ, выжидаютъ заказовъ, какъ разбойники — проѣзжихъ, переживаютъ порой незначительный подъемъ и привлекаютъ къ себѣ рабочихъ, но вскорѣ выбрасываютъ ихъ вновь; не одинъ рабочій не обезпеченъ оттого, чтобы не быть выброшеннымъ завтра на улицу, но, съ другой стороны, всякій безработный можетъ всегда надѣяться, что найдетъ себѣ занятіе. При такихъ обстоятельствахъ, поддержка безработныхъ является, дѣйствительно, главной опорой организаціи. Безъ поддержки безработные впади бы въ глубокую нищету и создали бы этимъ величайшую опасность для организаціи и профессиональной борьбы. Но въ данномъ случаѣ, на худой

конецъ имъ все же помогаютъ, пока они, рано или поздно, не приищутъ себѣ занятія, — вѣдь, въ наличности нѣтъ остраго кризиса, — а если изъ другого мѣста и явится новая группа безработныхъ, то первая группа, по крайней мѣрѣ, все же сплавлена.

Правда, наиболѣе трудной во всѣхъ случаяхъ задачей является вопросъ объ объемѣ и финансовой состоятельности организаци, что и опредѣляетъ ея силу. Но это приводитъ насъ непосредственно къ самой центральной точкѣ всего вопроса, а именно, къ тому, что учрежденіе поддержки безработныхъ создаетъ большую стойкость, постоянство и равномерное развитіе организаци. Словомъ, оно является превосходнымъ организационнымъ средствомъ, потому что рабочіе видятъ въ немъ болѣе осязательную и постоянную пользу. Опытъ доказываетъ также, что профессиональныя организаци, осуществляющія поддержку безработныхъ, обнаруживаютъ болѣе правильный ростъ и обладаютъ наиболѣе сильными кассами.

Такимъ образомъ, поддержку безработныхъ можно примѣнять какъ средство профессиональной борьбы, но лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. Ея значеніе, какъ и всякаго боевого средства, зависитъ отъ способа примѣненія, отъ общаго соотношенія вещей и отъ состоянія профессиональныхъ союзовъ.

Но если выдѣлить организацию поддержки безработныхъ изъ мѣста, занимаемаго имъ въ профессиональной борьбѣ, и стараться придать ему самостоятельное социальное значеніе, то это приведетъ лишь къ величайшей безсмыслицѣ и нелѣпѣйшему социально-политическому фантазерству. Вѣдь, этимъ затрачивается совершенно другой вопросъ, а именно: каково происхожденіе безработицы и каковы средства къ ея устраненію?

Къ этому вопросу профессиональные союзы не имѣютъ никакого отношенія. Для нихъ все дѣло заключается въ самомъ фактѣ безработицы, въ опасностяхъ, вырастающихъ изъ него для организаци и профессиональной борьбы, и, наконецъ, въ средствахъ, для предотвращенія этой опасности и деморализующаго вліянія безработицы. Въ этомъ все дѣло! Но никоимъ образомъ не слѣдуетъ поддаваться ребяческому обольщенію и стремиться къ уничтоженію безработицы, т. е. капиталистической резервной арміи, не уничтожая капиталистической эксплуатаціи.

Что же теперь сказать о государственномъ страхованіи, на случай безработицы? Эта смѣшная идея могла быть порождена только мелкобуржуазнымъ непониманіемъ капиталистическихъ отношеній. Недостаточно ли того, что Германская имперія потерпѣла прискорбное фіаско въ злосчастной поддержкѣ престарѣлыхъ и инвалидов? На эту цѣль съ рабочихъ ежегодно взимается около 50 мил. мар., столько же платятъ предприниматели, а государство прибавляетъ еще нѣсколько милліоновъ; и каковъ

результатъ? Въ среднемъ — пенсія въ 120 мар., т. е., 10 марокъ въ мѣсяцъ. На безработныхъ пришлось бы затратить, по крайней мѣрѣ, вчетверо большую сумму. А затѣмъ стоитъ только сравнить число безработныхъ съ числомъ инвалидовъ и стариковъ, свыше 70 лѣтъ! Это лишь небольшое практическое указаніе, на счетъ стоимости такого страхованія. Съ теоретической точки зрѣнія здѣсь можно вскрыть величайшій хаосъ противорѣчій. Мы, однако, вовсе не испытываемъ охоты палить изъ пушекъ по мыльнымъ пузырямъ.

Относительно учреждений, по пріисканію труда, для посредничества и т. п. дѣло обстоитъ также, какъ и въ отношеніи поддержки безработныхъ. Они имѣютъ смыслъ и значеніе только постольку, поскольку они могутъ быть использованы рабочими организациями для профессиональной борьбы. Въ частности же, по отношенію къ посредничеству — самое важное, чтобы профессиональные союзы выступали съ нимъ, какъ организованная сила, способная, когда это понадобится, поддержать свои требованія стачкой. Какъ самостоятельное социаль-реформаторское учрежденіе миролюбивыхъ буржуа, учрежденія для посредничества, являются самой противоестественной и лицемерной выдумкой.

Такимъ образомъ, все сводится къ прекращенію работы, стачкѣ, единственно одушевляющей всякую профессиональную дѣятельность и придающей ей смыслъ и силу. Безъ стачекъ нѣтъ профессиональнаго движенія!

Но, пожалуй, возразятъ, что развитіе крупной промышленности и капиталистическія картели уготовляютъ стачкамъ почти непреодолимое препятствіе. Это самое важное возраженіе изъ выставляемыхъ противъ профессиональнаго движенія. Оно подлежитъ поэтому особому изслѣдованію.

7. Картели и гигантскія предпріятія.

Каутскій въ «Neue Zeit» (1893—94 г.г.) и Шиппель на франкфуртскомъ партейтагѣ вполне основательно предостерегали отъ преувеличенной оцѣнки значенія развитія картелей. Картели ведутъ не къ прекращенію экономической борьбы, но лишь къ соединенію борющихся въ большія массы. Правда, благодаря картелямъ устраняется — обыкновенно лишь въ предѣлахъ данной мѣстности и только на нѣкоторое время, — борьба предпринимателей конкурирующихъ между собой въ одной и той же отрасли производства; но интернаціональныя стойкія картели еще очень

не многочисленны. Борьба между производителями и потребителями, между предпринимателями и рабочими и, наконец, между родственными отраслями производства, из которых одно стремится вытеснить собой другое,—эта борьба не устраняется картелями, а напротив обостряется ими: онъ также не приостанавливаютъ постоянного революціонизированія техники, но скорѣе, наоборотъ, ускоряютъ этотъ процессъ... Не слѣдуетъ, однако, предполагать, что въ теченіе короткаго промежутка времени все производство окажется въ рукахъ картелей. До сихъ поръ объединеніе въ картели удавалось обыкновенно тѣмъ отраслямъ промышленности, которыя или уже ранѣе обладали монопольнымъ положеніемъ, какъ напр., рудники, или же приобрѣли это положеніе благодаря экономическому развитію и мѣропріятіямъ государства—охранительнымъ пошлинамъ, налоговому законодательству и т. п.» (Каутскій). Въ связи съ этимъ напомнимъ о столь излюбленныхъ за послѣднее время государственныхъ «нормировкахъ». «Монопольное положеніе можетъ быть болѣе длительнымъ только въ томъ случаѣ, если, — какъ напр., въ частныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ,—основной капиталъ настолько преобладаетъ и такъ медленно амортизируется, что конкуренція оказывается крайне трудной или даже сама собой исключается». (Шиппель).

Мы присоединяемся къ этимъ общимъ соображеніямъ. Добавимъ еще слѣдующее:

Періодъ промышленной депрессіи особенно благоприятствовалъ образованію картелей. Производство развивалось медленно. Новыхъ предпріятій основывалось сравнительно мало. Фабрики ограничивали свое производство. Такъ какъ никто не помышлялъ о расширеніи производства и каждый былъ скорѣе озабоченъ тѣмъ, чтобы не пришлось еще больше себя ограничивать, то и нечего было опасаться конкуренціи со стороны новыхъ предпріятій; повсюду раздавались жалобы на недостаточный сбытъ и низкія цѣны, такъ что само собой напрашивалось стремленіе соединяться въ картели, хотя бы для того, чтобы обезпечить каждому то, чѣмъ онъ уже владѣлъ. Если при этомъ удавалось взвинтить цѣны, то тѣмъ лучше. А если и не удавалось, то все же на лицо имѣлась гарантія, что предпріятія не раззорятъ другъ друга при взаимныхъ столкновеніяхъ. Когда же какой-нибудь спекулянтъ осмѣливался выступить съ новымъ предпріятіемъ, то при господствовавшемъ застоѣ было не трудно упразднить смѣльчака. Однако, вполне очевидно, что поскольку монополія не обезпечена вышеупомянутыми особенными условіями, все это величіе можетъ быть сметено первымъ напоромъ промышленнаго подъема. Въдѣ съ открытіемъ болѣе широкаго сбыта въ капиталистахъ пробуждается стремленіе къ возможному расширенію своихъ производствъ. Въ это время предпринимательская страсть вообще разгорается и предпріятія возни-

каютъ одно за другимъ. Новыя фабрики должны быть включаемы въ картель, а такъ какъ число ихъ возрастаетъ до безконечности, то картели легко распадаются и тѣмъ скорѣе, чѣмъ уютнѣе устроились прежнія картели. Если же новыя предпріятія остаются внѣ картелей, то послѣднія все же должна распасться, чтобы дать возможность свободной конкуренціи съ новыми предпріятіями.

Все это еще болѣе примѣнимо къ капиталистическимъ картелямъ, основаннымъ специально для борьбы съ рабочими организаціями.

Наше изложеніе направлено къ тому, чтобы, отнюдь не отрицая опасности, угрожающей рабочимъ со стороны синдикатовъ крупныхъ капиталистическихъ предпріятій, ограничить ее разумными предѣлами. Мы не должны закрывать глаза на такого рода явленія. Дѣло идетъ не только о картеляхъ, но и о крупныхъ акціонерныхъ обществахъ и вообще о гигантскихъ капиталистическихъ предпріятіяхъ, насчитывающихъ у себя уже не сотни, но многотысячъ рабочихъ; хотя эти предпріятія, повидимому, отличаются отъ другихъ лишь количественно, но своей колоссальной концентраціей капиталовъ и производства они создаютъ также и качественное различіе и приводятъ къ новому порядку отношеній, съ которымъ намъ приходится считаться.

Шиппель полагаетъ, что гигантскія предпріятія имѣютъ ту выгоду, что они содѣйствуютъ развитію среди рабочихъ чувства солидарности. Это плохое утѣшеніе. Въдѣ важнѣ всего опредѣлить, какъ можетъ проявиться это чувство солидарности, если чрезвычайная сила этихъ колоссальныхъ капиталовъ буквально подавляетъ рабочихъ?

Каутскій съ своей стороны, полагаетъ, что слабый пунктъ такой концентраціи заключается въ потребности воспроизводства капитала. «Чѣмъ больше увеличивается концентрація капитала, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ отношеніе вложеннаго въ промышленное предпріятіе капитала (постройки, машины, сырые матеріалы и т. п.) къ числу занятыхъ рабочихъ. Каждая приостановка въ производствѣ обезцѣниваетъ этотъ капиталъ и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ дольше длится застой. Въ такомъ предпріятіи, гдѣ вложенъ сравнительно большой постоянный капиталъ, всякій перерывъ въ производствѣ обозначаетъ не только потерю въ прибыли, но и наноситъ капиталистамъ значительный и прямой убытокъ. Къ этому нужно добавить слѣдующее: уплаты, выдѣляемые предпринимателемъ изъ его прибавочной стоимости — налоги, поземельная рента, проценты на занятой капиталъ и т. п. — должны все же производиться, независимо отъ того, находится ли предпріятіе въ ходу и поглощаетъ ли оно прибавочную стоимость, или нѣтъ. Это обстоятельство также побуждаетъ капиталиста по возможности избѣгать всякой приостановки предпріятія». Все это совершенно ошибочно.

Нельзя измѣрять дѣловые приемы этихъ чудовищныхъ предприятий масштабомъ мелкобуржуазной бережливости. У кого такъ мало собственности, какъ скажемъ у редактора социалдемократическаго изданія, тотъ приходитъ въ испугъ, представляя себѣ сотни тысячъ, которыя уплачиваются въ видѣ налоговъ и т. п.; онъ исчисляетъ сколько же это, приблизительно приходится на день и думаетъ затѣмъ: «чертъ возьми, всего этого предприниматель не пожелаетъ потерять!» Но для магнатовъ капитала это сущіе пустяки. Какому-нибудь Круппу или барону фонъ-Штумму вовсе и не приходится въ голову не доводить дѣла до стачки только изъ-за того, чтобы не платить своихъ «налоговъ» безъ всякой пользы. Не думаетъ объ этомъ даже какой-нибудь Бааре, хотя этотъ господинъ платитъ налоги безъ особаго воодушевленія. Главная суть въ томъ, что несоразмѣрно крупный постоянный капиталъ какъ разъ и является сильнѣйшей опорой этихъ предприятий. Стоитъ только представить себѣ мелкаго капиталиста, принужденнаго держать въ оборотѣ большую часть своего капитала: какъ онъ изворачивается и изловчается, чтобы возможно скорѣе обернуть капиталъ и сдѣлать наибольшее число оборотовъ, чтобы переработать возможно больше сырыхъ продуктовъ, продать возможно больше товаровъ; вѣдь все это повышаетъ его доходъ. И когда наступаетъ пріостановка работъ, производство замираетъ, извѣстіе объ этомъ разносится повсюду, товары лежатъ лишь на половину готовыми, а сырье—необработаннымъ, притокъ денегъ все слабѣе, а сроки платежа наступаютъ одинъ за другимъ, тогда,—если все не войдетъ быстро въ свою колею,—онъ разоренъ. И наоборотъ, если бы Каутскій ознакомился съ торговыми книгами крупныхъ горныхъ, горнозаводскихъ и т. п. предприятий, то онъ удивился бы тому, насколько для нихъ жалкую роль играетъ наличная касса по сравненію съ домовыми обязательствами, накопленнымъ сырьемъ и складами готовыхъ продуктовъ. А кто даетъ наиболѣе долгосрочный кредитъ? Гигантскія предприятия ведутъ свои счета не «недѣлями или днями», но мѣсяцами и годами. Неговоря уже о техническихъ условіяхъ, они заранѣе такъ широко поставлены, что нуждаются совершенно въ другомъ оборотѣ. Когда они поставляютъ свои товары, то не иначе какъ цѣлыми поѣздами или пароходами. Вотъ почему эти предприниматели могутъ ждать, пока товары не накопятся. Когда они принимаютъ заказы, то въ такихъ размѣрахъ, что выполненіе ихъ занимаетъ мѣсяцы и даже годы. Поставка же происходитъ не по недѣлямъ, а черезъ длинные промежутки времени, большими партиями. Они располагаютъ, такимъ образомъ, гораздо большей свободой производства и могутъ выжидать нѣкоторое время, чтобы затѣмъ наверстать упущенное.

Когда болѣе мелкій капиталистъ пріобрѣтаетъ новую машину или моторъ, то это для него цѣлое событіе, а безъ употребленія

онъ не можетъ держать ни одной машины. Въ колоссальныхъ же предприятияхъ можно видѣть цѣлыя отдѣленія съ многочисленными машинами, стоящими безъ пользы. Онѣ необходимы для того, чтобы пустить ихъ въ ходъ, когда поступятъ большіе заказы, которые придется выполнять безъ промедленія. Нельзя же въ такомъ случаѣ выписывать въ послѣднюю минуту новую машину скорымъ поѣздомъ! И все это выносятъ капиталистическія чудовища, безъ всякаго вреда для себя. Такимъ образомъ, если понадобится по окончаніи стачки, они могутъ настолько повысить производство, что вскорѣ совершенно нельзя замѣтить, прерывалась-ли работа или нѣтъ.

Сюда привходятъ еще другіе безчисленные моменты. Кто устанавливаетъ наименьшіе проценты, а стало быть и долю прибыли? Стоитъ только посмотрѣть, какъ выбрасываются несмѣтные миллионы, а товары спускаются массами ниже стоимости сырья, разъ дѣло идетъ о томъ, чтобы задуть конкурента. И послѣ всего этого они станутъ испытывать страхъ и ужасъ передъ стачкой?

Эти гигантскія предприятия сопротивляются даже кризису, дѣйствующему гораздо разрушительнѣе стачекъ.

Мы видимъ, что это—могучая сила. Нѣтъ основаній отступать передъ нею въ испугѣ, но не слѣдуетъ также не дооцѣнивать ея. Въ слѣдующей главѣ мы продолжимъ наше разсужденіе.

8. Тенденціи капиталистическаго развитія и тактика рабочаго движенія.

Существуетъ одно обстоятельство, благодаря которому стачка отзывается на гигантскихъ капиталистическихъ производствахъ тяжелѣе, чѣмъ на мелкихъ. Обстоятельство это заключается въ томъ, что имъ труднѣе, а при всеобщей стачки почти и невозможно, находить достаточный контингентъ рабочихъ-замѣстителей. Главную роль при этомъ играетъ численность рабочихъ. Кромѣ того, именно эти предприятия почти совершенно стирающія индивидуальность рабочаго, должны располагать обученной арміей рабочихъ, хорошо организованными и дисциплинированными отдѣльными отрядами, правильно выполняющими общую работу; это необходимо, чтобы все согласовать и чтобы общій ходъ колоссальнаго и сложнаго производства не встрѣчалъ затрудненій. Такое дѣло не можетъ быть приводимо въ движеніе массой рабочихъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ и угловъ. Вотъ почему эти гигантскія предприятия стремятся образовать постоянный составъ рабочихъ и, по возможности, такихъ, которые передаютъ свою профес-

сію изъ поколѣнія въ поколѣніе. Отсюда ихъ различныя «благо-состоянія», направленные къ тому, чтобы прикрѣпить рабочаго къ опредѣленному мѣсту.

Но указанная нами невыгода съ избыткомъ уравнивается тѣмъ, что гигантскимъ предпріятіямъ фактически удается всевозможными путями сдѣлать своихъ рабочихъ экономически вполне зависимыми. Въ наиболее развитой формѣ мы наблюдаемъ это въ городахъ—фабрикахъ. Все здѣсь принадлежитъ владѣльцу фабрики: улицы, дома и квартиры, школы, церкви, больницы, проточная вода, чистый воздухъ, и не только всѣ рабочіе, но и каждый житель, начиная лавочникомъ и кончая священникомъ, зависятъ отъ него¹⁾. Рабочій зависитъ отъ этихъ фабрикантовъ не только въ своей заработной платѣ, но, что самое важное,—и въ квартирномъ отношеніи. Уже Энгельсъ повѣствуетъ объ этомъ въ своемъ «Положеніи рабочаго класса», а Марксъ говоритъ о «невѣроятной силѣ, заключающейся въ обладаніи земельной собственностью, когда она, соединившись въ однихъ и тѣхъ же рукахъ съ промышленнымъ капиталомъ, даетъ фактическое право изгонять рабочихъ, борющихся за заработную плату, съ той земли, на которой они живутъ». Англія и въ новѣйшее время Америка даютъ тому достаточно примѣровъ. Для этихъ капиталистовъ «земельная рента», не является, такимъ образомъ, препятствіемъ на ихъ пути, но, наоборотъ, сильнѣйшимъ средствомъ въ ихъ рукахъ.

И все же! Когда гнетъ слишкомъ силенъ, то рабочіе противостоятъ даже этому превосходству! Въ случаѣ необходимости, они и теперь обнаруживаютъ то же мужество, какое проявили въ 1844 г. 40.000 англійскихъ угольныхъ рабочихъ, звѣрскимъ образомъ брошенныхъ съ женами и дѣтьми въ уличную грязь и все же державшихся восемь недѣль кряду—поразительная борьба, о подробностяхъ которой можно прочесть въ «Положеніи рабочаго класса» Энгельса.

Сопровиженіе рабочихъ капиталистической эксплуатаціи никогда и никакими средствами не можетъ быть устранено. Но концентрація капитала затрудняетъ эту борьбу, не только въ профессиональной, но и въ политической области, предъявляетъ все большія требованія къ классовому сознанию, къ организаціи рабочаго класса и сводитъ, въ концѣ концовъ, пролетарскую борьбу на ея голую экономическую основу: частную собственность на орудія производства.

¹⁾ Поэтому среди населенія этихъ мѣстъ развивается враждебное отношеніе къ всеподчиняющимъ магнатамъ промышленности (Король Штуммъ въ Нейнъ Кирхен!); а это обстоятельство, какъ правильно замѣчаетъ Каутскій, должно идти во время стачекъ на пользу рабочихъ. Но, разумѣется, это незначительная и скорѣе моральная сила, по сравненію съ чудовищнымъ экономическимъ превосходствомъ промышленныхъ королей.

Ростъ капиталистическихъ гигантскихъ предпріятій показываетъ лишь, какъ призрачна надежда буржуазныхъ социалреформистовъ, этихъ вѣчныхъ социалполитическихъ младенцевъ, будто, при помощи профессиональныхъ организацій и законодательствъ объ охранѣ труда можно создать такое состояніе, когда рабочій классъ и капиталъ будутъ жить мирно другъ съ другомъ. Пока экономическій источникъ богатства капиталистовъ не изсякъ, ихъ сила нарастаетъ все больше и больше, и рабочій классъ, чтобы не оказаться раздавленнымъ, долженъ поспѣвать въ своей организованности за этимъ ростомъ, до тѣхъ поръ, пока, въ тенденціи, не будетъ достигнуто положеніе при которомъ на одной сторонѣ окажутся немногіе владѣльцы всего капитала, а на другой—рабочіе, организованные въ единый классъ. Но въ этотъ моментъ жребій будетъ уже брошенъ.

Чтобы понять настоящее, съ заключающимися въ немъ перспективами, мы должны считаться съ тенденціями капиталистическаго развитія. Однако, было бы нелѣпо сообразовать тактику такимъ образомъ, какъ будто бы уже теперь наступили тѣ общественыя условія, которыя еще таятся въ перемѣнчивомъ будущемъ. Тенденція капиталистическаго развитія ведетъ къ образованію гигантскихъ предпріятій, но пока они представляютъ собою рѣдкія и склоченія. И если бросить взглядъ на состояніе германской и австрійской промышленности, то приходится удивляться, какимъ образомъ въ настоящій моментъ можно изощряться надъ вопросомъ о томъ, стоятъ ли гигантскія предпріятія на пути профессиональнаго движенія, или нѣтъ! Ибо, въ дѣйствительности, профессиональные рабочіе союзы испытываютъ здѣсь препятствія отъ недостаточнаго развитія крупнаго производства и его относительной раздробленности по отдѣльнымъ мѣстамъ.

Тенденціи капиталистическаго развитія, вообще говоря, никогда не будутъ изжиты. Состояніе наивысшей концентраціи капитала никогда не достигнется даже приблизительно; тоже можно сказать относительно чистаго раздѣленія на классы, т. е., вытѣсненія всѣхъ промежуточныхъ слоевъ; не удастся также организовать, экономически или политически—все равно, весь рабочій классъ. Разрушительныя силы капиталистическаго развитія дѣйствуютъ гораздо быстрѣ созидających и организующихъ. Думаемъ—мы доказали, что развитіе мірового рынка также ведетъ къ міровому кризису, создающему, по крайней мѣрѣ для Европы, невозможность дальнѣйшаго развитія капиталистическаго производства. Капитализмъ въ этотъ моментъ рухнетъ, еще не развивъ всѣхъ своихъ социальныхъ силъ.

Съ другой стороны, пока соотношенія силъ не достигнутъ своего крайняго обостренія, рабочій классъ будетъ насчитывать въ своей средѣ немало лѣнливыхъ и легкомысленныхъ, стоящихъ внѣ поли-

тической или профессиональной борьбы. Трудно категорически утверждать, что эти люди обнаруживают поэтому отсутствіе сознанія своего классового положенія. Они просто недостаточно сознательны и прежде всего представляют собой пассивныя натуры, несклонныя заботиться о дѣлѣ пока оно такъ или иначе дѣлается, пока надъ ихъ собственными головами не обрушится кровля, пока вопросъ коснется не завтрашняго дня, а сегодняшняго, когда избѣжать отвѣта будетъ уже невозможно.

Явленіе это не можетъ сколько нибудь разочаровать. Наоборотъ, оно заставляетъ еще выше оцѣнивать степень уже достигнутой организованности. Эта послѣдняя убѣждаетъ насъ, что мы гораздо ближе къ цѣли, сравнительно съ исчисленіями математическаго разсчета. Но пока не произнесены экономическій приговоръ, въ видѣ невозможности продолжать капиталистическое производство, до тѣхъ поръ будетъ длиться то колеблющееся, неустойчивое политическое равновѣсіе, при которомъ все грозитъ рухнуть съ минуты на минуту, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, все еще держится попрежнему. Когда мы настолько придемъ впередъ, тогда и самый безразличный будетъ поднять событіями изъ состоянія покоя и борющаяся армія пролетаріата станетъ нарастать какъ морской приливъ.

Надежду же, будто намъ когда-либо удастся постепенно, систематично и спокойно включить въ организацію весь рабочій классъ,—лучше оставить въ сторонѣ. Какъ обольстительная мечта, будто въ одинъ прекрасный день можно будетъ незамѣтнымъ образомъ проскользнуть въ социалистическое общество, словно черезъ огромный туннель, и, раскрывъ глаза, воскликнуть: «А да мы уже пріѣхали! Майскіе цвѣточки, сіяніе солнца, серебрянные колокольчики, исчезъ и послѣдній городской, а на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, цвѣтетъ нѣжная незабудка. Станція «Государство будущаго!» Всѣмъ выходить изъ вагона!» Но мечта это только мечта!

Такимъ образомъ, приходится разсчитывать на крушеніе капиталистическаго строя въ такой моментъ, когда еще будетъ существовать многочисленные промежуточные слои общества, экономическое раздѣленіе еще далеко не завершится, классовая пролетарская борьба все еще будетъ перекрещиваться съ многочисленными побочными теченіями, крайне противорѣчивые экономическіе интересы будутъ стремиться къ политическому выраженію, причемъ рабочій классъ не будетъ во всемъ своемъ объемѣ представлять единую организацію; изъ всего этого вытекаетъ необходимость тѣмъ сильнѣе спланивать, въ предѣлахъ возможности, рабочія организаціи, возможно болѣе углублять ихъ во всѣхъ различныхъ развѣтвленіяхъ и развивать до наивысшаго напряженія ихъ упругость и связь. Для всего этого мы прежде всего нуждаемся въ профессиональныхъ рабочихъ организаціяхъ.

Совершенно правильно говорилъ Легіенъ на кельнскомъ партейтагѣ: «Современная борьба крайне трудна въ обѣихъ областяхъ, но предстоящая будетъ еще значительно труднѣе, и для этой послѣдней борьбы, а, стало быть, и для послѣдней рѣшающей, мы нуждаемся въ людяхъ готовыхъ отдать всего себя общему дѣлу; такихъ людей мы должны воспитать и въ этомъ отношеніи профессиональная организація оказываетъ незамѣнимую помощь».

Совершенно невѣрно, будто профессиональная дѣятельность заключается въ непосредственномъ достиженіи незначительныхъ успѣховъ. Непосредственные успѣхи необходимы здѣсь какъ и при политическомъ движеніи.

Чѣмъ для профессиональныхъ союзовъ являются повышеніе заработной платы, сокращеніе рабочаго дня и т. п., тѣмъ для политической партіи служатъ законодательство объ охранѣ труда, реформа налоговой системы и т. п. Одно неотдѣлимо отъ другого.

Какъ поддержка безработныхъ, указаніе работы и т. п. цѣнны лишь поскольку они идутъ на пользу стачкамъ, точно также главная польза стачекъ и профессиональной борьбы заключается въ содѣйствіи организаціи рабочаго класса, а на эту же организацію направлена и политическая борьба, со всѣми ея голосованіями, парламентской дѣятельностью, устной и письменной агитаціей.

Кто не видитъ, что дѣлаютъ профессиональные союзы въ организаціонномъ отношеніи, тотъ слѣпъ, и тому ничѣмъ нельзя помочь. Вѣдь, какъ относительно ни слабы нѣмецкіе профессиональные союзы, но они объединили въ своихъ организаціяхъ вдвое больше рабочихъ, чѣмъ всѣ социалдемократическіе союзы Германіи, вмѣстѣ взятые. Они располагаютъ прессой, съ тиражемъ, болѣе чѣмъ въ четверть милліона экземпляровъ. Они взимаютъ теперь ежегодныхъ правильныхъ взносовъ, почти на 3 милліона марокъ. И все же нѣмецкое профессиональное движеніе имѣетъ еще широкое поле дѣйствія, чтобы утроить и даже учетверить свои организаціи. Въ Германіи, гдѣ политическая партія не можетъ выступать въ видѣ строго централизованныхъ союзовъ, положеніе какъ бы нарочито создано для существованія двойныхъ организацій рабочаго класса: централизованныхъ профессиональныхъ рабочихъ союзовъ, чисто экономическихъ организацій, непреслѣдующихъ самостоятельныхъ политическихъ цѣлей и политической партіи, выступающей какъ весь рабочій классъ. Однако, хотя профессиональные союзы и не ведутъ политики, но они—все же организаціи рабочихъ, сознающихъ свои классовые интересы, а это какъ разъ то, что намъ нужно.

Если профессиональныя организаціи совершенно отдѣлены отъ политическихъ, то тѣмъ не менѣе между профессиональнымъ и политическимъ движеніемъ существуетъ постоянное взаимодействіе. И наибольшимъ эффектомъ растущаго профессиональнаго

движенія будетъ усиленіе политической партіи. Это мы и хотимъ разъяснить теперь подробно. Тогда только выяснятся тактическія задачи ближайшаго времени.

9. «Наивный» капиталъ.

Прежде чѣмъ перейти къ обсужденію политическихъ вопросовъ, намъ придется покончить съ нѣкоторыми ложными понятіями, менѣе всего, конечно, затрудняющими развитіе самого профессиональнаго движенія, но тѣмъ болѣе препятствующими плодотворному обсужденію вопроса. «Англійскіе профессиональные союзы образовались въ такое время, которое минуло для насъ безвозвратно. Тогда капитализмъ былъ молодъ, наивенъ и слѣпъ, теперь онъ возмужалъ, опытенъ и обороняется отъ рабочаго движенія съ большою силой». Такъ говорилъ д-ръ Адлеръ на Франкфуртскомъ партейтагѣ.

Капитализмъ никогда не былъ наивнымъ и слѣпымъ, по отношенію къ рабочему движенію! Какъ только рабочій классъ началъ подыматься, англійскій капиталъ тотчасъ же понялъ, что вопросъ идетъ о его капиталистическомъ существованіи, и яростно и беспощадно пустилъ въ ходъ всѣ зависѣвшія отъ него, экономическія и политическія средства насилія для того, чтобы подавить рабочее движеніе, и при томъ такъ, что его дѣйствія не уступаютъ злѣйшимъ преслѣдованіямъ, которымъ подвергался рабочій классъ въ другихъ странахъ, не исключая, пожалуй, и Россіи. И если англійское рабочее движеніе, а въ особенности профессиональное, росло вопреки всему этому и сдѣлалось силой, передъ которой капиталъ склоняетъ политическое оружіе, то этимъ оно обязано только непреодолимому могуществу экономического развитія, самостоятельно породившему противоположность интересовъ среди господствующихъ классовъ и вселившему въ рабочій классъ ту желѣзную энергію, хладнокровіе и ясность взгляда, которыя выручали его, при всѣхъ невзгодахъ и жестокостяхъ. Если капиталъ и могъ научиться чему-нибудь отъ Англій, такъ это тому, что ни политическаго, ни профессиональнаго движенія рабочихъ нельзя подавить средствами насилія. Но экономическіе интересы сильнѣе логики разума. Тѣмъ менѣе поводовъ у рабочаго класса скорбѣть о невинности, утерянной капиталомъ, и тѣмъ больше основанийъ усматривать въ англійскомъ рабочемъ движеніи, почти полстолѣтія соединенномъ съ профессиональною борьбой, ободряющій примѣръ.

Безъ избирательнаго права, безъ права собраній, союзовъ и свободы прессы (такъ какъ пресса больше

всего была придавлена безумнымъ штемпельнымъ налогомъ),—вотъ, при какихъ условіяхъ началъ свою классовую борьбу рабочій классъ Англій. Все это никоимъ образомъ не стояло только на бумагѣ; наоборотъ, буржуазія дѣлала изъ существовавшихъ запрещеній кровавые выводы. Чтобы дать нѣкоторое представленіе о жестокости этихъ законовъ и ихъ примѣненіи, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ вышеупомянутой, весьма цѣнной исторіи британскаго трэдъ-юніонизма Сиднея и Беатрисы Веббовъ.

Въ 1819 г. отмѣчаются многочисленныя преслѣдованія стояровъ, шляпочниковъ, кузнецовъ и другихъ рабочихъ,—номинально якобы за желаніе оставить работу недоконченной, въ дѣйствительности же, — за преступленіе, выразившееся въ присоединеніи къ союзу. Въ 1798 г. судебной палатой, Олдъ Байлей, были осуждены пять книгопечатниковъ (рабочихъ), по обвиненію въ заговорѣ. Предприниматели пожелали видѣть вожаковъ подмастерьевъ, дабы обсудить ихъ предложенія, но, какъ гласитъ жалоба «пять обвиняемыхъ явились въ качествѣ делегатовъ и представились главарями нѣкоего парламента, какъ подобаетъ назвать его». Въ дѣйствительности же, эти люди были членами союза въ помощь книгопечатниковъ. Несмотря на фактъ признанія самими предпринимателями этого союза, съ которымъ они вели переговоры, главный судья приговорилъ рабочихъ къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы каждаго... Въ декабрѣ 1817 г. полицейскіе чиновники Болтона, случайно узнавшіе, что десять делегатовъ отъ ситценабивниковъ различныхъ округовъ королевства намѣреваются сойтись въ день новаго года, приняли мѣры для ихъ ареста и конфискаціи всѣхъ ихъ бумагъ. Этимъ десяти делегатамъ пришлось вынести трехмѣсячное тюремное заключеніе, несмотря на то, что они не состояли ни въ какой тяжбѣ со своими хозяевами. Но главную цѣль закона (о заговорахъ) предприниматели полагали въ обезсиленіи желавшихъ бастовать и въ возможности отдѣлываться отъ внесенія улучшеній въ условія труда. Уже въ 1786 г. существовавшій законъ о заговорахъ былъ искусственно распространенъ для того, чтобы обвинить и наказать двухлѣтней тюрьмой пятерыхъ лондонскихъ переплетчиковъ, вступившихъ въ стачку, ради сокращенія рабочихъ часовъ съ 12 на 11..... Въ 1819 г. нѣсколько граверовъ ситценабивной фирмы въ Манчестерѣ протестовало противъ непомернаго увеличенія ихъ принципаломъ числа учениковъ и подкрѣпило свой протестъ приостановкой работъ. За этотъ «заговоръ» они были наказаны денежнымъ штрафомъ и тюрьмой... Въ 1816 г. семь полировальщиковъ ножей было приговорено къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы, за принадлежность къ союзу, осуществлявшему поддержку безработныхъ и стремившемуся сохранить обычную наемную плату» и т. д., до безконечности. За простой съѣздъ делегатовъ для обсужденія во-

проса объ улучшеніи заработной платы карали тюрьмой отъ 1—2 лѣтъ. Основаніе похоронной кассы было уже «заговоромъ», навлекавшимъ мѣсяцы тюрьмы. «Вся система угнетенія, характеризовавшая государственное искусство регентства, коренилась въ этотъ періодъ въ тираніи, непревзойденной ни однимъ изъ монарховъ «Священнаго Союза». Когда въ 1825 г. законъ о коалиціяхъ былъ смягченъ, профессиональные союзы могли вздохнуть свободнѣе. И все же имъ приходилось идти по колючему тернистому пути. Такъ, на примѣръ, въ 1834 г. шестеро рабочихъ изъ Дорчестера были приговорены къ семи годамъ ссылки за то, что они привели къ присягѣ членовъ, вступившихъ въ профессиональный союзъ. «Хотя союзы, образованные съ единственной цѣлью установленія рабочихъ часовъ и заработной платы, перестали быть незаконными, но все же существовала возможность преслѣдовать рабочихъ судомъ, по разнымъ другимъ предлогамъ. Иногда, какъ, напр., въ 1839 г., въ случаѣ съ нѣкоторыми горнорабочими изъ Ланкашифа, трэдъ-юніонисты привлекались къ отвѣтственности какъ незаконное сообщество за простое письменное сообщеніе работодателю о предстоящей стачкѣ.

Запрещенное закономъ 1825 года «обезпокаиваніе или воспрепятствованіе» толковалось въ томъ смыслѣ, что подъ этотъ законъ подходило даже простое извѣщеніе о намѣреніи рабочихъ бастовать изъ-за принятія на службу рабочихъ, не принадлежащихъ къ юніону...

Если выставленные (во время стачекъ и т. п.) посты и вели себя совершенно мирно, то наказанія были все же очень строги. Обыкновенно же, противъ стачечниковъ примѣнялись гражданскіе законы объ отношеніи между работодателями и служащими—«masters and Servants»; такъ, на примѣръ, въ февралѣ 1834 г. семнадцать кожевниковъ изъ Бермондэя (южный Лондонъ) были приговорены къ тюрьмѣ за проступокъ, выразившійся въ оставленія работъ неоконченными.

Вообразимъ себѣ, что прусское законодательство о прислугѣ примѣнено ко всѣмъ промышленнымъ рабочимъ, и тогда мы еще не составимъ себѣ достаточнаго представленія о законѣ «masters and Servants», отъ котораго такъ долго страдало англійское профессиональное движеніе. Рабочій, «нарушившій контрактъ» приостановкой работы, карался по этимъ законамъ тюрьмой, срокомъ до трехъ мѣсяцевъ. Во время судебного разбирательства «хозяинъ» могъ самъ давать о себѣ свидѣтельскія показанія, въ то время какъ показанія обвиняемаго (рабочаго) считались недостаточными и онъ долженъ былъ ссылаться на другихъ свидѣтелей. «Во власти каждаго мирового судьи было распорядиться о немедленномъ арестѣ послѣ показанія, даннаго подъ присягой; такимъ образомъ, въ случаѣ возникновенія спора съ предприни-

мателемъ, рабочій могъ быть схваченъ внезапно, часто даже прямо съ постели, и отправленъ въ тюрьму по личному усмотрѣнію судьи, который часто самъ былъ работодателемъ (предпринимателемъ). Дѣло велось однимъ мировымъ судьей, а судебное разбирательство могло происходить въ его частномъ помѣщеніи. Рѣшеніе мирового судьи, какъ бы оно ни было произвольно, не подлежало никакому обжалованію. Прибавимъ, наконецъ, что наказаніе тюрьмой вовсе не влекло за собой искупленія вины, такъ что за одно и то же нарушеніе контракта рабочій могъ снова и снова быть посаженъ въ тюрьму».

Такое положеніе дѣлъ тянулось до 1867 г., когда старый «Master and Servant Act» былъ смягченъ. Но терзанія профессиональных союзовъ все еще не прекращались. Преслѣдованіе за разстановку сторожевыхъ постовъ для удержанія штрейкбрехеровъ, за принужденіе къ стачкѣ и т. п. продолжались по прежнему. «Судья заявилъ, что пикеты изъ нѣсколькихъ лицъ виновны въ «обезпокоиваніи» даже тогда, когда они причиняютъ непріятность хотя бы только угрожающими взглядами или только появленіемъ въ большомъ числѣ, если даже оно и не сопровождалось насильственными актами или же приемами, указывающими на нихъ; если двое или нѣсколько лицъ соединялось для какихъ-нибудь дѣйствій, что причиняло другимъ лицамъ неудобства или затрудненія, то этимъ совершался проступокъ противъ общаго права... Простое извѣщеніе о намѣреніи начать стачку, еслибы даже оно было сдѣлано въ самой вѣжливой и мирной формѣ, объявлялось часто запугиваніемъ, подлежащимъ, какъ преступленіе, наказанію.»

Но въ 1871 г. наступило еще новое измѣненіе закона, обезпечившее союзамъ значительную свободу. Судьи заявляли все же, что единственное дѣйствіе закона 1871 г. состоитъ въ томъ, чтобы снимать съ имѣющихъ профессионально-политическую цѣль стачекъ печать незаконности. Иными словами, стачка стала теперь совершенно законной, но если примѣненные средства рассчитаны на то, чтобы оказать давленіе на предпринимателя, то эти средства объявлялись незаконными; а союзъ, направленный къ выполненію законныхъ дѣйствій незаконными средствами являлся обществомъ, наказуемымъ за злоумышленіе. Такимъ образомъ, судьи уничтожали законодательный актъ, направленный къ облегченію, и всякое новое судебное рѣшеніе заходило все дальше, создавая новыя опасности. Но кабинетъ господина Гладстона до самаго послѣдняго момента вплоть до послѣдовавшаго въ 1874 г. своего паденія упрямо отказывался заняться хотя бы обсужденіемъ возможности измѣненія этихъ карательныхъ постановленій. Тщетно одна депутація за другой указывала на то, что при этомъ законѣ рабочіе отправляются въ тюрьму, просто за мирныя бесѣды съ товарищемъ на улицѣ. Въ 1871 г. семь женщинъ изъ южнаго

Валлиса были приговорены къ тюремному заключенію только за то, что онѣ сказали одному штрейкбрехеру: «ба». За употребленіе бранныхъ словъ были произнесены безчисленные обвинительные приговоры.

Только со второй половины 70-хъ годовъ открывается періодъ, устанавливающий законность профессиональнаго движенія въ Англіи.

Такъ боролись три четверти столѣтія англійскіе профессиональные союзы и въ результатѣ крѣпко закалились въ огнѣ. Приведенные нами факты даютъ лишь крайне несовершенную картину всего фактически пережитаго англійскими рабочими. Если же кто-нибудь подумаетъ, что англійскіе капиталисты не сумѣли экономически объединиться противъ рабочихъ, то мы скажемъ, что и это объединеніе въ значительной степени существовало. Здѣсь все имѣло мѣсто Мученія, пытка, тюрьма, ссылка, наивысшая несправедливость и вѣроломство—все должно было претерпѣть англійское рабочее движеніе и профессиональные союзы, и все это привело, въ концѣ концовъ, къ тому, что организація рабочаго класса закалилась, и рабочіе спаялись въ армію, сознающую свои классовые интересы. Такимъ образомъ, полицейскія преслѣдованія и притѣсненія и въ Германіи не могли воспрепятствовать развитію профессиональнаго рабочаго движенія.

10. «Чистый профессионализмъ.»

«Всякая классовая борьба
есть политическая борьба.»

(Коммунистическій манифестъ).

«Какъ политическая, такъ и профессиональная сторона рабочаго движенія является такими необходимыми жизненными отправлениями пролетаріата и такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что ослабленіе одной насчетъ другой есть ненормальность, изъ которой могутъ вытекать только ненормальные послѣдствія, немоущія долго удерживаться. Повсюду рабочій классъ одинаково стремится какъ къ профессиональной, такъ и къ политической дѣятельности. Нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ распространяемое анархистами убѣжденіе, будто англійскіе профессионалисты, поскольку они не социалдемократы, ничего не хотятъ знать о политикѣ и будто они достигли всѣхъ своихъ успѣховъ, пренебрегая ею. Англійскіе профессионалисты всегда преслѣдовали политическія цѣли. Для нихъ вопро-

сомъ было лишь одно, достигнуть ли они наилучшимъ образомъ своихъ политическихъ цѣлей, при помощи особой независимой рабочей партіи или же путемъ продажи своихъ голосовъ одной изъ господствующихъ партій, въ обмѣнъ на опредѣленные уступки. Они не спрашивали, должны ли заниматься политикой или нѣтъ, но должна ли быть политика независимой или же рассчитанной на давленіе Pressionspolitik.

Мы особенно подчеркиваемъ слово «Pressionspolitik» (политика, рассчитанная на давленіе), ибо она наиболѣе характерна для политической дѣятельности англійскихъ профессиональных союзовъ. Всѣми доступными средствами,—массовыми собраніями, демонстраціями петиціями, посылкой депутацій въ парламентъ и наконецъ, избирательными голосами они старались оказать на парламентъ давленіе, въ пользу требованій рабочихъ.

Они обсуждали на своихъ конгрессахъ вопросъ о законодательствѣ и политической агитаціи, составляли законопроекты и предложенія, учредили парламентскій комитетъ профессиональных союзовъ для содѣйствія проведенію требованій, выставленныхъ рабочими. Въ сущности, нельзя даже сказать, что они вовсе не занимались «самостоятельной» политикой. Справедливо лишь, что англійскіе профессиональные союзы не образовывали собственной парламентской рабочей партіи, хотя и имѣли собственную парламентскую или практически-политическую программу, которую они первымъ дѣломъ и старались проводить съ желѣзною настойчивостью.

Да и какъ могло быть иначе? Вѣдь, англійскимъ профессиональнымъ союзамъ приходилось считаться съ злѣйшими законодательными ограниченіями и притѣсненіями, и, стало быть, они должны были стремиться къ устраненію ихъ политическимъ путемъ! Такъ какъ классъ капиталистовъ ведетъ противъ рабочаго класса не только экономическую, но и политическую борьбу, то уже по одному этому англійскіе профессиональные союзы вынуждались къ работѣ на политическомъ поприщѣ. А что область законодательства объ охранѣ труда была также имъ близка, это ясно само собою.

Но и вопросы общей политики никогда не отсутствовали въ порядкѣ дня англійскаго профессиональнаго движенія. Вопросы о демократизаціи конституціи (избирательной системы), правовые и т. п. всегда и настойчиво занимали профессиональные конгрессы. Наряду съ рабочимъ законодательствомъ они являются наиболѣе существенной составной частью практической программы также нѣмецкой социалдемократіи, хотя и нужно признать, что въ этихъ случаяхъ въ Германіи во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствуютъ рѣшительнѣе. Если сравнить порядокъ дня нѣмецкихъ партийтаговъ съ таковымъ конгрессовъ англійскихъ профессиональных союзовъ, то

окажется, что, не считая специфических мѣстныхъ вопросовъ, наиболѣе важные предметы обсуждения въ Германіи затрагивались также и англійскими профессиональными союзами. Отъ времени до времени на сцену выдвигались также крупныя соціальныя проблемы.

Не менѣе часто опредѣлялось отношеніе къ рабочимъ и народнымъ слоямъ, стоявшимъ внѣ профессиональныхъ союзовъ. Какъ должна быть пріятна, напр., творцамъ аграрной программы, похороненной въ Бреславлѣ въ 1895 г., а также авторамъ южно-германскаго проекта, когда они читаютъ въ исторіи англійскаго трэдъ-юніонизма, какъ англійскіе представители профессионализма цѣлые годы возились надъ созданіемъ крестьянскаго парцеллярнаго владѣнія—*selbstwirtschafter*—пока, наконецъ, въ 1891 г. весь этотъ хламъ не былъ выброшенъ прочь, послѣ резолюціи въ пользу націонализаціи земли.

Не слѣдуетъ забывать, что исторія англійскаго профессиональнаго движенія, въ теченіе обширнаго періода времени, совпадаетъ съ исторіей рабочаго движенія въ Англіи. Это послѣднее претерпѣвало различныя видоизмѣненія, въ зависимости отъ развитія экономическихъ и политическихъ отношеній. Соответственно этому измѣнялось также положеніе профессиональныхъ союзовъ и ихъ отношеніе даже къ чисто профессиональнымъ задачамъ. То они вели наступательную политику и переносили центр тяжести на стачки, то, когда чисто стачечныя организаціи разрушались торговыми кризисами и существовать продолжали лишь союзы, прочно опиравшіеся на поддержку безработныхъ и больныхъ, согласно измѣнившемуся положенію вещей, и политика профессиональныхъ союзовъ принимала болѣе характеръ обороны и взаимопомощи съ тѣмъ, однако, чтобы во времена промышленнаго подъема снова пойти на приступъ; то они обращались къ болѣе общей политикѣ, то къ чисто-профессиональной борьбѣ.

Необходимо, однако, дѣлать различіе между вожаками англійскаго профессиональнаго движенія и рабочимъ классомъ, организованнымъ въ англійскіе профессиональные союзы.

Рабочая масса обнаруживаетъ то болѣе, то менѣе интенсивное революціонное настроеніе. Она не можетъ оставаться вѣчно въ одинаковомъ напряженіи. Въ зависимости отъ обстоятельствъ она то выступаетъ активно, то наоборотъ остается пассивной, не вмѣшиваясь въ ходъ вещей. Но то, что у массы остается настроеніемъ, превращается у вожаковъ въ формулу. Они воздвигаютъ на этомъ базисѣ различныя теоріи, принципы тактики, міровоззрѣнія и еще Богъ вѣсть что—однимъ словомъ, заботятся объ удобномъ ложѣ прежде, чѣмъ идти спать. Такъ случилось въ Англіи, особенно въ періодъ послѣдней и наиболѣе обостренной профессиональной реакціи 1875—85 г. То, что тогда выставлялось руководителями

профессиональныхъ союзовъ, какъ руководящая идея профессиональнаго движенія и вообще выдвинулось, какъ соціально политическая мудрость на поверхности профессиональнаго движенія, сводилось къ обобщенію тактики момента въ всеобщій и универсальный принципъ, склеенный философскими стереотипами буржуазной экономіи, и обнаруживало прежде всего, какъ это блестяще доказала книга Вебба, незнакомство съ собственной исторіей профессиональнаго движенія. Это и привело къ малодушнымъ и близорукимъ выводамъ. Но эта была только тина, которую образуетъ всякій застой. Буржуазные экономисты слизнули эту тину и воспроизвели ее въ толстыхъ книгахъ. Но какъ только исчезло деморализующее вліяніе кризиса 70-хъ годовъ, какъ снова забурлило въ нѣдрахъ рабочаго класса и за промежутокъ экономической депрессіи все сильнѣе и сильнѣе стало пробиваться социалистическое теченіе, выросшее, наконецъ, въ громадный потокъ, къ великому смущенію «старыхъ» вожаковъ профессиональнаго движенія и ихъ буржуазныхъ диопрамбистовъ.

«Чисто профессиональнымъ» англійское профессиональное движеніе, такимъ образомъ, никогда и не было. Оно было и остается классовой борьбой англійскаго рабочаго класса, а «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Но для того, чтобы понять, почему англійскій рабочий классъ, несмотря на свою великолѣпную организованность въ профессиональныхъ союзахъ, не образовалъ до послѣдняго времени своей собственной парламентской партіи, слѣдуетъ припомнить, что онъ до 1867 года не обладалъ избирательнымъ правомъ, да и въ 1867 г. это избирательное право получили только наиболѣе обеспеченные слои рабочаго класса. Только начиная съ 1885 года можно кое-какъ говорить объ избирательномъ правѣ для всѣхъ рабочихъ. Англійскій рабочий классъ такимъ образомъ обнаружилъ такую политическую сознательность, что старался оказывать давленіе на парламентъ еще прежде, чѣмъ онъ самъ могъ вступить въ парламентъ (см. замѣчательную работу Каутскаго: «Парламентаризмъ и социалдемократія»). Но какъ только онъ получилъ избирательное право, даже въ весьма неудовлетворительной формѣ реформы 1867 года, какъ уже на профессиональномъ конгрессѣ 1869 года былъ поставленъ вопросъ о самостоятельномъ представительствѣ, и этотъ вопросъ съ тѣхъ поръ не исчезаетъ изъ порядка дня. Само собой разумѣется, однако, что было чрезвычайно трудно усовершенствованную политику давленія (*Pressionpolitik*), давшую уже такіе прекрасные результаты, замѣнить новой тактикой, особенно до тѣхъ поръ, пока еще представлялись удобные случаи пользоваться знакомымъ методомъ балансирования другъ противъ друга консерваторовъ и либераловъ, землевладѣнне и промышленный капиталъ.

Совсѣмъ иначе представляются отношенія въ Германіи. Тутъ

рабочій классъ (прежде всего благодаря всеобщему избирательному праву) сразу приобрѣлъ возможность образовать большую парламентскую партію. Нѣтъ большей нелѣпости, какъ сравнивать нѣмецкую социалдемократію съ Чартистскимъ движеніемъ въ Англіи. Чартистское движеніе было движеніемъ для достиженія всеобщаго избирательнаго права, социалдемократія же является движеніемъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права и этимъ послѣднимъ вызвано къ жизни.

Существованіе нѣмецкой социалдемократіи нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы и въ Германіи были парламентски использованы въ интересахъ рабочаго класса конфликты буржуазныхъ партій, но она указываетъ для этого другіе тактическіе пути и дѣлаетъ прежде всего невозможнымъ, чтобы въ парламентѣ интересы рабочихъ были представлены какимъ-нибудь другимъ путемъ помимо социалдемократіи. Если буржуазныя партіи и проявляютъ иногда сильныя потуги сыграть роль защитниковъ интересовъ рабочаго класса, онѣ все же остаются на буксирѣ у социалдемократіи, ибо послѣдняя, какъ вооруженная классовымъ сознаніемъ рабочая партія, можетъ всегда выступить наиболѣе рѣшительно. Такимъ образомъ, буржуазныя партіи этимъ играютъ только на руку социалдемократіи. Съ другой стороны, этимъ обусловливается раздѣленіе германскаго рабочаго движенія на двѣ части: профессиональное движеніе, главной задачей котораго является экономическая борьба, и социалдемократію, которая ведетъ политическую борьбу во всѣхъ ея формахъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится отстаивать, главнымъ образомъ, интересы профессиональных союзовъ.

Благодаря этому обстоятельству совершенно исключается возможность того, чтобы ростъ профессиональных союзовъ въ Германіи могъ чѣмъ-нибудь повредить нѣмецкой социалдемократіи. Напротивъ, именно ростъ профессиональных союзовъ сдѣлаетъ, какъ и въ Англіи, все болѣе и болѣе необходимымъ для рабочаго класса заниматься политикой, а политической дѣятельностью рабочаго класса въ Германіи можетъ руководить только социалдемократія.

Въ настоящее время нѣмецкій капиталистическій классъ меньше боится профессиональных союзовъ, чѣмъ социалдемократіи. Съ ростомъ мощи профессиональных союзовъ это отношеніе значительно измѣнится. Общее настроеніе капиталистовъ выразится приблизительно такъ: «пусть социализмъ дѣйствительно грядущая опасность—пока же у насъ есть войско и т. д.—профессиональные же союзы своими стачками, своими наглыми требованіями вредятъ промышленности, дѣлаютъ Германію неспособной къ конкуренціи на всемірномъ рынкѣ, изгоняютъ капиталъ изъ страны» и такъ далѣе въ этомъ же родѣ.

Капиталъ тогда начнетъ пускать въ ходъ свою политическую

и экономическую власть для борьбы главнымъ образомъ противъ профессиональных союзовъ, какъ теперь противъ социалдемократіи. Мы уже теперь имѣемъ нѣкоторые признаки этого начинающагося капиталистическаго похода.

Но чѣмъ сильнѣе нѣмецкій капиталистическій классъ будетъ бороться противъ профессиональнаго движенія политическими средствами или хотя бы экономическими средствами, стѣсняя рабочихъ въ пользованіи правомъ коалицій, тѣмъ болѣе онъ усилитъ этимъ социалдемократію.

Уже высказывалось, что нѣмецкіе профессиональные союзы нуждаются для своего развитія въ политической свободѣ, правѣ коалицій и т. д. Это вѣрно. Но прежде всего имъ для этого нуженъ контргардъ большой политической партіи социалдемократіи. Въ то время какъ борьба профессиональных союзовъ будетъ приводить къ все большему ожесточенію капитала, необходимо, чтобы социалдемократія своимъ участіемъ въ выборахъ, голосованіями въ парламентѣ, повсемѣстной агитаціей могла силой удержать буржуазію отъ нанесенія какого-нибудь политическаго удара рабочему классу, и работать такимъ путемъ надъ дальнѣйшимъ расширеніемъ политической свободы. Но кромѣ этого выдвигаются еще другія задачи, другія перспективы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Соціалдемократія съ 1890 года.

11. Обзоръ.

Мы попытались дать цѣльную картину уже теперь намѣчающагося развитія мірового рынка, и оказалось, что послѣ полутора десятка лѣтъ депрессіи снова наступаетъ періодъ подъема въ развитіи капиталистическаго производства. Это будетъ «періодъ бурь и натиска», характеризуемый открытіемъ такихъ огромныхъ рынковъ сбыта, такимъ подъемомъ производительныхъ силъ и такой обостренной борьбой интересовъ, какой до сихъ поръ никогда не переживалъ капиталъ. Несмотря на колебанія, правильное чередованіе подъемовъ и кризисовъ, этотъ періодъ, по крайней мѣрѣ въ Западной Европѣ, долженъ закончиться крушеніемъ капиталистическаго способа производства. Въ этомъ начинающемся развитіи Германія будетъ играть выдающуюся роль, такъ какъ ея промышленности удалось установить за послѣдніе 10—15 лѣтъ широкія и прочныя заокеанскія торговыя связи и быстро развивающіяся торговыя сношенія. Мы указали далѣе, что для нѣмецкаго рабочаго класса наилучшимъ способомъ непосредственнаго использования грядущаго развитія является усиленіе профессиональных союзовъ, съ цѣлью добиться возможности отвоевать у капиталистовъ экономической борьбой рядъ уступокъ въ видѣ повышенія заработной платы и улучшенія условій труда. Но развитіе профессиональных союзовъ представляетъ еще одну чрезвычайно важную выгоду: оно укрѣпляетъ, усиливаетъ организацію пролетаріата, сознавашаго свои классовые интересы, а это особенно важно потому, что крушеніе капиталистическаго производства произойдетъ въ такой моментъ, когда классовыя противорѣчія еще не выступаютъ въ своей самой чистой формѣ, и на долю пролетаріата выпадетъ задача создавать новый порядокъ вещей среди хаоса перекрещивающихся интересовъ. Наше изслѣдованіе привело насъ, наконецъ, къ установленію

взаимодѣйствія между профессиональнымъ и политическимъ рабочимъ движеніемъ и къ выясненію того, что дальнѣйшее развитіе профессиональнаго движенія въ Германіи возможно только подъ охраной могучей политической партіи — соціалдемократіи.

Наша главная задача теперь изслѣдовать, какъ отразится профессиональное движеніе на политической дѣятельности партіи, на всемъ характерѣ соціалдемократіи; для этого намъ прежде всего необходимо уяснить современное положеніе партіи.

Со времени паденія закона о соціалистахъ партія находится въ непрерывномъ броженіи, что — какъ и всегда въ политикѣ — проявляется время отъ времени въ борьбѣ мнѣній. Мы пережили споры съ позднѣйшими «независимыми», фольмаровскіе дебаты «о новомъ курсѣ», съ добавленіемъ «государственнаго социализма», кельнскіе дебаты о профессиональномъ движеніи, франкфуртскую атаку Бебеля на «мелкобуржуазность партіи» и, наконецъ, дебаты по поводу проектовъ аграрной программы. Всѣ эти споры, какъ они сами по себѣ ни непріятны, были, однако, показателями здороваго жизненнаго процесса и уяснили положеніе во многихъ направленіяхъ: теперь они позволяютъ намъ указать ихъ общіе источники и объяснить ихъ изъ общихъ условій.

Сначала нѣсколько замѣчаній о нѣмецкой соціалдемократіи вообще.

Существуетъ ложный взглядъ, будто развитіе соціалистической рабочей партіи Германіи объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ лучшимъ пониманіемъ хода капиталистическихъ отношеній, которое проявлено нѣмецкимъ рабочимъ классомъ или, иными словами, тѣмъ сознаніемъ, которое привнесено въ нѣмецкій рабочій классъ и благодаря которому классовая борьба пролетаріата направлена на завладѣніе орудіями производства и, слѣдовательно, на завоеваніе политической власти. Опытъ, вынесенный Англіей и Франціей за три четверти столѣтія, научная соціалистическая критика капиталистическаго общества, организаціонная дѣятельность Интернаціонала, личное вліяніе Маркса и Энгельса, пропаганда ихъ друзей и учениковъ и, въ первую голову, Фердинанда Лас-саля — все это оказывало вліяніе, котораго нельзя умалять, но главная причина лежитъ въ особенностяхъ историческаго развитія Германіи.

Объяснить такое явленіе, какъ нѣмецкая соціалдемократія, значитъ написать исторію Германіи за послѣднее столѣтіе. Политическая разорванность Германіи, вызвавшая въ буржуазіи стремленіе къ объединенію и въ то же время ясно обрисовавшая экономическую разъединенность этой буржуазіи, экономическая и политическая противоположность въ положеніи между мелко-буржуазной, мелкокрестьянской южной Германіи, съ одной

стороны, и юнкерской Пруссией и крупнобуржуазным Рейномъ, съ другой; движеніе 48 года, въ которомъ нѣмецкая буржуазія повсюду выступила трусливой предательницей пролетаріата; узурпаціи и захваты Пруссіи, приводившіе къ «опруссачиванію» цѣлыхъ народностей; новое нѣмецкое государство въ ежевыхъ прусскихъ рукавицахъ и подъ опекой Бисмарка, государство, лишенное всякихъ историческихъ традицій, словно акціонерное общество, основанное биржевиками, — вотъ тѣ моменты, которые препятствовали единодушному политическому выступленію буржуазіи и сдѣлали ее неспособной взять рабочій классъ на политическій буксиръ. Предоставленіе всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права подтверждаетъ это положеніе. Этимъ было доказано, что только нѣмецкій рабочій классъ въ состояніи создать прочную, единую, охватывающую всю Германію партію.

Главная политическая задача нѣмецкой буржуазіи была выполнена съ осуществленіемъ единства Германіи; одновременно начался головокружительный періодъ 70-хъ годовъ, и буржуазія утопала въ радостяхъ капиталистическаго накопленія; кризисъ же повелъ къ примиренію промышленниковъ съ аграріями, ради эксплуатаціи внутренняго рынка; такимъ образомъ, буржуазія въ теченіе этого промежутка времени не сумѣла выдвинуть на передній планъ ни одного политическаго вопроса, имѣвшаго общее значеніе. Чѣмъ же она могла заманить рабочій классъ? Одному лишь центру, т. е. партіи ультрамонтансвъ, «культуркампфъ» пошелъ на пользу и мы видимъ, что центръ до сихъ поръ руководитъ довольно большими массами рабочихъ. Рабочему классу было дано избирательное право; вмѣстѣ съ тѣмъ вся политическая ситуація толкала его къ самостоятельной постановкѣ политическихъ задачъ.

Особенно важны обстоятельства, препятствовавшія развитію профессиональнаго движенія, но допускавшія политическую дѣятельность рабочаго класса и тѣмъ самымъ неизбежно приводившія къ несоотвѣтствію въ развитіи политической партіи и профессиональныхъ союзовъ.

Сюда относится прежде всего промышленный характеръ Германіи. Германія уже въ 60-хъ годахъ была въ значительной мѣрѣ промышленной страной; но она была представлена на міровомъ рынкѣ второстепенными отраслями промышленности: химической, бумажной, кожевенной, стекольной, по обработкѣ гладкаго и рѣзного дерева и т. п. Всѣ эти отрасли промышленности, въ силу развитой техники соответствующихъ крупныхъ производствъ, занимаютъ сравнительно малое количество обученныхъ рабочихъ и много необученныхъ; но съ другой стороны, тамъ, гдѣ требуется квалифицированный трудъ — они допускаютъ мелкое производство. Машиностроеніе, такъ превосходно организованное въ Англіи, сильно еще отстало въ Германіи, ткацкая промышленность,

внезапно расширившаяся вслѣдствіе захвата Эльзасъ-Лотарингіи, изобиловала массой кустарей, работавшихъ на-дому. Въ 70-хъ годахъ рабочій классъ Германіи подвергся еще очень незначительной капиталистической концентраціи и промышленной вышкolkѣ; а эти обстоятельства являются очень важными факторами профессиональной борьбы.

Еще важнѣе экономической раздробленности нѣмецкой промышленности была ея мѣстная раздробленность, — обстоятельство, съ которымъ еще очень приходится считаться до сихъ поръ. Конечно, и въ Германіи есть области, представляющія собою какъ бы большіе промышленные бассейны; но только въ одной Германіи отдѣльныя отрасли промышленности, (за исключеніемъ такихъ, которыя самой техникой производства ограничены опредѣленной мѣстностью, напимѣръ, горное дѣло), такъ сильно разсѣяны по большимъ площадямъ и такъ разбросаны пятнами по странѣ. Ясно, какое вліяніе должно было оказывать это обстоятельство на профессиональную борьбу, которая разыгрывается именно въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства; дѣло организаціи и вообще совместное выступленіе рабочихъ тѣмъ легче, чѣмъ сплоченнѣе между собою рабочія массы. Въ Германіи же, чтобы создать сильныя профессиональныя организаціи, приходилось связывать между собой отдѣльныя мѣстности, удаленныя другъ отъ друга на сотни километровъ. Характернымъ примѣромъ этого можетъ служить союзъ рабочихъ по дереву, организаціи котораго разсѣяны ровно по 449 мѣстностямъ. Для политической дѣятельности рабочаго класса всѣ эти условія имѣютъ совершенно иное значеніе, такъ какъ эта дѣятельность связана не съ профессиональной концентраціей, а вообще со скученностью рабочихъ массъ въ опредѣленныхъ пунктахъ.

Вспомнимъ, наконецъ, 70-ые годы съ ихъ торговымъ кризисомъ, который менѣе всего могъ способствовать учрежденію профессиональныхъ — союзовъ.

Тѣмъ не менѣе, въ 70-хъ годахъ началось довольно сильное профессиональное движеніе; печатники, рабочіе табачныхъ фабрикъ, столяры и рабочіе по металлу уже въ 1877 году насчитывали въ своихъ союзахъ изрядное число членовъ; генеральная коммисія насчитывала въ 1877 году во всѣхъ профессиональныхъ союзахъ Германіи 45.000 членовъ; по докладу Бебеля въ Галле въ это время издавалось свыше 14 профессиональныхъ газетъ.

Появился на сцену законъ о социалистахъ, разрушавшій какъ политическую такъ и профессиональную организацію. Ясно, что профессиональнымъ союзамъ было труднѣе оправиться отъ ударовъ; потому то въ первый періодъ существованія закона о социалистахъ политическая партія была почти единственной формой рабочаго движенія. Событія, относящіяся ко времени закона о социалистахъ, очень важны для выясненія современнаго положенія партіи; поэтому мы посвятимъ имъ отдѣльную главу.

12. Законъ о социалистахъ.

Въ предыдущей главѣ мы сказали, что со времени предоставления нѣмецкому рабочему классу всеобщаго избирательнаго права, историческая необходимость потребовала отъ него самостоятельной постановки политическихъ задачъ. Такой задачей является завоеваніе политической власти для того, чтобы уничтожить частную собственность на средства производства и этимъ положить конецъ эксплуататорской системѣ производства. Эта задача даетъ общее направленіе политикѣ социалдемократіи и будетъ направлять ее, пока цѣль не будетъ достигнута. Но этого недостаточно для постоянной политической, т. е. парламентской дѣятельности. Если не обращать вниманія на политическіе интересы, выдвигаемые изъ дня въ день общественной жизнью и направлять всю политическую дѣятельность рабочаго класса единственно къ экспроприаціи класса капиталистовъ, то очень скоро встанешь передъ неизбежной дилемой: или добиться этой цѣли натискомъ, или отказаться отъ политической дѣятельности. Ибо, если передъ массами не поставлены ближайшія политическія цѣли, то массы не могутъ удовлетвориться долгое время однѣми теоретическими перспективами; они хотятъ осуществлять свои желанія, какъ можно скорѣе. Вотъ почему, когда не умѣютъ склонить вниманіе массъ къ политическимъ вопросамъ дня, онѣ рвутся къ немедленной рѣшительной битвѣ. Задача въ томъ и состоитъ, чтобы удержать массы отъ необдуманныхъ шаговъ и насколько возможно расширить и углубить организацію, въ которой только и заключается сила рабочаго класса. Къ этому нужно прибавить, что для предупрежденія окончательнаго физическаго истощенія рабочаго класса борьба съ капиталистической эксплуатацией необходима уже теперь. Такимъ образомъ, нѣмецкая социалдемократія скоро пришла къ сознанию необходимости повседневной практической политики.

Въ первые годы достаточно было сравнительно простаго парламентскаго агитаціоннаго матеріала, чтобы привести въ движеніе находящіеся подъ вліяніемъ социалдемократіи массы. Все было такъ ново; силы развертывались впервые, повсюду приходилось взрыхлять еще нетронутую почву, а небольшая горсть смѣльчаковъ въ рейхстагѣ имѣла противъ себя подавляющее парламентское большинство. Уже одна эта неравная борьба сосредоточивала общественное вниманіе на социалдемократіи и обеспечивала за ней симпатіи рабочаго класса. Вполнѣ понятно, что при этомъ упивались собственными успѣхами и рисовали себѣ болѣе бурный темпъ развитія, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ.

Задоръ юношеской борьбы еще не изсякъ, когда на сцену по-

явился законъ о социалистахъ. Законъ о социалистахъ былъ со стороны капиталистовъ актомъ большой трусости, ибо, несмотря на шумъ, опасность была вовсе не такъ велика, и рабочему классу было еще очень далеко до захвата власти. Эта трусость обнаружилась еще яснѣе въ одновременномъ выдвиганіи впередъ «соціальной реформы». Первая великолѣпно согласовалась со вторымъ. Съ одной стороны, благодаря законамъ о страхованіи, требованія рабочихъ выдвигались на первый планъ, и этимъ самымъ обращалось всеобщее вниманіе на парламентское представительство рабочихъ, на социалдемократію и давался ей огромный агитаціонный матеріалъ—съ другой, политическія преслѣдованія раздражали рабочія массы, выводили ихъ изъ равновѣсія, гнали въ оппозицію, развивали ея классовое сознаніе и приучали ее къ дисциплинѣ и организаціи.

Такимъ образомъ, во время закона о социалистахъ социалдемократіи не приходилось долго искать, на чемъ сосредоточить политическое вниманіе массъ. На первомъ планѣ стояли двѣ крупныя задачи: установленіе самаго широкаго законодательства о защитѣ труда и отмѣна закона о социалистахъ. Это давало матеріалъ къ непрерывной широкой агитаціи и обеспечивало интересъ къ парламентскимъ преніямъ. Всѣ эти вопросы касались исключительно рабочаго класса и, такимъ образомъ, чисто пролетарскій характеръ агитаціи былъ обеспеченъ. На второмъ планѣ, въ качествѣ пріятной переменны, стояли военные и налоговые проекты правительства. Но агитаціи по поводу этихъ законовъ никогда не была самоцѣлью; она всегда была приспособлена къ общей атакѣ противъ закона о социалистахъ и представлялась всегда частью общей борьбы противъ политическаго пораженія рабочаго класса. Это придавало ей, конечно, особую остроту. Профессиональные союзы, принужденные выносить во время промышленнаго кризиса исключительный законъ о социалистахъ, пострадали, конечно, очень сильно, именно потому, что въ качествѣ широкихъ организацій они болѣе нуждались въ широкой свободѣ союзовъ, чѣмъ политическое движеніе. Какъ централизованнымъ союзамъ, имъ приходилось испытать тяжесть не только исключительнаго закона, но и стѣсненія извѣстныхъ законодательныхъ постановленій о союзахъ, принятыхъ въ различныхъ нѣмецкихъ государствахъ. Нельзя отрицать также, что вначалѣ существованія закона о социалистахъ политическіе агитаторы проявляли порой отрицательное отношеніе къ профессиональнымъ союзамъ. Но это объясняется тѣмъ, что законъ о социалистахъ обострилъ классовыя противорѣчія. Въ этомъ отрицательномъ отношеніи замѣчалось нѣкоторое отчаяніе. Каждый говорилъ себѣ, все равно ничего не добьешься, пока не захватишь политической власти и не покончишь со всей этой мерзостью. Крайне характеренъ въ этомъ отношеніи примѣръ приведенный Клоссомъ на партийтагѣ въ Галле.

«Въ 1883 году въ Штуттгартѣ существовала мѣстная организація, насчитывавшая около 500 членовъ, несмотря на общій разгромъ; она держалась сравнительно на высокомъ уровнѣ до тѣхъ поръ, пока въ 1885—86 г. нѣсколько вліятельныхъ мѣстныхъ товарищей не заявило, что это движеніе является для нихъ изжитымъ. Рабочіе крупныхъ предпріятій Штуттгарта, привыкшіе считаться, главнымъ образомъ, со своими социалдемократическими товарищами по союзу, тоже рѣшили игнорировать союзъ. Такимъ образомъ, число членовъ начало таять и дошло до 120—130 человекъ. И лишь, когда товарищи (социалдемократы) убѣдились въ своей неправотѣ, организація снова окрѣпла и теперь насчитываетъ не 120, а 900—1000 членовъ».

Поворотъ въ настроеніи партіи намѣтился въ началѣ 70-хъ годовъ, когда одновременно съ незначительнымъ подъемомъ индустріи, для профессиональной борьбы открылись лучшія перспективы. Организации пополнялись и профессиональные союзы приобрѣли свой настоящий (въ 1895 году) численный составъ, главнымъ образомъ въ это время.

Законъ о социалистахъ дѣйствовалъ въ одномъ отношеніи чрезвычайно разрушительно: онъ съ корнемъ вырвалъ національ-либерализмъ—это подлинное представительство класса капиталистовъ. Цѣной обильной затраты на удобреніе патріотическаго навоза, въ 1887 году удалось получить отъ этого политическаго растенія еще нѣсколько сильно пахнущихъ цвѣтовъ; но то были послѣдніе цвѣты. Съ тѣхъ поръ національ-либерализмъ быстро вянетъ, скрючивается и на ближайшихъ общихъ выборахъ будетъ, повидимому, выброшенъ въ мусорную кучу.

Но законъ о социалистахъ окончательно отрѣзалъ буржуазіи политическій доступъ къ пролетариату; этимъ онъ ослабилъ буржуазію въ парламентѣ.

Законъ о социалистахъ создалъ массу недовольныхъ среди самой буржуазіи. Въ 1890 году, при паденіи закона о социалистахъ, у насъ получается слѣдующее положеніе.

Социалдемократія является большой политической организаціей рабочаго класса и въ то же время «самой большой» партіей Германіи. Область ея вліянія чрезвычайно велика; она выступаетъ не только въ рейхстагѣ, но и въ ландтагахъ и органахъ муниципальнаго представительства; она дѣйствуетъ не только при помощи широкой общественной агитаціи, но и посредствомъ довольно значительнаго числа голосовъ въ парламентѣ, что, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, имѣло большое значеніе.

Буржуазныя партіи разрознены, онѣ стоятъ безъ силъ между консервативными аграріями, съ одной стороны, и социалдемократами, съ другой; только центръ представляетъ изъ себя сплоченную массу.

Въ широкихъ слояхъ населенія исчезла боязнь социалдемократіи, да и буржуазные круги страны не отпатываются отъ нея въ страхѣ. Потому то партію ненавидитъ правительство и буржуазные парламентскіе дѣятели; чѣмъ ожесточеннѣе нападаютъ они на социалдемократію, тѣмъ болѣе теряютъ они своихъ приверженцевъ.

Чѣмъ слабѣе буржуазная оппозиція, тѣмъ болѣе населеніе привыкаетъ видѣть въ социалдемократіи представительницу даже буржуазныхъ оппозиціонныхъ интересовъ и тѣмъ чаще приходится ей фактически принимать на себя задачи буржуазной оппозиціи.

Социалдемократія появляется передъ нами въ двоякомъ видѣ: какъ парламентская организація классовыхъ интересовъ пролетариата и какъ большая оппозиціонная партія вообще. Подъ этимъ двойственнымъ знакомъ она и ведетъ свою борьбу, и въ этомъ ключъ къ нѣкоторымъ загадкамъ послѣднихъ лѣтъ.

13. Мелкобуржуазный элементъ въ партіи.

Вошло въ моду, какъ только кто-нибудь, чѣмъ-нибудь недоволенъ въ партіи, сейчасъ же притягивать на сцену «мелкобуржуазный элементъ». Мы вовсе не хотимъ оспаривать того, что въ партіи встрѣчаются мелкобуржуазныя теченія, съ которыми нужно бороться самымъ энергичнымъ образомъ; мы только думаемъ, что онѣ являются слѣдствіемъ болѣе общихъ причинъ, и для того, чтобы измѣнить положеніе дѣлъ, нужно спуститься значительно глубже, а не останавливаться на отдѣльных лицахъ и фактахъ. Прежде всего нужно рѣшить вопросъ, что является причиной и что слѣдствіемъ. Мелкобуржуазная политика вовсе не обуславливается исключительно присутствіемъ мелкобуржуазнаго элемента внутри партіи; она вытекаетъ скорѣе изъ общаго положенія дѣлъ и, разумѣется, въ свою очередь обуславливаетъ проникновеніе въ партію мелкобуржуазнаго элемента, что съ своей стороны, не можетъ оказывать обратнаго вліянія на партію. Нужно протестовать противъ возведенія «мелкобуржуазности» въ боевой лозунгъ. Иначе, вмѣсто объясненія извѣстныхъ явленій, отрѣзывается всякій путь къ ихъ уясненію. Какъ извѣстно, идею о «мелкобуржуазномъ элементѣ въ партіи» вызвали на сцену, послѣ паденія закона о социалистахъ, такъ называемые «молодые». Это было не ихъ изобрѣтеніе; они лишь повторяли на свой ладъ то, о чемъ до нихъ спорили въ партіи. Господинъ Гансъ Мюллеръ, тамбуръ-мажоръ, «независимыхъ» раструбилъ по свѣту эту идею, въ качествѣ самостоятельнаго изобрѣтенія. Послѣ франфуртскаго партейтага на «мелкобуржуазный элементъ» напалъ Бебель и притомъ со стороны, поразившей всѣхъ и вся. Мы не будемъ останавливаться на

вопросъ, насколько это было въ тактическомъ отношеніи цѣлесообразно: важно установить, что есть вѣрнаго въ этомъ спорѣ. Наблюдается смѣшеніе мѣщанства, порожденнаго самимъ партійнымъ движеніемъ, съ проникновеніемъ въ партію мелкобуржуазныхъ элементовъ изъ народа; оба слагаемыхъ подлежатъ раздѣльному обсужденію.

Если задать вопросъ, гдѣ мелкобуржуазные филистерскіе типы, вызванные къ жизни партійнымъ движеніемъ, то легко можетъ случиться, что всѣ начнутъ указывать пальцами другъ на друга. Никто не хочетъ изображать этой роли и каждый, можетъ быть, играетъ ее. Конечно, дѣло идетъ о живущихъ подъ облаками, а не о тѣхъ, кто сидитъ тамъ наверху, далекій отъ всего земного, и отъ кого, какъ извѣстно, нисходитъ лишь все благое.

Какъ обстоитъ дѣло въ дѣйствительности? Когда партія была еще мала, она нуждалась, конечно, въ значительно меньшемъ агитаціонномъ аппаратѣ; но какъ ни велико было самопожертвованіе пионеровъ движенія, все же и тогда нужны были матеріальныя средства, чтобы обезпечить организаторамъ и пропагандистамъ, газетнымъ писателямъ и прочимъ агитаторамъ ихъ буржуазное существованіе. Бурный ручеекъ сталъ теперь могучимъ потокомъ, который течетъ спокойнѣе, но съ несравненно большей силой. Ясно, что политическая партія почти съ двумя милліонами избирателей, распространенная по всей странѣ, съ 50 депутатами въ рейхстагъ, десятками газетъ, тысячами ежегодныхъ собраній, нуждается въ гораздо большемъ количествѣ агитаціонныхъ силъ, въ куда болѣе широкомъ и сложномъ агитаціонномъ и пропагандистскомъ механизмѣ. Было бы преступной нелѣпостью поставить такое движеніе въ зависимость отъ самопожертвованія отдѣльныхъ агитаторовъ, которые, при всемъ желаніи, могли бы удѣлять партіи только свободное время. Такимъ образомъ неизбежно существуетъ слой среднихъ политическихъ агитаторовъ, обнимающій тысячи лицъ, безъ которыхъ партія не могла бы существовать въ настоящихъ размѣрахъ.

Отдадимъ себѣ отчетъ въ томъ, изъ какихъ элементовъ состоитъ этотъ слой. Они концентрируются, въ первую линію, около партійной прессы; это—редакторы, партійные литераторы, экспедиторы и т. д., причемъ мы не причисляемъ сюда рабочихъ въ типографіяхъ и партійныхъ предпріятіяхъ, такъ какъ они остаются въ своей профессіи.

Профессіональные союзы также доставляютъ средства къ существованію значительному числу лицъ. Это пролетарское чиновничество среди котораго особенно выдѣляются депутаты, какъ получающіе діеты такъ скудно вознаграждаются, какъ никакое другое, и завалено сверхъ силъ самой разнообразной и пестрой работой.

Мелкіе лавочники, содержатели рабочихъ трактировъ и т. п.—словомъ профессиональная мелкая буржуазія выдѣлилась, какъ извѣстно, изъ среды партійныхъ агитаторовъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ закона о социалистахъ; но число ихъ по сравненію съ вышеупомянутой группой, незначительно.

За ними стоитъ самая многочисленная группа агитаторовъ, рабочихъ по профессіи, которые, на примѣръ, составляютъ значительное большинство на сѣздахъ отдѣльныхъ странъ. Всѣ они поддерживаютъ оживленныя сношенія другъ съ другомъ, очень тѣсно связаны между собою и должны разсматриваться какъ одно цѣлое, когда хотятъ опредѣлить ихъ политическое вліяніе.

Гдѣ же сытое и обезпеченное существованіе? Приходится только изумляться. Обезпеченность существованія этихъ партійныхъ работниковъ очень своеобразна! Не говоря ужъ о томъ, что всякое политическое притѣсненіе раньше и больше всего задѣваетъ именно ихъ, все ихъ матеріальное существованіе тѣсно связано съ судьбами партіи. Всякая убыль партійнаго движенія отзывается на нихъ немедленно и наиболѣе чувствительно. Поэтому всѣ ихъ стремленія направлены къ тому, чтобы спланивать пролетарскія массы, и никто болѣе ихъ не интересуется настроеніемъ рабочихъ массъ. Самостоятельныхъ матеріальныхъ интересовъ они вовсе не имѣютъ. Ихъ матеріальный интересъ заключается въ томъ, чтобы лучше всего защищать матеріальные интересы рабочаго класса. Вотъ и все.

Но именно потому, что этотъ промежуточный политическій слой такъ несамостоятеленъ, онъ вѣрнѣе всего отражаетъ общее политическое положеніе; онъ реагируетъ тотчасъ, какъ на него оказываютъ давленіе сверху или снизу; если нѣтъ ни того, ни другого, онъ быстро впадаетъ въ рутину. Было бы несправедливо дѣлать его за это отвѣтственнымъ; вѣдь онъ всегда готовъ на все хорошее, но это хорошее должно показаться съ какой-нибудь стороны, а не прятаться стыдливо въ закоулки.

Такъ обстоитъ дѣло съ «мѣщанствомъ въ партіи». Впрочемъ, это понятно: когда въ партіи не все идетъ такъ, какъ желательно, высшіе ругаютъ низшихъ, а низшіе тоже ругаются.

Теперь обратимся къ мелкобуржуазнымъ элементамъ народа, которыми партія якобы чрезвычайно обогатилась за послѣднее время. Это звучитъ очень правдоподобно, но еще менѣе выдерживаетъ критику, чѣмъ исторія съ членами партіи, ведущими мелкобуржуазное существованіе. Въ партіи всегда были мелкіе купцы и мелкіе ремесленники; и они должны были оказывать тѣмъ большее численное вліяніе, чѣмъ слабѣе были силы партіи. Колоссальный ростъ социалдемократіи показываетъ, что къ ней притекаютъ именно пролетарскія массы. Развитіе крупной промышленности, которое было особенно сильнымъ въ 80-хъ годахъ

въ свою очередь повліяло на болѣе энергичное заполненіе рядовъ социалдемократіи промышленными рабочими. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на избирательную картограмму Германіи, чтобы убѣдиться въ томъ, что сила социалдемократіи концентрируется почти исключительно въ большихъ городахъ и промышленныхъ областяхъ. Вспомнимъ также, что именно въ послѣднее время большія массы мелкой буржуазіи направились въ русло антисемитизма.

Въ виду этихъ обстоятельствъ мы нисколько не сомнѣваемся, что въ настоящее время пролетарскій элементъ представленъ въ партіи, и абсолютно и относительно, несравненно сильнѣе, чѣмъ раньше.

14. На распутьи.

Послѣ большихъ успѣховъ избирательной кампаніи 1890-го года и послѣдовавшаго за ними паденія Бисмарка и отмены закона о социалистахъ, вся партія чувствовала, что она вступаетъ въ новую политическую эру. Какъ ни благоприятно было новое положеніе партіи, но она чувствовала, что она таитъ въ себѣ непредвидѣныя трудности и что ей придется считаться съ значительно возросшими требованіями, которыя будутъ ей предъявляться. Лондонскій «Соціалдемократъ» и партійная пресса вообще горячо обсуждали вопросъ о необходимости не ограничиваться «отрицательной» тактикой, но, наоборотъ, перейти къ положительной парламентской работѣ.

Такимъ образомъ, мысль о «положительной работѣ» возбуждена впервые вовсе не Фольмаромъ. Споръ съ Фольмаромъ вращался не вокругъ этого вопроса, — главнымъ образомъ, онъ касался оцѣнки «новаго курса», т. е. отношенія правительства и правящихъ партій къ рабочему движенію. Съ этими вопросами теперь покончено. Какъ долженъ смѣяться Фольмаръ, припоминая свои легковѣрные и благожелательныя сужденія, насчетъ тогдашняго политическаго положенія. Вѣдь онъ полагалъ, что съ «политикой крови» по отношенію къ социалдемократіи покончено, что полное опасностей положеніе, созданное намѣреніемъ Бисмарка рѣшить при первой возможности борьбу съ социалдемократіей «военной силой», теперь уже минуло, что «принципіальное противодѣйствіе какимъ бы то ни было реформамъ и измѣненіямъ, наконецъ, сломлено»; онъ надѣялся добиться успѣха, «вступивъ на путь переговоровъ», усвоивъ политику «самоограниченія» и т. д. Съ тѣхъ поръ мы имѣли много случаевъ познакомиться съ выраженіемъ этихъ «добрыхъ намѣреній» правящихъ классовъ, равно и оцѣнить ихъ. Практика судовъ и полиціи, проекты «закона про-

тивъ крамолы» и прочія дикія выходки, ограниченіе избирательнаго права въ Саксоніи, все это свидѣтельствуетъ о «добромъ намѣреніи» — покончить съ социалдемократіей какимъ угодно путемъ. А насколько «сломлено принципіальное противодѣйствіе какимъ бы то ни было реформамъ и измѣненіямъ», — это показываютъ дебаты объ охранѣ труда въ пекарняхъ. Короче говоря, все это вещи окончательно рѣшенныя, и надо думать, что самому Фольмару надоѣло стоять съ «открытой рукой» и онъ давно постарался запрячь руки въ карманы.

Но чѣмъ сильнѣе приходилось протестовать противъ Фольмаровской оцѣнки политическаго положенія, тѣмъ меньше, вообще говоря, можно было возразить противъ выставленныхъ имъ требованій практической политики. Въ сущности это были требованія, давно уже внесенныя въ порядокъ дня партійной политики: расширеніе законодательства объ охранѣ труда, свобода союзовъ, уничтоженіе хлѣбныхъ пошлинъ и «законодательство о промышленныхъ картеляхъ». Послѣднее требованіе — такого свойства, что о немъ придется, конечно, еще тщательно подумать, прежде чѣмъ подписаться подъ нимъ.

Если спросить, что же въ этомъ отношеніи измѣнилось со времени Эрфурта, то придется отвѣтить: «очень мало», достигнуто же — и того меньше. Характернѣе всего, что самъ Фольмаръ меньше всѣхъ другихъ занимался выставленной имъ программой агитаціи, программой ближайшихъ требованій, и т. д.

Вмѣсто того, чтобы развить въ странѣ широкую агитацію противъ хлѣбныхъ пошлинъ, онъ ослѣлъ въ баварскомъ ландтагѣ и вмѣстѣ съ крестьянами плакался на плохія времена. Мы склонны думать, что съ точки зрѣнія агитаціи среди баварскихъ крестьянъ, врядъ-ли было бы желательнымъ открыть широкую социалдемократическую агитацію противъ хлѣбныхъ пошлинъ. Въ дальнѣйшемъ, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать охранѣ труда въ Германіи, Фольмаръ занялся государственнымъ страхованиемъ скота въ Баваріи и тому подобными вещами.

Почему же ни одно изъ вышеупомянутыхъ требованій нашей практической программы не было выдвинуто агитаціей на первый планъ? Въ отношеніи законодательства по защитѣ труда, полагали, что поведеніе буржуазныхъ партій парламента не позволяетъ надѣяться осуществить это законодательство въ ближайшемъ будущемъ и что, кромѣ того, періодъ промышленной депрессіи крайне неблагоприятенъ для соотвѣтствующей широкой агитаціи. Вопросъ о пониженіи или даже отменѣ хлѣбныхъ пошлинъ потерялъ свою остроту вмѣстѣ съ паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ; наоборотъ, легко было предвидѣть, что вести въ настоящій моментъ такого рода агитацію, значило бы играть въ руку аграріямъ. Что же касается вопроса о свободѣ союзовъ — который, впрочемъ, разбирался въ

парламентъ—то общественное вниманіе было всецѣло сосредоточено на «законопроектъ противъ крамолы».

Несмотря на всю силу приведенныхъ основаній, мы все же полагаемъ, что можно было бы сдѣлать и больше. Хулить прошлое не входитъ въ нашу задачу: мы говоримъ о немъ, чтобы уяснить настоящее.

Все таки нужно было сдѣлать что-нибудь центромъ ближайшей агитаціи. Это агитаціонное требованіе должно быть осуществимо въ капиталистическомъ обществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть такое соціально-политическое содержаніе, которое могло бы надолго захватить рабочія массы. Но вышеупомянутыя требованія отошли на задній планъ, не найдя себѣ никакого замѣщенія. Первое время выручали «дебаты о бѣдственномъ положеніи». Они были хороши постольку, поскольку давали партіи возможность выдвигать свою пролетарскую классовую точку зрѣнія, въ особенности, при провокаторскомъ поведеніи буржуазіи, но все это было случайно и преходяще.

Отъ парижскаго интернаціональнаго конгресса партія получила общій агитаціонный лозунгъ: майская демонстрація. Но тамъ, гдѣ празднованію перваго мая невозможно придать какое-нибудь специальное содержаніе, оно находится въ очень тѣсной зависимости отъ восьмичасоваго рабочаго дня. Такъ какъ въ Германіи вопросъ объ охранѣ труда отступилъ, вообще, на задній планъ, а профессиональная борьба очень сильно страдала отъ заминки въ дѣлахъ, то и майскій праздникъ естественно утратилъ большую долю своей актуальности. Массовыя демонстраціи, правильно повторяющіяся, но организуемыя лишь изъ общихъ соображеній, теряютъ свой интересъ. Вниманіе массъ должно быть сконцентрировано на опредѣленной близкой цѣли, будетъ ли это нормальный рабочій день, всеобщее избирательное право или что-нибудь другое. Массы должны чувствовать, что путемъ демонстраціи они дѣйствуютъ активно, борются, все приближаясь къ ясной, осязательной цѣли. Добиться отъ рабочихъ первомайской забастовки было трудно, не только по причинѣ экономической нужды, но и потому что они себѣ говорили, что изъ-за одной майской резолюціи, принимаемой лишь на одинъ моментъ и несвязанной съ агитаціей въ теченіе года, не стоитъ терять рабочій день и рисковать общимъ разсчетомъ. Интернаціональная солидарность, конечно, очень важный факторъ, но она можетъ выразиться во всей широтѣ лишь тогда, когда связана съ непосредственными интересами, предполагающими интернаціональныя дѣйствія. Чѣмъ больше утрачивалъ майскій праздникъ свое политическое значеніе, тѣмъ больше онъ превращался въ увеселительное празднество. «Пробужденіе природы», ландыши, танцующія дѣти, гномы и святое писаніе!

Когда партія, ободренная исходомъ февральскихъ выборовъ,

пустилась на всѣхъ парахъ по пути парламентской дѣятельности и принялась за «положительную» работу, оказалось, что общее политическое положеніе еще менѣе, чѣмъ прежде, благопріятно для широкой парламентарской политики.

Однако, въ Галле уже были люди, разсматривавшіе положеніе съ другой точки зрѣнія; на дискуссію о профессиональныхъ союзахъ въ Галле обращали съ тѣхъ поръ мало вниманія, тѣмъ не менѣе она, по нашему мнѣнію, содержала въ себѣ болѣе правильное пониманіе положенія, чѣмъ высоко-политическія рѣчи, произнесенныя въ Галле и Эрфуртѣ.

15. Политическія сумерки.

Парламентарскую дѣятельность партіи можно охарактеризовать въ немногихъ словахъ слѣдующей формулой: борьба съ законопроектами правительства. Это вовсе не значитъ, что партія не вносила самостоятельныхъ предложеній; она дѣлала это очень часто; но все, что дѣлалось въ этомъ направленіи, отступаетъ на задній планъ, сравнительно съ общей оппозиціонной дѣятельностью партіи; парламентарская тактика была, такимъ образомъ, не «положительной», а скорѣе «отрицательной», какъ во время закона о социалистахъ.

Правда, результаты этой «отрицательной» тактики могли быть очень «положительными», напр., когда дѣло шло о противодѣйствіи политическимъ преслѣдованіямъ. «Законъ о проектѣ противъ крамолы» подѣйствовалъ освѣжающе; это былъ объектъ чистой классовой борьбы и являлся фокусомъ, къ которому сбѣгались всѣ нити партійной политики.

Правда, были также проекты военныхъ законовъ и законовъ о налогахъ; но здѣсь-то и сказалось различіе въ политическомъ положеніи.

Законъ о социалистахъ, какъ мы указывали выше, придавалъ всему свою окраску. Борьба противъ опредѣленныхъ налоговъ была въ то же время борьбой противъ закона о социалистахъ. Теперь все это отошло въ прошлое. Партія интересуется теперь налогами и милитаризмомъ, какъ таковыми, какъ извѣстными проявленіями капиталистическаго режима; и интересъ этотъ безусловно очень великъ. Но какъ ни подходить къ этимъ вопросамъ, на практикѣ поведеніе рабочаго класса по отношенію къ нимъ такое же, какое свойственно мелкой буржуазіи и мелкому крестьянству. Конечно, научный социализмъ, вскрывающій взаимоотношенія между политическими явленіями и капиталистической формой общественнаго устройства, смотритъ теоретически на всѣ эти вопросы совершенно иначе, чѣмъ мелкій буржуа.

Теорія очень важна для внесенія въ среду пролетаріата политическаго сознанія, но она не можетъ служить для установленія различій въ характерѣ парламентской дѣятельности. Съ парламентской точки зрѣнія теоретическое обоснованіе является только украшеніемъ. Что важно, такъ это практическое и непосредственное дѣйствіе опредѣленныхъ мѣропріятій. Вотъ почему въ этихъ случаяхъ такъ легко, широко агитируя въ массахъ, сойти съ принципиальной точки зрѣнія. Ближайшіе доводы лежатъ не въ области теоріи, а при массовой агитации останавливаются на ближайшемъ и самомъ осязательномъ.

Принципиальная сторона должна заключаться въ предъявляемыхъ политическихъ требованіяхъ, и тогда принципиальное обоснованіе выступаетъ наружу само по себѣ. Съ пролетарской точки зрѣнія это отсутствуетъ въ вопросахъ о налогахъ и милитаризмѣ; потому то оба вопроса постоянно входили въ политическую область совмѣстнаго выступленія рабочаго класса и мелкой буржуазіи.

Но, если, согласно вышеприведеннымъ основаніямъ, агитация противъ налоговъ и военныхъ проектовъ теряла въ принципиальной цѣнности, то въ практическомъ значеніи она выиграла съ тѣхъ поръ, какъ социалдемократія стала сильной партіей. Само собой разумеется, что социалдемократія раньше не могла и думать о томъ, чтобы своей агитацией сколько-нибудь вліять на судьбу законопроекта, если не считать закона о социалистахъ. Теперь она стала, во всѣхъ отношеніяхъ могучимъ парламентскимъ факторомъ: она вліяетъ, какъ голосованіемъ, такъ и давленіемъ на другія партіи. Нимало не роняя своего достоинства, благодаря естественному ходу собственнаго развитія и происшедшей въ политическихъ отношеніяхъ перемѣнѣ, социалдемократія становится большой оппозиціонной партіей. Но *noblesse oblige*! Ея парламентское вліяніе становится факторомъ, съ которымъ она, какъ политическая партія, должна считаться. Въ моменты парламентскихъ рѣшеній, чтобы не повредить общему дѣйствію, оказывается полезнымъ воздерживаться отъ рѣзкихъ подчеркиваній различій съ одинаково-голосующими партіями. Кто находится на такомъ важномъ мѣстѣ, тотъ долженъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ; общественное мнѣніе—сила, зачѣмъ же добровольно портить съ ней отношенія, если этого можно избѣгнуть? И вотъ такимъ образомъ вырабатывается своего рода парламентская конкуренція съ лѣвыми партіями. Общественное мнѣніе ждетъ, что социалдемократія возьметъ на себя руководство оппозиціей: нельзя не лишать себя этого важнаго положенія! Привыкли къ тому, что социалдемократы произносятъ наиболѣе пространныя рѣчи и стоятъ всегда на первомъ мѣстѣ; прежде же имъ едва предоставляли слово. При каждомъ парламентскомъ обсужденіи задается вопросъ: а какъ социалдемократія? И социалдемократія спѣшитъ выставить своего оратора. Не

трудно представить себѣ, что такого рода парламентское соперничество съ буржуазными партіями легко можетъ стереть демаркаціонную линію между социалдемократіей и другими партіями.

Но проекты налоговъ и военные законопроекты являются во всякомъ случаѣ центральными вопросами парламентской дѣятельности. Хотя ихъ и не мало, но они вносятся не каждый день. Обычно же приходится ограничиваться парламентскими мелочами. Политическая дѣятельность размѣнивается на эти мелочи и количество ихъ замѣняетъ качество. Не проходитъ ни одного дня въ парламентѣ безъ вмѣшательства социалдемократовъ. Опытъ десятилѣтій выработалъ находчивыхъ и вполне знающихъ парламентаріевъ. Нѣтъ лучшихъ знатоковъ парламентской исторіи Германіи, чѣмъ социалдемократическіе депутаты. Вотъ почему социалдемократія успѣваетъ быть повсюду и занимаетъ опредѣленное положеніе по каждому вопросу.

Это встрѣчаетъ похвалу, а похвала обманываетъ. Подчасъ похвалы были очень велики, когда дѣло шло о вещахъ, въ которыхъ рабочія массы были заинтересованы лишь весьма поверхностно. Откуда же раздаются эти возгласы одобренія? Подобно тому какъ существуетъ дипломатическій и общественный полусвѣтъ, имѣется также и политическій полусвѣтъ. Этотъ политическій полусвѣтъ рекрутируется изъ круговъ литераторовъ, врачей, адвокатовъ, чиновниковъ и вообще изъ представителей либеральныхъ профессій съ примѣсью мелкихъ купцовъ и другихъ мелкобуржуазныхъ элементовъ. Эти люди не принадлежатъ ни къ какой партіи, но они, тѣмъ не менѣе, страстные политики, отчаянные брюзги, вздорные протестанты, всѣмъ и каждымъ недовольные, они—ненадежны, склонны къ предательству и падки на сенсацію. Какъ ихъ ни мало, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ они способны сочинить большой шумъ, такъ какъ они обладаютъ сильнымъ вліяніемъ на буржуазную прессу, писательскій персоналъ которой рекрутируется изъ ихъ рядовъ. Если кто-либо создаетъ буржуазное общественное мнѣніе, такъ это именно они и конечно, большею частью въ интересахъ капитала. Иногда же они поднимаютъ большой шумъ изъ-за мелочей, руководясь личными побужденіями. Такимъ образомъ, за общественное мнѣніе нерѣдко принимается то, что на самомъ дѣлѣ является лишь шумомъ, гамомъ и визгомъ политическаго полусвѣта.

Изъ этихъ же круговъ выходятъ обыкновенно и тѣ буржуазные элементы, которые стремятся вступить въ личныя отношенія къ социалистическимъ вождямъ,—хотя бы только для того, чтобы получить отъ нихъ пинокъ. Социалдемократическій вождь сталъ теперь вообще крупной величиной; за нимъ бѣгаютъ и ухаживаютъ. Ученые, художники, литераторы, социальнополитическіе прожектеры, пописывающія дамы всѣхъ классовъ, не знающія куда дѣваться

дѣвицы, женщины съ неудавшейся семейною жизнью—всѣ они преслѣдуютъ его по-пятамъ, въ парламентѣ и на дому, устно и письменно, тѣснятъ вокругъ него, лѣстятъ, глядятъ ему въ глаза, виснутъ къ нему на шею, ловятъ его слова и аплодируютъ каждому его слову, каждому движенію! Иные лѣзутъ къ нему изъ простаго любопытства, словно передъ ними «чудо-женщина съ бородой» или что-нибудь въ этомъ родѣ. Нужно быть неисправимымъ идеологомъ и не знать совершенно человѣческой природы, чтобы не понимать того, что этотъ рой комаровъ, носящійся постоянно передъ глазами и жужжащій въ ушахъ, въ состояніи иной разъ обмануть вѣрность сужденія, выдавая мелочь за великое дѣло.

Но даже тогда, когда одобреніе исходитъ отъ народныхъ массъ, это вовсе еще не можетъ служить прочнымъ доказательствомъ правильности выбора тактическаго пути. Вообще говоря, сенсация играетъ въ общественной жизни выдающуюся роль: это опредѣленно ощущалось во время колониальныхъ дебатовъ, обсужденія вопроса о дуэли и т. п. Широкая оппозиціонная партія пользуется наибольшимъ успѣхомъ: это и есть то, что привлекаетъ всегда все дальше, въ противоположность неудачѣ, заставляющей обернуться назадъ. Увѣренныя въ успѣхѣ, начинаютъ менѣе критически относиться къ своему дѣлу: «и такъ сойдетъ». Незамѣтно и постепенно приходятъ къ тому, что тактику приравниваютъ главнымъ образомъ къ минутнымъ надеждамъ, чаяніямъ и желаніямъ различныхъ слоевъ народа. Этимъ стремленіямъ отвѣчали, напримѣръ, проекты аграрной программы, особенно, южно-германскій проектъ.

При всемъ томъ, не слѣдуетъ забывать, что въ партіи еще живетъ и дѣйствуетъ традиція закона о социалистахъ. Это, наряду съ партизанскою борьбой съ полиціей, спасало отъ иныхъ подводныхъ камней. Кромѣ того, руководящую роль занимаютъ лица, которые участвовали въ политическомъ движеніи со времени его возникновенія и даже, въ извѣстномъ смыслѣ, создавали его. Научный социализмъ вообще придаетъ очень мало значенія личностямъ, но есть политическіе моменты, когда отъ нихъ зависитъ очень многое. Когда говорятъ: «не стой эти лица во главѣ, дѣла пошли бы плохо», то это служитъ признакомъ развивающейся политической слабости.

Но все таки, конечно, было бы громадною ошибкой изъ-за всего этого поставить крестъ надъ парламентаризмомъ: отправляйся молъ въ преисподнюю. Скорбь же о прошедшемъ, когда партія была мала, но безпорочна, бесполезна, такъ какъ, если бы и возвратить вчерашній день, то она завтра все равно очутилась бы въ томъ же положеніи. Это все трудности, связанныя съ существованіемъ большой политической партіи, которая надлежитъ преодолѣть; партія же должна быть большой, чтобы чего-нибудь достигнуть. Не годится также всецѣло отказываться отъ второстепенныхъ парла-

ментскихъ вопросовъ. Бѣда не въ томъ, что наша парламентская фракція занимается вопросами мелкими, а въ томъ, что другіе вопросы, болѣе важные, отходятъ на задній планъ, что весь политическій интересъ поглощается одними мелочами. Намъ нужно выдвигать въ парламентѣ принципиальныя задачи. Нужно, чтобы рабочій классъ получилъ возможность вести въ парламентѣ пролетарскую классовую борьбу. Пока онъ не будетъ знать иной почвы борьбы, чѣмъ та, на которой стоитъ и мелкая буржуазія, до тѣхъ поръ и пролетарская парламентская тактика не можетъ быть рѣзко отграничена отъ дѣятельности мелкобуржуазной оппозиціи.

Отдѣльная личность не въ состояніи выдвинуть на первый планъ наперекоръ общему политическому положенію желательныхъ ей политическихъ задачъ. Объ этомъ должно позаботиться, экономическое и политическое развитіе. Но, что возможно—такъ это предвидѣть грядущее развитіе и быть наготовѣ для того, чтобы использовать въ полной мѣрѣ благоприятно измѣнившіяся условія.

16. Партійная пресса.

Можно было бы ожидать, что пресса явится той областью, въ которой раньше всего разовьется планомѣрная социалистическая агитация. Состояніе мірового рынка, состояніе политическихъ партій, состояніе внутри парламента—все это не измѣняется по желанію. Но хотя пресса также подвергается вліянію всѣхъ вышеупомянутыхъ условій, она все же даетъ достаточно простора для свободной, хорошо продуманной самодѣятельности. Пресса не должна быть рабомъ минуты; въ періодъ политическихъ сумерекъ на ея долю какъ разъ выпадаетъ чрезвычайно почетная задача: сохранить въ чистотѣ принципы, внести социалистическое сознаніе, возбуждать духъ классовой борьбы и бороться съ мелкобуржуазными теченіями при посредствѣ теоретическихъ доводовъ, историческаго опыта и партійной традиціи, служа, такимъ образомъ, партіи лоцманомъ среди встрѣчающихся подводныхъ камней и выводя ее на просторъ. Если социалистическія задачи и не всегда подчиняютъ себѣ практическую политику, то возможность распространять идеи социализма имѣется на-лицо постоянно. Это и есть главный долгъ партійной прессы.

Поскольку мы знакомы съ партійной литературой, для насъ несомнѣнно, что современныя партійныя газеты стоятъ выше газетъ, издававшихся до закона о социалистахъ; это относится не только къ ихъ численности и распространенности, но и къ знанію и умѣнью при ихъ составленіи, точно также какъ къ болѣе принципиальной постановкѣ вопросовъ. Возможно, что нѣкоторые партійные товарищи будутъ отрицать это, но нельзя судить

по впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ прошлаго. Въ первое время движенія, когда все было такъ ново и такъ смѣло, каждое слово производило совершенно иное впечатлѣніе. Читатель воодушевлялся и волновался прежде еще, чѣмъ развернулъ листъ газеты. Газета читалась совершенно иначе, чѣмъ теперь, если же взять теперь въ руки старую партійную газету, то она читается далеко не съ прежнимъ чувствомъ.

Но еще больше выросли задачи партійной прессы, требованія, которыя ей приходится удовлетворять—фактъ, дающій единственно-правильный масштабъ для сужденія о прессѣ. Если разсуждать относительно, сопоставляя силы и средства съ дѣятельностью партійной прессы тогда и теперь, то, конечно, результаты получаются совершенно иные; но вѣдь важнѣе всего опредѣлить, насколько партійная пресса удовлетворяетъ требованіямъ даннаго времени.

Нужно прежде всего остановиться на партійныхъ газетахъ, потому что онѣ имѣютъ наибольшее агитаціонное значеніе. Здѣсь приходится наибольшее вниманіе удѣлать нашему центральному органу «Vorwärts'u» и его отношенію къ провинціальной прессѣ. Было бы большою ошибкой централизовать газетное дѣло; мѣстные органы вступаютъ въ болѣе близкія отношенія къ рабочей массѣ, считающей мѣстный органъ не только своимъ достояніемъ, но и литературнымъ представителемъ мѣстныхъ интересовъ. Только благодаря этому создавалась возможность конкурировать съ большими «безпартійными» изданіями продающимися дешево, благодаря получаемому ими доходу отъ объявленій. Но что безусловно необходимо, такъ это совмѣстная работа центрального органа и мѣстной прессы. Нужно такъ вести центральный органъ, чтобы мѣстная пресса могла бы въ немъ находить богатый обще-политическій и серьезный социалистическій агитаціонный матеріалъ. Мѣстные газеты должны имѣть возможность заимствовать этого рода матеріалъ, главнымъ образомъ, изъ центрального органа—тогда онѣ въ большей степени смогутъ посвятить себя мѣстнымъ задачамъ политическаго профессиональнаго характера. На самомъ дѣлѣ «Vorwärts» и теперь даетъ много матеріала для перепечатокъ; онъ давалъ бы еще больше, если бы онъ велся иначе.

Общая критика нашего центрального органа, «Vorwärts'a» не входитъ въ нашу задачу, для этого намъ прежде всего пришлось бы критиковать его отношеніе къ парламентскимъ и обще-политическимъ вопросамъ; насъ же интересуетъ, главнымъ образомъ, его вліяніе въ дѣлѣ распространенія и пропаганды основныхъ социалистическихъ идей.

Приблизительно со времени Берлинскаго партейтага въ поведеніи «Vorwärts'a» произошла замѣтная перемѣна. Прежде онъ въ высшей степени живо откликался когда дѣло шло о соблюденіи прин-

ципа, за что по его адресу раздавались даже упреки въ излишнемъ усердіи. Теперь же онъ, кажется, держится того мнѣнія, что событія надо предоставить собственному теченію. Именно эту политику онъ преслѣдовалъ и послѣ Франкфуртскаго партейтага и во время аграрныхъ дебатовъ. Онъ воспроизводилъ всѣ мнѣнія, существующія въ партіи, но самъ не сдѣлалъ ни шагу для того, чтобы выяснитъ положеніе. Центральный органъ вовсе не является резервуаромъ, куда стекаются всѣ мнѣнія и откуда всякій черпаетъ все, что захочетъ. Центральному органу надлежитъ занимать не только рѣшительную и принципиальную позицію, но въ случаѣ возникновенія партійныхъ разногласій—его первѣйшей обязанностью является самостоятельное и возможно полное обсужденіе вопроса.

«Vorwärts» занимаетъ наиболѣе вліятельное и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе видное мѣсто въ партіи, на что въ другихъ органахъ склонны смотрѣть сквозь пальцы, то не можетъ пройти незамѣченнымъ на его страницахъ. Центральный органъ долженъ быть руководящимъ органомъ партіи.

Съ указанной нами точки зрѣнія мы ставимъ на видъ Vorwärts'u, главнымъ образомъ то, что онъ постепенно превратился въ чисто парламентскую газету. Великое историческое социалистическое движеніе не слагается исключительно изъ политической дѣятельности, а политическая дѣятельность не сводится къ парламентаризму. Пресса должна быть прежде всего далека отъ того, что Марксъ называетъ «парламентскимъ кретинизмомъ»—«болѣзнью, поражающей свои несчастныя жертвы возвышенною увѣренностью, будто весь міръ съ его исторіей и будущимъ направляется и опредѣляется извѣстнымъ большинствомъ голосовъ того особаго представительнаго органа, который имѣетъ честь считать ихъ въ числѣ своихъ членовъ, и что рѣшительно все, происходящее внѣ стѣнъ парламента—войны, революціи, постройка желѣзныхъ дорогъ, канализація цѣлыхъ новыхъ континентовъ, калифорнійскіе золотые рудники, центрально-американскіе каналы, русскія войска,—словомъ все, что можетъ то же нѣкоторымъ образомъ претендовать на вліяніе на судьбы человѣчества—все это ничто въ сравненіи съ громадными событіями, покояющимися въ нѣдрахъ того вопроса, на который, независимо отъ его содержанія, обращено въ данный моментъ вниманіе почтеннаго собранія». А «Vorwärts» постепенно доходитъ до того, что отдаетъ все свое вниманіе нѣмецкому рейхстагу. Большинство его передовыхъ статей и политическихъ обзорѣвъ посвящено законамъ и законо-проектамъ, парламентскимъ партіямъ и всему, что къ этому относится. Вмѣсто того, чтобы бороться съ сычущими песками парламентскихъ мелочей, которыми такъ богаты послѣдніе годы, путемъ постановки широкихъ вопросовъ и обсужденія внѣ парламентскихъ событій міровой политики, «Vorwärts» все погружается въ парламентское крапаніе, почти не отрываясь

отъ этого, расточающаго время занятія. Онъ скученъ, при этомъ, уже по одному тому, что всегда отстаетъ, такъ какъ наши парламентаріи основательно и быстро исполняютъ эту работу на мѣстѣ. Еслибы въ Ц. О. на мѣсто руководящей статьи по ошибкѣ была напечатана парламентская рѣчь социалдемократа, то многіе и не замѣтили бы такой ошибки. Это ведетъ, между прочимъ, къ тому, что статьи по формѣ и по содержанию больше всего рассчитаны на борьбу съ буржуазными парламентаріями и генералами, чѣмъ на пропаганду идей социализма среди рабочихъ. Въ смыслѣ социалистической пропаганды «Vorwärts» даетъ очень мало; отсюда частыя жалобы на недостатокъ въ «разъясняющихъ статьяхъ». По этой же причинѣ и профессиональныя газеты очень мало могутъ заимствовать изъ «Vorwärts'a».

Другимъ органомъ, призваннымъ на ряду съ Vorwärts'омъ стоять на стражѣ партійныхъ принциповъ и формально предназначеннымъ дѣлать это, является «Neue Zeut», научный партійный журналъ. «Neue Zeut» сослужилъ огромную службу распространеніемъ научно-социалистической критики въ литературѣ вообще. И конечно, этому журналу нельзя сдѣлать упрека въ томъ, что онъ отдался всецѣло парламентскимъ вопросамъ. Но въ другомъ и отчасти противоположномъ отношеніи приходится сдѣлать кой-какія замѣчанія по адресу «Neue Zeut».

Когда наша партія была еще не такъ велика, то даже одно то обстоятельство, что на страницахъ опредѣленнаго органа отражались «научныя» нападки буржуазіи на социалдемократію, имѣло огромное значеніе и укрѣпляло идейную увѣренность нашихъ товарищей. Необходимо было также разсѣять буржуазную путаницу понятій о цѣляхъ социалдемократіи. Съ другой стороны, въ это молодое время были очень благодарны за самое распространеніе общихъ и абстрактныхъ теоретическихъ основоположеній. И то и другое составляло специальность «Neue Zeut». Но времена измѣнились. Буржуазные ученые не представляютъ теперь ни малѣйшей опасности для партіи. Къ тому же «Neue Zeut» не рассчитанъ на массы, а руководящіе агитаторы давно уже знакомы съ абстрактными основоположеніями, по крайней мѣрѣ не находятъ въ нихъ ничего новаго.

Послѣ 1890 года и передъ «Neue Zeut» встали новыя и другія задачи. Журналъ долженъ былъ ковать оружіе для мощно разгоравшейся великой повседневной борьбы. Онъ долженъ былъ еще сильнѣе, чѣмъ центральныя органы, освѣщать съ принципиальной социалистической точки зрѣнія то или иное политическое положеніе, соединять во едино всѣ отдѣльныя явленія и разъяснять ихъ. Ему приходилось слѣдить за современнымъ историческимъ развитіемъ и объяснять его. Онъ долженъ былъ заниматься не только германской, но и міровой политикой, давать критическій отчетъ объ

экономическомъ и политическомъ развитіи другихъ странъ. Онъ долженъ былъ обзрѣвать всѣ области общественной жизни: экономической, политической и литературной. Словомъ «Neue Zeut» пришлось спуститься съ высоты абстракціи на землю и вмѣшаться въ водоворотъ борьбы.

Соотвѣтственно съ этими новыми задачами содержаніе «Neue Zeut» было измѣнено, но журналъ все еще не вполне приспособился къ измѣнившимся обстоятельствамъ. Онъ пожалуй скорѣе потерялъ, чѣмъ выигралъ, въ своей актуальности. Про его существованіе совсѣмъ бы позабыли, если бы время отъ времени не возникали партійные споры, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Но въ этой области онъ дѣлалъ несомнѣнно полезное дѣло.

Мы должны отказаться отъ критическаго разсмотрѣнія агитационнаго значенія брошюрной и книжной партійной литературы. Нашъ обзоръ и безъ того слишкомъ растянулся. Однако всѣ многообразныя явленія партійной жизни стоятъ въ тѣсной между собою связи, въ каковой и полезно было бы когда-нибудь разсмотрѣть ихъ. Въ общемъ, можно сказать, что брошюрная и книжная литература партіи производитъ отрадное впечатлѣніе.

Мы приходимъ въ концѣ концовъ къ тому заключенію, что партійная пресса, на обязанности которой прежде всего лежитъ принципиальное руководство во время политическихъ сумерекъ, отнюдь не удовлетворяла въ полной мѣрѣ этой задачѣ.

Торговый кризисъ и профессиональное движеніе.

Нѣтъ никакихъ признаковъ приближенія экономическаго мірового краха неслыханной силы. Нельзя также считать наступившій между тѣмъ промышленный подъемъ слишкомъ кратковременнымъ. Скорѣе возникаетъ третій вопросъ... Именно, — не являются ли вообще невѣроятными... по крайней мѣрѣ на болѣе или менѣе продолжительное время, всеобщіе промышленные кризисы, въ родѣ тѣхъ, которые происходили раньше.

(E. Bernstein. Varaussetzungen d. S. Stuttgart 1889, S. 70).

Мы находимся въ разгарѣ настоящаго всеобщаго торговаго кризиса. Онъ не ограничивается отдѣльными отраслями промышленности или отдѣльными странами. Онъ распространился на Германію, Англію, Францію, Австрію, Италію, Бельгію, Россію, Сѣвероамериканскіе Соединенные Штаты. Сначала онъ возникъ въ Россіи и, казалось, носилъ чисто мѣстный характеръ. Однако, специфическія русскія условія, — обнищаніе крестьянства и хроническая финансовая нужда государства, — только ускорили его возникновеніе, но отнюдь не создали самаго кризиса, явившагося закономѣрнымъ продуктомъ капиталистическаго развитія. Это сказалось въ упорномъ характерѣ предварительнаго русскаго кризиса, и именно, въ томъ, что его нельзя было сдержать никакими мѣрами. Хотя русскій торговый кризисъ и имѣлъ значительное вліяніе на промышленный и денежный рынки Европы, все же онъ не былъ въ состояніи прервать мощнаго развитія промышленнаго производства. Главный ударъ распространился въ апрѣлѣ и маѣ прошлаго 1900 г. изъ Сѣверной Америки и тотчасъ же поразилъ желѣзодѣлательное производство, т. е., становой хребетъ всей современной промышленности.

Ударъ, отразившись на американскомъ желѣзномъ рынкѣ, передался на англійскій и оттуда уже на континентъ Европы. Вскорѣ въ беспощадный круговоротъ была втянута и текстильная промыш-

ленность, самая чувствительная изъ всѣхъ. Колеблющіеся цѣны на сырой матеріалъ довели здѣсь дѣло до послѣдней крайности. Третьей по порядку стояла строительная промышленность, которая давно уже терпѣла отъ вздорожанія денегъ и строительныхъ матеріаловъ. Наконецъ, въ общій водоворотъ были вовлечены и остальные промышленныя отрасли. Въ непосредственной связи со строительнымъ кризисомъ, стоитъ, по сообщеніямъ торговыхъ палатъ, пониженіе оборотовъ въ производствахъ свинцовомъ, по обработкѣ дерева, красильномъ, въ торговлѣ сланцемъ, на кирпичныхъ заводахъ, въ производствахъ глиняныхъ трубъ, извести и цемента. Кризисъ въ текстильной промышленности, съ своей стороны, отразился на цѣломъ рядѣ промышленныхъ отраслей. «Всеобщее потрясеніе, испытанное текстильной промышленностью въ срединѣ года, отразилось также на красильныхъ и аппретурныхъ заведеніяхъ... Подавленное настроеніе въ красильныхъ сильно уменьшило потребленіе химическихъ продуктовъ и красильныхъ веществъ, и положеніе дѣлъ въ этихъ отрасляхъ должно быть охарактеризовано какъ чрезвычайно неблагопріятное». (Отчетъ торговой палаты въ Барменѣ). Подъ вліяніемъ кризисовъ въ желѣзодѣлательномъ производствѣ, въ текстильной промышленности и т. д. стало страдать и машинное производство. Фабрики по изготовленію электрическихъ приспособленій, велосипедныя самостоятельно доработались до пере-производства. Въ производствѣ готоваго платья также давно уже чувствовался застой въ дѣлахъ. Но только теперь всѣ они какъ слѣдуетъ были втянуты въ разрушительное движеніе и, съ своей стороны, способствовали усиленію этого движенія. Отличительное свойство всеобщаго торговаго кризиса заключается въ томъ, что онъ втягиваетъ въ себя всѣ мѣстные разрозненные центры кризисовъ, дѣйствуетъ всюду обостряющимъ и разлагающимъ образомъ, слагая отдѣльныя разрушительныя вліянія въ одинъ общій, сметающій все на своемъ пути, ураганъ. Такимъ образомъ, постепенно были захвачены кожевенное и стеклянное производства, вагоностроительныя заводы и кораблестроеніе. Когда же застой въ дѣлахъ сдѣлался всеобщимъ, то и угольные копи оказались, наконецъ, вынужденными сократить производство и понизить цѣны. Этимъ завершился циклъ, — всеобщій торговый кризисъ былъ налицо. Исходный и конечный пунктъ этого круговорота — желѣзо и уголь — отнюдь не являются случайными, они соотвѣтствуютъ важнымъ соотношеніямъ въ производствѣ.

Прошло больше полугода пока кризисъ распространился вполнѣ, овладѣвъ всѣмъ полемъ дѣйствія. Капиталъ занялъ оборонительное положеніе и всѣми силами старался положить предѣлъ все болѣе разрастающемуся застою въ дѣлахъ. Это повело къ мощнымъ сокращеніямъ и расширеніямъ рынка къ конвульсіямъ торговли. «Застой въ дѣлахъ отнюдь не наступилъ одновременно и равно-

мѣрно во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Наоборотъ, онъ водворялся въ различныхъ хозяйственныхъ областяхъ, проходя черезъ цѣлый рядъ колебаній конъюнктуры вверхъ и внизъ, подобныхъ которымъ по количеству и размѣрамъ не наблюдалось уже въ продолженіе многихъ лѣтъ... Такъ, напр., на товарномъ рынкѣ было отмѣчено, что столь важный въ производствѣ продуктъ, какъ хлопчатая бумага, сначала поднялся въ цѣнѣ приблизительно на 100%, чтобы затѣмъ снова быстро упасть. Подобный же колоссальный ростъ цѣнъ наблюдался и по отношенію къ шерсти, но вскорѣ затѣмъ цѣны снова подверглись паденію приблизительно до прежняго уровня». (Торговая палата въ Гамбургѣ). Почти тѣми же словами описываетъ англійскій «Economist» событія на англійскомъ желѣзномъ рынкѣ. Еще сильнѣе были колебанія на денежномъ рынкѣ—напомнимъ рѣзкое паденіе курса въ октябрѣ 1900 г. Крайнюю нужду въ деньгахъ удалось побороть только временно и только вѣнше; несмотря на всѣ усилія, капиталъ все же не смогъ остановить кризиса, получившаго къ началу 1901 года гласное, официальное и всеобщее признаніе и вполне овладѣвшаго положеніемъ.

Характерная особенность этого торгового кризиса та, что хотя его предчувствовали и предсказывали задолго до появленія, но онъ все же поразилъ своею неожиданностью. Начиная съ 1896 года торговые газеты предостерегали отъ чрезмѣрнаго насажденія предпріятій отъ преувеличенной спекуляціи и время отъ времени разражались тревожными статьями по поводу надвигающагося торгового кризиса. Торговые палаты также проявляли крайнюю осторожность при обсужденіи общаго положенія дѣлъ. Однако мрачныя предположенія,—доступны же были только предположенія, ибо научное познаніе торговыхъ кризисовъ возможно лишь съ революціонно-соціалистической точки зрѣнія—итакъ, мрачныя предположенія систематически посрамлялись все болѣе и болѣе грандіозно развертывающимся промышленнымъ подъемомъ; вслѣдствіе этого крики Кассандры начали звучать слабѣе и едва обращали на себя вниманіе. Соціалреформаторы поторопились изобразить передъ своими почитателями и, какъ своего рода откровеніе, возможность безпрепятственнаго и безпредѣльнаго развитія капиталистической промышленности; они подняли громкіе крики о благахъ промышленнаго развитія, упустивши изъ вида лишь одну мелочь, а именно то, что промышленное развитіе есть покоящееся на эксплуатаціи развитіе капитала. Но тутъ-то какъ разъ наступила катастрофа. Она была, конечно, большой неожиданностью. «Никто не вѣрилъ, что ударъ можетъ разразиться такъ внезапно, какъ это въ дѣйствительности случилось». (Годовой отчетъ биржи въ Эссенѣ). «Если бы годъ тому назадъ... кто нибудь только предположилъ возможность промышленнаго рефлексъ, то громадная масса непоко-

лебимыхъ оптимистовъ навѣрное бы заявила, что это говоритъ человѣкъ, видящій все въ мрачномъ свѣтѣ; а если бы кто нибудь осмѣлился опредѣленно предсказать то, что случилось на самомъ дѣлѣ, того бы навѣрное объявили отъявленнымъ дуракомъ». („Frankf. Zeit“).

Всеобщность современнаго торгового кризиса, также мало кѣмъ либо оспаривается какъ и лежащее въ его основаніи перепроизводство. Вопросъ теперь не столько въ теоретическихъ спекуляціяхъ, сколько въ твердо установленныхъ фактахъ.

За быстрымъ ростомъ производства въ годы промышленнаго расцвѣта слѣдила съ большей или меньшей точностью, вся ежедневная пресса. Для того, чтобы выразить развитіе промышленности въ однообразныхъ числахъ, намъ придется выбрать въ качествѣ масштаба желѣзодѣлательное производство. Въ крайнемъ случаѣ можно было бы еще остановиться на потребленіи каменнаго угля. Однако, потребленіе угля является по различнымъ причинамъ гораздо менѣе точнымъ показателемъ промышленнаго развитія, чѣмъ производство желѣза. Во-первыхъ каменный уголь употребляется не только въ производствѣ, но и какъ матеріалъ для отопленія жилищъ. Во-вторыхъ, потребленіе угля находится въ самой тѣсной зависимости отъ примѣненія паровой силы, а эта послѣдняя можетъ замѣняться водяной (въ Соединенныхъ Штатахъ она составляетъ больше $\frac{1}{3}$ всей энергіи, примѣняемой въ промышленности), газовыми, керосиновыми и всякими другими непаровыми двигателями. Въ-третьихъ, само потребленіе угля находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ полученія желѣза. Желѣзо же является основой всей современной промышленности. Какъ естествоиспытатель по скелету животнаго можетъ возстановить его образъ, такъ точно по развитію желѣзодѣлательнаго производства можно получить представленіе объ общемъ развитіи промышленности.

Развитіе желѣзодѣлательнаго производства за послѣднія десять лѣтъ опредѣляются слѣдующими цифрами:

Производство чугуна.

Годы:	(Въ тоннахъ). Міровое.	Въ Германіи (съ Люксембургомъ).
1890	27.460.996	4.658.451
1895	29.275.156	5.464.501
1899	40.393.995	8.142.017

Годовое производство чугуна всего міра возросло такимъ образомъ въ первые 5 лѣтъ на 1,8 милліона, въ послѣдніе 4 года на 1,11 милліона тоннъ, въ Германіи въ первый періодъ на 0,8 во второй на 2,7 милліона тоннъ. Міровое производство чугуна поднялось съ 1895 года по 1899 годъ почти на 40%, въ Германіи

приблизительно на 50%. Ни ростъ населенія, вообще, ни ростъ городского населенія, въ частности, не поспѣваютъ за этимъ развитіемъ.

Конечно невозможно установить такого правила, что темпу промышленнаго развитія долженъ отвѣчать столь же быстрый ростъ городовъ. Но существованіе извѣстной связи между обоими явленіями доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ настоящее время во многихъ крупныхъ городахъ пустуютъ цѣлыя вновь отстроенныя кварталы, длинные ряды многоэтажныхъ домовъ. Строительство въ городахъ далеко обогнало приростъ городского населенія; здѣсь, какъ и во всѣхъ промышленныхъ отрасляхъ, наступило перепроизводство. Къ этому именно и должны были притти. Доказательство невѣроятно ускореннаго промышленнаго развитія за послѣдніе пять лѣтъ.

Если взять для сравненія предыдущее десятилѣтіе 1880—1890 г. то мы обнаружимъ на его протяженіи такую же смѣну расцвѣта и застоя, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ. Въ 1880 году производство чугуна всего свѣта равнялось 18,4 милліоновъ тоннъ, оно поднялось къ 1883 году на 21,6 милліоновъ, тутъ наступило затишье, которое даже понизило производство до 19,7 милліоновъ тоннъ; въ 1886 году начался новый подъемъ, который продолжался до 1890 года; въ теченіе этого времени годовое производство чугуна поднялось съ 20,6 милліоновъ тоннъ до 27,5 т. е. почти на 7 милліоновъ; потомъ снова наступилъ застой въ дѣлахъ, такъ что, какъ намъ извѣстно, между 1890-мъ и 1895-мъ годами годовое производство чугуна увеличилось лишь на 1,8 милліоновъ тоннъ. Во время промышленнаго расцвѣта 90-хъ годовъ, достигнутый уровень годового производства былъ въ полтора раза выше, чѣмъ во время расцвѣта 80-хъ годовъ (11 милліоновъ противъ 7 милліоновъ), и въ шесть разъ выше, чѣмъ въ періодъ затишья 1890—95 г.г.

Если промышленная статистика и позволяетъ опредѣлить, хотя бы заднимъ числомъ, ростъ перепроизводства,—то предусмотрѣть, когда и съ какого конца должно рухнуть великолѣпное зданіе промышленнаго благополучія оказывается совершенно невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока перепроизводство само не заявитъ о себѣ на рынкѣ.

Крахъ можетъ произойти лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть разразится и сейчасъ. Все, что возможно сказать по этому поводу, выражено въ словахъ главнаго уполномоченнаго графа Г. фонъ-Доннерсмарка, извѣстнаго промышленнаго магната въ Силезіи. Охарактеризовавъ блестящее положеніе дѣлъ—то было осенью 1899-го года—онъ произнесъ слѣдующія классическія слова: «Къ сожалѣнію опытъ достаточно часто убѣждалъ насъ, что послѣ семи жирныхъ лѣтъ, въ промышленности обыкновенно слѣдуютъ

не семь, а гораздо больше тощихъ лѣтъ. Если мы съ нашими промышленниками и надѣемся на безусловную продолжительность настоящаго благоприятнаго періода, то все же намъ въ концѣ концовъ не избѣжать своей судьбы». Это маленький образецъ такъ восхваляемый социалреформаторами «предусмотрительности» «геніальнаго промышленника». Слѣпая судьба, законъ природы!

Всѣ сознаютъ что прокладываютъ дорогу къ катастрофѣ, но поступать иначе все же не могутъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ полному перевороту во всѣхъ капиталистическихъ производственныхъ отношеніяхъ. Еще недавно—недопроизводство, теперь—перепроизводство.

Еще недавно недостатокъ въ углѣ, желѣзѣ, вагонахъ, теперь—сокращеніе добычи угля, желѣза, усиленное предложеніе вагоновъ на правительственныхъ желѣзныхъ дорогахъ; только что—недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, теперь—расчетъ рабочихъ. Еще вначалѣ 1900-го года считалось, что промышленныя заведенія вполне обеспечены заказами на цѣлый годъ и даже на большую часть 1901-го года,—и уже лѣтомъ 1900-го года перепроизводство оказалось на лицо. Только что желѣзодѣлательныя заведенія были не въ состояніи выполнить всѣ накопившіеся заказы, и вотъ они уже не знаютъ куда дѣвать кучи нагроможденнаго желѣза: имъ необходимо во что бы то ни стало избавиться отъ него, и они продаютъ его за безцѣнокъ.

Произошло не только перепроизводство товаровъ, но, что самое важное перепроизводство, производительныхъ силъ. Во время промышленнаго подъема повсюду производились дополнительные постройки, вводились промышленныя усовершенствованія, создавались новыя предпріятія, рассчитанныя на гораздо большее расширеніе рынка, сравнительно съ тѣмъ которое было имъ достигнуто въ кульминаціонный моментъ развитія. Вотъ почему достаточно было одной остановки въ дальнѣйшемъ развитіи, не говоря уже объ абсолютномъ уменьшеніи сбыта, чтобы рынокъ оказался переполненнымъ. Громадное количество рудниковъ, заводовъ и фабрикъ было захвачено строительной волной, и всѣ они оказались теперь совершенно излишними. Но поэтому-то и разгорается ожесточеннѣйшая борьба между новыми предпріятіями, снабженными позднѣйшими усовершенствованіями, и старыми фабриками,—настоящая борьба за существованіе. Капиталъ втянутый въ незавершенное строительство, всѣми силами стремится стать производительнымъ, въ надеждѣ отвоевать себѣ положеніе на рынкѣ, дѣйствуя по принципу: «прочь съ дороги, ибо я хочу занять твое мѣсто», этимъ и объясняется, почему, несмотря на всеобщее потрясеніе дѣлъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжаютъ лихорадочно достраивать новыя фабрики и даже увеличиваютъ въ значительной степени акціонерный капиталъ. И, такъ, несмотря на пере-

производство, и на общее сокращение промышленной деятельности, мѣстами производство продолжаетъ расширяться, отчего, конечно, положеніе рынка еще больше ухудшается. Только потрясеніе денежнаго рынка кладетъ предѣлъ всему, приводя къ безчисленнымъ банкротствамъ.

Перепроизводство опредѣляетъ характерныя черты кризиса, но отнюдь не даетъ ему исчерпывающаго объясненія; скорѣе оно само нуждается въ немъ. Вокругъ перепроизводства сплетается цѣлый узелъ связанныхъ между собой капиталистическихъ моментовъ: движеніе цѣнъ, сокращеніе и расширеніе мірового рынка, своеобразное развитіе отдѣльныхъ отраслей промышленности, событія на денежномъ рынкѣ и т. д. и т. п., вплоть до покровительствуемыхъ государствомъ патріотическихъ мошенничествъ колониальной политикѣ и преслѣдуемыхъ закономъ, хотя и менѣе опасныхъ, обычныхъ грюндерскихъ надувательствъ. Все это вмѣстѣ взятое и создаетъ торговый кризисъ въ его полной развитой формѣ.

I.—Къ теоріи торговаго кризиса.

«...Еслибъ, наконецъ, захотѣли понять, что капитализмъ и социализмъ не являются двумя исключаящими другъ друга противоположностями.»

(W. Sombart „Dennoch“, S. 92).

Наиболѣе характерно для социалреформаторовъ не то, что они не понимаютъ социализма, а то, что они совершенно не имѣютъ понятія о капитализмѣ. Люди, стоящіе въ центрѣ капиталистическаго производства,—техники, директора фабрикъ, крупные торговцы, банкиры,—зачастую вовсе не преклоняются передъ величіемъ капитализма, или во всякомъ случаѣ преклоняются гораздо меньше, чѣмъ социалреформистскіе прихвостни капитала, взирающихъ на нихъ съ восторженнымъ чувствомъ. Это происходитъ потому, что тотъ, кому приходится имѣть дѣло съ капиталистическимъ производствомъ и міровымъ рынкомъ, прежде всего научается понимать господствующій здѣсь законъ случайностей. Онъ научается понимать, что въ капиталистическомъ производствѣ всякая проницательность, предусмотрительность и расчетливость стоятъ очень немногаго, такъ какъ все міровое капиталистическое хозяйство вращается въ дикомъ хаосѣ, изъ котораго побѣдителемъ всегда и неизбѣжно выходитъ только болѣе крупный капиталъ. Поэтому-то социалрефор-

маторамъ и приходится такъ горько жаловаться на то, что крупный капиталъ совсѣмъ не оцѣниваетъ ихъ по достоинству. На всѣ прославленія онъ отвѣчаетъ имъ презрѣніемъ, въ лучшемъ же случаѣ видитъ въ нихъ жалкихъ людей или простаковъ. Само собой разумѣется, что капиталъ ничего не имѣетъ противъ затуманиванія ими сознанія рабочихъ, но какъ только при конфликтѣ между капиталомъ и пролетаріатомъ они пытаются выдвинуть хотя бы съ возможной осторожностью, свое дружелюбіе къ рабочимъ, капиталъ тотчасъ же даетъ имъ самый рѣшительный отпоръ, ибо въ своей классовой борьбѣ онъ не признаетъ никакихъ среднихъ положеній.

Съ другой стороны, идея безпрепятственнаго, ликующаго кризиса развитія капиталистическаго производства, могла зародиться лишь въ мозгу челоуѣка, сидящаго въ темной комнатѣ и наблюдающаго не міръ, а только его отраженіе, отброшенное на стѣнку небольшимъ снопомъ лучей, прорвавшимся сквозь узкую щель, въ такомъ случаѣ все представляется имъ въ уменьшенномъ, крошечномъ масштабѣ, обезцвѣченнымъ, беззвучнымъ, лишеннымъ треній. На самомъ же дѣлѣ, если изъ внутренней сущности процесса промышленнаго капиталистическаго развитія и вытекаетъ что нибудь съ неизбѣжностью, такъ это именно періодическіе торговые кризисы.

Основной причиной торговаго кризиса является одно обстоятельство, въ подтвержденіе котораго, мы сошлемся на свидѣтельство буржуазной политической экономіи. Эта послѣдняя считаетъ особенною добродѣтелью капитализма то, что классъ капиталистовъ отнюдь не тратитъ всего своего чистаго дохода на личныя цѣли, а употребляетъ часть его на расширеніе производства. Какъ разъ эти «сбереженія», оттягиваемыя отъ рабочихъ и непотребляемыя самими капиталистами, не могутъ, однако, оставаться неиспользованными и должны служить расширенію производства; они то и являются главнымъ источникомъ перепроизводства. Но буржуазные экономисты совершенно извращаютъ сущность дѣла, когда представляютъ эти капиталистическія сбереженія, какъ результатъ лишеній, якобы налагаемыхъ на себя капиталистами. Капиталисты попросту не въ состояніи потребить всего своего дохода, потому что онъ возрастаетъ слишкомъ быстро и въ колоссальныхъ размѣрахъ; капиталистическое же богатство растетъ такъ быстро потому, что все болѣе широкіе слои населенія подвергаются эксплуатаціи капитала. И такъ, сбереженія пряходятся на долю капиталистовъ, лишенія же на долю рабочихъ.

Избытокъ на одной сторонѣ и недостатокъ на другой—вовсе не являются исключительнымъ свойствомъ капиталистическаго общества; они также стары, какъ старо классовое господство вообще. И феодальный господинъ наполняетъ свои амбары, сараи и кладовыя такимъ количествомъ добра, которое онъ не въ состояніи былъ

потребить и которое бесполезно портилось и гнило, между тѣмъ какъ его крестьяне голодали. Такимъ образомъ, для объясненія капиталистическаго торговаго кризиса, еще недостаточно несоотвѣтствія между производствомъ и потреблениемъ. Объ этотъ фактъ и разбивалось большинство теорій кризисовъ. Здѣсь мы непосредственно переходимъ къ Марксу. Тамъ, гдѣ другіе думали найти разрѣшеніе, Марксъ видѣлъ только проблему. Объяснить слѣдовало не то, какимъ образомъ избытокъ и недостатокъ затрудняютъ производство, а то, какимъ образомъ капиталистическій избытокъ сначала, толкаетъ производство впередъ, чтобы затѣмъ привести его къ крушенію. Специфическое свойство избытка, созданнаго капиталомъ, заключается въ томъ, что онъ является одновременно и накопленіемъ капитала, служа, какъ выразился Марксъ, расширенному воспроизводству капитала. Дѣло не въ избыткѣ, а въ продуктивномъ использованіи избытка, обращеніе его въ деньги. Между «недопотребленіемъ» и торговымъ кризисомъ Марксъ открылъ цѣлый міръ—развитіе капиталистическаго мірового рынка. И это грандіозное открытіе, развернувшее передъ Марксомъ новые горизонты, представилось близорукому взору Э. Бернштейна, какъ бы противорѣчіемъ: съ одной стороны, Марксъ усматриваетъ въ недостаточномъ потребленіи «конечную причину всѣхъ хозяйственныхъ кризисовъ», но съ другой стороны, онъ утверждаетъ, что этимъ еще ничего не объясняется! какъ легко создать противорѣчія, разъ руководящая точка зрѣнія утеряна, непонятое самимъ, навязывается другому, какъ противорѣчіе. Робость мысли, скудость идей и знаній, всяческая духовная бѣдность прячутся всего охотнѣе за противорѣчія.

Ростъ капитала побуждаетъ къ расширенію производства. Расширеніе производства само вызываетъ повышенный спросъ: для сооруженія новыхъ фабрикъ и усиленнаго производства товаровъ, требуются рабочіе, завѣдующіе и т. д., ихъ трудъ оплачивается, и затѣмъ они покупаютъ то, что имъ нужно. Такимъ образомъ, капиталъ, дѣйствительно, приноситъ людямъ деньги, но лишь для того, чтобы отобрать ихъ снова. Онъ дѣлаетъ это не даромъ, а съ цѣлью заработка. Расширеніе производства какъ разъ и даетъ сильный толчекъ къ накопленію капитала. Въ рукахъ класса капиталистовъ собирается все больше свободнаго капитала; все дальше гонитъ онъ впередъ развитіе производства, которое изъ себя самого порождаетъ потребность въ рынкахъ и постоянно рвется за предѣлы этой потребности. Это обстоятельство имѣетъ кардинальное значеніе для пониманія капиталистическаго развитія вообще.

Все побѣдоносное шествіе капитала вокругъ свѣта, переворотъ въ промышленности, совершаемой имъ, тѣсно связаны съ этимъ обстоятельствомъ. Отыскиваются самыя отдаленныя, самыя неудобныя части земли, чтобы пристроить тамъ капиталъ. Приводятся

въ движеніе всѣ военныя силы государства, войска и боевыя флоты, чтобы обезпечить капиталу свободу строить желѣзныя дороги въ Китаѣ или еще гдѣ-нибудь. Предпринимаются грандіозныя постройки, чтобы только дать новое приложеніе капиталу. Капиталъ ссужаютъ повсюду, даже наиболѣе обанкротившимся государствамъ, лишь бы только вывести его за предѣлы своей собственной страны. Даже милитаризмъ въ значительной степени — путемъ займовъ — питается капиталомъ. И несмотря на сопутствующее всему этому колоссальное расточительство, капиталъ возрастаетъ все въ большихъ и большихъ размѣрахъ.

Одновременно, развитіе техники увеличиваетъ производительныя силы. Благодаря этому, производство растетъ еще гораздо быстрѣе, чѣмъ капиталъ. Такимъ образомъ, капиталъ стягиваетъ все большія производительныя массы, постоянно, съ возрастающей силой стремясь за предѣлы достигнутаго уровня. Взглянемъ теперь на тотъ моментъ въ развитіи производства, когда передъ нимъ открываются, дѣйствительно новыя перспективы, когда, на примѣръ, предстоитъ покрыть новыя страны желѣзнодорожной сѣтью, ввести важныя техническія усовершенствованія, начать эксплуатацію новыхъ золотыхъ приисковъ и т. д. и т. д.—все это было на лицо вначалѣ только что нами пережитаго промышленнаго подъема. Въ такомъ случаѣ, капиталъ съ большей или меньшей скоростью выдвинетъ производство за предѣлы непосредственной необходимости. Онъ расширитъ рынокъ самъ у себя, путемъ увеличенія промышленнаго населенія, и непрерывнаго устройства новыхъ промышленныхъ заведеній. Но чѣмъ дальше подвигается развитіе, тѣмъ опредѣленнѣе расширеніе производства превращается въ расширеніе, ради самого расширенія, тѣмъ опредѣленнѣе каждое новое предпріятіе опирается на прежде существовавшее являясь, такимъ образомъ, какъ бы построеннымъ на воздухѣ, тѣмъ больше «расширенное воспроизводство» капитала вытекаетъ изъ самаго капитала, пока наконецъ, внутреннее несоотвѣтствіе не разрастется до такихъ размѣровъ, что все громадное зданіе рушится. Тогда наступаетъ періодъ ликвидаціи промышленнаго расцвѣта.

Большая часть только что созданнаго разрушается, гибнетъ, всеобщая паника задерживаетъ развитіе производства, вообще; и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока снова черезъ нѣкоторое время не наступаетъ успокоеніе, снова не открываются передъ производствомъ перспективы, и та же самая игра не начинается сначала. Въ этомъ и есть періодическіе торговыя кризисы. Конечно, послѣдняя причина ихъ заключается въ томъ, что капиталъ отнимаетъ у народа создаваемое его трудомъ богатство. Такимъ образомъ, возникаетъ разниа между потребностями народа и его покупательной способностью, между покупательной способностью народа и размѣрами производства.

Но между этими явлениями и торговым кризисом лежит капиталистическое превращение процесса производства в процесс эксплуатации. Это несколько не исключает того, — Маркс и Энгельс настойчиво указывали на это обстоятельство, — что во время промышленного подъема, происходит улучшение в положении рабочего класса; вѣдь несмотря на это улучшение, накопление капитала совершается в тѣх же колоссальных размѣрахъ. Обострение отношений является уже результатом только развития производительных силъ, — даже при абсолютномъ увеличении доходов рабочихъ, ихъ доля въ общественномъ продуктѣ уменьшается.

Торговый кризисъ и капиталистическое развитие производства имѣютъ одинъ общій корень — накопление капитала въ рукахъ частныхъ собственниковъ — на средства производства. Поэтому оба они неразрывно связаны. Капиталистическое производство не можетъ развиваться иначе, какъ путемъ постоянной смѣны промышленныхъ подъемовъ и кризисовъ. Устранить торговые кризисы невозможно иначе, какъ вмѣстѣ со всѣми основами капиталистического производства.

Накопление капиталистического богатства происходитъ въ колоссальныхъ размѣрахъ. По оцѣнкѣ опытныхъ техниковъ, признанныхъ въ технологіи авторитетовъ, капиталъ вложенный въ желѣзныя дороги всего міра, равняется круглымъ счетомъ 150 миллиардамъ марокъ. При 4%-мъ исчисленіи, онъ доставляетъ собственникамъ желѣзнодорожныхъ акцій или выпущенныхъ государствомъ на мѣсто желѣзнодорожныхъ акцій долговыхъ обязательствъ, ежегодный доходъ, въ 6.000 миллионовъ марокъ. И это приносятъ однѣ желѣзныя дороги. Прибавимъ къ нимъ банки, рудники, фабрики, корабельныя верфи и паровозныя общества, городскую поземельную ренту, городскіе трамваи, городскія освѣтительныя учрежденія и т. д. и т. д., — и мы составимъ себѣ приблизительное представление о тѣхъ громадныхъ богатствахъ, которые ежегодно приносятся производствомъ классу капиталистовъ, за вычетомъ всѣхъ расходовъ по производству, отчисленій заработной платы и т. д. Побудитель къ расширенію производства, заключающійся въ скопленіи капитала въ рукахъ немногихъ, превращаетъ конкуренцію въ повелительную необходимость. Попробуемъ уяснить себѣ, какъ это происходитъ.

Пока кризисъ еще не разразился, капиталистъ можетъ предполагать лишь по опыту, — ибо пока это развитие всегда къ этому приводило, что ему «и въ этотъ разъ не избѣжать своей судьбы». Но для даннаго момента у него гораздо больше оснований предполагать, что производство будетъ безпрепятственно развиваться и дальше: въ самомъ дѣлѣ, — расширение производства само создаетъ потребность въ рынокѣ. Отдѣльный капиталистъ — resp. группа капиталистовъ, синдикатъ, картель — тѣмъ легче поддается этой иллюзіи, что

него сверхъ того имѣется еще возможность расширять свой сбытъ, на счетъ другихъ. Капиталистическое же развитие производства, вообще, сопровождается непрерывными переворотами въ промышленности. Всякое удешевление производства, — является ли оно результатомъ технического изобрѣтенія, или концентрации предпріятія или какой-либо другой причины, открываетъ передъ капиталистами, усиѣвшими раньше другихъ обратиться къ удешевленнымъ способамъ, широкія перспективы, повидимому, неограниченнаго господства на мировомъ рынокѣ. Подобныя же перспективы открываютъ изобрѣтенія, расширяющія предѣлы производства: напр., электрическое освѣщеніе, велосипедъ, пишущая машина и т. д. Такимъ образомъ, мы обнаруживаемъ во всѣхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ стремленіе не только захватить исключительно для себя всю область расширяющагося общественнаго производства, но и вырвать почву изъ подъ ногъ у всѣхъ остальныхъ производителей, и раззоривъ всѣ существовавшія доселѣ предпріятія, открыть неограниченное поле дѣйствія для развитія своего собственнаго. Капиталистическое развитие производства всегда обнаруживаетъ тенденцію взорвать изнутри капиталистическій мировой рынокъ, путемъ созданія новаго мирового производства, болѣе обширнаго и построеннаго на другихъ техническихъ основаніяхъ. Отстающій отъ этого общаго бурнаго стремленія, сметается прочь. Капиталистъ, неспособный поддержать свои фабрики на уровнѣ современнаго технического прогресса или просто расширить размѣры своего предпріятія, побивается конкуренціей, болѣе дешевые предложенія, большая производительность другихъ предпріятій, болѣе быстрая поставка продуктовъ отбиваютъ у него прежнюю кліентуру, вынуждая его ликвидировать свое предпріятіе. Если, къ тому же, капиталистъ ведетъ свое предпріятіе на чужія деньги, а при современномъ развитіи кредита обыкновенно такъ и бываетъ, — вопросъ становится передъ нимъ ребромъ: или непрерывное расширение предпріятія или банкротство. Весь этотъ прогрессъ значительно ускоряется развитіемъ денежнаго рынка. Каждое удешевленіе кредита дѣйствуетъ, подобно техническому изобрѣтенію, кардинально удешевляющему производство. Для капиталистического производства дешевыя деньги важнѣе дешеваго желѣза, дешеваго угля, дешеваго хлѣба. Ясно, что промышленникъ сможетъ удовлетвориться меньшей прибылью и производить дешевле, если ему придется платить меньшій процентъ на занятой капиталъ.

Во время крупнаго промышленнаго подъема, въ родѣ только что пережитаго, можетъ произойти такое быстрое расширение производства, что во всѣхъ областяхъ конкуренціи наступитъ временный переворотъ. Спросъ на желѣзо, на каменный уголь, машины, рабочія руки, разные сырые матеріалы возрастаетъ въ такой мѣрѣ, что предложеніе отстаетъ отъ спроса на рынокѣ. Фабрики завалены заказами и вмѣсто того, чтобы взаимно другъ передъ другомъ сбивать цѣны, онѣ начи-

нають диктовать покупщикамъ свои условія. Цѣны на товаръ растутъ. Это даетъ новый мощный толчокъ къ расширенію производства. Одновременно повышается и потребность въ денежномъ капиталѣ. Вслѣдствіе этого, растетъ размѣръ процента. Банки, концентрировавшіе до сихъ поръ почти весь кредитъ, не могутъ поступить иначе, какъ повысить проценты и размѣръ учета. Они вынуждены больше платить своимъ довѣрителямъ, такъ какъ иначе денежные люди предпочли бы помѣщать свои капиталы непосредственно въ промышленныя предпріятія вмѣсто того, чтобы вкладывать ихъ въ банкъ; а такъ какъ кредитъ начинаетъ обходиться дороже самимъ банкамъ, то они оказываются вынужденными повысить размѣръ учета геср. размѣръ процента на свои ссуды. Акціонерныя общества, хотя и пользуются сами услугами банковъ, выступаютъ одновременно ихъ конкурентами, обращаясь непосредственно къ собственникамъ денегъ и обѣщая имъ весь чистый доходъ отъ производства. Обнаруживается своеобразное явленіе: между тѣмъ какъ депозитъ въ банкахъ уменьшается, ихъ операціи колоссально возрастаютъ; весь міръ стремится получить изъ банка деньги и одновременно притокъ въ него капиталовъ уменьшается. Это и служило причиной неоднократныхъ денежныхъ стѣсненій; самое острое изъ нихъ наступило осенью 1899 года. Они были признаками промышленнаго подъема и одновременно провозвѣстниками надвигающагося торговаго кризиса.

Однако, чѣмъ дальше распространяется вздорожаніе, и чѣмъ болѣе принимаетъ оно всеобщій характеръ, тѣмъ болѣе превращается оно изъ обстоятельства, содѣйствующаго развитію производства, въ обстоятельство, тормозящее его. При вздорожаніи денегъ взаимная связь явленій ясна. Что же касается вздорожанія товаровъ, то прежде всего, по цѣлому ряду сложныхъ причинъ, оно происходитъ неравномѣрно и не можетъ происходить иначе. Воздорожаніе товаровъ создается путемъ безконечнаго ряда градацій, вызывая изъ себя самаго, подобно перепроизводству, все дальнѣйшія и дальнѣйшія повышенія. Получается, напр., такая схема: первоначальное вліяніе: поднимаются цѣны на уголь, вслѣдствіе этого повышаются цѣны на желѣзо, вслѣдствіе этого повышаются цѣны на машины. Отраженное вліяніе I: такъ какъ поднялись цѣны на машины, поднимаются цѣны на желѣзо, поднимаются цѣны на уголь. Отраженное вліяніе II: такъ какъ поднялись цѣны на уголь, поднимаются цѣны на желѣзо, поднимаются цѣны на машины. Отраженное вліяніе III: поднимаются цѣны на желѣзо, поднимаются цѣны на уголь и т. д. Такъ какъ повышение цѣнъ происходитъ неравномѣрно, то вскорѣ обнаруживается, что та или другая отрасль промышленности, или нѣсколько отраслей одновременно, не въ состояніи уже больше слѣдовать за общимъ повышеніемъ. Достаточно припомнить всеобщія жалобы на вздорожаніе угля, становится во время послѣд-

няго періода промышленнаго расцвѣта все настойчивѣе и отчаяннѣе. Наконецъ, цѣны на желѣзо, добыча котораго болѣе всего зависитъ отъ угля, не могли уже держаться на прежнемъ высокомъ уровнѣ. Цѣны на желѣзо упали, и съ этого началось обратное движеніе. Паденіе это обезцѣнило всѣ вновь оборудованныя фабрики, всѣ купленные въ періодъ вздорожанія машины, всѣ рассчитанные на дальнѣйшее повышеніе цѣнъ предпріятія. Представители желѣзо-дѣлательной промышленности полагали, что понизивъ цѣны на желѣзо, они увеличатъ свой сбытъ; вмѣсто этого началось общее паденіе цѣнъ и упадокъ промышленности. Владѣльцы угольныхъ копей надѣялись задержать паденіе цѣнъ, фиксируя ихъ на опредѣленномъ уровнѣ, но это только обострило кризисъ, въ который они, въ концѣ концовъ, и были втянуты.

Движеніе цѣнъ на товарномъ и денежномъ рынкахъ, сопровождающее промышленный подъемъ, ускоряетъ возникновеніе кризиса; конкуренція прокладываетъ себѣ дорогу черезъ общій крахъ.

II.—Грюндерскій обманъ и обманъ банковый.

Что такое обманъ? Эта задача разрѣшается не легче, чѣмъ вопросъ о томъ, что такое истина? Въ самомъ дѣлѣ, даже въ теологіи нѣтъ ни одной проблемы, которая была бы такъ запутана, какъ этотъ вопросъ капиталистической юриспруденціи. Сводъ уголовныхъ законовъ опредѣляетъ обманъ, какъ «намѣренное представленіе вещей въ ложномъ свѣтѣ, съ цѣлью извлечь для себя имущественныя выгоды въ ущербъ другимъ». Но между этимъ опредѣленіемъ и жизнью лежитъ безчисленное количество параграфовъ торговыхъ, биржевыхъ и тому подобныхъ законовъ, питающихъ собою цѣлый міръ адвокатовъ, судей и юристовъ. Весь этотъ аппаратъ является живымъ свидѣтельствомъ того, что на почвѣ частной собственности вообще невозможно провести границы между законнымъ и незаконнымъ приобрѣтеніемъ.

Во время промышленнаго подъема, когда капиталистическій міръ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ торопится «дѣлать большія деньги», легче всего орудуютъ, конечно, профессиональные мошенники, выѣзжающіе на прямомъ нарушеніи параграфовъ уголовного законодательства. Но эти сознательныя мошенничества врядъ ли могутъ быть даже приняты въ расчетъ по сравненію съ обманомъ, вытекающимъ изъ непосредственнаго соотношенія вещей и притомъ въ видѣ заключительнаго эффекта, непредвидѣннаго и часто весьма непріятнаго даже для тѣхъ, кто его подготавливаетъ. Обманъ является

такимъ же закономѣрнымъ явленіемъ, сопровождающимъ торговый кризисъ, какъ самъ торговый кризисъ — закономѣрнымъ результатомъ всего развитія капиталистическаго производства.

Учреждается, предположимъ, акціонерное общество. Въ основѣ этого коллективнаго предпріятія лежитъ, быть можетъ, какое-нибудь новое изобрѣтеніе, открывающее самыя лучшія перспективы. Если это случится во время промышленнаго подъема, то биржа тотчасъ же овладѣваетъ новымъ предпріятіемъ. Она будетъ бить на повышение курса акцій. Еще раньше окончанія фабричныхъ построекъ, еще до изготовленія хотя бы самаго незначительнаго количества товаровъ, биржа заранѣе опредѣлитъ будущую доходность предпріятія, опираясь исключительно только на предположенія, и соотвѣтственно этому взвинтитъ курсы акцій. Биржа слѣдуетъ, при этомъ, своимъ законамъ конкуренціи. Тотъ, кто имѣетъ акціи, имѣетъ также и дивиденды. Слѣдовательно, полный смыслъ — скорее вступить во владѣніе акціями, и если бы кто-нибудь вздумалъ ждать хотя бы только появленія перваго годичнаго баланса даннаго предпріятія, ему пришлось бы потомъ сожалѣть объ этомъ. Наше акціонерное общество можетъ, такимъ образомъ, похвастать блестящимъ положеніемъ курса. Но какъ разъ благодаря этому оно уже заранѣе обязано развить сверхнормальную доходность. Оно связано обязательствомъ и должно создать такую доходность, которая бы покрыла высокій курсъ акцій. И если бы у основателей и явилось даже такое чувство, что биржа переоцѣнила предполагаемую доходность предпріятія, то неожиданно большой наплывъ капиталовъ, въ результатѣ повышения курса на акціи, открыли бы передъ ними возможность поднять эту доходность путемъ расширения предпріятія. Такимъ образомъ биржа увлекаетъ новое предпріятіе за первоначально намѣченные предѣлы. Это увеличиваетъ шансы на доходность, но, вмѣстѣ съ тѣмъ и рискъ. Если у общества имѣются, какъ мы предположили заранѣе, собственные патенты, то они вдругъ пріобрѣтаютъ высокую денежную цѣнность. Со всѣхъ сторонъ общество осаждается просьбами уступить патенты, основать филиальныя отдѣленія предпріятія. Отовсюду стекается капиталъ, и курсъ продолжаетъ расти. Такимъ образомъ биржа можетъ взогнать курсъ до такой высоты, что всякая доходность исключается и паденіе курса немедленно, послѣ ознакомленія съ результатами производства, становится неизбѣжнымъ. Представимъ себѣ теперь такой случай, когда въ процессѣ производства, патентованные техническіе приемы оказываются менѣе доходными, чѣмъ это ожидалось въ началѣ; это можетъ случиться благодаря тому, что сооруженія или сама обработка оказалась дороже, чѣмъ первоначально предполагалось, или благодаря тому, что сбытъ встрѣтилъ извѣстныя трудности, или конкуренція понизила цѣны, или ухудшилось общее состояніе рынка и т. д. и т. п. Положеніе ста-

новится критическимъ. Наше блестящее предпріятіе стоитъ передъ крушеніемъ. Дирекція предпріятія ищетъ выхода: не удастся ли ей понизить стоимость производства, нельзя ли поднять доходность предпріятія путемъ использованія побочныхъ продуктовъ? Какъ бы тамъ ни было, а прежде всего надо выиграть время. Но балансъ? Ну, пока что, все находится въ туманѣ, въ процессѣ развитія: на постройкахъ работы продолжаются каждый день, создаются новые отдѣлы, основываются филиальныя общества, патенты продаются и скупаются; если дирекція не приложитъ особыхъ стараній, чтобы открыть больное мѣсто, то въ общемъ хаосъ счетовъ его и не обнаружатъ. Самое главное — выложить жирный дивидендъ! А отчислить же его не такъ трудно: деньги берутся изъ капитала, имѣющагося въ избыткѣ. Но, это сходитъ гладко лишь для начала. Чѣмъ дальше, тѣмъ положеніе дѣлъ становится хуже. Дирекція дѣлаетъ судорожныя усилія и, чтобы добиться доходности, соотвѣтствующей чрезмѣрно высокому курсу продолжаетъ прибѣгать къ все болѣе рискованнымъ приѣмамъ. Теперь, расширеніе и развѣтвленіе предпріятія становится уже средствомъ сознательнаго затушеванія неудовлетворительнаго баланса. Чтобы содѣйствовать основанію филиальныхъ отдѣленій, основное предпріятіе даетъ имъ слишкомъ большія гарантіи и поддерживаетъ ихъ своимъ капиталомъ. Отсюда развиваются, на примѣръ, отношенія такого рода. Основное предпріятіе продаетъ филиальному обществу за высокую цѣну свои патенты, опредѣленные приспособленія и т. д. За это оно гарантируетъ ему опредѣленный годичный оборотъ. Капиталъ филиальнаго общества въ громадной долѣ покрывается основнымъ предпріятіемъ. Балансъ филиальнаго общества не можетъ не быть благопріятнымъ, такъ какъ у него имѣется обезпеченный сбытъ. Балансъ основного предпріятія кажется даже вдвойнѣ благопріятнымъ, во первыхъ, благодаря выгодной продажѣ своихъ патентовъ филиальному отдѣленію, во вторыхъ, благодаря участію въ его барышахъ. Между тѣмъ и тутъ и тамъ накапливается масса нераспроданныхъ товаровъ. Положеніе становится такимъ запутаннымъ, что въ этихъ обстоятельствахъ каждый честный человекъ долженъ былъ бы сдѣлаться обманщикомъ, и только мошенническій геній грюндеровъ въ состояніи сохранить ихъ отъ этой судьбы. И все это при томъ сдѣланномъ нами заранѣе предположеніи, что предпріятіе покоится на здоровомъ основаніи: оно было втянуто въ мошенничество исключительно биржевыми оборотами, слѣдовательно конкуренціей на денежномъ рынкѣ.

Наша схема отнюдь не произвольна, она является точной передачей событій, происшедшихъ въ кассельскомъ акціонерномъ обществѣ для изготовленія сухихъ дрожжей. Общество основалось съ цѣлью использовать различные патенты, которымъ техника предсказывала великое будущее. Биржа вскорѣ подняла акціи до

900. Такого курса предприятие не могло оправдать темъ болѣе, что скоро обнаружилось, что центр тяжести предприятия долженъ быть перенесенъ на использование побочнаго продукта. Между темъ во-кругъ кассельскаго общества, какъ около центра, развернулась, выше описаннымъ путемъ, колоссальная предпринимательская дѣятельность, принявшая вскорѣ интернаціональный характеръ; во Франціи, въ Венгріи, въ Россіи, во всемъ мірѣ основывались филиалы отдѣленія. Какъ предприниматели, такъ и банки зарабатывали на кассельскихъ акціяхъ много милліоновъ. Но чѣмъ болѣе обнаруживались результаты производства, темъ становилось яснѣе, что кассельскія стоимости созданы чрезмѣрной спекуляціей. Курсы быстро упали, новые выпуски остались въ кассахъ банка, и въ результатѣ получился извѣстный большой крахъ.

Этотъ случай типиченъ для биржевого обмана, связаннаго съ основаніемъ новыхъ предприятий. Проходя черезъ цѣлый рядъ незамѣтныхъ нюансовъ, предприятие становится мошенническимъ т. е. такимъ, которое заранее уже рассчитано на ажіотажъ, слѣдовательно на то, чтобы продать акціи въ тотъ моментъ, когда онѣ будутъ стоять высоко.

Строительное мошенничество есть лишь разновидность грюндерскаго, обостренное еще существованіемъ ипотекъ. И здѣсь обманъ является результатомъ постепеннаго и правильнаго развитія. Импульсомъ служитъ вздорожаніе денегъ, которое побуждаетъ банки приобѣгать къ все болѣе рискованнымъ спекуляціямъ. Вообще банки въ числѣ первыхъ пользуются начинающимся промышленнымъ подъемомъ, но они же оказываются первыми, изъ тѣхъ, кого поражаетъ кризисъ. Вздорожаніе кредита приноситъ имъ сначала выгоду, затѣмъ принуждаетъ ихъ, для оправданія растущаго процента отыскивать капиталу все новыя и все болѣе выгодныя приложенія. Вскорѣ они оказываются уже не въ состояніи выжидать, пока къ нимъ предъявятъ требованія на капиталъ, и вынуждены сами брать за грюндерство. Это приводитъ къ тому, что въ одномъ и томъ же дѣлѣ они являются одновременно и кредиторами и должниками; они владѣютъ, напр., акціями строительнаго общества, землю котораго они же сами обложили ипотекой. Пока продолжается промышленный расцвѣтъ съ его оживленными сдѣлками на денежномъ, товарномъ и земельномъ рынкахъ, до тѣхъ поръ отношенія также легко распутываются, какъ и завязываются. Но какъ только разражается кризисъ, всѣ связи немедленно разрываются, и отъ обмана спасаетъ развѣ только точное знаніе торговаго законодательства.

III.—Періодъ бурнаго натиска капитала.

Въ развитіи капиталистическаго производства отмѣчается чередованіе подъемовъ и кризисовъ. Таковъ законъ. Это волнообразное движеніе замѣчается неизмѣнно, если только наблюденіе дѣлается въ теченіе достаточнаго промежутка времени. Этимъ опредѣляется, однако, лишь характеръ движенія, но не его сила и быстрота. Послѣднія зависятъ всегда отъ конкретныхъ условій, отъ дѣйствительнаго соотношенія вещей на міровомъ рынкѣ. Волнообразное движеніе въ развитіи капиталистическаго производства обусловливаетъ неравномѣрное развитіе мірового рынка. Но и помимо этого каждое движеніе требуетъ времени для достиженія наибольшихъ результатовъ. Нѣкоторые періоды времени отличаются такимъ высокимъ развитіемъ всѣхъ сторонъ капиталистическаго народнаго хозяйства,—техники, денежнаго рынка, торговли, колоній,—что неминуемо должны повлечь за собой значительное расширеніе мірового рынка, и поднять общее міровое производство на новую и гораздо болѣе широкую базу. Тогда-то наступаетъ для капитала «періодъ бури и натиска». Этимъ не устраняется періодическая смѣна подъема и упадка, но подъемъ развивается съ большой силой, а кризисъ сказывается хотя и острѣе, но менѣе длительно. Процессъ все длится, пока накопленная скрытая сила не достигаетъ высшаго предѣла своего развитія. Тогда наступаетъ самая острая форма торговаго кризиса, переходящаго затѣмъ въ общій экономическій застой, характеризуемый замедленнымъ ходомъ промышленнаго развитія. Это замедленіе уменьшаетъ высоту и размахъ экономического подъема, но и растягиваетъ торговый кризисъ, который теряетъ вслѣдствіе этого свою остроту. При этомъ получается впечатлѣніе будто производство не сможетъ болѣе подняться, пока сила развитія не созрѣетъ для новаго бурнаго натиска капитала.

Такимъ образомъ, каждый «періодъ бури и натиска» капитала складывается изъ нѣсколькихъ подъемовъ кризисовъ; изъ нѣсколькихъ промежутковъ промышленнаго упадка.

Въ каждомъ періодѣ такого бурнаго натиска капитала подъемъ и упадокъ производства повторяются не одинъ разъ. Но рѣзкая смѣна въ темпѣ развитія мірового рынка замѣтна, только на высшей ступени развитія капиталистическаго производства. Марксъ и Энгельсъ знаютъ лишь о простомъ чередованіи подъема и торговаго кризиса, ничего не говорятъ о болѣе длинныхъ періодахъ то ускореннаго, то замедленнаго развитія, въ предѣлахъ которыхъ разыгрывается экономическій подъемъ и кризисъ. На особенность этого явленія впервые было обращено вниманіе въ періодъ длин-

наго экономического упадка, смѣнившего собою большой торговый кризисъ конца 70-хъ годовъ, закончившій, въ свою очередь, бурный періодъ господства капитала начала 60-хъ годовъ. Соціалистическая критика съ ея отрицательной точкой зрѣнія принимала главнымъ образомъ во вниманіе малую продолжительность и быстрое ослабленіе періодовъ подъема и создала теорію «хронического перепроизводства». Буржуазная же политическая экономія, наоборотъ, обратила главное свое вниманіе на умѣренный характеръ кризисовъ и фантазировала на счетъ обеспеченности капиталистическаго развитія производства, разъ будутъ пережиты молодые годы капитализма. Пишущій эти строки только путемъ изученія аграрнаго кризиса пришелъ къ познанію относительнаго временнаго характера экономического упадка. А изслѣдованіе фактическаго положенія вещей на промышленномъ міровомъ рынкѣ дало возможность яснаго предвидѣнія приближающагося періода бурнаго натиска капитала.

И, дѣйствительно, промышленный подъемъ принимаетъ уже съ 1895 г. такой темпъ отъ котораго давно уже отвыкли. Когда я получилъ весной 1896 г. порученіе отъ «*Sächsische Arbeiter Zeitung*» объяснить это, весь міръ поразившее, явленіе, я особенно напиралъ въ моихъ статьяхъ на то, что мы имѣемъ дѣло не только съ необыкновеннымъ подъемомъ промышленности, но съ новымъ періодомъ необыкновеннаго натиска капитала. Такъ какъ это различіе очень важно для пониманія промышленныхъ перспективъ открывающихся въ данный моментъ, то я позволю себѣ воспроизвести нѣсколько строкъ изъ написаннаго мною тогда. Итакъ, я писалъ 5 лѣтъ тому назадъ. «Экономическій упадокъ пришелъ къ концу—наступаетъ новый періодъ необычайнаго подъема капиталистическаго производства. Этого не слѣдуетъ однако, понимать въ томъ смыслѣ, что отнынѣ не будетъ никакихъ рефлексовъ и наступитъ сплошное благоденствіе. Рѣчь идетъ скорѣе о темпѣ развитія, который слѣдуетъ законамъ капиталистическаго волнообразнаго движенія. И періодъ кризиса имѣлъ свое время подъема и упадка. Но все это происходило въ малыхъ размѣрахъ и шло въ ширь, ибо не проникало въ глубь. Отнынѣ промышленный подъемъ будетъ отличаться еще большимъ натискомъ, приметъ несравненно болѣе крупныя размѣры, катастрофа будетъ рѣзче и чувствительнѣе, дѣйствіе ея болѣе разрушительно, новый подъемъ приметъ еще болѣе колоссальныя размѣры, пока огромная область производства не будетъ радикально разработана и освобожденная, необычайно развитыя производительныя силы снова не будутъ имѣть болѣе примѣненія».

Первый опытъ относительно вѣрности этого взгляда, былъ сдѣланъ уже осенью 1896 г. Въ текстильной промышленности наступилъ періодъ упадка. Привыкнувъ къ быстрому пониженію

подъема, многіе уже ожидали торговаго кризиса. Объ этомъ говорилось между прочимъ, и на нашемъ готскомъ партейтагѣ, въ связи съ требованіемъ усиленія агитаціи, партійными руководителями въ пользу введенія 8-ми часового рабочаго дня. Въ противоположность такому мнѣнію, я утверждалъ, что частичный застой въ дѣлахъ можетъ повлечь за собой всеобщій торговый кризисъ, только въ періодъ экономического упадка и что предсказанный мной періодъ необыкновеннаго роста промышленности именно тѣмъ и отличается, что сопутствующій ему экономическій подъемъ легко преодолеваетъ частичный застой въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности. Я пошелъ еще дальше и заявилъ, что исходнымъ пунктомъ всеобщаго торговаго кризиса можетъ быть только желѣзнодорожная промышленность. Какъ извѣстно, факты вполне оправдали мои слова.

Чтобы ознакомиться съ предстоящимъ развитіемъ мірового рынка, посмотримъ прежде всего, каково было развитіе тѣхъ факторовъ, которые вызвали новый періодъ необычайнаго подъема промышленности. 1. Очень важнымъ моментомъ явилось промышленное развитіе Россіи, ускоренное ликвидаціей крестьянскаго хозяйства и поощренное милліарднымъ французскимъ займомъ. На занятые милліоны государство построило желѣзныя дороги, за которыми послѣдовало искусственно поддерживаемое развитіе горной промышленности, машиннаго производства и промышленности вообще. Въ концѣ 1894 г. желѣзнодорожная линія Россіи равнялась 34.581 верстѣ, въ концѣ 1899 г. уже 48.091 верстѣ. Такимъ образомъ въ теченіе 5 лѣтъ было построено желѣзнодорожнаго пути больше, чѣмъ въ обыкновенное время за 10 лѣтъ а именно 13.500 верстѣ. Кромѣ того, въ началѣ 1900 г. 7.711 верстѣ находилось еще въ постройкѣ. Какое вліяніе это оказывало на германскую промышленность, видно изъ того, что вывозъ Германіи въ Россію повысился съ 195 милл. марокъ въ 1894 г. на 437 милл. въ 1899, т. е. больше, чѣмъ удвоился. Въ 1900 г. вслѣдствіе кризиса въ Россіи этотъ вывозъ уменьшился уже на 78 милл. Теперь въ Россіи полный застой отъ котораго ей, вслѣдствіе особенностей ея политической системы и раззореннаго состоянія крестьянскаго хозяйства гораздо труднѣе оправиться, чѣмъ какой-бы-то ни было другой капиталистической странѣ. Главныя пункты ея дальнѣйшаго промышленнаго развитія могутъ быть, однако, намѣчены вполне опредѣленно. Съ установленіемъ правильнаго желѣзнодорожнаго сообщенія съ культурнымъ міромъ, — что, конечно, несмотря на офиціозные репортерскіе отчеты, далеко еще не наступило—золотыя пріиски Сибири начнутъ привлекать къ себѣ капиталъ и людей. Съ присоединеніемъ Манчжуріи и проникновеніемъ до Пекина, для развитія Сибири откроются новыя перспективы. Еще важнѣе промышленное развитіе въ русскихъ владѣніяхъ централь-

ной Азии и на Кавказѣ. Эти необыкновенно одаренныя природными богатствами области стоятъ на лучшемъ пути къ тому, чтобы сдѣлаться русской Остѣ-Индіей. Въ нихъ несравненно больше скрытой силы къ развитію, чѣмъ во всей Африкѣ. Я не стану говорить здѣсь о дальнѣйшихъ колоніально-политическихъ планахъ Россіи, которые, однако, ни въ какомъ случаѣ не должны быть отнесены въ область фантазіи. 2. Слѣдующимъ важнымъ моментомъ было перенесеніе экономическаго центра тяжести въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки съ земледѣлія на промышленность. Съ этого времени Соединенные Штаты становятся не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи промышленнымъ государствомъ. Это развитіе наблюдается всѣми, такъ что мы можемъ воздержаться отъ перечисленія подтверждающихъ его фактовъ. Несмотря на повышение пошлинъ, вывозъ Германіи въ Соединенные Штаты повысился съ 1894 по 1900 года съ 271 до 440 милл. марокъ. Промышленныя силы Америки находятся еще на первой ступени своего развитія, кромѣ того, съ проведеніемъ каналовъ Никарагуа или Панамскаго, составляющимъ только вопросъ времени, центральная и южная Америка примутъ также несравненно большее чѣмъ теперь, участіе въ развитіи промышленнаго мірового рынка. 3. Быстрый ростъ золотой промышленности, приведшій къ чрезмѣрной спекуляціи. Кровавое разрѣшеніе этихъ спутанныхъ отношеній наблюдается теперь на южно-африканскомъ полѣ сраженія. Вслѣдствіе войны, количество добытаго золота понизилось въ Трансваалѣ съ 3,9 милл. унцовъ въ 1898 г. до 0,3 въ 1901 году. Попытка покрыть этотъ убытокъ повышенной добычей золота въ западной Австраліи повела къ хищнической эксплуатаціи его, имѣвшей своимъ послѣдствіемъ необыкновенное паденіе курса. Курсъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ горныхъ акцій упалъ съ $13\frac{3}{4}$ до $2\frac{1}{2}$, съ 40 до $2\frac{3}{8}$, съ 32 до 2 и т. д. А это и подготавливаетъ почву для новой золотой горячки, и по окончаніи войны, на чьей бы сторонѣ не оказалась побѣда. 4. Промышленное развитіе Восточной Азии. Простой товарный обмѣнъ съ Китаемъ не удовлетворяетъ давно уже капитала. Онъ стремится прорѣзать страну желѣзными дорогами, основать фабрики и насадить горную промышленность. При этомъ, однако, не дооцнивалось то сопротивленіе, которое должны были оказать капиталистической революціи социальный строй и политическая система Китая. И если теперь положеніе вещей въ достаточной мѣрѣ запутано страстной колоніальной политикой правительствъ то нѣтъ сомнѣнія, что побѣдителемъ останется все-таки капиталъ. Смотра по обстоятельствамъ, это можетъ продолжаться еще нѣсколько лѣтъ или разрѣшиться гораздо ранѣе, но Китай сдѣлается въ самомъ скоромъ времени полемъ колоссальнаго международнаго грюндерства. 5. И во многихъ другихъ колоніяхъ созрѣли условія для развитія про-

мышленной дѣятельности. Африка прорѣзывается желѣзными дорогами, да и Малая Азія не отстаетъ отъ нея. Изъ Малой Азии европейскій капиталъ идетъ на встрѣчу русскому, развивающему, какъ извѣстно, свою колонизаціонную дѣятельность, главнымъ образомъ, въ центральной Азии. 6. Развитіе электротехники. Для 90-хъ годовъ развитіе электрическаго городского сообщенія является особенно характернымъ. Въ 1891 г. въ Германіи электрическое сообщеніе имѣлось только въ трехъ городахъ, въ концѣ 1900 уже въ 99 городахъ. Длина пути увеличивалась при этомъ съ 583 километровъ 1896 г. до 2.868 въ концѣ 1900, т. е. больше, чѣмъ на 390% въ 4 года; при этомъ, въ концѣ 1900 г. въ 28 городахъ проводились электрическія дороги, которыя находились еще въ постройкѣ. Израсходованное на движеніе трамваевъ количество электрической энергіи повысилось за тотъ-же четырехлѣтній промежутокъ времени съ 18.560 киловаттъ до 92.498 киловаттъ т. е. упятилось. Теперь потребность въ городскомъ сообщеніи удовлетворена—и поэтому электрическія общества страдаютъ отъ систематическаго перепроизводства. Примѣненіе электрической энергіи къ городскимъ трамваямъ является только первой пробой примѣненія электрической силы въ большихъ размѣрахъ. Опытъ далъ прекрасные результаты, открывающіе блестящія перспективы. Можно сказать безъ преувеличенія, что роль электричества въ 20-мъ вѣкѣ будетъ болѣе революціонной, чѣмъ роль пара въ 19-мъ.

Эти грандіозныя промышленныя перспективы ничего не измѣняютъ въ необходимости пережить торговый кризисъ. Теперь господствуетъ капиталистическій законъ цѣнности, долженствующій слишкомъ высокія цѣны привести къ ихъ среднему общественному уровню путемъ урѣзыванія курса банкротствъ, ликвидаций, предпріятія снова переносятся «на здоровую почву», говоря биржевымъ жаргономъ.

Капиталистическая экспроприація идетъ полнымъ ходомъ и могучая концентрація капитала продолжается. Такъ капиталъ готовится къ новому подъему, который ставъ на болѣе широкую основу и двинувшись съ возросшими силами, разовьется несомнѣнно еще значительно болѣе, чтобы затѣмъ съ еще болѣе яркой стремительностью закончить общимъ крахомъ.

IV.—Итоги подъема.

Было бы интересно установить, какъ развивался доходъ различныхъ классовъ общества въ годы экономическаго подъема. Удивительно, однако то, что какъ разъ этотъ періодъ времени бѣденъ данными статистики доходовъ. Въ періодъ экономическаго

упадка, статистика доходовъ была любимымъ конькомъ профессоровъ — социалреформаторовъ. Въ Саксоніи, профессоръ Бѣмертъ, напр., дѣлалъ регулярныя наблюденія надъ движеніемъ доходовъ, для Пруссіи по тому же вопросу прилежно работалъ профессоръ Зѣтбееръ (Sötbeer).

Но съ 1894 г. саксонская статистика доходовъ совершенно прекращается, а прусская даетъ очень мало и весьма общихъ цифръ и остерегается знакомить съ ростомъ крупныхъ доходовъ. Изъ прусской статистики мы узнаемъ только то, что доходы прусскихъ акціонерныхъ обществъ равнялись въ трехлѣтіе отъ 1894—1896 г. 291 милл., въ періодъ же отъ 1897—1899—434 милл., что число акціонерныхъ обществъ возросло за это время съ 1.417 до 1.629 и что средняя доходность отдѣльныхъ обществъ повысилась съ 205.000 на 266.000 въ годъ, т. е. почти на 33%. Акціонерный капиталъ повысился за это время съ 3.973 до 4.910 милл., т. е. почти на миллиардъ.

Такъ какъ прусская статистика доходовъ оперируетъ надъ трехлѣтіями, то разница нѣсколько смягчается. При взглядѣ на балансы отдѣльныхъ акціонерныхъ обществъ, можно видѣть, что въ промежутокъ времени отъ 1894 до 1899 г., чистые доходы ихъ удвоились, утроились, иногда даже учетверились. Такъ, напр., чистый доходъ гердеровскаго союза рудниковъ и доменныхъ печей составлялъ 898.192 марки въ 1894—5 г. и 4.797.198 марокъ въ 1898—9 г., т. е. упятерился, несмотря на амортизацію 2,9 милліона въ этомъ послѣднемъ году; дивиденды возросли съ 3 на 14%. Чистый доходъ Этвейлерскаго горнаго союза за тотъ же промежутокъ времени увеличился съ 1,1 до 2,6 милл. марокъ; валовой доходъ рудниковъ Королевскаго и Лаура повысился съ 2.962.707 до 8.122.009 марокъ. Чистый доходъ Нѣмецкаго банка увеличился съ 1895—1899 г. съ 11,4 до 20,3 милліоновъ.

Болѣе общую картину развитія процесса капитализаціи даетъ намъ эмиссіонная статистика. Съ 1895 по 1900 г., на денежномъ рынкѣ Германіи было выпущено новыхъ бумагъ по курсовой стоимости въ 11.573 милл. марокъ. Это составляетъ 11½ милліардовъ, которые капиталъ «сберегъ» за эти 6 лѣтъ за счетъ рабочихъ и выбросилъ на биржу! Эта эмиссіонная горячка достигла своего кульминаціоннаго пункта въ 1898 г. при суммѣ въ 2.462 милл. противъ 1.181 милл. въ 1895 году, т. е. болѣе чѣмъ удвоившейся. Въ частности промышленное грюндерство достигло своего высшаго развитія съ 666 милліонами въ 1899 году. (1895 г. только 229 милл.). Въ общемъ, за означенный періодъ, было вложено въ промышленныя акціи 2,3 милліарда марокъ, въ банковыя акціи 1½ милліарда, въ германскія ипотеки 2,1 милліарда. Хотя биржа и охватываетъ постепенно все большую часть аккумулярованнаго капитала, ни въ коемъ случаѣ нельзя сказать, однако, чтобы весь скопленный

капиталъ проходилъ черезъ биржу. Вышеуказанныя цифры еще далеко по этому не служатъ показателемъ общаго роста капитала въ Германіи, въ періодъ промышленнаго подъема. Онѣ даютъ только приблизительную картину того, какія несмѣтныя богатства капиталисты Германіи могли скопить за эти годы изъ прибавочной стоимости, помимо суммъ, растроченныхъ на утонченныя наслажденія, въ которыхъ они себѣ, конечно, не отказывали.

Но и капиталистическое государство не менѣе того воспользовалось экономическимъ подъемомъ страны. Расходы Германской Имперіи составляли въ 1894 г. 1.337 милл., по росписи же на 1901 г. предусмотрѣны уже 1.910 милл. (за вычетомъ расходовъ на желѣзныя дороги, почту и государственную типографію), т. е. на 573 милл. больше. Если принять 1894 годъ за норму, то окажется, что государство израсходовало съ тѣхъ поръ ровно на 1½ милліарда больше. Къ расходамъ имперіи слѣдуетъ, однако, еще присоединить расходы отдѣльныхъ государствъ. Бюджетъ одной только Пруссіи повысился съ 1894 по 1900 годъ съ 1.936 до 2.472, т. е. на 536 милліоновъ. Принявъ и здѣсь 1894 г. за норму, мы увидимъ, что перерасходъ послѣднихъ годовъ равенъ 1¼ милліарда. Общій перерасходъ имперіи и Пруссіи равенъ такимъ образомъ 2¾ милліарда и произошелъ только благодаря экономическому подъему. Правда, что расходы государства, какъ и всегда превысили его доходы: долгъ имперіи увеличился на 383 милліона, государственный долгъ Пруссіи на 220 милліоновъ. Роковымъ является, при этомъ, то обстоятельство, что капиталистическое государство очень неохотно спускается съ разъ достигнутой имъ высоты бюджета. Такъ какъ, однако, во времена экономического упадка государственные доходы понижаются, то ничего другого не остается, какъ повысить налоги. Это тоже своего рода содѣйствіе социальной реформы: вмѣсто того, чтобы облегчить бѣдственное состояніе населенія, капиталистическое государство, наоборотъ, обостряетъ нужду новыми налогами!

Цѣль повышенныхъ государственныхъ расходовъ извѣстна; они идутъ на закупку пушекъ и броненосцевъ!

Годы промышленнаго подъема усиливаютъ мощь капиталистовъ. Ихъ богатства, дающія имъ возможность эксплуатировать пролетаріатъ, несмѣтно возрастаютъ. Государство, на которое они опираются, обновляетъ свое вооруженіе, увеличиваетъ свои военныя силы и готово привести въ движеніе сотни тысячъ войска, чтобы добыть для капитала новые источники эксплоатаціи. Каково же положеніе рабочихъ? Какъ отразился на нихъ подъемъ?

Отчеты по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ, какъ извѣстно, преувеличиваютъ доходъ рабочихъ, сводя «къ средней мѣстной платѣ» заработную плату малолѣтнихъ и хуже оплачиваемыхъ рабочихъ, (хотя, съ другой стороны, и сокращая, конечно, гораздо

рѣже встрѣчаемую, заработную плату свыше 4-хъ марокъ); по этимъ даннымъ, средній доходъ промышленныхъ рабочихъ повысился съ 1894 по 1899 г. почти на 15%. Для нѣкоторыхъ производительныхъ ассоціацій повышение заработной платы выражалось слѣдующими процентными отношеніями: заработная плата горно-заводскаго союза рабочихъ повысилась на 18%, силезскаго желѣзнаго и стального союза—на 11,7%, рейнско-вестфальскаго машиностроительнаго союза—на 11,6%, рейнско-вестфальскаго горнаго завода—на 10,5%, лѣсного сѣверо-германскаго товарищества—на 10%, химическаго производства на 9,5%, сѣверо-восточнаго строительнаго товарищества на 9,3%, типографскаго товарищества—на 7,8%, саксонскаго текстильнаго—на 8,5%, товарищества табачнаго производства—на 0%. Если эти данныя уже сами по себѣ представляютъ жалкую картину, то по сравненіи ихъ съ накопленнымъ за тотъ же промежутокъ времени капиталомъ онѣ являются злой насмѣшкой надъ социальнореформаторскими мечтаніями о гармоніи интересовъ. Особенно выразительна абсолютная величина этихъ заработковъ! Увеличенный на 15% средній заработокъ промышленныхъ рабочихъ составлялъ въ 1899 г. 752 марки, слѣд., неполныхъ 15 марокъ въ недѣлю! На такія средства и одинокому трудно прожить, а, вѣдь, нерѣдко на нихъ и даже еще на меньшую сумму приходится содержать цѣлую семью!

Но и это незначительное повышение заработной платы сдѣлалось отчасти призрачнымъ вслѣдствіе общаго вздорожанія всей жизни. Цѣны на хлѣбъ подымались до 1897—98 г., затѣмъ онѣ хотя немного и понизились, но и теперь еще значительно выше, сравнительно съ 1894 г. Въ 1898 г. цѣна на пшеничную муку повысилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на 30, 40 и 50%, въ сравненіи съ 1894 г. Точно также картофель, а во многихъ мѣстахъ и мясо, вздорожали противъ 1894 г. Предметы потребленія мелкаго хозяйства, вплоть до мыла, чернилъ и бумаги тоже поднялись въ цѣнѣ. Керосинъ вздорожалъ ровно на 40%, цѣны на сахаръ, сельди и рисъ также возрасли. И прежде всего повысилась квартирная плата! На размѣры послѣдняго явленія указываетъ тотъ фактъ, что доходъ прусскихъ налогоплательщиковъ, съ годовымъ доходомъ свыше 3.000 марокъ, поскольку источникомъ послѣдняго является городское землевладѣніе, повысился съ 1894 по 1898 на 19,7%. Эти цифры ни въ коемъ случаѣ не выражаютъ дѣйствительнаго роста городской земельной ренты, потому что значительная часть ея отчислялась на уплату процентовъ по ипотекамъ. Кромѣ того, прусскія данныя, какъ на это было уже указано, относятся къ трехлѣтнему періоду.

Номинальный ростъ заработной платы только въ незначительной степени достигнутъ путемъ ея дѣйствительнаго повышения, въ большинствѣ же случаевъ только благодаря болѣе правильному распре-

дѣленію труда или сверхурочной работѣ. Слѣдствіемъ этого явилось переутомленіе, что, въ свою очередь, повлекло за собой увеличеніе числа несчастныхъ случаевъ. Положительно съ правильностью естественнаго закона, число несчастныхъ случаевъ въ промышленности повысилось съ 6,25 на 1.000 въ 1894 г. до 7,39 въ 1899 г. Статистика несчастныхъ случаевъ съ 1885 по 1900 г. такова: 21.321 убитыхъ, 110.109 потерявшихъ способность къ труду на долгое время и 76.638 на короткое. Кровопролитныя войны послѣднихъ годовъ не стоили столькихъ человѣческихъ жертвъ, сколько понесли одни германскіе рабочіе, убитыми и ранеными на полѣ битвы капиталистической промышленности! Вотъ, чѣмъ они заплатили за ничтожное повышение заработной платы, которое, вслѣдъ затѣмъ, у нихъ отобрали квартирохозяева и лавочники.

Число занятыхъ въ промышленности рабочихъ повысилось на 1,4 милл. или 27%. За тотъ же промежутокъ времени число занятыхъ на фабрикахъ подростковъ, моложе 16 лѣтъ, увеличилось, однако, на 41%. Уже одно это доказываетъ, что слѣдствіемъ промышленнаго подъема было абсолютное и относительное увеличеніе эксплуатаціи дѣтскаго труда. Число дѣтей занятыхъ теперь на фабрикахъ, составляетъ 213.974, изъ которыхъ 7.408 были моложе 14 лѣтъ (противъ 4.259 въ 1894 г.). До наступленія періода экономическаго подъема, число занятыхъ на фабрикахъ дѣтей, моложе 14 лѣтъ правильно понижалось, какъ извѣстно,—еще одинъ конекъ, на которомъ выѣзжали сторонники социальныхъ реформъ.

Итакъ, каковы же итоги? Пролетаріатъ совершилъ величественную работу, цѣною крайняго напряженія сократившаго многимъ ихъ работоспособность и жизнь на цѣлые годы, цѣной прямой потери тысячъ человѣческихъ существованій и принесенія въ жертву юности и дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. За все это онъ получалъ отъ капитала нищенскую плату и кое-что на чай—потребленіе пива возросло приблизительно на $\frac{1}{2}$ кружки въ недѣлю на cadaго взрослого рабочаго. И въ тоже время трудъ пролетаріата создалъ для класса капиталистовъ милліарды. Пролетарій стоитъ и понынѣ съ пустыми руками, онъ прожилъ свой вѣкъ, но и на закатѣ своей жизни у него нѣтъ ничего, кромѣ своей рабочей силы для продажи—капиталистъ же обладаетъ теперь несравненно большимъ количествомъ средствъ производства. Даже въ періодъ самаго кризиса, разоряющаго отдѣльныхъ капиталистовъ, сила капитала достигаетъ еще большей концентраціи, пролетаріатъ же оказывается лицомъ къ лицу съ увеличивающейся резервной арміей, понижающей заработную плату. И въ то время, какъ государство приводитъ въ движеніе всѣ рычаги, чтобы раздобыть для капитала новыя колоніи, пролетаріатъ, можетъ смѣло надѣяться на новыя налоги.

Кто въ виду этого продолжаетъ болтать о постепенномъ сокращеніи капиталистическаго могущества, тотъ либо глупецъ, либо

шарлатанъ. Капитализмъ не призракъ, не тѣнь, измѣняющія свои очертанія смотря по освѣщенію. Капитализмъ—это дѣйствительность, экономическая сила, подчиняющая себѣ социальное развитіе, это общественный строй, защищенный государствомъ ружьями и пушками, съ нимъ нельзя не считаться, онъ долженъ быть побѣжденъ въ упорной борьбѣ, силой противъ силы, соединеннымъ натискомъ социалистическаго революціоннаго пролетаріата.

V.—Профессіональные союзы и экономическій подъемъ.

Германскіе рабочіе профессіональные союзы достигли за послѣдніе годы значительныхъ успѣховъ. Сравнивъ 1894 годъ съ 1899, мы увидимъ, что число членовъ союзовъ увеличилось болѣе чѣмъ вдвое, съ 252.044 чел. до 596.419; еще значительнѣе увеличились доходы рабочихъ союзовъ, а именно съ 2,7 милл. мар. до 7,7 милл., расходы же и того болѣе: съ 2,1 милл. почти до 6,5 милліоновъ¹⁾. Итакъ дѣятельность рабочихъ союзовъ возрастала быстрѣе ихъ доходовъ; а это черта полного жизни развитія.

Этимъ устранены окончательно то недовѣріе и тѣ слабыя надежды на способность къ развитію рабочихъ союзовъ, которыя такъ печально звучали еще въ 1893 году на Кельнскомъ партейтагѣ. Со времени существованія единой германской социалдемократической партіи въ рядахъ ея никогда не было разногласія относительно полезности и необходимости рабочихъ союзовъ. Всѣ подобнаго рода обвиненія со стороны буржуазныхъ сторонниковъ социальныхъ реформъ являются не болѣе, какъ злостной ложью и клеветой. Относительно жизнеспособности нѣмецкихъ профессіональных рабочихъ союзовъ сомнѣвались только отдѣльные члены партіи, но и ихъ переубѣдила дѣйствительность. Мы знаемъ, что ни концентрація капитала, ни государственное страхование рабочихъ не лишили профессіональные рабочіе союзы способности развиваться. Относительно этого въ нашей партіи нѣтъ больше двухъ мнѣній.

Общезвѣстенъ фактъ, что во время экономическаго подъема социалдемократія способствовала и притомъ далеко не въ малой степени развитію рабочихъ союзовъ. Правда, социалдемократической агитаціи въ пользу рабочихъ союзовъ и недоставало иногда концентрации, равенства, единства, съ другой стороны, нѣкоторыми инициативными предложеніями въ парламентъ и можно было-бы порой,

¹⁾ Въ концѣ 1900 г. число членовъ равнялось уже 680.427, въ то время, какъ расходы достигли 8.088.021 марокъ.

увеличить престижъ рабочихъ организацій, но, въ концѣ концовъ, классъ капиталистовъ и прислуживающее ему правительство сами позаботились о томъ, чтобы социалдемократія воспользовалась трибуной рейхстага для агитаціи въ пользу рабочихъ союзовъ. Достаточно напомнить о знаменитомъ законопроектѣ «каторжнаго закона» и о Лёбтау. «Каторжный законопроектъ» былъ такимъ же естественнымъ продуктомъ экономическаго подъема, какъ и ростъ рабочихъ союзовъ. Чтобы показать, насколько мы правы, когда не ждемъ отъ класса капиталистовъ никакой другой политики, кромѣ той, которую диктуютъ ему грубые эксплуататорскіе интересы, я хочу сослаться на то, что я говорилъ исходя изъ этой точки зрѣнія, уже въ самомъ началѣ новаго подъема въ развитіи рабочихъ союзовъ, когда указывалъ на опытность политическихъ репрессій, грозящихъ этому развитію со стороны. Я писалъ тогда: «говорятъ, что нѣмецкіе рабочіе союзы нуждаются для своего развитія въ политической свободѣ, въ правѣ организоваться и т. д. Это вѣрно. Но для этого они, главнымъ образомъ, нуждаются въ защитѣ большой политической рабочей партіи, социалдемократіи. Въ то время, какъ борьба рабочихъ организацій будетъ все болѣе ожесточать капиталъ, социалдемократія должна при помощи участія въ выборахъ, парламентскихъ голосованій, всеобщей агитаціи силой удерживать буржуазію отъ крайнихъ политическихъ мѣръ и способствовать развитію политической свободы». Такъ и было. Капиталъ остается въ отношеніи къ пролетаріату всегда однимъ и тѣмъ же. Когда социалдемократія была на пути къ тому, чтобы стать крупной политической партіей, появился законъ противъ социалистовъ. Когда рабочіе союзы были близки къ тому, чтобы сдѣлаться силой, появилось предложеніе противъ стачекъ. Но тогда социалдемократія была уже могущественной парламентской партіей и съ успѣхомъ отразила замышляемое политическое насиліе. Паденіе предложенія о каторжныхъ работахъ, истиннѣ, нельзя приписать газетнымъ статьямъ и рѣчамъ нѣкоторыхъ профессоровъ. Парламентское большинство боялось предстоящихъ выборовъ, да, кромѣ того, послѣдствія закона противъ социалистовъ были еще слишкомъ свѣжи въ памяти, чтобы начать сызнова подобную игру. Въ концѣ концовъ, главнымъ козыремъ социалреформаторской аргументаціи противъ предложенія о каторжныхъ работахъ было ничто иное, какъ агитаціонныя выгоды, которыя социалдемократія могла бы извлечь изъ мѣръ противъ рабочихъ союзовъ.

Это очень важно установить: безъ содѣйствія социалдемократіи «каторжный» законопроектъ сдѣлался бы закономъ. А это указываетъ лучше, чѣмъ всѣ рѣчи сторонниковъ социальныхъ реформъ вмѣстѣ взятыя, кто является лучшимъ защитникомъ пролетарскихъ интересовъ. Хорошо было бы поло-

женіе рабочихъ союзовъ, еслибы въ защиту своихъ политическихъ интересовъ они не могли бы выставить иной силы, кромѣ благоволенія нѣкоторыхъ профессоровъ!

Въ моментъ наибольшаго капиталистическаго процвѣтанія, когда промышленность, торговля, домовладѣльцы и крупные землевладѣльцы нагромождали богатства на богатства, капиталъ натравлялъ государство на рабочихъ, постоянно угрожая имъ плетью и не допуская ихъ пріобщить себѣ хотя бы самую скромную, поистинѣ нищенскую долю всеобщаго излишка! Да и удивительно-ли это? Наоборотъ, даже очень естественно: потому—что изъ рабочихъ-то и были выжаты эти богатства! Колоссальная противоположность интересовъ, господствующая въ капиталистическомъ обществѣ, получила такимъ образомъ, и на сей разъ ясное политическое выраженіе: «защита промышленности» взывали капиталисты, понимая подъ этимъ «защиту эксплуатаціи»!

Опираясь на это, социалреформаторы объявили что между профессиональными союзами и капиталомъ существуетъ общность интересовъ, и наоборотъ, между профессиональными союзами и социалдемократіей противоположность интересовъ. Долготерпѣніе рабочихъ, положительно, слишкомъ велико, если они могутъ допустить, чтобы къ нимъ подходили съ такой явной ложью, съ цѣлью посѣять среди нихъ раздоръ.

И если социалдемократія не разъ показала себя вѣрной союзницей, важнѣйшей агитаціонной и политической опорой, правой рукой профессиональных союзовъ, то и профессиональные союзы, съ своей стороны, показали и въ этотъ періодъ ихъ повышенной дѣятельности, что они боевыя организаціи пролетаріата. Сравнивъ расходы профессиональных союзовъ, на вспомошествованіе больнымъ и пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ рабочихъ, т. е. на самую важную статью расходовъ съ одной стороны, съ расходами на стачки, съ другой, мы получимъ слѣдующую цифру расходовъ на каждого члена (въ маркахъ).

	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899
На больныхъ и увѣчныхъ . . .	1,3	1,7	1,8	1,4	1,2	1,1	1,2
На стачки	0,3	0,7	0,9	2,8	2,1	2,1	3,5

Расходы на больныхъ и пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ рабочихъ—на каждого члена—понижились, въ то время, какъ расходы на стачки сильно повысились, такъ что къ концу отношенія совершенно измѣнились и расходы на стачки превышали втрое расходы на больныхъ и увѣчныхъ. Уменьшились также расходы—на развѣздныя прискивающимъ занятія и на поддержку безработныхъ, хотя это и относится къ профессиональной борьбѣ.

То обстоятельство, однако, что рабочіе союзы Германіи носятъ рѣзко выраженный боевой характеръ, ни въ коемъ случаѣ не яв-

ляется заслугой социальныхъ реформъ въ Германіи. Итакъ, передъ нами проблема пролетарской политики, въ ея двухъ формахъ проявленія: безъ социалдемократіи, т. е. безъ сильной политической организаціи пролетаріата, нѣтъ социально-политическаго прогресса, и, наоборотъ, каждый социально-политическій успѣхъ дѣлается на почвѣ организаціи пролетаріата средствомъ пролетарской классовой борьбы.

VI.—Профессиональные рабочіе союзы и капиталъ въ Германіи.

До какой безсовѣстности доходятъ социалреформисты въ ихъ заигрываніи съ рабочими союзами, лучше всего доказалъ застрѣльщикъ этой компаніи, господинъ профессоръ Вернеръ Зомбартъ, старавшійся убѣдить рабочихъ въ томъ, что профессиональные союзы были-бы въ состояніи представить «достаточный оплотъ противъ нарушеній въ народно-хозяйственномъ организмѣ, т. е. кризисовъ» («Dennoch», стр. 87). Это наука, которую господинъ профессоръ преподнесъ наканунѣ торговаго кризиса «пустымъ безмозглымъ болтунамъ», «негоднымъ лѣнтяямъ» и т. п., т. е. представителямъ социалдемократической агитаціи. Профессоръ не «негодный лѣнтяй», о нѣтъ, ибо онъ получаетъ весьма почтенное жалованье отъ государства, и въ силу своего положенія обладаетъ привилегіей придавать своей пустой и безмозглой болтовнѣ видъ серьезнѣйшей науки. Но если профессорское самомнѣніе только смѣшно, то совсѣмъ иного отношенія заслуживаетъ его вѣроломная тактика, клонящаяся къ тому, чтобы путемъ сугубой лести заставить рабочіе союзы переоцѣнивать свое могущество и тѣмъ легче отколоть ихъ отъ политической организаціи пролетаріата.

Рабочимъ союзамъ послѣ успѣховъ послѣднихъ годовъ, положительно нѣтъ основанія падать духомъ, но тѣмъ серьезнѣе должны они отнестись къ трезвому разслѣдованію вопроса о томъ, чего они достигли въ борьбѣ противъ капиталистической эксплуатаціи и каково ихъ положеніе въ настоящемъ. Полководецъ, не желающій подражать англійскимъ генераламъ, прежде всего не долженъ ошибаться ни на счетъ своихъ собственныхъ силъ и позиціи—и вражескихъ.

Расходы нѣмецкихъ рабочихъ союзовъ на стачки составляли съ начала 1895 до конца 1899 г. 5 1/4 милл. марокъ. По вычисленіямъ генеральной комиссіи общій расходъ на стачки составилъ за это время 8,7 милл. мар. такъ что 2 1/2 милліона были собраны добровольными пожертвованіями. Лишнее доказательство того, какъ

велика солидарность интересов между профессиональными рабочими союзами и социалдемократией. Эти 2½ миллиона были пожертвованы не господами социалреформистами или их покровителями предпринимателями, — доставили их рабочие почти целиком социалдемократы, причем социалдемократическая пресса и агитаторы, о которых господин профессор Зомбартъ съ такимъ высокомеріемъ отзывается, оказали неоцнимыя услуги. Можно съ увѣренностью предположить, что потерянная за это время заработная плата по крайней мѣрѣ вдвое превосходитъ сумму израсходованную на помощь стачечникамъ, что составляетъ, слѣдовательно, 17,4 милл. марокъ. Такимъ образомъ, въ общемъ, поскольку можно судить по статистическимъ даннымъ генеральной комиссіи профессиональных союзовъ, стачки эти обошлись рабочимъ, по крайней мѣрѣ, въ 26 милл. марокъ. Общее число рабочихъ, участвовавшихъ за это время въ стачкѣ составляло, по вычислениямъ той-же комиссіи, 366.900, такъ что на каждого бастовавшаго рабочаго, включая сюда и потерю жалованья, приходилась 71 марка. Мы видимъ, такимъ образомъ, что военныя издержки организаціонной борьбы очень велики; не удивительно поэтому, что представители рабочихъ союзовъ стараются по возможности избѣгать стачекъ. Можно смѣло сказать, что въ общемъ стачки подготовлялись и велись съ большою осмотрительностью. Каковъ же ихъ результатъ?

Изъ общаго числа стачекъ оборонительныхъ было: въ 1895 г. 46,0%, въ 1896 г. 31,3%, въ 1897 г. 42,9%, въ 1898 г. 53,3%, въ 1899 г. 44,5%. Одна треть, а иногда и свыше половины стачекъ были, стало быть, направлены на то, чтобы воспрепятствовать ухудшенію въ положеніи рабочихъ; и это въ періодъ промышленнаго подъема! Это указываетъ лучше, чѣмъ всѣ социалреформатскія разглагольствованія, какова капиталистическая тенденція; и еслибъ социалреформисты обладали, хотя бы небольшою долей пониманія экономического положенія пролетаріата, то они считались-бы съ этимъ фактомъ, диктующимъ пролетарію классовую борьбу. Даже успѣшно проведенная оборонительная стачка не всегда приноситъ рабочему улучшеніе въ его положеніи, выигранная же лишь отчасти — равносильна потерѣ. Если сопоставить (для 1899 г.) целиком или отчасти выигранныя наступательныя стачки со всѣми остальными, то окажется, что изъ общаго числа стачекъ только 45,5% повели къ улучшенію положенія рабочихъ; 31,4% окончились полной побѣдой и 14,1% частичной. Свыше половины стачекъ не принесли никакого улучшенія рабочимъ, а 21% привели къ ухудшенію ихъ положенія. Въ концѣ концовъ и послѣдній промышленный подъемъ подтвердилъ вполне старое положеніе, согласно которому рабочие теряютъ несравненно болѣе при оборонительныхъ стачкахъ, чѣмъ при наступательныхъ; потери при первыхъ (выраженные въ %) были вдвое болѣе, чѣмъ при послѣднихъ. Это указы-

ваетъ на то, что рабочие союзы могутъ провести удачную стачку, лишь при особенно благоприятныхъ условіяхъ.

А тутъ являются Бернштейны, Зомбарты, Конрадъ Шмидты и заявляютъ, что успѣхи профессиональных рабочихъ союзовъ ведутъ къ постепенной экспроприаціи класса капиталистовъ.

Когда двѣ современныя, равно сильныя и равно вооруженныя арміи стоятъ другъ противъ друга, то, помимо предводительства, битву рѣшаетъ преимущество въ мѣстности, выгода стратегическаго расположенія арміи. Но если современной арміи противопоставить неорганизованную и плохо вооруженную толпу, то нѣтъ сомнѣнія, что, какъ-бы ни было благоприятно ея стратегическое положеніе, она проиграетъ сраженіе. Такъ и рабочие въ борьбѣ съ современнымъ крупнымъ капиталомъ никогда не смогутъ использовать благоприятнаго положенія вещей, если не будутъ организованы въ рабочие профессиональныя союзы. Въ этомъ значеніе рабочихъ союзовъ. Если бы мы вздумали говорить рабочимъ: «соединяйтесь въ профессиональныя рабочие союзы и вы достигнете земного рая», то дѣйствительность скоро наказала бы насъ за эту ложь и результатомъ было бы не усиленіе, а крайнее ослабленіе профессиональнаго движенія. Но мы говоримъ рабочимъ: «входите въ ряды рабочихъ союзовъ, потому что иначе вы попадаете въ полную зависимость отъ всерастущей силы концентрированного капитала». Рабочіе союзы не ослабляютъ класса капиталистовъ, но усиливаютъ рабочихъ, и это усиленіе, въ виду вызываемаго самимъ экономическимъ развитіемъ колоссальнаго роста могущества капитала, является своего рода императивомъ. Поэтому то и центръ тяжести успѣха профессиональнаго движенія заключается вовсе не въ результатахъ стачекъ, а въ развитіи самой организаціи.

Но и здѣсь не слѣдуетъ предаваться иллюзіямъ. Организаторская дѣятельность профессиональных рабочихъ союзовъ превышала успѣхи, достигнутыя въ борьбѣ съ капиталомъ, потому что имъ пришлось наперстать сперва потери, понесенныя застоємъ въ дѣлахъ, начавшимся въ 1890 г. и мѣрами противъ горнорабочихъ. Число членовъ германскихъ профессиональных рабочихъ союзовъ, (какъ и при прежнихъ исчисленіяхъ мы исключаемъ членовъ Гиршъ-Дункеровскихъ и христіанскихъ обществъ) превышало въ 1890 г. 300.000 человекъ, тогда какъ въ 1894 г. ихъ было только 252.044. Основываясь на данныя статистики страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, мы увидимъ, что въ 1890 г. профессионально-организованныхъ промышленныхъ рабочихъ насчитывалось 6%, а въ 1899 году — 8,7%. Это значительный успѣхъ, но все таки не такой поразительный, какъ ростъ числа членовъ съ 1894 года.

Но и эти числа не рѣшаютъ вопроса. Какъ извѣстно въ про-

фессиональной борьбы большое значение имѣетъ отношеніе между числомъ квалифицированныхъ и неквалифицированныхъ рабочихъ. Хотя этого отношенія и нельзя выразить въ числахъ, но необыкновенный ростъ числа промышленныхъ рабочихъ съ 1894 г. ясно указываетъ все же на то, что это отношеніе сильно измѣнилось къ невыгодѣ квалифицированныхъ рабочихъ. За это время наблюдался сильный притокъ рабочихъ изъ земледѣльческихъ областей въ промышленныя. При сравненіи данныхъ народной переписи 1895 г. и 1900 г., оказывается, что во всѣхъ земледѣльческихъ округахъ приростъ населенія былъ крайне незначителенъ или даже абсолютно уменьшился въ то время, какъ населеніе Берлина увеличилось на 12,3%, провинціи Бранденбурга на 10,1%, Вестфалии на 18%, Рейнской провинціи на 12,8%, королевства Саксонскаго на 10,9% и т. д. Въ одной только Рейнской провинціи и Вестфалии населеніе возросло на 1,2 милліона. Промышленный подъемъ выбросилъ на фабрики массы рабочихъ, которыхъ еще нужно воспитать въ духѣ классового самосознанія. За это время въ страну были привлечены массы иностранныхъ, въ особенности итальянскихъ рабочихъ. Чрезмѣрно возросло также число занятыхъ на фабрикахъ женщинъ и дѣтей. Извѣстно, насколько всѣ эти моменты затрудняютъ организованную профессиональную борьбу.

Съ другой стороны, отмѣчается ростъ концентраціи капитала. Къ сожалѣнію у насъ отсутствуетъ постоянная промысловая статистика, но поскольку имѣется матеріалъ, капиталистическая концентрація, можетъ быть выражена въ слѣдующей таблицѣ:

Каменный уголь.		Чугунъ.		Расплавленное желѣзо.		Пиво.	
1894	1899	1894	1899	1894	1899	1894	1899.
Рабочихъ въ каждомъ предпріятіи.							
866	1.143	236	336	475	677	—	—
Производительность cadaго предпріятія. гектр. гектр.							
222.000 т.	307.000 т.	52.700 т.	75.400 т.	31.000 т.	45.000 т.	4.200	6.100

При этомъ въ каменноугольной промышленности и въ пивномъ производствѣ число предпріятій абсолютно сократилось; что же касается соединенія нѣсколькихъ предпріятій или фабрикъ въ однихъ рукахъ то этого статистика не выясняетъ. Необычайная концентрація капитала произошла не только въ указанныхъ но и вообще во всѣхъ отрасляхъ промышленности.

Принявъ во вниманіе всѣ указанные моменты, едва ли можно будетъ прийти къ заключенію, что положеніе германскихъ профессиональных рабочихъ союзовъ при ихъ борьбѣ съ капиталомъ существенно улучшилось; успѣхомъ было-бы уже и то, что оно не ухудшилось. Мы здѣсь, конечно, не говоримъ объ особенныхъ условіяхъ, свойственныхъ нѣкоторымъ отдѣльнымъ рабочимъ сою-

замъ. Кто думаетъ, что профессиональные рабочіе союзы смогутъ когда бы то ни было взять верхъ надъ капиталомъ, тотъ долженъ предположить возможность остановки промышленнаго развитія. Последнее, однако, невозможно. Въ то время какъ профессиональные союзы развиваются, капиталъ все концентрируется и новыя народныя массы все пролетаризуются.

VII.—Что же дальше?

Счастливые годы минули и пока не наступилъ новыи экономическій подъемъ, приходится переживать торговый кризисъ со всѣми сопровождающими его бѣдствіями. Каковы же въ это время задачи классовой борьбы пролетаріата?

Первой и главной задачей является усиленіе организаціи. Если благодаря экономическому подъему капиталъ усилился больше, чѣмъ рабочій классъ, то не слѣдуетъ забывать, что и отъ кризиса онъ не ослабляется, а усиливается. Небольшіе и средніе банки закрываются и уступаютъ мѣсто крупнымъ. Насчетъ лопнувшихъ акціонерныхъ обществъ растутъ уже ранѣе народившіеся капиталистическіе колоссы. Банкротства, разоряя отдѣльныхъ капиталистовъ, усиливаютъ могущество ихъ класса. Торговый кризисъ ведетъ, словомъ, къ колоссальной концентраціи капитала. И если рабочія организаціи, не говоря уже о регрессѣ, остаются тѣмъ временемъ на прежнемъ уровнѣ, то очевидно, что ихъ положеніе относительно ухудшается. Кассовая наличность, еще недавно обеспечивавшая профессиональному союзу значительную поддержку, оказывается недостаточной, въ виду сократившагося числа предпринимателей, капиталъ которыхъ чрезвычайно увеличился. Организации должны расти, такъ какъ чѣмъ меньше становится число руководителей класса капиталистовъ, тѣмъ большія массы рабочихъ должны быть сплочены, чтобы преодолѣть ихъ волю. Когда во времена торговыхъ кризисовъ рабочіе пренебрегаютъ своими профессиональными организаціями, то послѣ кризиса имъ приходится терять много времени на поправленіе нанесеннаго организаціямъ вреда, между тѣмъ, какъ предприниматели съ увеличенными силами сразу же могутъ использовать выгодное положеніе.

Чѣмъ больше концентрируется капиталъ, тѣмъ легче становится задача картелей и тому подобныхъ предпринимательскихъ союзовъ. На сторонѣ рабочихъ только организація,—на сторонѣ предпринимателей организація является лишь заключеніемъ развитія, которое непосредственно способствуетъ нарастающему массовому скопленію

капитала. На сторонѣ рабочихъ—безпрерывный ростъ ихъ численности,—на сторонѣ класса капиталистовъ не только значительно болѣе быстрое возрастаніе богатствъ, но и соединеніе ихъ въ рукахъ все меньшаго числа капиталистовъ-магнатовъ капитала и сплоченіе послѣднихъ въ болѣе и болѣе тѣсный союзъ. И если рабочіе не будутъ заботиться о расширеніи своихъ организацій или только допустить ихъ сокращеніе, то какъ они могутъ надѣяться на отпоръ противнику, сила и организація котораго безконечно растутъ?

Конечно, кризисъ—тяжелое время для профессиональных союзовъ. Заработная плата понижается и рабочій старается экономить на всемъ и, къ сожалѣнію, даже на взносахъ въ профессиональный союзъ. Еще хуже дѣйствуетъ увеличивающаяся безработица: она отымаетъ у рабочаго заработокъ, лишаетъ его возможности уплачивать членскій взносъ, такъ—какъ безработный самъ нуждается въ поддержкѣ. Въ то же время безработица вынуждаетъ рабочаго искать заработка, что увеличиваетъ расходы профессиональных союзовъ на путевыя издержки. Уже въ 1900 г., несмотря на то, что это былъ въ общемъ, благопріятный годъ, расходы профессиональных союзовъ на путевыя издержки повысились съ 313.321 на 461.028, на поддержку безработныхъ съ 304.677 на 501.078 марокъ. Я ограничиваюсь этими цифровыми данными—каждому извѣстно изъ опыта своей организаціи, что положеніе вещей не улучшилось съ тѣхъ поръ. Несомнѣненъ фактъ, что какъ разъ во время торговаго кризиса къ профессиональнымъ союзамъ предъявляются наибольшія требованія. Тѣмъ болѣе обязаны слабѣе затронутые кризисомъ рабочіе, заботиться о пополненіи кассъ профессиональных союзовъ. Не слѣдуетъ забывать, что достигаемые профессиональными союзами успѣхи, и вынуждаемая ими у предпринимателей уступки, приносятъ пользу не только имъ однимъ, но и всѣмъ, даже и неорганизованнымъ рабочимъ извѣстной отрасли промышленности; съ другой стороны, ослабленіе профессиональных организацій должно повлечь за собой ухудшеніе матеріальнаго положенія всего рабочаго класса. Когда кассы профессиональных союзовъ истощаются и онѣ не въ силахъ болѣе ослабить тягость безработицы непосредственной поддержкой безработныхъ и ищущихъ работы то въ результатъ всей массѣ рабочихъ вскорѣ приходится терпѣть отъ пониженія заработной платы и потери мѣста.

Но нельзя требовать отъ профессиональных союзовъ большаго, чѣмъ они въ состояніи дать. Это относится въ особенности къ стачкамъ. Совершенно невѣрно слѣдующее разсужденіе. «Мы пополняли кассы, пока былъ заработокъ, а поэтому разъ намъ что-нибудь не нравится,—будемъ бастовать». Это очень необдуманная тактика. При стачкахъ, слѣдуетъ прежде всего обращать вниманіе на положеніе дѣлъ въ предпріятіи. Какой полководецъ начнетъ

битву при самыхъ неблагопріятныхъ для него условіяхъ, разъ это не обязательно. Цвѣтущее положеніе дѣлъ въ предпріятіяхъ отмѣчается увеличеніемъ числа успѣшныхъ стачекъ, и, наоборотъ, упадокъ въ дѣлахъ немедленно выражается сокращеніемъ числа удачныхъ забастовокъ. Въ то время, какъ въ періодъ промышленнаго подъема съ 1895 по 1899 г. число сопровождавшихся успѣхомъ наступательныхъ стачекъ постоянно превышало 50%,—въ 1900 г. оно понизилось уже до 46,1%; въ 1900 г. изъ всѣхъ оборонительныхъ стачекъ только 41,1% сопровождалось полнымъ успѣхомъ, противъ 50,5% въ 1899 г. и 57,7% въ 1898 г. Въ періодъ торговаго кризиса единственно правильной тактикой рабочихъ союзовъ является стремленіе, поскольку возможно, избѣгать стачекъ. Это, конечно, не значитъ, что нужно сносить все со стороны предпринимателей. Но именно для успѣшнаго проведенія борьбы тамъ, гдѣ она неизбежна, необходимо, чтобы силы рабочихъ союзовъ не раздроблялись въ многочисленныхъ ненужныхъ стачкахъ, которыхъ можно избѣгать. Итакъ, насколько только возможно въ это тяжелое время, нужно стараться обойти стачку, воздержаться отъ нея; но разъ она объявлена, то необходимо проводить ее со всей энергіей!

Въ одной изъ статей, появившихся въ «Chemnitzer Volksstimme» (G. Sch. Die Krise und die Gewerkschaften), говорится, что профессиональные рабочіе союзы должны пользоваться невыгоднымъ для стачекъ періодомъ торговаго кризиса, для внутренняго усовершенствованія организаціи и расширенія агитаціи. И дѣйствительно—это очень важно. Во время промышленнаго подъема массы легко вступаютъ въ организаціи и теперь нужно постараться удержать въ нихъ рабочихъ, остаться жизнеспособными, то ихъ дѣятельность не должна прекращаться. Я не имѣю возможности останавливаться здѣсь на деталяхъ организаціонной и агитаціонной дѣятельности профессиональных рабочихъ организацій. Товарищъ Sch. въ своей статьѣ перечислилъ главные виды дѣятельности: расширеніе представительства отъ мастерскихъ, собраніе статистическихъ данныхъ о положеніи дѣлъ въ данной профессіи, ознакомленіе съ общимъ экономическимъ состояніемъ страны, съ борьбой рабочихъ организацій и съ рабочимъ законодательствомъ. Говоря о рабочемъ законодательствѣ, мы затрагиваемъ ту область дѣятельности, которой, по моему мнѣнію во время торговаго кризиса профессиональные рабочіе союзы должны удѣлять какъ можно больше вниманія.

Вообще говоря, весь вопросъ въ данномъ случаѣ сводится на отношеніе профессиональных союзовъ рабочихъ къ рабочему законодательству. Рабочіе союзы не являются партійными политическими организаціями; они открыты для всѣхъ безъ различія партійнаго направленія и во время стачекъ они не освѣдомляются о политическихъ убѣжденіяхъ рабочихъ. Но тотъ, кто, исходя изъ

этого, совѣтуетъ профессиональнымъ рабочимъ союзамъ полное равнодушіе къ работѣ парламента, тотъ обнаруживаетъ свое незнакомство съ сущностью исторіи профессиональнаго движенія. Законы, запрещающіе дѣтскій или сокращающіе женскій трудъ, регулирующие рабочее время или нормы заработной платы, правила о предупрежденіи несчастныхъ случаевъ, различные виды страхованія рабочихъ, все это непосредственно касается тѣхъ отношеній, вокругъ которыхъ вращается дѣятельность профессиональных рабочихъ союзовъ. Ко всему этому рабочіе союзы не могутъ оставаться равнодушными, и они дѣйствительно всегда и повсюду выказывали къ рабочему законодательству свое опредѣленное отношеніе. Но и другіе вопросы законодательства также имѣютъ непосредственное отношеніе къ задачамъ профессиональных союзовъ. Такъ на примѣръ, въ торговой политикѣ они заинтересованы не менѣе чѣмъ, скажемъ, торговля палаты. Какая польза профессиональнымъ рабочимъ союзамъ если, цѣной огромнаго труда и усилий, они достигли повышенія заработной платы, для того, чтобы однимъ повышеніемъ пошлѣть на пищевые продукты все добытое отбиралось аграріями? Помимо отдѣльных законовъ профессиональные союзы заинтересованы уже въ самомъ составѣ парламента. За примѣромъ недалеко ходить: еслибы въ германскомъ рейхстагѣ не было сильной социалдемократической партіи, то «каторжный законопроектъ» сдѣлался бы закономъ.

Во время экономическаго подъема рабочіе союзы, въ свободной борьбѣ съ предпринимателями могли одерживать надъ ними побѣды, въ періодъ же экономическаго кризиса имъ мѣшаетъ въ этомъ ихъ экономическая слабость. Тѣмъ болѣе должны они стремиться къ тому, чтобы проявить свое политическое вліяніе законодательной защитой собственныхъ интересовъ. Итакъ, одной освѣдомленности на счетъ существующаго законодательства, еще далеко недостаточно. Профессиональные рабочіе союзы должны, прежде всего, позаботиться о томъ, чтобы оказать на парламентъ и правительство то политическое давленіе, которое необходимо для дальнѣйшаго развитія рабочаго законодательства, и понуждать активныя выступленія своихъ членовъ въ этомъ направленіи.

VIII.—Профессиональные рабочіе союзы и социалдемократія.

«Но для чего же тогда социалдемократія? Не является ли она въ полномъ смыслѣ слова представительницей интересовъ рабочихъ, и не только въ рабочемъ законодательствѣ, но и въ политикѣ вообще? Для чего еще дѣятельность профессиональных рабочихъ союзовъ?» —спросятъ иные. Отвѣчу на это, что по моему

мнѣнію, одно вовсе не исключаетъ другого. Рабочіе союзы имѣютъ въ лицѣ социалдемократовъ своихъ парламентскихъ представителей, защищающихъ ихъ правовые интересы,—а социалдемократія, въ свою очередь, въ своей парламентской дѣятельности рассчитываетъ на могучую поддержку со стороны профессиональных рабочихъ союзовъ.

Развитіе рабочихъ союзовъ со времени паденія закона противъ социалистовъ, является величайшей работой пролетаріата въ Германіи. Въ политическомъ движеніи послѣдняго десятилѣтія нѣтъ положительно ничего такого, что могло-бы имѣть хотя бы приблизительно такое же значеніе для классовой борьбы пролетаріата, какъ эта выполненная работа. 700.000 членовъ германской профессиональной боевой организаціи представляютъ собой прочно сплоченную рабочую армію, оказывающую громадное моральное вліяніе на окружающія ее рабочія массы. Не было бы безуміемъ со стороны социалдемократіи отказываться отъ той силы, которая можетъ быть развита агитаціонной концентраціей профессиональных союзовъ вокругъ того или иного вопроса парламентской борьбы.

Съ другой стороны, не трудно понять, что если бы профессиональные рабочіе союзы пожелали дѣйствовать на свой страхъ и рискъ, то они никогда не достигли бы въ парламентѣ такого вліянія, какого достигла социалдемократія. Какъ только дѣло идетъ о политикѣ, то профессиональный интересъ, на которомъ покоится сила профессиональных организацій, дѣйствуетъ дезорганизирующимъ образомъ. Такъ на примѣръ,—рабочіе по дереву, или по металлу или занятые въ табачной промышленности, предоставленные самимъ себѣ не могли-бы имѣть своего представительства въ германскомъ рейхстагѣ; исключеніе составляютъ развѣ одни горнорабочіе. Социалдемократія имѣетъ передъ профессиональными союзами то несомнѣнное преимущество заранѣе отмежевываетъ отъ себя, всѣ интересы, раздѣляющіе отдѣльныя профессіи и въ то же время обнимаетъ въ полной мѣрѣ всю совокупность профессиональной борьбы, присоединяя къ ней цѣлый рядъ другихъ весьма важныхъ для рабочихъ интересовъ. И такъ-какъ всѣ профессиональные союзы одинаково заинтересованы въ социалдемократіи, то, въ концѣ концовъ, въ ея лицѣ они имѣютъ наилучшаго политическаго представителя отдѣльныхъ профессиональныхъ интересовъ. За исключеніемъ австралійскихъ государствъ, ни въ одномъ парламентѣ міра нѣтъ столько представителей профессиональныхъ союзовъ, какъ въ германскомъ рейхстагѣ. Профессиональные союзы обязаны этимъ никому иному, какъ социалдемократіи, сознательно и энергично стремящейся къ тому, чтобы посылать ихъ представителей въ рейхстагъ.

Германская социалдемократія меньше всего должна опасаться политической конкуренціи профессиональных рабочихъ союзовъ,

этого ее кровного дѣтища. Наоборотъ, съ ростомъ профессиональных союзовъ должно также увеличиваться политическое вліяніе социалдемократіи—при условіи, конечно, что она постоянно будетъ брать на себя политическую инициативу по всѣмъ вопросамъ, въ той или иной мѣрѣ касающимся интересовъ профессиональных союзовъ.

Если социалдемократія хочетъ считаться съ возросшими за время торгового кризиса политическими стремленіями профессиональных союзовъ, она должна заняться прежде всего вопросомъ о законодательномъ установленіи восьмичасового рабочаго дня. Законодательное ограниченіе и регулированіе рабочаго времени стоитъ, вообще, во главѣ профессиональных рабочихъ интересовъ, а тѣмъ болѣе въ періодъ растущей безработицы. Быстро увеличивающаяся армія безработныхъ не только истощаетъ кассы профессиональных союзовъ, но и дѣйствуетъ сильно понижающимъ образомъ на заработную плату. Безработица обуславливаетъ ожесточенную борьбу за хлѣбъ и работу, слѣдствіемъ чего является всеобщее пониженіе заработной платы. Безработица деморализуетъ: она понуждаетъ болѣе здоровыхъ и дѣльных рабочихъ къ жестокой конкуренціи съ менѣе способными, молодыхъ съ пожилыми, сыновей съ отцами. Поэтому-то и нужно во что бы то ни стало стремиться къ тому, чтобы уменьшить эти тяготы безработицы. А это въ значительной степени достижимо, если удастся побудить предпринимателей вмѣсто того, чтобы разсчитывать рабочихъ, сократить рабочій день. Въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ такъ и практикуется, но гораздо чаще наблюдается обратное. Часто предприниматель спекулируетъ на томъ, что увеличеніе числа безработныхъ понизитъ заработную плату. Нерѣдко предприниматель также охотно пользуется этимъ, чтобы освободиться отъ пожилыхъ или почему-либо непріятныхъ ему рабочихъ. Нечего, такимъ образомъ ожидать, чтобы въ этомъ отношеніи можно было многого достичь путемъ свободнаго соглашенія съ предпринимателями, тѣмъ болѣе, что давленіе со стороны профессиональных союзовъ какъ разъ уменьшается во время торгового кризиса. Необходимо, поэтому, законодательное регулированіе рабочаго времени. Введеніе укороченнаго нормальнаго рабочаго дня является лучшимъ средствомъ во время торгового кризиса предотвратить безработицу. Социалдемократія и профессиональные союзы смѣло могли бы ити рука объ руку въ борьбѣ за восьмичасовой рабочій день. При настоящихъ условіяхъ социалдемократія должна прежде всего выработать соответствующій законопроектъ и добиться срочности обсужденія его въ парламентѣ. У многочисленной социалдемократической фракціи рейхстага достаточно средствъ для того, чтобы позволить игнорировать себя. Если бы ей и не удалось внести въ скоромъ времени этотъ законопроектъ въ порядокъ дня, то уже

самая борьба за неотложность этого предложенія оказала бы известное агитаціонное вліяніе. Уже самый фактъ того, что социалдемократія вноситъ законопроектъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, занималъ бы самые широкіе слои общества. Наряду съ законопроектомъ слѣдовало бы, разумѣется, агитировать въ томъ же направленіи и путемъ внесенія соответствующихъ предложеній, интерпелляцій и аналогичныхъ вмѣшательствъ въ парламентскія пренія. Сюда относится, напримѣръ, предложеніе объ изслѣдованіи соотношенія между рабочимъ временемъ и заработной платой, интерпелляція о торговомъ кризисѣ и т. п. Не менѣе понятно и то, что не слѣдуетъ ограничиться рейхстагомъ, такъ какъ такого же рода агитація должна была бы вестись въ ландтагахъ и въ общинныхъ совѣтахъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и профессиональные союзы были бы вовлечены въ такую обширную и общую агитацію, въ пользу восьмичасового рабочаго дня. Они не могли бы обойти молчаніемъ эти вопросы въ своихъ собраніяхъ, а освѣщеніемъ условій труда въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности, статистическими данными о рабочемъ времени и заработной платѣ и т. п., они оказывали бы дѣятельную поддержку парламентской агитаціи. Они стремились бы, вообще, самымъ энергичнымъ образомъ пробудить въ самыхъ широкихъ слояхъ рабочаго класса интересъ къ законодательному установленію восьмичасового рабочаго дня. Еслибъ законодательные результаты этой операціи оказались бы даже самыми ничтожными, то и тогда они много способствовали бы какъ расширенію профессиональной и политической организаціи рабочихъ, такъ и объединенію обѣихъ этихъ формъ классовой борьбы пролетаріата. Но это-то и есть самое важное. Наша главная задача и заключается именно въ изысканіи все новыхъ средствъ, новыхъ путей, новыхъ интересовъ въ цѣляхъ содѣйствія росту профессиональной и политической организованности пролетаріата или обоихъ одновременно. Черезъ организованность пролетаріатъ идетъ къ политическому господству.

Исторія борьбы германской социалдемократіи въ пользу закона установленнаго рабочаго дня также стара, какъ существованіе общегерманскаго парламента. Уже въ первую сессію сѣверно-германскаго рейхстага 1867 года Швейцеръ пытался внести законопроектъ, въ которомъ, между прочимъ, было выставлено требованіе десятичасового рабочаго дня. Ему не удалось, однако, собрать необходимое число голосовъ. При обсужденіи промысловаго устава 1869 г. мы снова требовали установленія нормальнаго рабочаго дня. Въ 1877 г. наша фракція въ рейхстагѣ внесла законопроектъ о рабочемъ законодательствѣ, въ которомъ для мужчинъ требовался десяти, а для женщинъ и подростковъ—восьмичасовой рабочій день.

Въ 1884—85 появился новый социалдемократическій законопроектъ, который требовалъ уже восьмичасового рабочаго дня для

всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ подземныхъ или непрерывно работающихъ предприятияхъ, а для всѣхъ остальныхъ взрослыхъ рабочихъ десятичасового рабочего дня. И наконецъ, когда восьмичасовой рабочий день былъ провозглашенъ въ 1889 г. въ Парижѣ общимъ требованіемъ пролетаріата, социалдемократическая партія выставила его во внесенномъ ею въ 1890 г. законопроектѣ о рабочемъ законодательствѣ. Согласно этому законопроекту восьмичасовой рабочий день долженъ былъ быть проведенъ постепенно въ теченіе 7 лѣтъ.

Въ эрфуртской программѣ 1891 года восьмичасовой рабочий день былъ принятъ въ программу, какъ ближайшее законодательное требованіе. На берлинскій партейтагъ 1892 г. были внесены предложенія (Эльберфельдъ, Галле) относительно внесенія въ рейхстагъ новаго законопроекта о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ или возобновленія стараго. Эти предложенія были переданы фракціи «для обсужденія». Въ 1894 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ были сдѣланы подобныя-же предложенія (Вердау, Эссенъ, Эльберфельдъ). Дѣло дошло до очень горячихъ споровъ, потому что Рих. Фишеръ въ качествѣ парламентскаго референта утверждалъ, что выработка отдѣльныхъ законопроектовъ является собственно задачей правительства, партія же, по крайней мѣрѣ до поры до времени, должна удовольствоваться указаніемъ на необходимость извѣстныхъ законовъ. Фишеръ сообщаетъ затѣмъ все-таки, что фракція рѣшила внести законопроектъ объ охранѣ рабочихъ въ измѣненной формѣ. На фракцію сильно нападаютъ. «Фракція обсуждаетъ уже въ теченіе двухъ лѣтъ и до сихъ поръ не пошла еще дальше обсужденія». Отъ сказаннаго сначала Рих. Фишеромъ отказывается членъ фракціи Эм. Вурмъ. Партейтагъ постановляетъ, что фракція должна внести желаемые законопроекты. Въ 1895 г. въ Бреславлѣ выставляется то же требованіе. На этотъ разъ парламентскій отчетъ объявляетъ, что постановленныя на прошломъ партейтагѣ предложенія упоминались «при каждомъ удобномъ случаѣ, въ особенности же при обсужденіи бюджета». Партейтагъ понималъ это, конечно, нѣсколько иначе. По предложенію Бебеля постановляется представлять новыя предложенія «на усмотрѣніе» фракціи. Въ 1896 г. въ Готѣ вносятся цѣлый рядъ предложеній: 4-й, 5-й, 12-й и 13-й избирательные округа Саксоніи и товарищи изъ Бармена хотѣли внести вопросъ объ агитаціи въ пользу восьмичасового рабочего дня въ порядокъ дня партейтага, второй гамбургскій и второй берлинскій избирательные округа, а также наши единомышленники изъ Эльберфельда хотѣли диспутировать вопросъ о рабочемъ законодательствѣ. Барменъ вноситъ предложеніе о всеобщей агитаціи въ пользу восьмичасового рабочего дня, то же предлагаютъ 5-й и 6-й саксонскій избирательные округа въ подробныхъ резолюціяхъ. Въ парламентскомъ же отчетѣ сказано между тѣмъ: «слѣдуя, быть можетъ, не совсѣмъ удачному постановленію прошлаго партейтага» было внесено пред-

ложеніе о томъ, чтобы «просить союзныя правительства» выработать законопроектъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ. Эм. Вурмъ въ качествѣ парламентскаго референта объявляетъ теперь, что подробная разработка законопроекта дѣло правительства. Въ преніяхъ особенно указывается на роль профессиональныхъ союзовъ въ борьбѣ за восьмичасовой рабочий день. Здѣсь постановляется, что партія, и впредь, какъ и до сихъ поръ будетъ самымъ энергичнымъ образомъ дѣйствовать въ пользу восьмичасового дня. На гамбургскомъ партейтагѣ 1897 г. саксонскія предложенія были снова внесены мною лично—но по формальнымъ причинамъ не обсуждались. На этотъ-же партейтагъ было внесено предложеніе изъ Магдебурга относительно того, чтобы предпринять съ 1898 г. всеобщую агитацію въ пользу восьмичасового дня—это предложеніе было отклонено. Въ парламентскомъ отчетѣ мы читаемъ, между тѣмъ: «социалдемократическое предложеніе о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ—то самое, которымъ «мы обязаны, быть можетъ, не совсѣмъ удачному постановленію»—имѣло поразительный успѣхъ. Пренія показали, что «въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ кругъ практическихъ политическихъ обсужденій вошли такіе вопросы, какіе до этого казались объектомъ туманныхъ мечтаній или безсовѣстныхъ подстрекательствъ». Въ 1898 г. въ Штуттгартѣ 4-й и 6-й избирательные округа Саксоніи вносятъ вторично предложеніе о внесеніи законопроекта о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ—предложенія эти передаются фракціи, «какъ матеріаль» послѣ того, какъ Зингеръ указываетъ на сложность порядка дня въ рейхстагѣ. Тутъ наступаетъ перерывъ 1899 и 1900 г.г. являются годами широкаго развитія производства. Промышленный подъемъ выдвинулъ вообще стачки, какъ средство борьбы рабочихъ, кромѣ того вниманіе послѣднихъ было болѣе обращено на повышеніе заработной платы, чѣмъ на сокращеніе рабочего времени. Возобновленное фракціей въ 1898 г. предложеніе не обсуждалось болѣе. Въ 1900—1901 году, съ началомъ XX ст. его текстъ былъ измѣненъ: правительство приглашается выработать предложеніе о введеніи десятичасового рабочего дня, который долженъ перейти въ извѣстный срокъ въ восьмичасовой.

Нельзя не признать регрессивной тенденціи въ политикѣ фракціи. Препрежне смѣлое наступательное движеніе уступило мѣсто колебанію и нерѣшительности. Доказательствомъ того, однако, что интересъ къ этому не изсякъ въ партіи, служатъ то тамъ, то здѣсь, все снова появляющіяся предложенія. Уклоняясь отъ давленія, фракція находитъ выходъ въ томъ, что предоставляетъ правительству выработать законопроектъ. Недурное противорѣчіе: правительству, которому мы, какъ это недавно снова было постановлено въ Любекѣ, оказываемъ полное недовѣріе принципиальнымъ отклоненіемъ бюджета, дается, слѣдовательно, мандатъ на составленіе самаго важнаго законопроекта о рабочемъ законодательствѣ! Можно себѣ пред-

ставить, какъ справится правительство съ этимъ предложеніемъ о введеніи десятичасового рабочаго дня, который долженъ перейти въ восьмичасовой.

Чѣмъ больше политическое значеніе партіи, тѣмъ значительнѣе отвѣтственность фракціи, тѣмъ осторожнѣе становится ихъ поведеніе въ парламентѣ. Да это и понятно. Поэтому-то мнѣ и кажется, что вообще неправильно поручать фракціи разработку законопроекта о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ. Этотъ важный законопроектъ долженъ быть скорѣе коллективной работой партіи, онъ долженъ быть результатомъ общественныхъ преній. И такъ какъ, кому-нибудь да долженъ принадлежать починъ въ этомъ, то я прилагаю выработанный мною законопроектъ. Пусть онъ подвергнется самой детальной критикѣ, я готовъ принять всѣ удары на себя. Изъ критики тогда возникнетъ новый законопроектъ, который, въ свою очередь, вновь найдетъ своихъ критиковъ, пока мы, наконецъ, не получимъ окончательнаго законопроекта, устойчиваго и положительнаго, удовлетворяющаго всю партію. Тогда парламентская фракція безъ боязни можетъ будетъ представить его рейхстагу.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Проектъ закона о нормальномъ восьмичасовомъ рабочемъ днѣ.

§ 1. Во всѣхъ предпріятіяхъ, подлежащихъ фабричному надзору, равно во всѣхъ мастерскихъ, промышленныхъ заведеніяхъ и во всѣхъ подобныхъ промысловыхъ предпріятіяхъ имперіи, союзныхъ германскихъ государствъ и общинъ, рабочіе, подмастерья, ученики, служащіе и вообще лица получающія за свою дѣятельность въ производствѣ заработную плату или другое вознагражденіе, должны быть заняты въ производствѣ или внѣ его фактически, т. е. не включая времени отдыха, не больше 8 часовъ въ сутки, считая съ 6 часовъ утра. Въ рудникахъ къ фактическому рабочему времени относится время, необходимое на спускъ и поднятіе изъ шахты. Для производствъ, гдѣ при вступленіи въ силу этого закона рабочее время превышало указанную норму, будетъ предоставленъ переходной срокъ, согласно дальнѣйшимъ постановленіямъ.

Примѣчаніе. Промышленные предпріятія имперіи, союзныхъ нѣмецкихъ государствъ и общинъ въ отношеніи фабричнаго надзора приравниваются закономъ къ частнымъ предпріятіямъ.

§ 2. Ежедневное рабочее время всякаго работающаго должно прерываться отдыхомъ, продолжительностью не менѣе какъ въ

одинъ часъ. Болѣе короткіе перерывы не могутъ замѣнить часового. Никакой перерывъ не долженъ длиться болѣе часа ¹⁾.

Ни одна рабочая смѣна не должна работать больше пяти часовъ ²⁾. Отдыхомъ является каждый перерывъ въ работѣ между началомъ и концомъ рабочаго дня, а при непрерывномъ производствѣ—въ теченіе сутокъ, начиная съ 6 часовъ утра.

§ 2а. Если ежедневное рабочее время неизмѣнно въ теченіе, по крайней мѣрѣ, цѣлаго мѣсяца было меньше 8 часовъ, то обязательный часовой отдыхъ можетъ быть сокращенъ, но не болѣе какъ на $\frac{1}{4}$ часа на каждый полный часъ укороченнаго рабочаго дня (менѣе 8 часовъ). Перерывъ этотъ составляетъ слѣдовательно при 7 часовомъ рабочемъ днѣ— $\frac{3}{4}$ часа, при 6 часовомъ— $\frac{1}{2}$ часа, при пятичасовомъ— $\frac{1}{4}$ часа и совершенно упраздняется при четырехъ часовомъ и меньше рабочемъ днѣ.

§ 3. Во всѣхъ мастерскихъ или фабрикахъ, на всѣхъ заводахъ, рудникахъ, солеварняхъ и т. д., на всѣхъ мѣстахъ построекъ и во всѣхъ другихъ, какъ въ промышленныхъ, такъ и торговыхъ предпріятіяхъ, всюду, гдѣ работаетъ за вознагражденіе больше одного лица, начало и конецъ рабочаго дня, а равно время отдыха должны наступать одновременно для всѣхъ работающихъ. Расписанія о началѣ, концѣ рабочаго дня и времени отдыха должны быть вывѣшаны во всѣхъ случаяхъ въ каждомъ рабочемъ помѣщеніи и въ каждомъ закрытомъ промышленномъ заведеніи, на доступныхъ и видныхъ мѣстахъ четкими и издали видными буквами. Распределеніе рабочаго времени должно быть во всѣ рабочіе дни одинаковымъ, т. е., рабочій день долженъ начинаться, оканчиваться и возобновляться въ одинъ и тотъ же часъ дня. Измѣненія въ распределеніи рабочаго дня допускаются съ разрѣшенія фабричной инспекціи только для большихъ промежутковъ, какъ напримѣръ, для зимы, лѣта, Рождества, Пасхи. Эти измѣненія должны быть также опубликованы вышеуказаннымъ способомъ. Фабричные часы должны быть поставлены и проверены по офиціальному времени.

Фабричная инспекція можетъ установить для отдѣльныхъ ро-

¹⁾ Этимъ достигается однообразіе въ рабочемъ времени. Нужно избѣгать, чтобы рабочій былъ занятъ, напр., слѣдующимъ образомъ: въ первую предобѣденную смѣну 4 часа и столько же времени въ ночную смѣну и чтобы время рабочаго дробилось на нѣсколько короткихъ смѣнъ. Раздробленіе рабочаго времени равносильно раздробленію свободнаго времени и потерѣ его, такъ какъ рабочій долженъ тратить время на дорогу на фабрику и вслѣдствіе этого часто предпочитаетъ часами дожидаться своей очереди на фабрикѣ. Съ другой стороны, раздробленіе необыкновенно затруднило бы контроль надъ распределеніемъ рабочаго времени. Понятно, что нельзя препятствовать введенію непродолжительныхъ перерывовъ, помимо обязательныхъ, уже принятыхъ.

²⁾ Цѣль 8 часового рабочаго времени—избѣгать переутомленія рабочихъ. Если работа производится непрерывно болѣе 5 часовъ, то это приводитъ къ переутомленію.

довъ производства и для каждаго отдѣльнаго округа однообразный рабочій день. Предприниматели обязаны устанавливать начало, конецъ рабочаго дня и время отдыха въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ официальнымъ распредѣленіемъ¹⁾.

§ 4. Просьба одной части персонала работать во время всеобщаго перерыва удовлетворяется исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда техника даннаго производства дѣлаетъ это неизбѣжнымъ.

Въ каждомъ такомъ предпріятіи долженъ вестись для дневной и особенно для ночной работы списокъ всѣмъ рабочимъ (обою пола) съ точнымъ обозначеніемъ подлежащихъ исполненію работъ, времени сдачи ихъ, а также промежутокъ отдыха и конца работы. Эти списки съ указаніемъ распорядка работъ и числа занятыхъ ими рабочихъ подлежатъ утвержденію фабричной инспекціи. Для имянныхъ и фактическихъ измѣненій въ этихъ спискахъ требуется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ согласіе фабричной инспекціи. Никого нельзя принуждать работать помимо 8 часовъ еще во время перерыва. Каждому изъ тѣхъ, кто во время перерыва выполняетъ работу, дается для отдыха отдѣльный часъ, засчитываемый въ 8 часовую работу. Но и для этого разряда рабочихъ предыдущіе §§ во всемъ остальномъ не должны быть нарушены. Для производства работъ во время перерыва допускается ровно столько лицъ или столько ихъ замѣстителей, сколько необходимо для выполнения данной неотложной работы.

§ 4a. При внезапныхъ стихійныхъ остановкахъ производства или при несчастныхъ случаяхъ допускается увеличеніе рабочей смѣны, однако, объ этомъ тотчасъ долженъ быть извѣщенъ чиновникъ фабричной инспекціи, который по немедленному изслѣдованію причины остановки, даетъ дальнѣйшее распоряженіе.

§ 5. За нарушение вышеозначеннаго законнаго постановленія собственникъ оштрафовывается въ I разъ въ 100 марокъ, во II въ 200, въ III въ 400 и т. д. въ возрастающей прогрессіи.

§ 6. Предприниматель при нарушении 8 часового рабочаго дня долженъ уплатить рабочему за сверхурочную работу двойную плату²⁾.

¹⁾ Съ повсемѣстнымъ введеніемъ нормальнаго рабочаго времени долженъ установиться и нормальный рабочій день, съ одновременнымъ началомъ и концомъ его. Этого требуютъ интересы производства и обмѣна, главнымъ же образомъ, интересы рабочихъ массъ. Неодновременнымъ закрытіемъ фабрикъ наносится ущербъ не только общественной дѣятельности рабочихъ, но еще больше ихъ семейной жизни.

Введеніе нормальнаго рабочаго дня крайне облегчило бы также контроль надъ соблюденіемъ нормальнаго рабочаго времени. И теперь уже созданы на практикѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ нѣкоторыхъ производствахъ извѣстная равномерность въ наступленіи начала рабочаго дня. Но мы должны добиться, чтобы фабрики, за исключеніемъ консеціонныхъ предпріятій съ непрерывнымъ производствомъ, закрывались не позже 5 часовъ дня.

²⁾ Нарушеніе рабочаго времени было бы не только нарушеніемъ закона; оно расточаетъ работоспособность рабочихъ и губитъ ихъ здоровье;

Расцѣнка производится при сдѣльной платѣ по часамъ, при чемъ каждая лишняя $\frac{1}{4}$ часа считается за часъ, при поштучной платѣ—соотвѣтственно высшей сдѣльной платѣ въ данной отрасли производства. Всѣ сдѣлки между собственниками и рабочими, которыя обусловливаютъ нарушеніе нормальнаго рабочаго дня, которыя какъ-нибудь иначе упраздняютъ положенія этого § ведутъ къ его обходу или ослабленію, недействительны.

§ 7. Чиновникъ фабричной инспекціи въ правѣ послѣ двухкратнаго предостереженія о нарушеніи закона дать для облегченія контроля кажушіяся ему необходимыми техническія указанія, какъ на примѣръ, пріостановка мотора во время перерыва, отводъ газа послѣ опредѣленнаго часа, если только этимъ не наносится существенный ущербъ предпріятію. Нарушеніе этого закона ведетъ за собой штрафъ въ I разъ въ 100 мар., во II разъ—200, въ III—400 и т. д. въ возрастающей прогрессіи.

§ 8. Требования рабочихъ удовлетворенія за нарушеніе нормальнаго рабочаго времени подлежатъ фабричному суду и должны разсматриваться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какъ обыкновенныя требованія, возникающія при рабочихъ договорахъ.

Постановленія о переходѣ къ 8 часовому рабочему дню.

§ 9. Этотъ законъ вступаетъ въ силу для всѣхъ производствъ, гдѣ за послѣдніе 12 мѣсяцевъ до обнародованія его большая часть рабочихъ (обою пола) была обыкновенно занята ежедневно 8 часовъ или меньше¹⁾.

§ 10. Во всѣхъ производствахъ, гдѣ за послѣдніе 12 мѣсяцевъ до обнародованія этого закона большая часть рабочихъ была занята больше 8 часовъ въ сутки, считая съ 6 часовъ утра, ежедневное рабочее время, если оно не превышало 10 часовъ, остается таковымъ въ первые 3 мѣсяца со дня обнародованія закона, а

какъ и всякій усталый человекъ, рабочій который работалъ уже 8 часовъ, долженъ напрягаться въ 2 и 3 раза больше, чтобы въ 9-й часъ работать, какъ и въ 1-й. Систематическая сверхурочная работа влечетъ за собой преждевременную потерю работоспособности. Переутомленіе долгъ, который приходится уплатить съ процентами на проценты. Сверхурочная работа увеличиваетъ число несчастныхъ случаевъ. Рабочій расплачивается за нее своими руками, ногами и даже жизнью. Предприниматель, который, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ рабочаго, принуждаетъ его къ сверхурочной работѣ, поступаетъ хуже всякаго ростовщика. Прибыль, которую предприниматель извлекаетъ изъ сверхурочной работы, прямо пропорціональна съ вредомъ работнику. Если законъ предписываетъ нормальное рабочее время, онъ долженъ признавать также и требованія рабочихъ—удовлетворенія за нарушеніе этого нормальнаго рабочаго времени, т. е. по крайней мѣрѣ, рабочій кромѣ платы, долженъ быть вознагражденъ за переутомленіе.

¹⁾ За норму поэтому былъ принятъ послѣдній годъ до вступленія въ силу этого закона, ибо иначе предприниматели пытались бы поднять рабочій день непосредственно передъ самымъ изданіемъ закона.

затѣмъ будетъ ежедневно уменьшаться на $\frac{1}{2}$ часа до тѣхъ поръ, пока не достигнется 8 часовой рабочей день. При этомъ ежедневное рабочее время будетъ уменьшаться на цѣлые часы или половины.

Согласно вышеуказаннымъ постановленіямъ создаются слѣдующіе переходные сроки:

Рабочій день.

Ко времени обнар. этого закона.	Въ теченіе 3 мѣс. послѣ опублик.	По прошеств. 1 года послѣ 1 январ. по опублик. до 1 дек.	По прошествіи		
			2-хъ л.	3-хъ л.	4-хъ л.
свыше— 10 час.	10	$9\frac{1}{2}$	9	$8\frac{1}{2}$	8
$9\frac{1}{2}$ — 10 »	$9\frac{1}{2}$	9	$8\frac{1}{2}$	8	8
9 — $9\frac{1}{2}$ »	9	$8\frac{1}{2}$	8	8	8
$8\frac{1}{2}$ — 9 »	$8\frac{1}{2}$	8	8	8	8
8 — $8\frac{1}{2}$ »	8	8	8	8	8

§ 11. Для проведенія этого закона на всѣхъ производствахъ взимается сборъ, простирающійся на всѣ промышленныя предприятия ¹⁾.

Какъ предприниматели производства, такъ и служащіе и рабочіе обязаны давать правдивые отвѣты на запросы чиновниковъ фабричной инспекціи и право просмотра дѣловыхъ и расчетныхъ книгъ.

§ 12. Умышленное введеніе въ заблужденіе чиновъ фабричной инспекціи наказывается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ штрафомъ не ниже, чѣмъ 1.000 марокъ.

§ 13. Отказъ давать отвѣты на предложенные чинами фабричной инспекціи вопросы, равно и введеніе ихъ въ заблужденіе по легкомыслію или небрежности наказывается штрафомъ отъ 100—2.000 марокъ.

§ 14. Чины фабричной инспекціи въ правѣ уменьшить для отдѣльныхъ производствъ, предприятий и мѣстностей переходный срокъ, указанный въ § 10, а по требованію большинства предпринимателей какой либо отрасли—обязаны сдѣлать это.

§ 15. Постановленія этого закона примѣняются на предприятияхъ съ большимъ чѣмъ 8 часовымъ рабочимъ днемъ, даже и въ томъ случаѣ, когда о немъ не было сказано, если только они не составляютъ спеціальнаго исключенія.

¹⁾ Для сбора, который служить матеріальнымъ основаніемъ для проведенія нормальнаго 8 часового рабочего дня, долженъ быть изданъ особый законъ. Сборъ этотъ можетъ имѣть мѣсто независимо отъ закона о 8 часовомъ рабочемъ днѣ и представлялъ бы цѣнный матеріалъ для проведенія самаго закона.

Послѣсловіе для уясненія этого закона.

Нашей задачей было внести законопроектъ, который немедленно могъ бы войти въ число существующихъ въ Германской имперіи рабочихъ законоположеній. Рабочее законодательство, какъ въ отношеніи того, что оно даетъ рабочимъ, такъ и въ смыслѣ обезпеченія новыхъ законопроектовъ, далеко не соотвѣтствуетъ желаніямъ рабочихъ, было бы, однако, неблагоприятно вносить въ законъ о 8 часовомъ рабочемъ днѣ новыя организаторскія требованія, какъ напримѣръ, о фабричной инспекціи. Этимъ дѣло только усложнилось бы, чѣмъ воспользовались бы буржуазныя партіи, чтобы, ради вещей, которыя сами по себѣ важны, но въ данномъ случаѣ стоятъ на второмъ планѣ, ограничить насъ въ основномъ пунктѣ, т. е. въ проведеніи 8 часового рабочего времени. Я думаю, что предложенныя мной постановленія достаточны, чтобы обезпечить проведеніе 8 часового рабочего дня, если только ремесленные союзы и социалдемократія будутъ бдительно слѣдить за сохраненіемъ этого закона. Реорганизация фабричной инспекціи и другія измѣненія въ рабочемъ законодательствѣ должны идти сами по себѣ.

Каждый успѣшный шагъ въ этомъ направленіи способствовалъ бы навѣрно проведенію 8 часового рабочего дня. Нигдѣ, можетъ быть, нельзя такъ безъ ущерба для капитализма провести 8 часовой рабочей день, какъ въ торговлѣ. Если всѣ будутъ обязаны закрывать магазины одновременно, то вся торговля прекратится къ этому часу дня. Препятствіемъ является политико-соціальная косность приказчиковъ, служащихъ и рабочихъ, занятыхъ въ торговыхъ предприятияхъ. И здѣсь, я думаю, мы обязаны не затруднять передовыхъ рабочихъ въ ихъ сознательной борьбѣ за лучшія условія труда, навязавъ имъ классъ рабочихъ, который не интересуется своей судьбой. Мы должны сконцентрироваться на индустріи. Здѣсь произойдетъ рѣшительная битва между организованнымъ пролетаріатомъ и сконцентрированнымъ капиталомъ. Остальное явится тогда само собой. Пусть только наступитъ 8 часовой рабочей день въ индустріи, его вліяніе не минетъ уже ни торговли, ни кустарничества, ни сельскаго хозяйства. Но для всего необходимо пробить брешь; и тутъ необходимо оставить все, что ослабило бы наступленіе. Самое короткое рабочее время и имѣютъ тѣ рабочіе, которые завоевали его себѣ, которымъ помогали въ ихъ профессиональной борьбѣ, которые настойчиво добивались этого.

Было бы бессмысленно объяснять вамъ: «такъ какъ вы мужественно боролись за законное урегулированіе рабочего времени, ждите пока за вами послѣдуютъ отставшіе, удовлетворитесь 10 часовымъ рабочимъ днемъ, хотя вы уже добились 9 часового». Нѣтъ, именно тѣ рабочіе, которые главнымъ образомъ боролись

за уменьшение рабочего дня, именно они-то больше всего и заинтересованы, чтобы то, чего они добились было бы обеспечено законом и перенесено на все производства. Поэтому закон о нормальном рабочем дне должен вводиться с сокращением и нормировкой рабочего времени во все производства. Это достигается предложенной мной табличкой. Раньше всего обеспечение того, что было отвоено профессиональными союзами. Рабочее время, раз уменьшенное, не может быть увеличено после издания закона. Тогда настоящая цель закона слѣдует само собой: свести господствующее теперь крайнее разнообразие в рабочем дне постепенно к однородному восьмичасовому рабочему дню. Охвати движение за уменьшение и урегулирование рабочего дня одинаково все производства и будь это правильное движение обеспечено законом до введения 8 часового рабочего дня, тогда уже в отношении быстроты движения можно быть свободным. Не важно, если для достижения цели требуется годом больше, годом меньше. Наоборот, можно с полным правом возвести в принцип: чем медленнее, тем лучше,—и это не в интересах предпринимателей, а рабочих. Мы должны при этом слѣдовать тактикѣ профессиональных союзов: эти с уменьшением рабочего времени подвигаются очень медленно, ибо хорошо знают, что тогда смогут легче всего противодействовать уменьшению заработной платы. Взаимодѣйствием на профессиональные союзы мы приближаемся к восьмичасовому рабочему дню. Теперь промышленная борьба дѣлится между увеличением заработной платы и уменьшением рабочего дня.

Промышленная сила сосредоточивается в отдельных мѣстах тамъ, гдѣ профессиональные союзы наиболее сильны, там достигнуты наилучшие результаты, но результатам этим угрожает постоянно прилив провинциальных рабочих, которые привыкли к худшим условиям труда. Пусть только правильное уменьшение рабочего времени будет обеспечено законом, тогда вся сила профессиональных союзов сосредоточится на движении за увеличение заработной платы. Это будет для них тем возможным, когда закон этот будет иметь силу в самых захолустных углах империи. Они также заранее хорошо знают, с чем им придется считаться и шаг за шагом примѣняются к происходящей эволюции. Если только немецкие профессиональные союзы добьются в некоторых производствах и во многих мѣстах почти 9 часового рабочего дня и при этом значительно повысят заработную плату, то можно с увѣренностью допустить, что опираясь на закон, они добьются во всяком случае при данных обстоятельствах ежегодного уменьшения на $\frac{1}{2}$ часа рабочего времени при сохранении той же платы. При таких обстоятельствах можно считать устраненными важнейшее возражение рабо-

чих против 8 часового рабочего дня—именно уменьшения заработной платы. Я знаю, что строгая критика откроет в моем проектѣ много недостатков. Я жду этой критики. Чем строже, тем лучше. Таким образом мы создадим закон, который мог бы противостоять утонченной капиталистической эксплуатации. Принято практику противопоставлять теории. Я мало вѣрю в здравый смысл практики, которая игнорирует общія точки зрѣнія, чтобы быть практичным. Здѣсь мы имѣем перед собой практическое предположение. Пусть товарищи, которые хвастаются своими практическими познаниями, попробуют на нем свое остроумие. Я обращаюсь также к социальным реформаторам: я предлагаю вместо того, чтобы рассказывать рабочим всевозможныя фантазии об их могуществѣ в капиталистическом обществѣ, опредѣлить свое отношение к этому законопроекту, который стоит на реально-политической точкѣ зрѣнія. Итакъ, я заканчиваю: 8 часовый рабочий день даст пролетарской классовой борьбѣ не меньшій импульс, чемъ всеобщее избирательное право.

Всеобщее избирательное право, которое призывает рабочих к избирательной урни, показало имъ, что они по своей многочисленности могли бы сдѣлаться господствующей политической силой; 8 часовый рабочий день, освободивъ голову рабочего, укажетъ ему, какъ использовать эту силу.

Нѣмецкое рабочее движеніе и его критикъ.

Сѣзидилъ господинъ С. Н. Прокоповичъ за границу и написалъ книжку: «Рабочее движеніе на Западѣ. Опытъ критическаго изслѣдованія. Томъ I: Германія, Бельгія». Исторія пишется разнo. Въ общемъ можно различать исторію научную и исторію беллетристическую. Последняя заботится, главнымъ образомъ, о гладкомъ пересказѣ внѣшнихъ событій и о красивой характеристикѣ личностей. Конечно, и для этого нужно не только литературный стиль, нужна точка зрѣнія. Что же касается исторіи научной, то можно спорить о ея методахъ, но спору не можетъ быть, да никогда и не было спору о необходимости метода вообще. Г-нъ Прокоповичъ, очевидно, историкъ съ претензіями: онъ не просто бытописуетъ, онъ «критически изслѣдуетъ». — Какова же его точка зрѣнія? Читаемъ предисловіе и находимъ слѣдующій перлъ: «Что же касается теоретическихъ предпосылокъ съ которыми авторъ приступилъ къ изслѣдованію, то онъ долженъ признаться, что растерялъ добрую половину изъ нихъ во-время изслѣдованія». Ну что же, растерялъ, такъ растерялъ, чего не бываетъ: теряютъ кошельки, носовые платки, рассудокъ, совѣсть, убѣжденія — читателю то до этого какое дѣло? Добро бы еще г. Прокоповичъ точно и ясно указалъ, въ чемъ онъ, по его теперешнему лучшему убѣжденію, ошибался — вотъ молъ, думалъ я, что земля на трехъ китахъ держится, а нѣ оказывается, что луну дѣлаетъ въ Гамбургѣ хромой бочаръ, — то это, — каковы бы ни были сами по себѣ убѣжденія и разсужденія г. Прокоповича, все же было бы честной попыткой освободить читателя отъ заблужденій. А то выходитъ одна безцѣльность, какое-то литературное ухарство: «смотрите, теоретическія предпосылки растерялъ, и вовсе мнѣ даже и не стыдно!»

Все же остается открытымъ вопросъ: съ какой точки зрѣнія г. Прокоповичъ «критически изслѣдуетъ». Ошеломивъ недоумѣвающего читателя своимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ «теоретическими предпосылками», историкъ нашъ глубокомысленно заявляетъ:

«теоретическіе выводы, являющіеся результатомъ изслѣдованія, будутъ развиты въ другомъ мѣстѣ, именно — во введеніи ко второму тому». И такъ, г. Прокоповичъ вмѣсто того, чтобы платить узаконенной монетой, выставляетъ литературный вексель на введеніе къ будущему сочиненію.

Но въ чемъ же гарантія, что сей быстрорѣшительный писатель, такъ стремительно расправившійся со своими «теоретическими предпосылками», по дорогѣ ко второму тому не растеряетъ своихъ «теоретическихъ выводовъ», которые теперь, въ свою очередь, становятся «предпосылками»? Г. Прокоповичъ видно и самъ чувствуетъ, что зарпортовался, и дѣлаетъ поправку: «Здѣсь мы ограничимся лишь немногими предварительными замѣчаніями». Эти замѣчанія сводятся къ тому, что 1) кромѣ рабочаго движенія, имѣются еще «соціально-политическія движенія другихъ классовъ», 2) «экономическія отношенія измѣняются не только непосредственно въ силу рабочаго движенія», 3) имѣется «соціально-экономическій процессъ», который своимъ собственнымъ развитіемъ формулируетъ общественныя отношенія въ пользу того или другого класса, 4) политика отдѣльныхъ соціальныхъ группъ опредѣляется въ значительной степени «правовыми и политическими отношеніями». Все это, конечно, вѣрно — хотя формулировка г. Прокоповича и не всегда удачна и въ общемъ слишкомъ ужъ проста, — но вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не ново. Уже не говоря о Марксѣ, Энгельсѣ и школѣ научнаго социализма, кто въ наше время не знаетъ развитія промышленности, развитія городовъ, концентраціи капитала и т. п. проявленій экономическаго процесса, измѣняющихъ соціальныя отношенія? Эти измѣненія настолько явны, что періодически учитываются специальными государственными статистиками. Любое засѣданіе парламента, любой номеръ политической газеты убѣждаютъ, что, кромѣ рабочаго движенія, существуютъ другія соціально-политическія теченія. Суть не въ томъ, что эти разныя теченія существуютъ — это старая сказка, — а въ ихъ историческомъ значеніи и взаимномъ соотношеніи. Г. Прокоповичъ слышалъ звонъ, да не знаетъ, гдѣ онъ. И если г. Прокоповичъ, ѣдучи въ Германію, дѣйствительно думалъ, что «экономическія отношенія измѣняются только непосредственно въ силу рабочаго движенія», то, конечно, ничуть не жаль, что онъ разстался съ такой «теоретической предпосылкой», хотя все же хвастаться тутъ нечѣмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ его собственная вина, что онъ не запасся болѣе разумными теоретическими основами, даже изъ того «небогатаго матеріала, который существуетъ по затронутымъ вопросамъ въ Россіи», онъ могъ бы узнать столь банальныя истины, какъ тѣ, что не рабочіе сами дѣлаютъ экономическій процессъ, что и на Западѣ имѣется крестьянство, что есть разница между парламентаризмомъ и абсолютизмомъ. Конечно, захудалая страна наша

Россія, но все, для того, чтобы убѣдиться въ вѣрности Эвклидовыхъ тюремъ, незачѣмъ объѣзжать Германію и Бельгію. Напрасно г. Прокоповичъ не воспользовался «тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который и т. д.». Поспѣшилъ—говорить—за границу, не успѣлъ прочесть, а потомъ некогда было, надо было книжку печатать. Прекрасно, но въ такомъ случаѣ, откуда же нахватили вы тѣхъ «теоретическихъ предпосылокъ», которыми второпяхъ напичкали свой умственный чемоданъ? Напрасно поторопились! Все то, что вы теперь преподносите читателю въ качествѣ наиновѣйшихъ, своихъ собственныхъ научныхъ выводовъ, вы могли бы имѣть въ видѣ «теоретическихъ предпосылокъ», если бы потрудились кое-что прочитать. И не пришлось бы тогда «предпосылки» терять. Напротивъ, онѣ вамъ сослужили бы значительную службу. Хотя бы тѣмъ, что избавили бы отъ взбалмошныхъ пріемовъ того непризнаннаго генія, который вообразилъ себя Колумбомъ и, четыреста лѣтъ послѣ открытія Америки, увѣрялъ всѣхъ и каждого, что нашелъ новый путь въ Индію.

Поторопился г. Прокоповичъ составить себѣ «теоретическія предпосылки», поторопился ихъ растерять, поторопился сдѣлать самостоятельные «теоретическіе выводы», поторопился написать книжку. Опрометчивость характерная черта этого писателя. Опрометчивость сказывается во всемъ, чего онъ ни коснется. А касается онъ всевозможныхъ вещей съ тѣмъ большей легкостью, чѣмъ меньше понимаетъ ихъ значеніе.

Но пусть читатель самъ судить. Приступимъ къ «критическому изслѣдованію».

I.—Докапиталистическія времена.

«Капиталистическое производство—повѣствуетъ нашъ историкъ—начало развиваться въ Германіи сравнительно поздно». Схватилъ словечко на лету, часто повторяемое, да и то перевралъ. «Начало развиваться» капиталистическое производство въ Германіи даже очень рано—въ Саксоніи уже въ 15-омъ столѣтіи, еще до открытія Америки было очень значительное горное производство, а въ 18-омъ вѣкѣ Саксонія была уже промышленной страной—вѣрно только то, что если взять Германію въ ея теперешнихъ политическихъ границахъ, то она только въ недавнее время стала индустріальнымъ государствомъ. Въ связи съ этимъ г. Прокоповичъ дѣлаетъ открытіе, что Сѣверо-Германскій таможенный союзъ, помимо уничтоженія внутреннихъ заставъ, защитилъ

Германію отъ «иностранный конкуренціи» и, такимъ образомъ, способствовалъ ея промышленному развитію. На самомъ дѣлѣ союзъ, наоборотъ, открылъ границы «иностранный конкуренціи»; только на почвѣ принятія всѣми государствами наименьшихъ таможенныхъ ставокъ онъ и сталъ возможенъ; ему-то Германія главнымъ образомъ, и обязана тѣмъ, что развила свою индустрію почти при полной свободѣ торговли. Въмѣсто того, чтобы порыться въ книжкахъ, нашъ «критическій изслѣдователь» сочинилъ свой собственный Сѣверогерманскій таможенный союзъ: такъ оно и скорѣе и требуетъ меньше умственныхъ затратъ. Какъ дальнѣйшій признакъ запоздалости капиталистическаго развитія Германіи рекомендуется нашему вниманію тотъ фактъ, что первая желѣзная дорога была въ ней открыта въ 1835 г. Конечно, не мѣшало бы раньше, но вѣдь развитіе желѣзнодорожнаго дѣла вообще то датируется, если не считать первоначальныхъ попытокъ, съ открытія парового движенія, между Ливерпулемъ и Манчестеромъ въ 1830 г.—запоздали, выходитъ, всѣ. А Германія въ дѣйствительности, одна изъ первыхъ стала строить желѣзныя дороги, на европейскомъ континентѣ ее никто не опередилъ. Опять г. Прокоповичъ поспѣшилъ: позабылъ справиться, когда другія государства строили желѣзныя дороги.

Быстро расправившись съ развитіемъ капитализма въ Германіи, нашъ историкъ однимъ прыжкомъ переносится къ ремесленникамъ. «Въ первой половинѣ нашего столѣтія въ Германіи ремесленники работали, главнымъ образомъ, на заказъ (заказчикъ приносилъ матеріалъ, изъ котораго долженъ былъ быть сработанъ заказъ), не затрачивая крупныхъ денежныхъ средствъ на инструменты, сырой матеріалъ и т. д... въ началѣ нашего столѣтія въ Германіи преобладалъ ремесленникъ, не имѣвшій ни одного подмастерья... Очевидно, въ среднемъ каждый подмастерье могъ съ увѣренностью рассчитывать стать мастеромъ... Понятно, что положеніе подмастерья ремесленникъ долженъ былъ считать временнымъ, а положеніе мастера, хозяина—постояннымъ. На этой ступени развитія производственныхъ отношеній не могло быть рѣчи о противоположности интересовъ хозяевъ и рабочихъ». Вотъ какая благодать для ремесленниковъ была въ Германіи еще въ первой половинѣ XIX вѣка!

Да, но когда и гдѣ же происходила знаменитая борьба цеховъ между собою съ ея интригами, регулятивами и запретами, борьба цеховъ съ развивающейся мануфактурой, борьба мастеровъ съ подмастерьями изъ-за срока выучки, изъ-за диплома, изъ-за праздничныхъ дней, изъ-за рабочей платы и т. д. и т. д.? До сихъ поръ думали, что именно въ Германіи эти явленія всего лучше можно было изучать. Наука относитъ расцвѣтъ ремесленнаго производства въ Германіи къ 14 и 15-ому столѣтію. Уже въ 16-омъ вѣкѣ раз-

ложеіе сказывалось повсюду, а въ 17-омъ оно было въ полномъ ходу. Развитіе и паденіе ремеселъ охватываетъ столѣтія и заключаетъ въ себѣ цѣлую культуру. А что касается до идиллическихъ отношеній между мастерами и подмастерьями, то они и раньше того прекратились. Благодаря ограниченности рынка и притоку населенія, бѣжавшаго изъ подъ крѣпостной зависимости въ города, уже въ 15-омъ и 16-омъ столѣтіи образовалась резервная армія пролетаріата, давившая на ремесленниковъ. Единоличная работа уже тогда настолько отошла на задній планъ, что возникли цеховые запреты отдѣльнымъ мастерамъ держать болѣе установленнаго числа подмастерьевъ и учениковъ. Подмастерья, которымъ все труднѣе становилось добиться самостоятельности, вели въ своихъ товариществахъ—*Gesellenverbände* сознательную борьбу противъ мастеровъ. Въ этой классовой борьбѣ на сторонѣ подмастерьевъ уже тогда играли большую роль стачки и бойкотъ, въ то время какъ мастера оперировали запретительными законами, запрещеніемъ организацій, стачекъ и т. д. Все это извѣстныя вещи. Литература объ этихъ вопросахъ, и даже специально о классовой борьбѣ между подмастерьями и мастерами (см. напр., Schanz, *Gesellenverbände*), наполняетъ цѣлыя библіотеки,—но только «критически изслѣдующему» г. Прокоповичу она осталась неизвѣстна. Пролетѣлъ мимо! Укралъ у исторіи полтысячи лѣтъ и заявляетъ, что въ Германіи въ первой половинѣ XIX вѣка среди ремесленниковъ «не могло быть и рѣчи и противоположности интересовъ хозяевъ и рабочихъ»!

Разумѣется, такъ же невѣрно и то, будто въ указанное время нѣмецкіе ремесленники преимущественно работали на заказчика, который самъ приносилъ матеріалъ. Въ нѣкоторыхъ ремеслахъ, какъ, напримѣръ, портняжномъ, такое положеніе до нѣкоторой степени сохранилось еще къ тому времени, хотя въ измѣненной, приспособленной къ торговымъ условіямъ, формѣ. Но, разумѣется, никому не приходило въ голову тащить къ столяру доски, чтобы получить столъ или кровать, къ слесарю желѣзо, чтобы получить замокъ или заступъ, къ типографу—бумагу и наборъ, къ красильщику—краски и т. п. Торговля сырьемъ была сильно развита и на большихъ ярмаркахъ сырье составляло главный предметъ оборотовъ. Цехи имѣли спеціальныя регулятивы для закупокъ матеріала. Однако, было время, когда мастеръ еще не былъ предпринимателемъ: въ двѣнадцатомъ, тринадцатомъ столѣтіи, когда само производство было еще очень слабо развито и ремесленникъ былъ въ большинствѣ случаевъ крѣпостнымъ. Но такими мелочами, какъ разница въ шестьсотъ, семьсотъ лѣтъ, нашъ историкъ не смущается; онъ столѣтія съ такой же небрежностью пропускаетъ сквозь пальцы, какъ «теоретическія предпосылки» сквозь свое умственное рѣшето.

Однако, какъ случилось, что г. Прокоповичъ такъ напуталъ? Очень просто. Попались ему на глаза цифры мастеровъ и подмастерьевъ въ Пруссіи въ началѣ XIX вѣка, показывающія, что подмастерьевъ было меньше, чѣмъ мастеровъ; прочиталъ онъ также, что одной изъ формъ ремесла была обработка чужого матеріала,—и, со свойственной ему скоропостижностью сдѣлалъ свои «теоретическіе выводы». Приводимая имъ статистика уже потому ничего не показываетъ, что игнорируетъ «мануфактуру» и вмѣстѣ съ ней всѣ мастерскія, находившіяся внѣ цеховыхъ организацій. Въ данномъ случаѣ нашъ авторъ даже не можетъ извиниться незнаніемъ предмета, потому что имѣлъ подъ рукой необходимыя данныя, чтобы исправить ошибку. На страницѣ 4 онъ сообщаетъ, что въ 1846 г. въ Пруссіи на 100 мастеровъ приходилось въ среднемъ 83 подмастерья, а на стр. 105 имъ же приводится, что въ томъ же году въ Пруссіи насчитывалось 78.000 «фабрикъ» съ 551.244 рабочими. Большинство этихъ фабричекъ—въ среднемъ на каждую приходилось 7 рабочихъ—были, очевидно, ничто иное, какъ свободныя мастерскія. Къ тому же разложеніе ремесленнаго строя тѣмъ и характеризовалось, что мануфактура, стягивала къ себѣ рабочія силы, оставляя позади себя захудалаго мастера, который не былъ уже въ состояніи содержать подмастерья.

Скомкалъ столѣтія и спуталъ факты! Чтобы понять всю несуразность данной г. Прокоповичемъ характеристики до-мартовской Германіи, представьте себѣ, читатель, что иностранецъ написалъ бы о Россіи слѣдующее: «Въ первой половинѣ XIX столѣтія русскіе крестьяне не были еще закрѣпощены, между ними и помещиками не было классового антагонизма, что доказывается, во-первыхъ, существованіемъ общины, во-вторыхъ, большимъ числомъ дворянъ-однодворцевъ!»

II.—Формы и видоизмѣненія классовой борьбы пролетаріата.

Неровное, въ различныхъ направленіяхъ изогнутое, къ тому же полное щелей и трещинъ зеркало даетъ нелѣпое, на первый взглядъ ни съ чѣмъ несообразное отраженіе предмета. Все въ немъ изуродовано, перепутано, смѣшано, разрознено. Поставьте передъ нимъ статую антической красоты и пропорціональности частей, и она покажется безобразнымъ чудовищемъ. Части, составляющія гармоническое цѣлое, покажутся разорванными, разбросанными—нога надъ головой, а рука подъ пятками—все извращено, обособлено, какъ будто въ борьбѣ стихій перемѣшано и

другъ другу противопоставлено. Тѣмъ не менѣе, въ этихъ извращеніяхъ есть законосообразность. Они повинуются закону преломленія лучей. Поэтому, на основаніи математическихъ вычисленій можно даже изъ этой путаницы реконструировать дѣйствительный образъ предмета. Но какой это былъ бы неимовѣрный и досадный трудъ!

Вотъ такъ именно отражается классовая борьба пролетаріата въ книжкѣ г. Прокоповича. Гармоническое цѣлое разорвано, части противопоставлены другъ другу, какъ будто находятся въ борьбѣ между собою, одно преувеличено, другое преуменьшено и все обезображено. Изъ этихъ неправильныхъ и перепутанныхъ линій путемъ многочисленныхъ редукцій *ad absurdum* реконструировать дѣйствительный образъ—работа скучная, да и ненужная. Но необходимо, для того, чтобы разобраться въ этой путаницѣ, имѣть передъ глазами схему рабочаго движенія. Этимъ займемся теперь, а потомъ опять вернемся къ нашему скоропалительному историку. Конечно, читатель не ждетъ чего-либо иного, кромѣ краткаго наброска.

Въ извѣстныхъ дебатахъ между Жоресомъ и Гедомъ въ Лиллѣ, Жоресъ очень красиво развилъ «принципъ» классовой борьбы пролетаріата. Гедъ же, возражая ему, замѣтилъ: «Жоресъ ссылается на «принципъ» классовой борьбы; для меня классовая борьба—фактъ!». Конечно, дѣло не въ отдѣльномъ словѣ, но внѣ всякаго сомнѣнія, формулировка Гэда гораздо точнѣе охватываетъ суть. Всякому, изучающему рабочее движеніе или дѣйствующему въ немъ, необходимо прежде всего усвоить, проникнуться тѣмъ, что классовая борьба пролетаріата—объективная дѣйствительность, а не только субъективное воззрѣніе, что она историческій процессъ, а не только философскій выводъ. Кто стоитъ на этой точкѣ зрѣнія, тому уже сама постановка вопроса о цѣлесообразности или о желательности классовой борьбы пролетаріата кажется смѣшеніемъ понятій. Дѣйствительно, объ этомъ можно говорить только въ томъ условномъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о цѣлесообразности океаническихъ теченій, или о необходимости солнечнаго свѣта. Это фактъ, который приходится признать; остается только изучить его въ проявленіяхъ, для того, чтобы къ нему примѣниться или воспользоваться.

Фактъ классовой борьбы самъ по себѣ отнюдь не характеризуетъ исключительно современную эпоху. Вся исторія, за исключеніемъ первичнаго коммунизма, опредѣлялась, по Коммунистическому Манифесту, борьбой классовъ. Манифестъ, въ числѣ формъ классовой борьбы упоминаетъ, между прочимъ, и борьбу подмастерья противъ мастера. Классовая борьба также не есть обязательно борьба экономически эксплуатируемыхъ противъ ихъ эксплуататоровъ. Третье сословіе и дворянство и до созданія парла-

ментарнаго государства вовсе не были между собою въ отношеніи эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ; даже больше того, задолженное дворянство было въ денежной зависимости отъ буржуазіи. Буржуазія боролась противъ феодализма, а затѣмъ противъ абсолютизма, потому что хотѣла государственнаго переустройства, при которомъ она бы господствовала. Борьба классовъ есть всегда борьба за политическую власть.

Классовая борьба пролетаріата отличается отъ классовой борьбы буржуазіи уже однимъ тѣмъ, что это борьба экономически угнетенныхъ противъ угнетателей; она отличается отъ другихъ историческихъ формъ классовой борьбы эксплуатируемыхъ настолько, насколько капиталистическое общество отличается отъ ему предшествовавшихъ. Итакъ, характерна не классовая борьба, а та форма, которую она приняла при капиталистическихъ условіяхъ. Именно капитализмъ придаетъ данный характеръ современному рабочему движенію.

Капитализмъ, разрушивъ старыя формы производства, разрушилъ вмѣстѣ съ ними все то, чего рабочіе до него добивались въ своей классовой борьбѣ; вмѣстѣ съ цеховыми регулятивами вообще и тѣ регулятивы, которые защищали подмастерьевъ отъ чрезмѣрной эксплуатаціи. Буржуазія, борясь за политическую свободу, боролась за свободу эксплуатаціи. Создавъ покоящееся на частной собственности правовое государство и сдѣлавъ крестьянина свободнымъ собственникомъ, она создала, вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ фикціей личной свободы, безправнаго въ защитѣ своихъ экономическихъ интересовъ рабочаго. Организовавъ централистическое государство, она дезорганизовала рабочій классъ.

Такимъ образомъ, связь съ рабочими организаціями прежнихъ временъ была потеряна. Конецъ 18-го и начало 19-го вѣка характеризуется полной анархіей въ правовыхъ отношеніяхъ между рабочими и предпринимателями. Рабочіе представляли собой политическій разрозненную массу, связанную между собою только совмѣстной работой на фабрикѣ и скученностью мѣстожителства. Современный пролетаріатъ очень немногимъ воспользовался изъ прошлаго, онъ долженъ былъ по существу начать свою борьбу сначала.

Онъ началъ, какъ говоритъ Коммунистическій Манифестъ, со сплоченія рабочихъ отдѣльной фабрики противъ фабриканта. Это не была еще борьба противъ класса капиталистовъ, это была борьба противъ произвола отдѣльнаго капиталиста.

Несмотря на громадное развитіе рабочихъ организацій и достигнутые ими политическіе успѣхи, эта борьба противъ личнаго произвола капиталиста до сихъ поръ не прекратилась. Конечно, бывають примѣры, когда фабрикантъ относится болѣе или менѣе человѣчески къ рабочимъ. Это единицы, стоящія выше средняго

уровня. Но въ общемъ вся практика рабочаго движенія показываетъ, что произволъ капиталиста идетъ далеко за предѣлы классовыхъ интересовъ капитала.

Отдѣльный капиталистъ имѣетъ предъ собою кучу рабочихъ своей фабрики, а за ними на рабочемъ рынкѣ всю массу резервной арміи пролетаріата. Онъ не противопоставляетъ резервную армію всему рабочему классу, онъ противопоставляетъ сотни тысячъ безработныхъ тѣмъ сотнямъ или тысячамъ, которые работаютъ у него на фабрикѣ. Конечно, онъ знаетъ, что спросъ на рабочія руки опредѣляется не имъ однимъ, но этотъ коррективъ для него — уравненіе со многими неизвѣстными. Онъ также знаетъ, что не одинъ производитъ на рынокъ, и все же никогда не можетъ опредѣлить предѣла своего сбыта; такъ и рабочій рынокъ ему кажется безпредѣльнымъ, неисчерпаемымъ. Онъ, поэтому, считаетъ себя всемогущимъ по отношенію къ рабочимъ. И расчеты его оказываются близкими къ истинѣ, покуда рабочіе не организованы. Еще болѣе важно то обстоятельство, что классъ предпринимателей находится въ постоянномъ разложеніи. Начиная столпами концентраціи капитала этотъ классъ заканчивается широкимъ хвостомъ мелкихъ капиталистическихъ созданий, которыхъ всякая волна всемірнаго рынка сноситъ и приноситъ. Чѣмъ мельче предприниматель, тѣмъ больше онъ давитъ на рабочихъ, конкурируя съ крупнымъ капиталомъ. Недостаточную концентрацію капитала онъ старается вознаградить интенсивностью эксплуатаціи. Если эксплуатация рабочихъ для крупнаго капиталиста источникъ обогащенія, то для капиталиста мелкаго или даже средней руки она, съ возрастающей концентраціей капитала, и обостряющейся конкуренціей, становится вопросомъ жизни или смерти: не одна жадность наживы, а сама борьба за существованіе заставляетъ капиталистовъ обирать рабочихъ. Та рабочая плата и тѣ условія фабричнаго труда, при которыхъ крупный капиталистъ процвѣтаетъ, иной разъ губятъ капиталиста мелкаго. Интересы этихъ капиталистовъ идутъ прямо въ разрѣзъ съ интересами класса капиталистовъ, они (эти капиталисты) падаютъ жертвами закона капиталистической экспроприаціи экспроприаторовъ; но въ ихъ головахъ все это отражается иначе, и они ожесточаются противъ рабочихъ за то, что для ихъ эксплуатаціи есть физическій предѣлъ. И вотъ рабочимъ приходится бороться не только противъ эксплуатаціи, вытекающей изъ законовъ образованія общей прибавочной стоимости, но и противъ эксплуатаціи, вытекающей изъ законовъ конкуренціи, опредѣляющей прибыль отдѣльнаго капиталиста. На ихъ плечахъ сосредоточается мощь капиталистическаго производства, на ихъ плечахъ вымещается отсталость производства отдѣльныхъ капиталистовъ.

Одна изъ основныхъ задачъ профессиональных союзовъ и есть, именно, борьба противъ произвола отдѣльныхъ фа-

брикантовъ, за уравненіе условій наемнаго труда. При этомъ они на первыхъ же шагахъ сталкиваются не только съ сопротивленіемъ отдѣльныхъ капиталистовъ, но и съ политическимъ противодѣйствіемъ всего класса. При помощи государственной власти капиталисты насильно разрушаютъ организаціи рабочихъ, разстраиваютъ ихъ попытки противопоставить единичному интересу капиталиста классовой интересъ рабочихъ. Первая классовая борьба пролетаріата въ капиталистическомъ обществѣ, такимъ образомъ, борьба за право классовой борьбы. Англійскіе рабочіе цѣлое столѣтіе боролись за это право и упрочили его за собою только къ 70-мъ годамъ XIX-го вѣка.

Концентрація капитала съ одной стороны, давая все болѣе экономическій перевѣсъ крупному производству и отодвигая на задній планъ интересы другихъ капиталистическихъ группъ, рабочія организаціи съ другой стороны, регулируя, фабрика за фабрикой, условія наемнаго труда, приводятъ въ концѣ концовъ къ тому, что для самого капиталистическаго класса становится все болѣею коммерческой потребностью установить общія нормы отношеній между капиталистами и рабочими. Всякій успѣхъ, достигнутый рабочими на единичныхъ фабрикахъ, дѣлаетъ самихъ фабрикантовъ въ силу конкуренціи сторонниками его обобщенія, его распространенія и на всѣ другія фабрики. Въ то же время растетъ стремленіе фабрикантовъ къ коалиціямъ, чтобы противопоставить классовой организаціи рабочихъ классовую же организацію. Наконецъ, классъ капиталистовъ въ его цѣломъ при успѣшномъ ходѣ производства заинтересованъ въ томъ, чтобы этотъ ходъ не нарушался стачками (во время торговаго кризиса капиталисты, наоборотъ, часто сами провоцируютъ стачки).

Возникшая на отдѣльной фабрикѣ организація рабочихъ естественнымъ образомъ стремится распространиться на всѣ фабрики этой отрасли промышленности, сначала въ данной мѣстности, затѣмъ въ ея ближайшей окрестности, потомъ во всей странѣ. Такъ развиваются національные профессиональные союзы. Профессиональный союзъ рабочихъ далеко не вполне совпадаетъ съ опредѣленной профессіей. Статистика насчитываетъ нѣсколько тысячъ отдѣльныхъ профессій — профессиональных же союзовъ, имѣющихъ значеніе, даже въ самой Англійи всего нѣсколько дюжинъ. Конечно, стремленіе каждаго профессиональнаго союза направлено на то, чтобы объединить всѣхъ рабочихъ, которые по техникѣ ремесла всего ближе конкурируютъ между собою. Но въ иныхъ случаяхъ даже чисто случайныя условія возникновенія организаціи опредѣляютъ рамки ея развитія. Важнѣе всего то, что самый характеръ капиталистической индустріи не допускаетъ строгаго разграниченія профессій. Капитализмъ непрерывно измѣняетъ способы производства, изобрѣтаетъ новыя машины, создаетъ новыя индустріи —

достаточно вспомнить электричество, производство красокъ, алюминій—и вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣшиваетъ традиціонныя профессиональныя различія рабочихъ. Концентрація капитала стягиваетъ рабочихъ разныхъ отраслей промышленности подъ крышу одного и того же капиталистическаго предпріятія. Къ тому же развитіе производства мѣняетъ содержаніе товарнаго рынка и черезъ его посредство приводитъ самыя отдаленныя предпріятія въ неожиданную связь между собою. Столяръ и слесарь принадлежатъ, повидимому, къ совершенно различнымъ профессіямъ. Но вотъ были изобрѣтены желѣзныя кровати, и масса столяровъ осталась безъ работы; съ другой стороны, фабрикація швейныхъ машинъ даетъ работу столярамъ, которые дѣлаютъ для нихъ ящики—они вмѣстѣ съ механиками работаютъ на той же фабрикѣ и имѣютъ общіе съ ними профессиональные интересы. Подъ вліяніемъ этихъ условій иной профессиональный союзъ заключаетъ въ себѣ весьма разнообразныя профессіи.

Нормировка классовыхъ отношеній между капиталистами и рабочими, поскольку она основывается на свободномъ договорѣ, т. е. не производится законодательнымъ путемъ, происходитъ въ предѣлахъ той отрасли промышленности, которая захвачена даннымъ профессиональнымъ союзомъ рабочихъ. Нормировка распространяется на всѣ многоразличныя формы эксплуатаціи. Ея кардинальными пунктами являются: установленіе нормъ рабочей платы, въ особенности предѣла ея паденія, и ограниченіе рабочаго дня.

Установленіе нормы рабочей платы такъ же мало измѣняетъ характеръ капиталистической эксплуатаціи, какъ установленіе нормы прибыли или процента на заемный капиталъ. Напротивъ, неравномѣрность рабочей платы, поскольку она не опредѣляется квалификаціей труда, равно какъ и неравномѣрность нормъ прибыли, мѣшаетъ проявленію капиталистическаго накопленія. Съ этой точки зрѣнія профессиональные союзы сыграли по отношенію къ рабочей платѣ ту же роль, какую банки и акціонерныя общества—по отношенію къ уровню прибыли.

Установленіе общихъ нормъ эксплуатаціи носитъ обыкновенно характеръ единовременный. Послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго и обширнаго конфликта, между рабочими, представителемъ которыхъ является профессиональный союзъ, и фабрикантами устанавливается соглашеніе, юридическая форма котораго очень разнообразна, но которое во всякомъ случаѣ является договоромъ *ad hoc*, чѣмъ то вродѣ трактата между воюющими державами. Въ третейскихъ судахъ, камерахъ объединенія (*Einkungskammern* и т. п. учрежденіяхъ мы видимъ попытку придать этимъ соглашеніемъ постоянный характеръ.

Весь ихъ смыслъ въ томъ и заключается, что они конфликту на отдѣльной фабрикѣ придаютъ характеръ общій, классовой.

Вмѣсто фабриканта и рабочихъ его фабрики переговоры ведутся между представителями класса фабрикантовъ и профессиональнымъ союзомъ, какъ представителемъ класса рабочихъ. Подстановка классовыхъ интересовъ вмѣсто единоличныхъ, дѣйствительно, въ состояніи часто сгладить возникнувшій конфликтъ. Рѣшеніе такого третейскаго суда, куда рѣчь идетъ объ отступленіяхъ отъ общихъ нормъ эксплуатаціи, можетъ быть довольно безпристрастнымъ. Причины этого видны изъ вышеизложеннаго. Однако, практика показала, что даже въ этой ограниченной сферѣ дѣйствія третейскіе суды далеко не оправдываютъ возлагаемыхъ на нихъ надеждъ. Иной разъ они просто становятся орудіемъ въ рукахъ какой-нибудь могущественной капиталистической клики, которая преслѣдуетъ свои особые цѣли. Часто опять таки фабрикантъ, недовольный рѣшеніемъ третейскаго суда, вовсе не считаетъ необходимымъ подчинить свои интересы интересамъ капиталистическаго класса и поступаетъ по своему. Во всякомъ случаѣ, вездѣ и всегда, гдѣ споръ не идетъ болѣе о частичныхъ отступленіяхъ отъ нормъ эксплуатаціи, установленныхъ договоромъ или обычаемъ, а о самыхъ этихъ нормахъ объ общемъ пониженіи уровня рабочаго дня, иначе говоря, не о той сверхъ прибыли *Extraprofit*, которую выжимаетъ отдѣльный капиталистъ изъ своихъ рабочихъ, а объ общей нормѣ прибавочной стоимости, третейскіе суды совершенно теряютъ свое значеніе, и вопросъ рѣшается только перевѣсомъ силы. Это показываетъ практика третейскихъ судовъ въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ.

Норма прибавочной стоимости есть, какъ извѣстно, общественное соотношеніе между стоимостью, остающеюся за классомъ капиталистовъ въ видѣ прибыли, и стоимостью, приходящеюся на долю рабочаго класса въ качествѣ рабочей платы. Но такъ какъ законъ мѣновой стоимости проявляется только въ его безпрерывномъ нарушеніи—какъ законъ прямолинейнаго распространенія свѣта въ его безпрерывномъ преломленіи и отклоненіи—то норма прибавочной стоимости каждой отдѣльной отрасли промышленности находится въ зависимости отъ продажныхъ цѣнъ. Если заработная плата остается неизмѣнной, то норма прибавочной стоимости, разъ не произошло измѣненій въ самыхъ условіяхъ производства, растетъ съ повышеніемъ товарныхъ цѣнъ, падаетъ съ ихъ пониженіемъ. Но разъ повышеніе цѣнъ становится всеобщимъ, то оно оплачивается рабочими какъ потребителями. Въ этомъ то и сказывается законъ стоимости. Возвышеніе нормы прибавочной стоимости отдѣльной отрасли промышленности не безусловно сопровождается уменьшеніемъ доли рабочихъ этой отрасли промышленности и даже не всегда, или же не всегда вполне оплачивается рабочими другихъ отраслей, но повышеніе нормы прибавочной стоимости всего капиталистическаго класса не можетъ

произойти иначе, какъ на счетъ рабочихъ. Говоря проще, если товары дорожаютъ, а рабочая плата остается неизмѣнной, то рабочіе несомнѣнно теряютъ. Рабочіе поэтому при подъемѣ промышленнаго развитія, которое обыкновенно сопровождается повыше- ніемъ рабочей платы, хотя бы для того, чтобы сохранить старую норму прибавочной стоимости, должны стремиться къ тому, чтобы не ухудшать своего положенія. При промышленномъ застоѣ—явленіе обратное. Паденіе товарныхъ цѣнъ, становясь всеобщимъ, должно вездѣ понижать норму прибавочной стоимости, разъ рабочая плата остается неизмѣнной. Тогда, разумѣется, фабриканты, ссылаясь на паденіе прибыли и пониженіе цѣнъ, хотятъ уменьшить рабочую плату. Чтобы избѣжать этихъ, связанныхъ съ каждымъ промышленнымъ подъемомъ какъ съ каждымъ промышленнымъ упадкомъ, споровъ о рабочей платѣ, вводятся подвижные тарифы рабочей платы *gleitende Lohnskala*. Ихъ задача автоматически регулировать рабочую плату сообразно съ движеніемъ цѣнъ, чтобы оставить норму прибавочной стоимости неизмѣнной. Они, очевидно, не измѣняютъ капиталистическихъ отношеній, они только имѣютъ тенденцію упрочить ихъ, увѣковѣчить норму прибавочной стоимости, существующую въ моментъ ихъ введенія. Но и это имъ не удается. Во первыхъ, уже потому, что движеніе товарныхъ цѣнъ является только признакомъ измѣненія нормы прибавочной стоимости, а не ея мѣриломъ. Норма прибавочной стоимости, *caeteris paribus* растетъ постоянно въ большей прогрессіи, чѣмъ товарныя цѣны. Поэтому подвижной тарифъ, регули- руясь движеніемъ цѣнъ, оставляетъ постоянно рабочую плату по- зади прибыли, значить, тенденцію къ повышенію нормы прибавоч- ной стоимости онъ только ослабляетъ, но не уничтожаетъ. Съ другой стороны, паденіе цѣнъ, какъ и ихъ повышеніе, неравно- мѣрно—благодаря различному составу капитала изъ постоянной и переменнѣйшей части, благодаря законамъ циркуляціи капитала и конкуренціи. Къ тому же цѣны на сельскохозяйственные продукты слѣдуютъ закону поземельной ренты и могутъ расти въ то время, когда другія падаютъ. Затѣмъ, во время промышленнаго упадка положеніе рабочихъ и помимо уменьшенія заработной платы ухуд- шается вслѣдствіи сокращенія рабочихъ часовъ на фабрикахъ и накопленія массы безработныхъ. А такъ какъ, кромѣ того, тен- денція индустріи, если взять большіе промежутки времени, идетъ на пониженіе цѣнъ, то становится понятнымъ, почему подвиж- ной тарифъ рабочей платы въ Англіи, гдѣ съ нимъ имѣли всего больше опыта, сталъ непопуляренъ; ужъ не говоря о томъ, что рабочіе, конечно, не довольствуются сохраненіемъ нормы при- бавочной стоимости, а стремятся къ ея уменьшенію.

Профессиональные союзы не уничтожаютъ конкуренціи между рабочими, они только ее регулируютъ. Среди первоначальнаго ха-

оса рабочаго рынка, на которомъ каждый борется противъ всѣхъ и всѣ противъ каждого, они проводятъ демаркаціонныя линіи, бо- лѣе или менѣе соответствующія областямъ конкуренціи, разграни- ченнымъ самой техникой производства. Но и внутри этихъ обосо- бленныхъ группъ профессиональные союзы только создаютъ общую почву для взаимныхъ отношеній между рабочими и капитали- стами, на которой все же продолжается конкуренція между отдѣль- ными рабочими. Она только тогда исчезла бы, если бы союзы установили одну общую плату. Это для нихъ невозможно, они поэтому устанавливаютъ только общія нормы и минимальный предѣлъ рабочей платы. При почасовой платѣ, которая среди профессиональныхъ союзовъ въ общемъ даже болѣе распространена, чѣмъ внѣ ихъ, каждый рабочий старается больше сработать, чѣмъ его товарищи, такъ какъ его заработокъ находится въ прямой за- висимости отъ его искусства и интенсивности труда. При платѣ почасовой существуетъ цѣлый рядъ ставокъ для рабочихъ одного и того же ремесла при одной и той же работѣ, и каждому, конечно, хочется попасть въ категорію болѣе высокой рабочей платы. Фа- брикантъ по своему усмотрѣнію помѣщаетъ рабочихъ въ ту или другую категорію, онъ по прежнему имѣетъ дѣло съ каждымъ ра- бочимъ въ отдѣльности—даже самые сильные профессиональные союзы вмѣшиваются въ такихъ случаяхъ только тогда, если фа- брикантъ выказываетъ личное недоброжелательство или месть по отношенію къ кому-нибудь изъ рабочихъ. При сокращеніи работъ фабрикантъ обыкновенно прежде всего отпускаетъ менѣе искус- ныхъ рабочихъ—иной разъ, правда, какъ разъ наоборотъ, что служить косвеннымъ средствомъ уменьшенія рабочей платы,—при расширеніи работъ фабрикантъ старается подобрать болѣе искус- ныхъ рабочихъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рабочіе либо непосред- ственно перебиваютъ другъ у друга работу, либо захватывая уси- леннымъ трудомъ большую долю работы, отстраняютъ другихъ отъ заработка.

Вообще, профессиональные союзы несравненно больше сдѣлали въ отношеніи нормировки условій труда, чѣмъ въ отно- шеніи организаціи предложенія труда.

Конкуренція, далѣе, проявляется между самими профессиональ- ными союзами. Союзы, примыкающіе къ одинаковой или къ род- ственнымъ профессіямъ, находятся между собою въ организаціон- номъ соперничествѣ. Каждый изъ нихъ старается заполучить воз- можно больше членовъ, при чемъ на каждомъ шагѣ сталкивается со своимъ соперникомъ. Бывали случаи, когда, благодаря этому соперничеству, капиталисты могли воспользоваться одной рабочей организаціей противъ другой. Между тѣмъ, непрерывно измѣняю- щаяся техника производства смѣшиваетъ границы профессій и не- ожиданно сталкиваетъ между собою различными профессиональными

организации. Конфликтъ, происходящій въ индустріи между старымъ и новымъ способомъ производства, переносится на рабочій рынокъ. Съ большимъ трудомъ установленныя профессиональнымъ союзомъ нормы эксплуатаціи грозятъ рухнуть подъ натискомъ новыхъ слоевъ рабочихъ, съ своей стороны организованныхъ въ союзы, но которые до сихъ поръ работали при худшихъ условіяхъ. Борьба можетъ до того обостриться, что профессиональный союзъ рабочихъ предательски коалируетъ съ фабрикантами, чтобы сбить своего соперника.

Коалиціи между рабочими и фабрикантами бываютъ и въ этихъ особыхъ условіяхъ, просто съ цѣлью держать товарныя цѣны высоко и, такимъ образомъ, обезпечить въ одно и то же время и болѣе высокую прибыль, и болѣе высокую рабочую плату. Такой профессиональный союзъ до послѣдней степени ограничиваетъ доступъ къ ремеслу. Фабриканты, съ своей стороны, не принимаютъ никого, кто не былъ бы членомъ этого профессиональнаго союза. Рабочіе надѣются такимъ образомъ, ограничивъ число рабочихъ, ограничить конкуренцію въ своихъ собственныхъ рядахъ. Конечно, это возможно только при исключительныхъ условіяхъ. Профессія должна быть изъ числа тѣхъ, усвоеніе которыхъ требуетъ продолжительнаго времени или значительныхъ затратъ. Безъ этого регулятивы профессиональнаго союза такъ же мало могли бы удержать притокъ рабочихъ, какъ когда-то цеховой уставъ. Вся попытка является воскрешеніемъ цеховыхъ отношеній, причемъ во главу зданія, вмѣсто исчезнушаго цеха мастеровъ, ставится союзъ подмастерьевъ. Разумѣется, причины, разрушившія цеховую замкнутость, въ наше время дѣйствуютъ съ еще гораздо большей силой. Помимо технического прогресса и развитія машиннаго производства, уже одно уничтоженіе національной обособленности рынка дѣлаетъ невозможнымъ существованіе замкнутыхъ индустрій. Онѣ не болѣе какъ ничтожные островки въ океанѣ мірового рынка, періодически заливаемые нахлынувшей волной.

Конкуренція между отдѣльными рабочими ведетъ къ организации профессиональных союзовъ. Конкуренція между профессиональными союзами ведетъ—къ ихъ федераціи. Въ томъ-то и суть, что та же сила, которая разлагаетъ капиталистическій классъ, ведетъ къ сплоченію рабочихъ. Стремленіе отдѣльных профессиональных союзовъ—въ особенности квалифицированныхъ рабочихъ—обособиться отъ рабочихъ массъ осуждено всей практикой англійскаго рабочаго движенія. Одинъ за другимъ они, иной разъ очень прискорбнымъ опытомъ, должны были убѣдиться въ томъ, что капиталистическое развитіе фабричной техники и производства вообще немилосердно разбиваетъ всѣ естественныя, а тѣмъ болѣе искусственныя перегородки между профессіями, и что самое лучшее средство борьбы противъ конкуренціи хуже оплаченныхъ слоевъ

рабочаго класса—ихъ организація. Та же Англія даетъ намъ множество примѣровъ, какъ профессиональные союзы квалифицированныхъ рабочихъ организовывали своихъ конкурентовъ изъ чернорабочихъ. Затѣмъ мы видимъ федераціи профессиональных союзовъ, охватывающія цѣлыя громадныя отрасли производства, напримѣръ, текстильное производство. Наконецъ, всѣ профессиональные союзы данной страны стремятся къ объединенію на почвѣ законодательной регулировки условій эксплуатаціи труда.

Конкуренція ведетъ профессиональные союзы еще дальше. Она доказываетъ рабочему, члену англійскаго профессиональнаго союза, что достигнутый имъ уровень рабочей платы до тѣхъ поръ не обезпеченъ, покуда нѣмецкій, французскій, итальянскій и т. д. рабочій беззащитенъ противъ своего эксплуататора. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ стремленіе къ интернаціональному соглашенію профессионально организованныхъ рабочихъ. Въ этомъ направленіи со времени парижскаго интернаціональнаго конгресса 1889-го года очень много было сдѣлано. Въ настоящее время каждая большая стачка въ индустріальной странѣ захватываетъ интересы рабочихъ, а также и капиталистовъ, во всѣхъ другихъ странахъ. Интернаціональная солидарность рабочихъ во всѣхъ такихъ случаяхъ блестящимъ образомъ проявляется въ матеріальной и нравственной поддержкѣ.

Отъ массовой разрозненности, подъ вліяніемъ конкуренціи, ко все болѣе широкому и наконецъ, интернаціональному объединенію рабочихъ—таковъ путь профессиональных союзовъ. И рабочіе были бы уже гораздо дальше на этомъ пути, если бы не мѣшали имъ политическія границы воздвигнутыя капиталистическими государствами.

Профессиональные союзы упрощаютъ отношенія между рабочими и капиталистами. Отстраняя отдѣльнаго капиталиста, они отстраняютъ все то, что носитъ характеръ личный, случайный, произвольный, и приводятъ къ тому, что рабочіе и капиталисты стоятъ другъ противъ друга какъ классъ противъ класса. Уравнивая условія эксплуатаціи на отдѣльныхъ фабрикахъ, они оголяютъ самую эксплуатацію, общее содержаніе всего многообразнаго капиталистическаго производства. Завоевывая, послѣ многочисленныхъ стачекъ, побѣдъ и поражений, все болѣе и болѣе почву, распространяясь вширь, они въ конечномъ результатѣ по всей линіи сталкиваются съ врагомъ безличнымъ—съ законами капиталистическаго производства.

Прежде всего они убѣждаются, что капиталистъ вовсе не повелѣтельный господинъ производства, что его давитъ капиталистическая конкуренція, въ свою очередь повинующаяся какому-то слѣпому закону дешевой цѣны. Имъ неоднократно при-

ходится видѣть, какъ конкуренція губитъ отдѣльнаго фабриканта, но они не могутъ стать на его сторону, потому что улучшение его судьбы возможно только насчетъ ухудшенія положенія рабочихъ. Они становятся противниками конкуренціи, губящей и фабрикантовъ, и рабочихъ, и такимъ образомъ—сознательно или безсознательно—противниками всего капиталистическаго строя, съ которымъ она неразрывно связана.

Они убѣждаются далѣе, что для возвышенія рабочей платы имѣется какой то предѣлъ, независящій отъ капиталистовъ отдѣльной отрасли промышленности. Предѣлъ этотъ средняя норма прибавочной стоимости. Если профессиональный союзъ требуетъ возвышенія рабочей платы, которое сильно нарушило бы эту норму, то фабриканты на основаніи своихъ торговыхъ книгъ съ математической точностью доказываютъ ему слѣдующее: во 1) если сохранить уровень прибыли, то товарныя цѣны придется поднять такъ, что нельзя будетъ выдержать конкуренціи родственныхъ индустрій и что, уже помимо этого, въ силу дороговизны уменьшится сбытъ и придется сократить производство, значить отпустить рабочихъ; во 2) если сохранить цѣны, то придется норму прибыли такъ сократить, что рядъ фабрикантовъ обанкротится, не будучи въ состояніи заплатить проценты, на заемный капиталъ, курсы акцій падутъ, капиталъ будетъ отвлеченъ въ сторону, кредитъ вообще уменьшится, въ силу этого возможность расширенія производство сократится, настанетъ застой и безработица; въ 3) что, благодаря громадной разницѣ въ рабочей платѣ противъ обычнаго уровня въ странѣ, капиталисты со стороны, даже если бы фабриканты данной мѣстности согласились, раньше или позже привлекутъ рабочихъ изъ другихъ профессій и собьютъ искусственно повышенную цѣну на трудъ. Профессиональный союзъ можетъ игнорировать интересы цѣлой отрасли промышленности. Поэтому, чѣмъ болѣе разрастается профессиональный союзъ, тѣмъ осторожнѣе, умѣреннѣе становятся его требованія, тѣмъ постепеннѣе его тактика, въ особенности въ отношеніи увеличенія рабочей платы.

Профессиональный союзъ рабочихъ убѣждается, что еще болѣе низкую границу повышенію рабочей платы ставитъ конкуренція машинъ. Вначалѣ рабочіе разрушали машины. Профессиональные союзы превратили слѣпую ожесточенность въ сознательную экономическую борьбу: при введеніи новыхъ машинъ они борются не противъ мертваго механизма, а за установленіе выгодныхъ для рабочихъ ставокъ рабочей платы. Этимъ самымъ они приводятъ въ ясность, что машина—орудіе эксплуатаціи только въ рукахъ капиталистическихъ собственниковъ средствъ производства. А такъ какъ, чѣмъ выше рабочая плата, тѣмъ выгоднѣе введеніе новыхъ машинъ, то профессиональные союзы при каждой попыткѣ увеличить рабочую плату убѣждаются снова въ необходимости отнять у капиталистовъ

это всеподавляющее орудіе эксплуатаціи. Связь такъ близка, что множество техническихъ усовершенствованій было сдѣлано непосредственно въ борьбѣ фабрикантовъ противъ профессиональных союзовъ. На мѣсто уничтоженія машинъ ставится на очередь вопросъ объ уничтоженіи частной собственности на орудія производства.

Затѣмъ, профессиональные союзы сталкиваются съ закономъ періодическаго перепроизводства. Они принуждены всю свою тактику приурочивать къ волнообразному движенію производства. И каждый разъ, когда приходитъ переломъ промышленнаго подъема, будь то острый кризисъ или депрессія, профессиональные союзы должны всю свою энергію, всѣ силы употребить не на то, чтобы двигаться впередъ, а на то, чтобы защитить завоеванные позиціи. Вполнѣ имъ это еще нигдѣ и никогда не удавалось: при всякомъ новомъ промышленномъ подъемѣ профессиональнымъ союзамъ приходится потратить болѣе или менѣе продолжительное время для того, чтобы возстановить испытанныя во время промышленнаго застоя потери. Во время періодическаго застоя производства не только падаетъ рабочая плата, но и разстраиваются сами профессиональныя организаціи.

Въ связи съ періодическимъ перепроизводствомъ находится безпредѣльное стремленіе капитала къ расширенію рынка. По законамъ капиталистической конкуренціи, изложеніе которыхъ слишкомъ отвлекло бы насъ отъ предмета, въ интернаціональныхъ торговыхъ сношеніяхъ возможна не единичная только, но систематическая продажа товаровъ какой-нибудь капиталистической страной или отдѣльными индустріями этой страны по цѣнѣ ниже ихъ національной стоимости. И вотъ англійскимъ прядильщикамъ, требующимъ увеличенія рабочей платы, приходится слышать отъ фабрикантовъ, что они не могутъ этого сдѣлать, потому что рабочая плата въ Германіи ниже, или потому что они въ Калькутѣ или Шанхаѣ принуждены продавать пряжу и ткани по чрезвычайно низкой цѣнѣ. Тутъ предѣломъ увеличенія рабочей платы является уже не средняя норма прибавочной стоимости въ Англіи, а величина меньшая, средняя норма прибавочной стоимости въ Германіи или можетъ быть въ Остъ-Индіи, притомъ величина, такъ же мало подчиняющаяся контролю англійскихъ профессиональных союзовъ, какъ мало современный всемірный рынокъ подчиняется контролю англійскаго капитала.

Обостряющаяся конкуренція всемірнаго рынка надвигается на профессиональные союзы, какъ немилосердный фатумъ, всеподавляющая стихійная сила, передъ которой всякое сопротивленіе тщетно, всякій протестъ бесполезенъ.

Концентрація капитала, служащая даже до нѣкоторой степени опорой профессиональнымъ союзамъ, покуда борьба идетъ противъ

фабричной мелкоты, является громадным препятствием, когда борьба направляется против самого концентрированного капитала. Профессиональные союзы в свою очередь сослужили значительную службу концентрации капитала — новое доказательство того, что деятельность профессиональных союзов не изменяет характера капиталистического производства.

В борьбе против магнатов индустрии, опирающихся на интернациональную организацию производства, на могущественные банки и картели, рамки профессиональной организации оказываются слишком узкими. Существенным условием успеха в этой сложной и громадной борьбе является не только совместное действие нескольких профессиональных союзов, но еще мужественная поддержка со стороны всех вообще, профессиональных и политических организаций рабочих, внутри и вне страны. Профессиональная борьба рабочих становится классовой борьбой интернационального пролетариата против интернационального капитала.

Вместе с тем, профессиональные союзы убеждаются в том, что те же причины, которые кладут предел их деятельности, ограничивают сферу их распространения. Безпрерывная перетасовка профессий под влиянием развития техники, образование все больше и больше многочисленных слоев неквалифицированных рабочих, громадное передвижение рабочих с места на место, наплыв рабочих вследствие пролетаризации крестьян и ремесленников равно как и иммиграция из стран с отсталой промышленностью, распространение женского труда, сохранение отсталых форм эксплуатации, незначительный заработок рабочих масс, заставляющий дорожить каждой копейкой, сезонная безработица многих профессий и безработица всеобщая во время промышленного упадка — все это, хотя каждое обстоятельство в отдельности, как показывает практика, и не исключает вполне возможности организации, вместе ограничивает профессиональную организацию меньшинством рабочих. До сих пор профессиональные союзы ни в какой стране еще не объединили и 30 процентов индустриальных рабочих.

В борьбе против отдельного фабриканта профессиональный союз может сослаться на лучшие условия труда у других фабрикантов, — но с чем же сравнивать, если против профессионального союза стоит капиталистическое большинство данной отрасли промышленности, если речь идет о сверх-прибыли, о самой норме прибавочной стоимости? Конечно, рабочие стран с худшими условиями труда ссылаются на лучшее положение их товарищей в других странах.

Немцы и французы ссылаются на английские и американские условия. Но англичане и американцы, как рабочие передовые, на других уже ссылаются не могут. Напротив, они постоянно слы-

шат от фабрикантов, что находятся в исключительных условиях. Вся аргументация с точки зрения капитализма для них рушится. Перед ними — капитализм в его общности, капитализм абстрактной чистоты. Дойдя до этой точки, профессиональные союзы ясно видят предел своей деятельности. Но они видят также, что сам капиталистический класс, даже если бы хоть, не мог бы уничтожить эксплуатацию рабочих. Они убеждаются, что пролетариат и капитал — общественные противоположности, что они имеют перед собой исторически сложившийся порядок экономических отношений, который им приходится изменить, что для того, чтобы уничтожить господство класса, нужно уничтожить самые классы.

Профессиональная организация рабочих самым своим развитием ведет к историческому моменту, который принято называть — социальная революция.

Такова логика событий. Но выражение, которое она находит на поверхности общественных течений, не всегда верно передает их внутреннее содержание, а иной раз ему прямо противоречит. Первоначальная профессиональная борьба рабочих, направленная против отдельных капиталистов, носит снаружи больше рязкий характер. Именно, благодаря примеси личных моментов. О политических влияниях речь будет впереди. Но рабочие свою озлобленность против их лично обирающего капиталиста переносят на весь класс. Они видят в капиталистах не столько противников в силу экономических условий, сколько своих личных врагов, к тому же, пока накопление постоянного капитала еще очень незначительно, капиталист действительно проявляет самую беспощадную и отвратительную жадность в выжимании прибавочной стоимости. В то время борьба против эксплуатации вполне совпадает с борьбой против эксплуататоров.

Идея социализма воспринимается тогда рабочими как радикальное средство освободиться от эксплуатации, но они еще не в состоянии понять всей многосложности задачи общественной организации. Дальнейшее развитие, как мы видели, устраняет личности и выдвигает обстоятельства. То, что рабочим казалось общим, основным, оказывается случайным и частичным. Они думали, что борются против прибавочной стоимости, между тем они только боролись против прибавочной прибыли отдельного капиталиста. Сама прибавочная стоимость оказывается связанной не только с порядком, но совсем ходом производства. На место капиталистического произвола выступает закон конкуренции на всемирном рынке. Можно сказать, перед рабочими раскрывается вся громадность их исторической задачи. Тут профессиональные союзы останавливаются в нерешительности. Как таковые, они и

вообще ничего не могут сдѣлать. Ихъ экономическая борьба привела ихъ къ принципиальной политической задачѣ, для выполнения которой имъ необходимо организовать въ политическую партію. Самый переворотъ зависитъ отъ ряда политическихъ моментовъ. И вотъ вырабатывается неопредѣленное состояніе, которое въ головахъ вожаковъ отражается путанницей понятій. Иные изъ нихъ считаютъ положеніе безвыходнымъ и думаютъ, что ничего другого не остается, какъ топтаться на одномъ мѣстѣ.

При такихъ условіяхъ энергія профессиональныхъ союзовъ ослабѣваетъ.

Отъ времени до времени внезапный порывъ массъ вносить новую жизнь, неожиданно выдвигаются новые вожаки, возникаютъ новые планы, свѣтъ молніи озаряетъ на мгновенье грозную ситуацию—потомъ опять все затихаетъ. Но скрытая революціонная энергія рабочихъ массъ не исчезаетъ, она все больше накапливается съ развитіемъ характеризованныхъ выше отношеній, самый застой профессиональной борьбы служитъ стимуломъ революціонизированія рабочихъ массъ. Назрѣвшій историческій вопросъ неминуемо требуетъ разрѣшенія. Моментъ, когда это произойдетъ, зависитъ отъ многообразныхъ условій, но меньше всего отъ теоретическихъ конструкцій вожаковъ профессиональныхъ союзовъ.

Таково уже, приблизительно, въ теченіе четверти столѣтія положеніе дѣлъ въ Англіи. Капиталистическій классъ Англіи, понявъ наконецъ, что профессиональная борьба рабочихъ ничуть не нарушаетъ капиталистическаго строя, напротивъ, является сама его составнымъ элементомъ, отнюдь не успокоился на этомъ и чувствуетъ опасность, грозящую ему со стороны организованнаго рабочаго класса. Онъ знаетъ, что, когда скрытая въ рабочихъ массахъ энергія подъ вліяніемъ экономического или политическаго момента проявится наружу, рѣчь будетъ идти уже о самомъ существованіи капиталистическаго общества. Сесиль Родъ, матадоръ современнаго англійскаго капитализма, какъ нельзя болѣе рельефно характеризуетъ положеніе, выставляя публично свой лозунгъ. «империализмъ противъ социализма». Это значитъ, что дальше капитализма въ Англіи въ настоящій моментъ расширеніе рынка не только уже экономическая потребность, но и политическая необходимость. Расширеніе рынка во что бы то ни стало, все въ большихъ и большихъ размѣрахъ, является послѣднимъ средствомъ англійскаго капитала, чтобы удержать грозную армію рабочихъ на ея защитительной линіи. Въ тотъ моментъ, когда рухнетъ англійское могущество на всемірномъ рынкѣ, падетъ подъ натискомъ организованнаго пролетаріата капиталистическій строй Англіи.

Въ то время, какъ профессиональная борьба пролетаріата съ самаго начала есть борьба эксплуатируемыхъ противъ эксплуата-

торовъ, политическая дѣятельность пролетаріата вначалѣ безразлично сливается съ буржуазными демократическими теченіями, вызванными капиталистической революціей производства. Становясь правящимъ классомъ, капиталисты сами разрываютъ связь съ пролетаріатомъ. Они отстраняютъ его отъ представительныхъ учреждений, лишаютъ его тѣхъ самыхъ «святыхъ» благъ политической свободы—свободы печати, сходовъ, союзовъ—за которыя только что совместно боролись, запутываютъ его законами о стачкахъ, бунтахъ и т. п., уже оставляя въ сторонѣ законы о нищенствѣ и бродяжничествѣ, законы, превращающіе безработицу въ преступленіе. Такимъ образомъ, пролетаріатъ, даже помимо своей воли, становится въ необходимость вести политическую борьбу противъ господствующаго класса капиталистовъ. Дальнѣйшее развитіе классовой политики пролетаріата идетъ различными путями. Можно установить три образца: англійскій, французскій и нѣмецкій.

Разныя формы классовой политики пролетаріата образовались подъ вліяніемъ различнаго политическаго уклада странъ, въ которыхъ пролетаріату пришлось вести свою борьбу, особенности экономического развитія и классовыхъ сочетаній, политики правящихъ классовъ, ихъ внутренней борьбы и ихъ интернаціональной политики—иначе говоря, подъ вліяніемъ разницы историческаго развитія отдѣльныхъ странъ. Оставляя въ сторонѣ характеристику этихъ различій историческаго хода событій, мы очертимъ лишь конечный результатъ въ политикѣ рабочаго класса.

Англійскій образецъ можно назвать—вооруженнымъ нейтралитетомъ пролетаріата. Организованные въ профессиональные союзы, англійскіе рабочіе прекрасно сознаютъ, что имѣютъ классовый интересъ, существенно отличный отъ интересовъ всѣхъ буржуазныхъ партій. Чтобы провести свои особые интересы, они пользуются борьбой буржуазныхъ партій между собой. Они могли провести эту тактику, не будучи самостоятельной политической партией, но имъ нужна была для этого политическая организація. Они ее создали. Представителями этой организаціи являются конгрессы профессиональныхъ союзовъ и постоянный парламентскій комитетъ, т. е. комитетъ для подготовки законодательныхъ мѣръ въ парламентѣ. Итакъ, англійскіе рабочіе не только не дали себя закабалить буржуазнымъ партіямъ, но они организовались внѣ ихъ, а это въ политикѣ значитъ: въ противоположность имъ. Они безразлично поддерживали ту или другую капиталистическую партію, смотря потому, отъ кого они всего болѣе могли добиться уступокъ въ свою пользу. Большіе успѣхи, достигнутые такимъ путемъ англійскими рабочими въ области рабочаго и политическаго законодательства, извѣстны. Но эта политика, какъ и профессиональная борьба, имѣетъ очень низкій предѣлъ насыщенія. Очевидно, косвенное вліяніе пролетаріата на парламентъ прекра-

шается тамъ, гдѣ на мѣсто споровъ между буржуазными партіями выступаютъ общіе, основные интересы капиталистическаго класса. Межъ тѣмъ интенсивность внутреннихъ капиталистическихъ конфликтовъ съ развитіемъ капитализма ослабѣваетъ. Такой борьбы, какая была между аграрнымъ и индустріальнымъ капиталомъ въ Англіи въ первой половинѣ XIX вѣка, уже больше нигдѣ не пришлось видѣть. Экономическій перевѣсъ индустріальнаго капитала все усиливается, къ тому же интересы индустріи захватываютъ все больше самый классъ капиталистическихъ землевладѣльцевъ. Развитие кредита, акціонерныхъ кампаній, банковъ и биржи перепутало всѣ капиталистическія отношенія и дробитъ буржуазію на мелкія группы съ интересами, не только противорѣчащими другъ другу, но противорѣчивыми въ самихъ себѣ ¹⁾.

Парламентская оппозиція мельчаетъ. Въ самой англійской палатѣ общинъ нѣтъ больше того крупнаго распада на двѣ партіи, соотвѣтственно двумъ главнымъ группамъ капиталистическаго класса, которое характеризовало его исторически. Консерваторы приняли въ себя элементы, прежде имъ чуждые, либералы распались. Это отсутствіе рѣзкой группировки интересовъ дѣлаетъ парламентъ безпомощнымъ. Онъ, правда, по тѣмъ же причинамъ становится очень благодушнымъ и доброжелательнымъ. Требования рабочихъ не встрѣчаютъ, какъ бывало, рѣзкой и ожесточенной оппозиціи, но они не находятъ также сплоченной партіи, готовой провести энергическое мѣропріятіе. Масса законодательныхъ мелочей незамѣтно получаетъ санкцію парламента, рядъ серьезныхъ реформъ отвергается. Самое значеніе парламента падаетъ. Могущество правительства усиливается. А само правительство все больше становится орудіемъ въ рукахъ капиталистической плутократіи, стоящей внѣ парламента, опирающейся не на избирательные голоса, а на всемірныя связи денежнаго рынка. До какого безсилія дошелъ англійскій парламентъ, показываетъ его жалкая роль при возникновеніи и при дальнѣйшемъ ходѣ южно-африканской войны.

Съ 1885-го года значительная часть англійскихъ рабочихъ имѣютъ избирательное право въ парламентъ. Съ тѣхъ поръ рабочіе постоянно избираютъ нѣсколькихъ собственныхъ представителей въ палату общинъ. Дальше единичныхъ выборовъ ихъ попытки

¹⁾ Успѣхи аграріевъ въ Германіи и Франціи обусловливаются прежде всего тѣмъ, что, покуда цѣны на хлѣбъ подъ возрастающимъ давленіемъ на всемірномъ рынкѣ, несмотря на пошлины, въ общемъ понижаются, непосредственный интересъ индустріальнаго капитала въ пониженіи пошлинъ относительно великъ. Онъ становится актуальнымъ для капиталистовъ только при заключеніи новыхъ торговыхъ договоровъ. Притомъ таможенные пошлины этихъ странъ явились результатомъ аграрно-индустріальной коалиціи. Само современное аграрное движеніе опирается главнымъ образомъ на средній слой капиталистическихъ землевладѣльцевъ.

создать собственную политическую партію не пошли. Рабочіе боятся, что при раздробленіи голосовъ, которое несомнѣнно въ первое время должно произойти, разъ они выступятъ съ собственными кандидатурами, они потеряютъ то вліяніе на парламентъ, которое они имѣли до сихъ поръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ силу изложенныхъ обстоятельствъ ослабѣла политическая дѣятельность парламентскаго комитета профессиональныхъ союзовъ. Тѣ же факты политическаго развитія доказываютъ рабочимъ, что при достигнутой степени экономического разложенія рабочей классъ одинъ только еще и въ состояніи образовать тѣсно сплоченную политическую партію. Такая партія является необходимостью для самаго парламента, чтобы составить противовѣсъ правительству, безъ котораго оно становится орудіемъ въ рукахъ авантюристовъ и кучки плутократовъ. А такъ какъ англійскіе рабочіе высоко цѣнятъ парламентаризмъ и законодательную власть, то они уже въ силу практическихъ соображеній ихъ политики на почвѣ капиталистическаго общества принуждены будутъ, рано или поздно, сплотиться въ самостоятельную рабочую партію. Капиталистическое развитіе, ставящее Англію во все болѣе затруднительное положеніе на всемірномъ рынкѣ, ускоряетъ этотъ процессъ, выдвигая на очередь вопросъ о соціальной революціи.

Политическая борьба французскихъ рабочихъ привела ихъ къ чистому революціонизму. Неоднократно борясь вмѣстѣ съ буржуазіей за государственное переустройство и столько же разъ испытывъ на себѣ ея коварное вѣроломство, они убѣдились не только въ томъ, что имѣютъ передъ собою классового противника, но въ томъ, что само буржуазное государство—организация, направленная противъ рабочихъ. На почвѣ экономической подчиненности пролетаріата капиталу равенство казалось фикціей, свобода—обманомъ, братство—ложью. Даже равноправность передъ судомъ превратилась въ рукахъ судей изъ буржуазіи въ западню для рабочихъ. Борьба партій въ парламентѣ только борьба изъ-за наживы, каждая фракція старается стать правящей, чтобы поглубже запустить руку въ государственную казну. Демократическія словопренія въ парламентѣ только самообманъ. Рабочіе съ омерзеніемъ отвернулись отъ всего этого, не желая быть орудіемъ въ рукахъ плутовъ или глупцовъ. Они стали во враждебную позицію и къ капиталистическому обществу, и къ буржуазному парламенту. Единственной политической задачей въ ихъ глазахъ явилась организация соціально-революціонной арміи пролетаріата. Захвативъ при помощи этой силы политическую власть, низвергнувъ господство капитала, реорганизовать государство въ интересахъ пролетаріата, такова ихъ программа. Политика эта оставляетъ безъ вниманія вопросъ: какими средствами достичь объединенія рабочихъ массъ? Массы объединяются не столько словеснымъ убѣжденіемъ, сколько дѣятельностью. Но чистый революціонизмъ, ставъ въ сторонѣ отъ

буржуазной политики, игнорируя ту почву, на которой въ капиталистическомъ государствѣ единственно возможна политика, отстранилъ рабочихъ отъ политической дѣятельности. Онъ въ сущности противопоставляетъ демократическимъ словопреніямъ буржуазнаго парламента—словопренія о соціальной революціи. Но подъ фразами буржуазнаго парламента кроется очень реальная капиталистическая дѣйствительность. И эта дѣйствительность давала себя чувствовать французскимъ рабочимъ въ видѣ безграничной и безконтрольной эксплуатаціи. Уже по одному этому чистый революціонизмъ не могъ стать прочной директивой. Онъ силою самихъ вещей принужденъ дѣлать уступку за уступкой, считаться съ существующими условіями, входить въ интересы политики на почвѣ капитализма—такъ мало по малу онъ незамѣтно для самого себя переходитъ въ политику третьяго образца, которую всего лучше развили нѣмецкіе рабочіе. Нѣмецкій образецъ можно характеризовать какъ использование парламентаризма въ цѣляхъ революціонизма. Сознавая классовый характеръ капиталистическаго государства, эта политика именно въ немъ находитъ точку опоры своей дѣятельности. Раскрыть этотъ классовый характеръ во всѣхъ его проявленіяхъ, на каждомъ шагу противопоставлять ему интересы рабочихъ, такимъ образомъ превращать всѣ формы и виды классового господства въ средство для поднятія классового сознанія пролетаріата, такова задача. Итакъ, то, что для чистаго революціонизма служитъ отвѣтомъ на всѣ вопросы—классовый характеръ капиталистическаго государства—для революціонизма практическаго только еще начало всѣхъ началъ. Почва борьбы противъ классового государства—сами классовыя отношенія. Борьба противъ демократической фразеологіи—раскрытіе ея классового содержанія. Поэтому рабочіе стараются проникнуть во всѣ избирательныя учрежденія, во всѣ законодательныя корпуса. Вездѣ и повсюду они являются самостоятельнымъ элементомъ, основные интересы котораго, вслѣдствіи классового положенія пролетаріата, идутъ вразрѣзъ съ интересами всѣхъ другихъ партій. Возникаютъ безчисленные конфликты, которые непрерывно привлекаютъ къ себѣ вниманіе народныхъ массъ. Рабочая партія старается политически распри среди буржуазіи расширить, довести до послѣднихъ крайностей. Она достигаетъ наконецъ того, что во всемъ обширномъ мірѣ политической общественной жизни не происходитъ ни одного факта безъ ея болѣе ранняго или болѣе поздняго вмѣшательства, и все, начиная съ большихъ политическихъ измѣненій и кончая мелкими скандалами, превращается ею въ средство социально-революціонной агитаціи.

Она, конечно, не остается также слѣпой и тому, что можно достичь въ пользу рабочихъ законодательнымъ путемъ на почвѣ капиталистическаго государства. Эта законодательная дѣятельность сводится къ слѣдующему:

1. Устраненіе всѣхъ направленныхъ противъ рабочихъ законовъ, гарантія правосудія и расширеніе политическаго вліянія рабочихъ. Сюда относится также реорганизація арміи.
2. Регулированіе нормъ эксплуатаціи.
3. Поднятіе культурнаго уровня рабочихъ. Школы и т. п.
4. Податныя реформы, чтобы снять тяжесть податей съ плечъ рабочихъ.

Но и помимо этихъ законодательныхъ мѣръ, непосредственно касающихся интересовъ рабочихъ, нѣтъ въ сущности ни одного капиталистическаго мѣропріятія, которое бы не затрагивало ихъ интересовъ. Вопросы торговой и колониальной политики, дипломатическихъ сношеній, желѣзнодорожное хозяйство, равно какъ и благоустройство городовъ—все это для рабочихъ отнюдь не безразличныя вещи. Рабочіе заинтересованы въ развитіи промышленности, какъ и въ общемъ подъемѣ культуры. Наконецъ, расширеніе государственнаго и коммунальнаго хозяйства увеличиваетъ число рабочихъ, непосредственно въ своемъ матеріальномъ положеніи зависящихъ отъ правительства и городскихъ управленій.

Заинтересованные во всемъ, рабочіе, однако, не могутъ идти вполнѣ заодно съ правительствомъ. Они ему всегда дѣлаютъ оппозицію, начиная отъ категорическаго отрицанія—въ большинствѣ случаевъ—и кончая оппозиціей въ частностяхъ. Это потому, что капиталистическое правительство, даже приводя мѣру, благоприятную для рабочихъ, какъ-нибудь да выскажетъ свой капиталистическій характеръ. А рабочіе, конечно, пользуются всякимъ случаемъ, чтобы это пристрастіе правительства сдѣлать публичнымъ. Въ общемъ классовые интересы рабочихъ идутъ вполнѣ въ разрѣзъ съ капиталистической политикой. Рабочая оппозиція, проникая повсюду, вездѣ и во всемъ открывая эксплуататорскій характеръ государственной политики, отказывая правительству въ деньгахъ, въ военныхъ средствахъ, становится возрастающей помѣхой, стѣсняющей свободу дѣйствія правительства. Ея открытая тенденція—дезорганизація капиталистическаго государства.

Начавъ обособленіемъ отъ буржуазныхъ партій, рабочая партія въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи то опять приближается къ нимъ, то болѣе расходится. Но это сближеніе рабочихъ съ буржуазіей при существованіи самостоятельной рабочей партіи носитъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ первичное сліяніе рабочихъ съ буржуазнымъ радикализмомъ. Въ виду какихъ-нибудь особенно сложившихся обстоятельствъ, временно дѣйствуя за одно съ буржуазной лѣвой, они борются за свои собственные интересы. Они пользуются буржуазной политикой, чтобы подорвать основы буржуазнаго государства, чтобы измѣнить политическое положеніе въ пользу расширенія своей классовой борьбы. Такова, на примѣръ, тактика нѣмецкой соціалдемократіи при выборахъ. Гдѣ она не

можетъ добиться самостоятельнаго представительства, она вмѣшивается въ избирательную борьбу буржуазныхъ партій, чтобы поддержать наиболѣе демократическую изъ нихъ, при чемъ по возможности она беретъ съ этой партіи опредѣленные обязательства. Случайная связь при полномъ сохраненіи собственной самостоятельности возможна также въ самой парламентской борьбѣ при отдѣльныхъ вопросахъ законодательства или правительственной политики. Но временно сойдясь съ одной буржуазной партіей противъ другихъ, социалдемократія не перестаетъ агитировать съ точки зрѣнія рабочихъ интересовъ и противъ этой партіи. Даже въ томъ вопросѣ, гдѣ она сходится съ буржуазной партіей, ея аргументація совершенно другая, потому что ея интересы другіе, интересы пролетаріата. Случайные союзы, такимъ образомъ, не мѣшаютъ тому, чтобы социалдемократія вела непрерывную, коренную борьбу противъ каждой буржуазной партіи въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ; напротивъ, они помогаютъ классовой борьбѣ пролетаріата, какъ и само участіе рабочихъ въ буржуазномъ парламентѣ, въ буржуазной политикѣ.

Парламентаризмъ только политическая форма. Но эта политическая форма, при общемъ и равномъ избирательномъ правѣ, достаточно широка, чтобы дать выраженіе вытекающимъ изъ общественныхъ соотношеній политическимъ теченіямъ. Парламентъ прежде всего, раскрываетъ разницу между капиталистическимъ классомъ и буржуазіей; онъ выводитъ наружу различіе интересовъ въ самомъ капиталистическомъ классѣ и распадѣ средней и мелкой буржуазіи на группы съ особыми интересами; въ немъ и интересы крестьянства находятъ болѣе или менѣе прямой и правдивый откликъ; наконецъ, онъ становится ареной борьбы между пролетаріатомъ и капиталомъ. Мы уже раньше указали, что капиталистическое развитіе ведетъ къ распаденію буржуазныхъ фракцій; въ такихъ странахъ какъ Германія, гдѣ еще сохранились крестьянство и отчасти мелкій торговый и ремесленный классъ, это раздробленіе тѣмъ болѣе сильно.

Социалдемократія, собирая рабочихъ вокругъ своего знамени, уничтожая индифферентизмъ массъ и отнимая избирателей у буржуазныхъ партій, еще болѣе способствуетъ разложенію и измельчанію этихъ партій. Въ особенности либеральная буржуазная оппозиція, постоянно опиравшаяся на рабочихъ, теряетъ почву подъ ногами по мѣрѣ того, какъ расширяется могущество социалдемократіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ энергія и значеніе этой оппозиціи. Она оказывается межъ двухъ огней и естественно, памятуя свою классовую связь, стремится къ сплоченію съ партіями правой, чтобы совмѣстно съ ними бороться противъ социалдемократіи. Эффектъ тотъ, что социалдемократія все болѣе и болѣе становится единственной оппозиціонной партіей. Борясь въ парламентѣ

противъ капиталистическаго характера правительственной политики, противъ эксплуататорскихъ стремленій парламентскаго большинства, противъ немощности и недобросовѣстности буржуазной оппозиціи, она не только упрочиваетъ свое положеніе среди рабочихъ, но и привлекаетъ къ себѣ демократическіе элементы со стороны. А такъ какъ къ тому же экономическое развитіе обостряетъ классовыя отношенія, то борьба между пролетаріатомъ и капиталомъ все болѣе и болѣе охватываетъ дѣятельность парламента, всю политическую жизнь страны и становится все болѣе и болѣе тормазомъ капиталистической политики государства.

Но такъ какъ парламентъ не опредѣляетъ характера государства, а самъ является опредѣляемымъ, то капиталистическій характеръ государства нисколько не измѣняется отъ парламентскаго роста социалдемократіи. На почвѣ этого государства возможно только законодательство, не нарушающее экономическихъ основъ капитализма. Таковъ также характеръ выше очерченной нами законодательной программы социалдемократіи въ буржуазномъ парламентѣ. И нельзя придумать законовъ, которые бы разрушили капиталистическій строй, покуда цѣло капиталистическое государство. Даже такія на видъ радикальныя мѣры, какъ государственная монополизация производства, на почвѣ капиталистическаго государства дѣлаютъ только государственную власть орудіемъ эксплуатаціи рабочихъ. По той же основной причинѣ весь характеръ государственной дѣятельности измѣняется, когда государственная власть оказывается въ рукахъ пролетаріата.

Разъ государственная власть въ рукахъ рабочихъ, то та же государственная монополія превращается въ коллективное производство, потому что пролетаріатъ какъ классъ не можетъ быть своимъ собственнымъ эксплуататоромъ. Суть не въ измѣненіи состава парламента, а въ перераспределеніи политическихъ силъ страны. Но это распределеніе находитъ свое конечное выраженіе въ измѣненіи составѣ парламента. Обыкновенно этому предшествуетъ эпоха политическихъ смутъ.

Социалдемократія всей своей дѣятельностью ставитъ на очередь вопросъ о социальной революціи. Конечно, это не исключаетъ возможности измѣненій и отклоненій въ идейномъ выраженіи ея исторической борьбы. Бываютъ періоды усиленнаго подъема и относительнаго упадка, моменты воодушевленія, когда она поражаетъ смѣлостью своихъ плановъ, моменты депрессіи, когда кажется, что она теряется въ мелочахъ. Ея политика находится подъ вліяніемъ общаго хода историческихъ событій, экономического и политическаго развитія. Но характерно, что всѣ сознательныя уклоненія отъ характеризованной нами политики до сихъ поръ неминуемо терпѣло фіаско. Отклоненія влѣво вели къ чистому революціонизму и тутъ превращались въ ничто. Отклоненія вправо мало

по малу подходили къ буржуазному радикализму и съ нимъ сливались. Дѣйствительно, внѣ идеи социальной революціи существованіе социалдемократіи теряетъ свой смыслъ, становится непонятнымъ ея отдѣленіе отъ демократической буржуазіи и все ея развитіе.

Какъ извѣстно, нѣмецкій образецъ политической борьбы пролетаріата нашелъ наибольшее интернаціональное распространеніе. Политика нѣмецкой социалдемократіи сознательно усваивается рабочими партіями другихъ странъ. Это было бы невозможно, если бы эта политика не соответствовала общимъ историческимъ задачамъ классовой борьбы пролетаріата.

III.—Лассаль и начало социалдемократіи.

Вернемся къ нашему «критическому изслѣдователю».

Лассаль, этотъ практическій политикъ (*parexcellence*), въ изображеніи г. Прокоповича является безпочвеннымъ фантастомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ авторъ его разламываетъ на двѣ части, другъ другу противоположныя. «Рѣзкое противоположеніе реформы и революціи, отрицательное отношеніе ко всякой реформѣ — вотъ идеи руководящія Лассалемъ... Вѣра «во внутреннюю необходимость развитія», совершающагося «подъ оболочкой чисто внѣшнихъ матеріальныхъ условій», привела Лассалья къ социалистическому радикализму, мало считающемуся съ міромъ дѣйствительности. Отнеся причину развитія на саморазвивающій духъ народа, Лассаль былъ склоненъ игнорировать окружающія условія. Онъ игнорировалъ игру частныхъ, индивидуальныхъ интересовъ, эту двигающую силу исторіи». Съ другой стороны, «дѣйствительно улучшить положеніе рабочаго класса могутъ, по мнѣнію Лассалья, лишь производительныя товарищества... «Подобно Шульце», онъ стремился къ устройству отдѣльныхъ самостоятельныхъ товариществъ, а не къ государственному урегулированію производства». Итакъ, Лассаль революціонеръ, абсолютно отрицающій реформы, стоитъ рядомъ съ Шульце, буржуазнымъ реформаторомъ, противъ котораго онъ ожесточенно боролся!

Что Лассаль не стремился «къ государственному урегулированію производства», разумѣется только умствованіе нашего строгаго изслѣдователя. Лассаль сдѣлалъ въ своихъ расчетахъ на продуктивныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ теоретическую ошибку. Это давно всѣмъ извѣстно. Но его ошибка именно въ томъ и состояла, что онъ думалъ посредствомъ такихъ ассоціацій дойти

до «государственного урегулированія производства». Можно въ этомъ, вмѣстѣ съ Мерингомъ, видѣть отклоненіе въ сторону мѣщанскаго социализма, но не видѣть разницы въ отношеніи Лассалья и отношеніи Шульце къ ассоціаціямъ можетъ только «критическій изслѣдователь», который изъ всего, напечатаннаго Лассалемъ, ничего кромѣ обложекъ не читалъ. Господинъ Прокоповичъ ссылается на Меринга. Мерингъ же говоритъ на стр. 31-ой второго тома своей «Исторіи нѣмецкой социалдемократіи»: «въ вопросѣ объ ассоціаціяхъ Лассаль стоялъ на одной точкѣ зрѣнія съ Марксомъ и Энгельсомъ». На стр. 32-й слѣдуетъ то мѣсто, на которое ссылается нашъ авторъ: «однако-же въ этомъ вопросѣ былъ одинъ пунктъ, гдѣ Лассаль отклонялся отъ современнаго социализма и возвращался къ представленіямъ мѣщанскаго социализма». На этой страницѣ Мерингъ сообщаетъ, что Лассаль воспользовался идеей ассоціаціи, чтобы дать рабочимъ нѣчто конкретное, такъ какъ не могъ раскрыть своей конечной цѣли: «устраненія собственности на капиталъ и ренту». На стр. 33, ссылается на письма Лассалья къ Ротбертусу, чтобы доказать, что Лассаль въ своихъ ассоціаціяхъ съ государственнымъ кредитомъ видѣлъ только «средство къ цѣли, къ обобществленію производства». У Бернштейна, на котораго г. Прокоповичъ также ссылается, онъ нашелъ бы тоже самое, если бы прочиталъ немножко дальше того мѣста, которое ему попалось на глаза и связи котораго не понимаетъ. Онъ цитируетъ стр. 138. На стр. 136 Бернштейнъ пишетъ: «Лассаль вполне сознавалъ, что... ассоціаціи прежде всего создали бы новое неравенство. Именно принимая это во вниманіе, Лассаль, какъ онъ и самъ постоянно утверждалъ при изложеніи своего проекта, старательно избѣгалъ слова «разрѣшеніе социального вопроса». На стр. 139: «Лассаль хотѣлъ обобществленія производства и средствъ производства». Бернштейнъ указываетъ между прочимъ, что Лассаль хотѣлъ, при развитіи ассоціацій, государственной организаціи сбыта и государственной монополизациі ренты.

Вся суть агитаціи Лассалья въ стремленіи соединить политику пролетаріата на почвѣ буржуазнаго парламентарнаго государства съ организаціей социальной революціи. До него представленіе о социально-революціонной дѣятельности пролетаріата на европейскомъ континентѣ было неразрывно связано съ представленіемъ о политической революціи; она (эта дѣятельность) только проявлялась взрывами во время этихъ общихъ катастрофъ. Внѣ этого оставалась только теоретическая пропаганда. Лассаль задумалъ создать изъ социально-революціонной энергіи пролетаріата политическій факторъ и внѣ политической революціи. Поэтому въ центрѣ его агитаціи стоитъ борьба за избирательное право. Онъ не игнорируетъ историческаго момента политической революціи, онъ къ нему готовился, но въ основу своей тактики онъ кладетъ не политическій кри-

зись, а общий ходъ государственной политики буржуазнаго общества, ведущій къ кризису, но существующій и внѣ его, обуславливающий его. Ему не принадлежитъ первенство этой идеи, она вполне въ духѣ Коммунистическаго Манифеста, но онъ первый ее реально осуществилъ въ Германіи; онъ же первый положилъ основы тактики рабочей партіи.

Краеугольными камнями этой тактики онъ поставилъ: съ одной стороны, требованіе государственнаго кредита для продуктивныхъ ассоціацій. Въ обоихъ случаяхъ онъ примѣнялся къ тому, что существовало, стремясь воспользоваться этимъ въ цѣляхъ классовой политики пролетаріата. Косвенные налоги въ его глазахъ не только предметъ непосредственнаго интереса для рабочихъ, но наглядное доказательство того, какъ буржуазія въ своихъ интересахъ пользуется государственной властью, откуда вытекаетъ, что рабочіе должны въ свою очередь стараться добиться государственной власти. Тотъ же приемъ въ его отношеніи къ ассоціаціямъ. Онъ видитъ успѣхъ Шульце—Делича. И вотъ онъ выдвигаетъ идею государственнаго кредита, чтобы эту агитацію, насколько она касается рабочихъ, въ пользу завоеванія государственной власти. Лассаль, такимъ образомъ, отнюдь не агитировалъ за правительство, наоборотъ, онъ агитировалъ противъ правительства, онъ доказывалъ рабочимъ своей идеей государственнаго кредита, необходимость рабочаго правительства. Государственную помощь ассоціаціямъ былъ вовсе не прочъ дать и Бисмаркъ. Онъ ее предлагалъ черезъ рабочаго Эйхлера. Но когда онъ потомъ вошелъ въ сношенія съ Лассалемъ, этотъ требовалъ совсѣмъ другого: избирательнаго права для рабочихъ.

Бернштейнъ дѣлаетъ Лассалю упрекъ, что имѣлъ идеологическое понятіе о «государствѣ» и внушилъ рабочимъ полумистическое почитаніе государства. Между прочимъ, замѣйте себѣ это г. Прокоповичъ!

Но Бернштейнъ спорить противъ слова. Гдѣ Лассаль говоритъ «государство», нужно понимать политическую власть. Лассаль очень хорошо зналъ, что характеръ государства опредѣляется классовыми отношеніями, онъ кладетъ это въ основу всей своей аргументаціи. Онъ ждетъ осуществленія своихъ идеаловъ не отъ государства вообще, а только—это онъ самъ многократно повторялъ—отъ государства, которымъ править пролетаріатъ.

Вспомнимъ, какъ Лассаль самъ характеризовалъ положеніе дѣлъ послѣ полученія рабочими избирательнаго права. «Тогда это требованіе государственной помощи рабочимъ производительнымъ ассоціаціямъ въ ихъ борьбѣ противъ капиталистическаго производства будетъ поднято въ законодательныхъ собраніяхъ, тогда будутъ, пожалуй, обсуждаться границы и формы, и средства этого вмѣшательства, тогда—вы можете на это положиться—будутъ

стоять на нашей сторонѣ люди, вооруженные свѣтлымъ оружіемъ науки, понимающіе ваше положеніе, преданные вашему дѣлу, и знающіе, какъ защитить ваши интересы. Тогда вы, немущіе классы общества, уже во всякомъ случаѣ, должны будете приписать себѣ самимъ, своему скверному выбору, если представители вашихъ интересовъ надолго останутся въ меньшинствѣ. Итакъ, общее и прямое избирательное право, какъ оказывается, не только вашъ политическій, но и вашъ социальный основной принципъ, коренное условіе всякой социальной помощи. Это единственное средство улучшить матеріальное положеніе рабочаго сословія».

Такъ оно и вышло. Избранные пролетаріатомъ представители отбросили вскорѣ идею ассоціацій, какъ неподходящее средство, и замѣнили ее фабричнымъ законодательствомъ, въ связи съ открытымъ требованіемъ о обществленіи средствъ производства. Это было совершенно въ духѣ программы Лассалья.

Лассаль, конечно, не былъ противникомъ фабричнаго законодательства. Онъ, вообще, радовался каждому законодательному требованію, въ которомъ проявлялось классовое самосознаніе пролетаріата. Борьба Лассалья съ прогрессистами изъ-за производительныхъ ассоціацій была борьбой принципиальной: борьбой изъ-за того, должна ли государственная власть вмѣшиваться въ отношенія между капиталистами и рабочими или нѣтъ. Весь споръ Лассалья съ прогрессистами сводился къ одному: быть или не быть самостоятельной рабочей партіи, съ практической программой дня, съ революціоннымъ идеаломъ будущаго. И онъ создалъ эту партію. Соціалдемократія только развила и исправила тѣ основы, которыя положилъ Лассаль.

Но, именно, отдѣленіе отъ прогрессистовъ господину Прокоповичу и не нравится. Такимъ образомъ, говоритъ онъ, Лассаль помогъ только реакціи. Это значитъ, нашъ безпристрастный изслѣдователь повторяетъ, не провѣривъ клевету, выдуманную прогрессистами. Оппозиція прогрессистовъ рухнула, потому что она не имѣла исходнаго пункта и потому что вся ея опора была въ избирательномъ цензѣ, дававшемъ буржуазіи большинство въ ландтагѣ. Чтобы поддержать прогрессистовъ, рабочіе должны были бы отказаться не только отъ собственной политики, но и отъ избирательнаго права, отъ политической дѣятельности вообще. Прогрессисты держались цѣпко за цензъ, а рабочихъ даже не хотѣли допустить въ свои организаціи. Каковъ былъ бы результатъ, если бы рабочіе себя политически кастрировали? Бисмаркъ все же провелъ бы свою программу. Чѣмъ могли ему помѣшать прогрессисты? Они говорили страшныя слова, но о революціи такъ же мало думали, какъ о привлеченіи рабочихъ массъ къ активной политикѣ. Поэтому же Бисмаркъ и могъ хладнокровно смотрѣть на ихъ политическія

потуги. А затѣмъ, такъ или иначе, австрійская война положила бы конецъ радомонтадѣ, какъ оно и было на самомъ дѣлѣ. И что же дальше? Тутъ незачѣмъ пускаться въ спекуляціи, конкретные факты показываютъ результатъ развитія. Въ прусскомъ ландтагѣ нѣтъ социалдемократіи, въ рейхстагѣ социалдемократія. Но куда же дѣвалось либеральное большинство ландтага? Исчезло, стерто, и не путемъ продолжительнаго развитія, а сейчасъ же послѣ австро-нѣмецкой войны.

Либеральная буржуазія прямо оттолкнула отъ себя рабочихъ. Но если бы даже этого не было, рабочіе не могли бы съ ней идти вмѣстѣ, потому что ея путь велъ къ національ-либерализму. И вотъ, послѣ того, какъ нѣмецкій либерализмъ у всѣхъ на глазахъ 20 лѣтъ былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Бисмарка, господинъ Прокоповичъ, критически изслѣдуя, преподноситъ публикѣ старую ложь, будто Лассаль игралъ въ руку Бисмарку!

Лассаль хотѣлъ воспользоваться конфликтомъ между прогрессистами и правительствомъ Бисмарка, чтобы добиться избирательнаго права для рабочихъ. Если бы ему это удалось, то общее теченіе политики, конечно, не измѣнилось бы, но, внѣ всякаго сомнѣнія, прусскій ландтагъ носилъ бы въ наши дни несравненно болѣе демократическій характеръ. Вотъ какъ Лассаль служилъ реакціи.

И вообще-то Лассалю незачѣмъ было политикой заниматься, по мнѣнію г. Прокоповича. Рано еще было, обстоятельства не созрѣли. Доказываетъ онъ это тѣмъ же скоропалительнымъ способомъ, какимъ сочинилъ экономическій строй домартовской Германіи. Всякій, кто какъ-нибудь словомъ обмолвился объ относительно недостаточномъ капиталистическомъ развитіи Германіи, является въ этомъ «критическомъ развитіи» лжесвидѣтелемъ въ пользу того, что агитація Лассалья была не ко времени. Напримѣръ, Мерингъ, хотя онъ начинаетъ свое изложеніе агитаціи Лассалья словами: «Вслѣдствіе быстрого прогресса нѣмецкой индустріи со времени мартовской революціи произошли большія измѣненія въ рабочихъ классахъ». Въ томъ мѣстѣ, на которое нашъ авторъ есылается, Мерингъ говоритъ, что, именно благодаря недоразвитости капиталистическаго общества, теоретически не вполне безупречная агитація Лассалья имѣла «сильное вліяніе», т. е. какъ разъ обратное тому, что утверждаетъ господинъ Прокоповичъ. Или же Парвусъ указываетъ на то, что индустріальное производство на внѣшній рынокъ въ Германіи сравнительно недавно получило экономическій перевѣсъ — ergo, агитація Лассалья была преждевременна. Но штучку уже совсѣмъ особаго рода позволилъ себѣ г. Прокоповичъ по отношенію къ Либкнехту. Онъ утверждаетъ, будто бы Либкнехтъ потому отсталъ отъ Лассалья, что считалъ капиталистическія отношенія еще недостаточно развитыми для

соціалистическаго движенія, и что онъ поэтому присталъ къ «лѣвому крылу прогрессистовъ», и добавляетъ: «именно такъ объясняетъ свое поведеніе самъ Либкнехтъ». Ничего подобнаго Либкнехтъ никогда не говорилъ, а говорилъ какъ разъ наоборотъ. Либкнехтъ никогда не былъ въ «лѣвомъ крылѣ прогрессистовъ»; онъ присталъ къ «Саксонской Народной Партіи», ничего общаго съ прусскими прогрессистами не имѣвшей, чтобы обратить составлявшихъ ее рабочихъ въ социализмъ, что ему, какъ извѣстно, съ блестящимъ успѣхомъ удалось. Онъ присталъ было къ Лассалю изъ-за оппозиціи противъ прогрессистовъ; онъ отсталъ отъ него помимо прочаго потому, что ему самъ Лассаль въ нѣкоторыхъ вопросахъ показался зараженнымъ «прогрессистски-демократическими» тенденціями. Послѣднее, со словъ самаго Либкнехта, нашъ добросовѣстный историкъ могъ прочесть у Меринга, т. II стр. 77. Но зачѣмъ читать цѣлыхъ 77 страницъ капитальнаго труда? Чтобы получить цитаты, достаточно перелистовать. Вся суть въ томъ, чтобы, отбросивъ теоретическія предпосылки, брать какъ разъ то, что нравится, ничего другого не замѣчать, а все остальное сочинять. Оно и скоро, и споро.

Одна изъ причинъ могучаго развитія нѣмецкой социалдемократіи несомнѣнно та, что нѣмецкіе рабочіе относительно рано организовались въ самостоятельную политическую партію съ социальнореволюціонной программой. Она, конечно, этимъ самымъ подорвала значеніе буржуазнаго либерализма, еще болѣе — мѣщанской демократіи и прижала обоихъ къ стѣнѣ. Но она подняла на ноги, сплотила, пробудила къ политической жизни массы рабочихъ, которые безъ того остались бы внѣ политики, равнодушными и апатичными. А это гораздо большій оплотъ политической свободы и демократіи, чѣмъ какой могло бы дать даже либеральное большинство въ парламентѣ. За примѣромъ недалеко ходить: прогрессисты и прусскій конфликтъ! Уже не говоря о социальной революціи, то обстоятельство, что въ Германіи организованный пролетаріатъ стоитъ на стражѣ конституціи, дѣло социалдемократіи, дѣло Лассалья.

IV.—Соціалдемократія и революціонизмъ.

Если Лассаль въ глазахъ г. Прокоповича двоится, то социалдемократія рассказывается во всѣ стороны. Тутъ — одна безпорядочность, недозрѣлость. Вообще все, что подходитъ подъ линейку нашего «критическаго изслѣдователя», занятую имъ у Бернштейна, то созрѣло; что не подходитъ, объясняется недостаточнымъ разви-

тіємъ капитализма. Ошибочны исходные пункты соціалдемократіи, ошибочна ея конечная цѣль, вся ея теорія ненаучна—въ ней нѣтъ ни «грана» научности. И посреди всего этого недоразвитія, недомыслия, незрѣлости, противорѣчій и чепухи соціалдемократія все растеть да растеть. И зачѣмъ растеть, опять таки неизвѣстно. Потому что условія для соціальной революціи—не созрѣли, да никогда и не созрѣютъ! Вся соціалдемократія сплошная ошибка. Должна бы она быть буржуазной демократической партіей. Развилась она совсѣмъ не въ ту сторону. Перепутала старушка исторію дороги. Теперь назадъ ворочаться придется, въ лоно буржуазіи. И г. Прокоповичъ сочиняетъ обратное движеніе.

Читатель знаетъ, что суть соціалдемократической тактики въ синтезѣ реформизма и революціонизма въ томъ, чтобы самыя реформы на почвѣ капиталистическаго общества обратить въ средство соціально-революціонной агитаціи. Кто не далъ себѣ труда вникнуть въ эту—связь, разумѣется, вездѣ будетъ видѣть одни противорѣчія.

Начать съ разницы между тактикой и принципомъ. Тактика примѣняется къ обстоятельствамъ. Г. Прокоповичъ отсюда умозаключаетъ, что принципъ отрѣзывается какъ лишній ломоть. Ничуть не бывало! Тактика, примѣняясь къ каждодневно мѣняющимся обстоятельствамъ, все же самой практикой приводитъ—къ принципу, доказываетъ вѣрность общаго исходнаго пункта. Какъ бы Вамъ это объяснить, г. Прокоповичъ? Если изъ Петербурга пойти пѣшкомъ въ Выборгъ, то надо итти на сѣверозападъ. Это принципъ, дающій направленіе. Но по дорогѣ встрѣтятся разныя препятствія: придется итти узаконеннымъ путемъ, ибо черезъ заборы перелѣзть не всегда возможно, путь быть можетъ не разъ отклонится въ сторону, придется на холмы взбираться, рѣки переплывать, обходить трясины, а иной разъ и тяжелый возъ встрѣтится, заставляющій свернуть въ сторону, да и мало ли еще что. Всего этого, съ точки зрѣнія исходнаго и конечнаго пункта, нельзя знать заранѣе, нужна тактика, примѣняющаяся къ обстоятельствамъ. Сталъ ли излишнимъ отъ этого принципъ? А вотъ попробуйте пойти въ другую сторону, и никогда вы въ Выборгъ не попадете, или же попадете, только обошедши раньше весь земной шаръ.

Нужно ли разъяснять такого рода «противорѣчія», какъ напримѣръ, что соціалдемократія, требуя реформъ, не ждетъ отъ нихъ серьезныхъ измѣненій въ классовыхъ отношеніяхъ, не удовлетворяется ими, или что она въ своей ближайшей законодательной программѣ считается съ тѣмъ, что осуществимо въ буржуазномъ обществѣ, а не съ тѣмъ, за что данное буржуазное большинство парламента сейчасъ же готово было голосовать? Последнее, между прочимъ, свойственно не только соціалдемократіи, но и всякой оппозиціонной партіи съ серьезными интересами. Только оппозиція,

чисто формальная и безцвѣтная, какъ нѣмецкій національ-либерализмъ, превращаетъ примѣненіе къ условіямъ въ ту тактику, которую нашъ сатирикъ назвалъ «примѣнительно къ подлости». А г. Прокоповичъ не понимаетъ!

Разорвавъ связь между реформизмомъ и революціонизмомъ соціалдемократіи, конечно, не трудно приписывать ей тенденцію въ сторону реформизма, или въ сторону безпочвеннаго революціонизма—какъ вздумается. Дѣло это очень простое, а господинъ Прокоповичъ и его упростилъ. Поймалъ на лету изъ происходившихъ за послѣднее время среди соціалдемократіи преній нѣсколько именъ, списалъ на бумажку и съ этимъ листкомъ въ рукахъ производилъ распределеніе фактовъ: все то, за что выступаетъ Ауэръ, Фольмаръ, Шиппель, а тѣмъ паче, Бернштейнъ, это реформизмъ и соответствуетъ развившимся условіямъ; а остальные въ сущности тоже реформисты, только они этого не знаютъ, не поняли самихъ себя. И вообще съ развитіемъ соціалдемократіи ея революціонизмъ все болѣе уступаетъ мѣсто реформизму.

Посмотримъ! Первымъ шагомъ соціалдемократіи къ реформизму была, по мнѣнію Прокоповича, ея поддержка профессиональной борьбы. Читатель знаетъ, что само профессиональное движеніе есть классовая борьба и ведетъ къ организаціи соціально-революціонной партіи.

Но помимо этого, какъ же это такъ, вѣдь профессиональное движеніе рабочихъ нѣмецкая соціалдемократія поддерживаетъ съ самаго своего существованія, только эпигоны Лассаліанизма относились къ нему недовѣрчиво, такъ какое же тутъ развитіе къ реформизму? Но какъ объяснить слѣдующее: когда въ началѣ 90-хъ годовъ настроеніе соціалдемократіи—но, конечно, только настроеніе—было не особенно расположено къ профессиональной борьбѣ, наиболѣе рѣзкимъ выразителемъ его на Кельнскомъ конгрессѣ явился кто же? Ауэръ. Выходитъ, что Ауэръ отъ реформизма дошелъ до чистаго революціонизма! Имя Ауэра въ другомъ мѣстѣ совсѣмъ таки уже сквернымъ образомъ сбиваетъ съ толку нашего «критическаго изслѣдователя». Понадѣявшись на то, что Ауэръ былъ въ Берлинѣ референтомъ по вопросу объ ассоціаціяхъ и составилъ принятую тогда резолюцію, онъ утверждаетъ, что это было «сочувственное устройству производительныхъ товариществъ постановленіе». А было какъ разъ наоборотъ, это была самая рѣзкая резолюція противъ производительныхъ ассоціацій, которую партія когда-либо приняла. Уже цитируемое господиномъ Прокоповичемъ мѣсто говоритъ въ сущности противъ него, но непосредственно за этимъ въ резолюции значится: «а затѣмъ члены партіи должны противиться устройству ассоціацій и въ особенности бороться противъ представленія, будто ассоціаціи въ состояніи повліять на капиталистическія условія производства, улучшить клас-

совое положеніе рабочихъ, устранить или смягчить политическую или профессиональную борьбу рабочихъ». Вообще Ауэръ въ Берлинѣ въ 1892 году выступилъ самымъ узкимъ доктринеромъ. Мы готовы повѣрить г. Прокоповичу, что онъ рѣчи Ауэра не читалъ, но какъ же онъ пропустилъ такія ясныя слова резолюціи, непосредственно слѣдующія за его цитатой? Чтобы не предположить худшаго, предполагаю, что онъ не читаетъ по нѣмецки.

И не знаетъ нашъ историкъ, очевидно, также и того, что Ауэръ былъ однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ противниковъ крестьянской программы. Въ Бреславлѣ, правда, Ауэръ не взялъ слова, но съ тѣмъ большей ясностью высказалъ свое мнѣніе за годъ до того въ Франкфуртѣ, противъ Фольмара.

О голосованіи во Франкфуртѣ нашъ историкъ между прочимъ сообщаетъ невѣрное свѣдѣніе. Онъ говоритъ, что противъ Фольмара высказалось только 103 голоса, изъ 234. Въ такомъ случаѣ очевидно была бы принята резолюція Фольмара. На самомъ дѣлѣ выставленная партіей Фольмара резолюція провалилась, потому что получила только 93 голоса противъ 142. Резолюція противной стороны разстроилась изъ-за формальнаго несогласія: 38 человекъ хотѣло болѣе мягкой формы осужденія тактики Фольмара — этимъ воспользовалось меньшинство, чтобы искуснымъ маневромъ аннулировать голосовку.

Уже самая постановка вопроса объ агитаціи среди сельского населенія, признаніе, что социалдемократія не есть только партія индустріальныхъ рабочихъ, по мнѣнію г. Прокоповича, стало возможно только въ послѣднее время, какъ результатъ реформизма. И не знаетъ онъ того, что уже базельскій конгрессъ «Интернаціональной Ассоціаціи Рабочихъ» выставилъ аграрную программу, которую Энгельсъ потомъ подробнѣе развилъ въ предисловіи къ «Крестьянской Войнѣ», и что уже въ 70-хъ годахъ вопросъ о сельской агитаціи разбирался въ социалдемократической прессѣ.

Мы не требуемъ отъ господина Прокоповича, чтобы ему были извѣстны подробности о сельской агитаціи нѣмецкой социалдемократіи. Но такъ какъ онъ приводитъ данныя о выборахъ 1898-го года, то долженъ былъ бы знать, что во всѣхъ крестьянскихъ округахъ Баваріи—поле дѣятельности Фольмара—социалдемократія потеряла голоса и что наоборотъ, большой, поразившій всѣхъ ростъ числа голосовъ произошелъ среди сельского пролетаріата восточной Пруссіи. Таково «критическое» отношеніе нашего необременнаго теоретическими предпосылками изслѣдователя фактамъ. Какъ онъ оперируетъ съ цитатами мы также знаемъ. Неудивительно поэтому, что всякій, кто какъ-нибудь высказался за необходимость расширенія практической дѣятельности социалдемократіи, фигурируетъ въ книжкѣ господина Прокоповича какъ реформистъ.

Партія растетъ и расширяетъ свою дѣятельность. Съ новыми силами возникаютъ новыя возможности, ихъ обсуждаютъ. Съ какой точки зрѣнія? Да именно съ точки зрѣнія связи между каждодневной политикой и революционными задачами классовой борьбы пролетаріата. Бываютъ ошибки въ ту или другую сторону. Приходится вѣдь оцѣнивать квантитативныя отношенія, предугадывать настроеніе массъ, ихъ воспримчивость, тактику противниковъ и т. п. Въ общемъ социалдемократія постоянно гораздо охотнѣе готова была пренебречь успѣхомъ дня, чѣмъ поставить на карту социально-революционное самосознаніе рабочихъ массъ. Поэтому всякій разъ, когда достигнутъ былъ новый этапъ въ развитіи могущества партіи, она съ необычайной осторожностью, съ величайшимъ недоувѣріемъ подходила къ новой ситуаци и медлила ею воспользоваться. Въ этомъ какъ нельзя болѣе высказывается политика экономически угнетеннаго класса, который противъ всего на сторожѣ. Это особенно ярко сказалось въ вопросѣ о прусскомъ ландтагѣ.

Когда социалдемократія была численно ничтожной партіей, ея участіе въ выборахъ при прусской трехклассной системѣ могла бы привести къ полной неудачѣ и къ деморализаціи массъ. Положеніе измѣнилось, когда въ рядахъ социалдемократіи оказались миллионы.

Но все же партія не довѣряла своимъ силамъ. Она не была увѣрена удастся ли поднять массы на ноги при открытой баллотировкѣ и удастся ли достать необходимые при косвенныхъ выборахъ нѣсколько тысячъ «выборщиковъ второго порядка», которые, разумѣется, явились бы мишенью для нападокъ «юнкеровъ» и правительственныхъ органовъ. Въ этомъ лежалъ центръ тяжести вопроса. Что касается принципиальной стороны, то, вѣдь социалдемократія при каждой баллотировкѣ голосуетъ не только за свободомыслящихъ, но и за ультрамонтановъ, и за либераловъ. Въ Кельнѣ вопросъ еще не имѣлъ такого актуальнаго интереса. Но когда въ Саксоніи измѣнили выборное право на прусскій манеръ, когда направленный противъ социалдемократіи законопроектъ, провалившійся въ рейхстагѣ, чуть было не былъ принятъ въ прусскомъ ландтагѣ—недоставало только 6 голосовъ—то на это посмотрѣли другими глазами. И то еще рѣшились въ началѣ только на экспериментъ. Не станемъ передавать подробностей. Укажемъ только на то, что среди самыхъ приверженцевъ участія въ выборахъ было два направленія. Ауэръ (который въ Кельнѣ еще былъ противъ) предлагалъ, чтобы уже при основныхъ выборахъ, т. е. выборахъ «выборщиковъ второго порядка», голосовать за свободомыслящихъ. Другая сторона требовала при основныхъ выборахъ самостоятельныхъ кандидатуръ, мотивируя это тѣмъ, что только подъ знаменемъ социалдемократіи можно поднять массы; а «выборщики второго порядка» должны потомъ поддерживать крайнюю лѣвую ландтага. Практика при выборахъ 1898-го года показала

вполнѣ справедливость разсужденія, и конгрессъ въ Майнцѣ окончательно установилъ эту тактику которую съ самаго начала защищала Sächsische arbetterleittang въ Дрезденѣ.

Заключеніе.

Мы не станемъ останавливаться на теоретическомъ изничтоженіи научнаго социализма, предпринятомъ г. Прокоповичемъ. Отрицая въ пику марксизму самый фактъ капиталистическаго перепроизводства, и это наканунѣ промышленнаго застоя, когда фабриканты закрываютъ фабрики или сокращаютъ рабочіе часы, не находя сбыта для произведеннаго товара, онъ вполнѣ наглядно побиваетъ самого себя. Замѣтить надо, что его цитата изъ «Эрфуртской программы» Каутскаго, цитата, говорящая объ общемъ противопоставленіи расширенія капиталистическаго производства «сокращенію» капиталистическаго рынка—фальсификатъ. Каутскій говоритъ только о возможномъ сокращеніи рынка европейской индустріи подъ вліяніемъ американской, австралійской конкуренціи. Существованія арміи безработныхъ г. Прокоповичъ почему то не рѣшается отрицать. Разумѣется, такъ какъ марксизмъ вочто бы то ни стало долженъ оказаться неправымъ, то, по мнѣнію г. Прокоповича, хотя вопросъ о безработныхъ до сихъ поръ на капиталистической почвѣ и не разрѣшенъ, но—будетъ разрѣшенъ. На этотъ разъ мы готовы сдѣлать всѣмъ практикамъ социальной реформы пріятный сюрпризъ: вопросъ о безработныхъ уже разрѣшенъ. Во всей Германіи всякій, не имѣющій работы и средствъ къ жизни, не только имѣетъ право на государственную поддержку, но обязанъ принять ее, даже если бы не хотѣлъ ея. Очевидно, государство не желаетъ принять на себя отвѣтственности за голодную смерть. Итакъ, государство собираетъ безработныхъ, даетъ имъ пищу и кровъ, даетъ имъ также работу. Эта помощь государства называется р а б с ч и м ъ д о м о м ъ, котораго безработные избѣгаютъ какъ чумы. Вопросъ о безработицѣ капитализмъ разрѣшаетъ рабочимъ домомъ, какъ вопросъ о преступленіи тюрьмой, вопросъ о проституціи домомъ терпимости, вопросъ о смертности расширеніемъ кладбищъ.

Читатель на основаніи нашей схемы рабочаго движенія безъ труда и самъ раскроетъ конструированные г. Прокоповичемъ, или перенятые имъ у другихъ, противорѣчія между профессиональнымъ и политическимъ движеніемъ, между болѣе или менѣе скверно оплаченными слоями рабочихъ и т. п.

Конечно, г. Прокоповичъ самъ по себѣ не стоилъ бы того,

чтобы имъ заняться—мало ли кто чего напутаетъ. Но онъ интересенъ не какъ индивидуумъ, онъ интересенъ какъ типъ И. С. Тургеневъ замѣтилъ, что русскій человѣкъ не только что шапку, но и мозги носить набекрень. Вотъ попадаетъ этакій-то «съ мозгами набекрень» за границу, въ Германію, побываетъ въ нѣсколькихъ собраніяхъ, почитаетъ газеты, книжки, толкомъ не разберется, нахватается модныхъ фразъ, и пошелъ чудить!

Г. Прокоповичъ изъ всей той кучи книгъ, которую цитируетъ, и одной порядкомъ не прочиталъ. Хотя и дѣлаетъ видъ будто стремится къ высшей объективности, намѣренъ считаться только съ фактами, но на самомъ дѣлѣ онъ фактовъ не изучалъ, а выкраивалъ ихъ съ точки зрѣнія немудреныхъ теоретическихъ предпосылокъ, которыя захватилъ у Бернштейна: социализмъ туманная будущность, въ которой никакой чертъ не разберется. Вся суть въ практической дѣятельности настоящаго. Между прочимъ, онъ такимъ образомъ, безсознательно совершилъ интересный экспериментъ: примѣнилъ тактику Бернштейна къ прошлому. И вотъ социалдемократія въ самыхъ своихъ исходныхъ пунктахъ и въ своемъ послѣдовательномъ развитіи оказалась ошибкой. Но такъ какъ социалдемократія историческій фактъ, то этимъ, очевидно, только доведена до абсурда и тактика Бернштейна. Оказалось, что съ этой точки зрѣнія социалдемократію понять нельзя. Г. Прокоповичъ разумѣется, этого не понимаетъ и не замѣчаетъ. Заломивъ шапку набекрень, онъ выбиваетъ трепака по рабочему вопросу.

Не всѣ господа Прокоповичи попадаютъ въ литературу. Дѣло случая. Но въ литературѣ ли, въ жизни ли, всѣ они имѣютъ одну общую черту хлесткости, основанной на узости—какъ хлестокъ и узокъ щелкающій кнутъ, хлесткости, основанной на ограниченной неспособности видѣть болѣе, чѣмъ одну сторону явленія. Въ ихъ недомыслии лежитъ ихъ самоувѣренность. Они не ломаютъ своей головы надъ сложными вопросами, они все разрѣшаютъ просто и скоро. Не понимая вѣковой работы философской мысли («теоріи»), они относятся къ ней съ злобствующимъ озорничествомъ. Они всегда были и будутъ, и носятся надъ поверхностью общественной жизни, какъ комары лѣтнимъ вечеромъ надъ рѣкой, такіе же жужжащіе и назойливые. Направленіе? Его опредѣляетъ дуновение вѣтра! Сегодня реформизмъ, завтра анархизмъ.

Именно, благодаря своей легковѣсности они являются хорошими показателями поверхностныхъ теченій, но ужъ, разумѣется, не направленія рѣкъ и движенія водъ морскихъ.

Государственный переворотъ и политическая массовая стачка.

Введение.

Въ борьбѣ германскихъ охранительныхъ партій противъ «внутренняго врага» наступило затишье. Временное отступление реакціи послѣ печальнаго исхода Umsturzoerlage (законопроекта о крамолѣ) было вполне естественно. Но къ этой причинѣ присоединились условія внѣшняго политическаго положенія. Вниманіе сильныхъ міра сего—этихъ въ воображеніе своемъ—великихъ государственныхъ мужей и завоевателей міра на словахъ—отвлечено другими предметами. Они носятъ съ грандіозными планами, сущность которыхъ, правда, пока еще не ясна для нихъ самихъ. Но одно не подлежитъ сомнѣнію: эти планы требуютъ крупныхъ суммъ. Въ виду этого нежелательно усиливать недовольство народныхъ массъ. Правительство уступаетъ этому настроенію близкихъ къ нему круговъ и старается придать своему лицу болѣе милостивое выраженіе. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что недавно забастовка получила одобреніе съ высоты министерскаго кресла. Однако, съ другой стороны нѣтъ недостатка и во внезапныхъ вспышкахъ капиталистической классовой ненависти.

Такое положеніе едва ли можетъ долго тянуться. Если появятся новые морскіе законопроекты, то социалдемократическая оппозиція снова причинитъ много непріятностей «охранителямъ», и старая ненависть и раздраженіе снова прорвутся съ той же силой, что и прежде. Борьба противъ крамолы возобновится.

Въ свое время обнаружилось, куда въ конечномъ счетѣ направлена была борьба противъ «крамолы»: она вела къ ниспроверженію конституціи. Государственный переворотъ былъ открыто провозглашенъ. Припомнимъ хотя бы брошюру генералъ-майора фонъ-Богуславскаго. Этотъ доблестный вояка весьма радикально рѣшаетъ вопросъ. Онъ говоритъ: «если разбойникъ

нападетъ на меня въ глухомъ мѣстѣ или ночью ворвется въ мой домъ, я не смогу обезоружить его проповѣдью о незаконности его дѣйствій или просьбой удалиться изъ дома на основаніи статьи такой то уложенія о наказаніяхъ. Я попросту суну ему подъ носъ револьверъ и при малѣйшемъ движеніи застрѣлю на мѣстѣ.—Возможность проникнуть въ домъ показываетъ, что двери и замки недостаточно прочны, чтобы оградить отъ доступа разбойника. Но разъ въ современномъ социальномъ зданіи имѣются такіе лазейки, и разбойникъ уже проникъ въ наше помѣщеніе, но только при твердой рѣшимости итти до конца возможно вновь прогнать его.—Послѣ того уже можно думать о починкѣ дверей и замковъ». «И неужели же, сознавая всю наступающую опасность, мы не смѣемъ взяться за оружіе?»

Приводимъ слѣдующіе пункты изъ программы храбраго генерала: «Воспрещеніе социалдемократическихъ союзовъ, книгъ и газетъ.—Введеніе ссылки и изгнанія изъ государства, какъ наказанія для главарей социалдемократической дѣятельности, причемъ послѣднее понятіе подлежитъ точному опредѣленію.—Установленіе ссылки, которая можетъ быть замѣнена тюрьмой или каторгой, за возстаніе, заговоръ или покушеніе на возстаніе или заговоръ.—Отмѣна тайнаго голосованія и перебаллотировокъ.—Введеніе верхней палаты съ широкими полномочіями».

Но какъ же провести эти мѣропріятія. На «партіи», т. е. на рейхстагѣ (германскій парламентъ) храбрый генералъ возлагаетъ мало надеждъ. «Если допустить случай, что рейхстагъ окончательно отклонитъ всѣ внесенныя предложенія, тогда наступитъ моментъ, когда окажется подходящимъ непосредственный призывъ императора и правительства... Если же допустить, что и это средство не приведетъ къ цѣли, тогда мы дойдемъ до поворотнаго пункта, гдѣ изсякаютъ обычныя средства». Дальше нашъ защитникъ морали и порядка весьма рѣшительно строитъ цѣлую теорію права на государственный переворотъ. При извѣстныхъ условіяхъ государственный переворотъ является исторической необходимостью. «По буквѣ закона государственный переворотъ такъ же недопустимъ, какъ и революція. Но онъ также можетъ имѣть внутреннее оправданіе, какъ и революція. Если съ моральной точки зрѣнія нельзя порицать революцію, направленную противъ дѣйствительно невыносимой тираніи, то по справедливости невозможно осудить государственный переворотъ, направленный противъ демагогическаго господства или предпринятый съ намѣреніемъ помѣшать его наступленію». Генералъ заканчиваетъ свое произведеніе слѣдующими словами: «рѣчь идетъ не о мелочныхъ полицейскихъ преслѣдованіяхъ, какъ ихъ называютъ наши противники,—для насъ нѣтъ болѣе ненавистнаго режима, чѣмъ полицейскій произволъ—а о великой борьбѣ, съ помощью сильныхъ средствъ».

Произведение генерала фонъ Богуславскаго, какъ извѣстно, не составляло исключенія. Оно отражаетъ лишь настроеніе господствующее, въ охранительныхъ, особенно военныхъ сферахъ. Последнія встрѣтили брошюру съ безграничнымъ энтузіазмомъ. Редакція почтеннаго «Ежегодника германской арміи и флота» говоритъ на-примѣръ, въ отчетѣ объ этой брошюрѣ: «она затрагиваетъ самую суть вопроса и служитъ своевременнымъ указаніемъ въ борьбѣ съ социал-демократіей... Нечего ждать хорошаго отъ тѣхъ, кому до сихъ поръ еще не ясно, куда ведетъ насъ путь жалкой политики «мужественнаго хладнокровія» передъ лицомъ такихъ противниковъ! Партія, вожди которой сами говорятъ, что дѣло идетъ о вопросахъ силы, разрѣшаемыхъ не на парламентскомъ, а на иномъ поприщѣ, сама влагаетъ мечъ въ руку охранительнымъ партіямъ. Дай Богъ, чтобы голосъ Богуславскаго не остался гласомъ вопіющаго въ пустынь».

Въ виду этого, мы взяли на себя задачу спокойно изслѣдовать, каково дѣйствительное положеніе вещей, далеко ли можетъ зайти реакція, къ какимъ результатамъ она приведетъ, и какія средства для отраженія реакціи имѣются въ рукахъ рабочаго класса. Но вскорѣ выяснилось, что въ этой борьбѣ рѣчь идетъ не только о рабочемъ классѣ, но вообще о защитѣ политической свободы, что политическая реакція, начавшаяся въ ходѣ борьбы противъ социалдемократіи, должна привести какъ къ конечному слѣдствію къ созданію мощнаго движенія всеобщаго протеста, о который она неминуемо разобьется.

Правительство, которое хочетъ силой помѣшать свободному политическому проявленію капиталистическихъ классовыхъ противорѣчій, тѣмъ самымъ обрекаетъ себя на роль козла отпущенія капиталистической классовой борьбы.

Для реакціи не существуетъ другого исхода въ политической борьбѣ противъ рабочаго класса. Игра проиграна. Смотри по тому, какая тактика будетъ принята, развязка можетъ наступить раньше или позже. Но конецъ—и притомъ быстрый конецъ—несомнѣненъ: реакція проиграетъ игру, пролетаріатъ выйдетъ побѣдителемъ. И потому реакція хорошо сдѣлала бы, если бы во время сдалась, пока она еще кое-какъ въ состояніи уплатить по все растущему счету!

Социалдемократія не скрываетъ своихъ картъ. Пускай другіе заботятся, какую вести игру противъ нея!

Въ настоящемъ изслѣдованіи мы часто ссылаемся на Фридриха Энгельса. Само по себѣ это не нуждается въ объясненіяхъ. Но была еще спеціальная причина: послѣднія мысли Фридриха Энгельса о тактикѣ рабочаго движенія, изложенныя во введеніи къ новому изданію «Классовой борьбы во Франціи» Карла Маркса, были многими невѣрно поняты.

1. Новый курсъ.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ капиталистическія правительства терпятъ одну неудачу за другой. И это наблюдается не только въ Германіи. Во Франціи, въ Австріи, въ Англіи, въ Италіи—повсюду происходитъ одно и то же. Правительства вступаютъ въ постоянные конфликты или съ народнымъ представительствомъ, или съ общественнымъ мнѣніемъ, или одновременно съ тѣмъ и другимъ.

Въ Германіи, Австріи и Франціи социалдемократія несомнѣнно первая становится политической власти поперекъ дороги. Какое странное явленіе: въ Австріи происходятъ конфликты потому, что рабочій классъ лишенъ всеобщаго избирательнаго права, а въ двухъ прочихъ названныхъ государствахъ потому, что рабочій классъ имъ обладаетъ! Этотъ фактъ долженъ былъ бы многому научить господствующій классъ, если бы его эгоизмъ вообще былъ доступенъ соображеніямъ разума.

Возьмемъ Германію, которая намъ ближе всего. Хорошо извѣстно, какъ здѣсь обстоитъ дѣло. «Новый курсъ» насчитываетъ немного лѣтъ существованія, но много поражений. Онъ быстро несется впередъ—отъ провала къ провалу. Онъ непостояненъ, переменчивъ, какъ настроеніе влюбленныхъ. Никто не знаетъ, что принесетъ грядущій день политическому міру. Сегодня «соціальное королевство», а на завтра государство въ качествѣ вотчины аграріевъ. Сегодня государство должно являться носителемъ культуры, поощрять искусства и науки, а завтра надъ литературой и искусствомъ господствуютъ поповская ряса и полицейскій кнутъ. Малѣйшій поводъ раздувается въ дѣло необычайной государственной важности. Ежеминутно слѣдуютъ показные эффекты—весь аппаратъ, поддерживающій государство, проводится въ дѣйствіе, какъ будто дѣло идетъ о спасеніи отечества, поднимаютъ на ноги всѣхъ «патріотовъ», но вскорѣ обнаруживается, что тревога была ложная, общественное мнѣніе теряетъ всякую точку опоры. Буржуазія качаетъ головой, наблюдая этотъ политическій спектакль, и боязливо и озабоченно спрашиваетъ себя: что же изъ этого выйдетъ? Чего они хотятъ? Куда мы идемъ?

Министры мѣняются какъ куклы въ комедіи маріонетокъ. Едва войдя въ курсъ дѣла, они должны удалиться. Никакіе дальновидные планы не могутъ быть осуществлены при такихъ условіяхъ. Правители живутъ моментомъ. Ихъ политика становится игрушкой въ рукахъ случая и настроенія.

Политическое шарлатанство получаетъ свободный доступъ въ общественную жизнь. Интрига, котерія, клика, карьеризмъ приобрѣтаютъ необычайную силу.

Между государственной властью и народомъ вырастаетъ глубокая пропасть. «Новый курсъ» сумѣлъ всеѣмъ надосадить и никого не удовлетворилъ. Гдѣ та партія, на которую онъ могъ бы опереться? Каждая партія предъявляетъ ему большія требованія, и не одна не хочетъ его поддерживать.

Законодательный механизмъ, т. е. рейхстагъ, отказывается служить. Одинъ правительственный законопроектъ за другимъ отклоняется. При такомъ положеніи можетъ случиться, что изъ-за этого въ одинъ прекрасный моментъ правительство, для котораго воля народа не является высшимъ закономъ, признаетъ весь парламентскій строй неудобнымъ, обременительнымъ. Стоитъ лишь вспомнить, какое озлобленное, желчное настроеніе публично обнаружили представители правительства во время прошлой сессіи рейхстага, и тогда высказанное предположеніе окажется далеко небезосновательнымъ.

Что можно сказать хотя бы на такое заявленіе, какъ слова бывшаго министра фонъ-Келлера: «правительство нуждается въ васъ лишь постольку, поскольку вы должны голосовать за предлагаемые вамъ законы и давать согласіе на ассигновки». Нельзя ли перевернуть эту фразу слѣдующимъ образомъ: «а если вы не станете голосовать за проекты и давать согласіе на ассигновки, тогда вы не нужны правительству, тогда вы для него обременительны и излишни». Это значило бы, что рейхстагъ годенъ лишь тогда, если опустится до роли безличнаго поддакивающего аппарата. А что рейхстагъ долженъ оцѣнивать проекты, что онъ самъ можетъ вносить законопроекты, что онъ въ еще большей степени чѣмъ союзный совѣтъ является законодательнымъ корпусомъ, что правительство должно давать ему отчетъ, что онъ вообще существуетъ не для правительства, что онъ является народнымъ представительствомъ—все это игнорируется въ упомянутомъ заявленіи министра внутреннихъ дѣлъ.

Но одна партія больше всего дѣлаетъ парламентаризмъ страшнымъ для правительственныхъ геніевъ—это социалдемократія. Съ 1890 года вся политическая оппозиція въ Германской имперіи держится на плечахъ социалдемократіи. Не будь этой партіи, военному законопроекту не пришлось бы преодолевать всеѣмъ извѣстныхъ серьезныхъ препятствій, табачный налогъ былъ бы давнымъ давно принятъ.

Политическое вліяніе социалдемократіи имѣетъ отчасти непосредственное значеніе, благодаря числу ея представителей въ рейхстагѣ, весьма значительному при раздробленности буржуазныхъ партій, но главнымъ образомъ оно дѣйствуетъ посредственно, заставляя буржуазныя партіи постоянно трепетать за свои мандаты. Социалдемократія придаетъ наибольшую силу ея беспощадная критика. Съ помощью этого оружія она оказываетъ самое сильное

давленіе на общественную жизнь въ вопросахъ политики. Буржуазныя партіи опасаются, чтобы социалдемократія не обнажила ихъ передъ лицомъ избирателей, и тѣмъ создаютъ ей господствующее положеніе въ политическомъ мірѣ.

Ненависть къ социалдемократіи основана, слѣдовательно, на томъ, что эта партія является безстрашной и послѣдовательной защитницей интересовъ рабочаго народа, а послѣднее обстоятельство играетъ рѣшающую роль при всеобщемъ избирательномъ правѣ. Отсюда социалдемократія черпаетъ парламентскую мощь, а всеобщее избирательное право тяготитъ буржуазныя партіи именно потому, что постоянно напоминаетъ имъ о необходимости давать народу отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ.

Поэтому присутствіе социалдемократіи принуждаетъ буржуазныя партіи занимать оппозиціонное положеніе. Социалдемократія задаетъ тонъ. Не будучи формально признана вождемъ, она въ дѣйствительности руководитъ всей парламентской оппозиціей.

Въ виду этого, защитники новаго курса видятъ въ социалдемократіи своего главнаго врага. Для этихъ людей важны не планы социалдемократіи, ни будущее, а ея значеніе для настоящаго. Тому, кто носится съ проектами новыхъ налоговъ на потребление, новыхъ пошлинъ, новаго вооруженія, постройки новыхъ броненосцевъ и т. д., тому социалдемократія на каждомъ шагу становится поперекъ дороги. Въ этомъ и состоитъ сущность дѣла.

«Новый курсъ» — подъ этими словами мы понимаемъ не отдѣльныя личности, а цѣлое политическое направленіе—новый курсъ обратилъ противъ себя общественное мнѣніе и усилилъ оппозицію своимъ неразсчитливымъ, провоцирующимъ, крикливымъ выступленіемъ и съ логической послѣдовательностью приходитъ къ тому, что всей тяжестью обрушивается на социалдемократію какъ оплотъ оппозиціи. Опять устранить социалдемократію для того, чтобы послѣ легче было справиться съ буржуазной оппозиціей.

Но какимъ образомъ избавиться отъ социалдемократіи хотя бы въ рейхстагѣ? Каждому ясно, что для этой цѣли прежде всего слѣдовало бы устранить всеобщее избирательное право.

Въ этомъ и состоитъ задача, надъ которой уже довольно долго трудится въ потѣ лица много призванныхъ и непризванныхъ спасителей государства.

2. Отмѣна всеобщаго избирательнаго права.

Итакъ, первый вопросъ, который подлежитъ разрѣшенію состоитъ въ слѣдующемъ: возможно ли устранить всеобщее избирательное право въ Германской имперіи?

Трудность заключается не въ разрушеніи, а въ созиданіи. Трудность заключается въ задачѣ: какой избирательной системой замѣнить всеобщее избирательное право? Въ томъ то и дѣло, что помимо всеобщаго избирательнаго права не существуетъ иной системы, которая могла бы дать мѣсто всѣмъ экономическимъ и политическимъ группировкамъ въ предѣлахъ капиталистическаго общества. Блестящее доказательство этого положенія даетъ Австрія. Тамъ успѣли испечь цѣлую грудю различныхъ избирательныхъ проектовъ—между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не встрѣчаетъ сочувствія, и только страхъ передъ социалдемократіей удерживаетъ партію отъ принятія всеобщаго избирательнаго права¹⁾. И все-таки легче замѣнить плохую избирательную систему, какъ въ Австріи, лучшей, чѣмъ обмѣнить хорошую избирательную систему, напр. всеобщее избирательное право въ Германіи, на худшій законъ.

Въ Австріи, правда, слѣдуетъ еще принять во вниманіе національное дробленіе. Но то же самое, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, наблюдается и въ Германіи. Прежде всего нужно отмѣтить, что Германія—союзное государство и что въ ней существуетъ социальная рознь по вѣроисповѣданіямъ. Въ Германіи существуетъ граница между вѣроисповѣданіями, которую можно считать экономической, политической и почти національной линіей. Экономическія и политическія условія въ Восточной Пруссіи или Помераніи иные, чѣмъ въ Рейнской провинціи, въ Баденѣ или Баваріи и т. д. Всѣ эти интересы ищутъ доступа въ рейхстагъ, въ законодательство и администрацію. Лишь выборы по числу народонаселенія могутъ дать общее основаніе для правительства столь разнообразныхъ интересовъ.

Но въ Германіи существуетъ еще одно особое препятствіе, которое нужно преодолѣть. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ лишить пролетаріатъ избирательнаго права служить высокій подоходный цензъ. Однако, тутъ сразу возникаетъ непреодолимая преграда—отсутствіе имперскаго подоходнаго налога и

¹⁾ Съ тѣхъ поръ въ Австріи расширили избирательное право, создавъ особую рабочую курію. А въ настоящій моментъ въ имперіи Габсбурговъ болѣе, чѣмъ когда либо, стоитъ на очереди вопросъ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права, какъ единственный выходъ изъ путаницы національныхъ и групповыхъ конфликтовъ, которая парализуетъ всю государственную жизнь этой страны.

вообще какихъ-бы то ни было имперскихъ прямыхъ налоговъ. Что же должно служить мѣриломъ доходовъ или имуществъ? Прямые налоги отдѣльныхъ союзныхъ государствъ весьма различны по принципу и по способу проведенія—если ихъ взять за основу избирательнаго права, то фактически образовалось бы столько различій въ избирательномъ правѣ, сколько имѣется союзныхъ государствъ, и однѣ части населенія были бы поставлены въ привилегированное положеніе по сравненію съ другими.

Но какой иной признакъ, кромѣ дохода, могъ бы быть положенъ въ основу ценза? Быть можетъ земельная собственность? Но тогда, очевидно, все городское населеніе, за исключеніемъ домовладѣльцевъ, оказалось бы лишеннымъ избирательнаго права. Это сокращеніе было бы направлено не только противъ пролетаріата, но и противъ промышленнаго капитала и привело бы къ рѣзкому различію между отдѣльными государствами, въ зависимости отъ степени ихъ промышленнаго развитія. Общимъ результатомъ явилось бы клерикально—консервативное большинство.

Положеніе правительства по отношенію къ рейхстагу было бы не менѣе затруднительно, чѣмъ въ настоящее время. Правительство избавилось бы отъ социалдемократіи въ рейхстагѣ, но взамѣнъ получило бы крестьянско-клерикальный режимъ. При этомъ оно совершенно оттолкнуло бы отъ себя общественное мнѣніе и вызвало бы въ народѣ необычайное возбужденіе. Къ классовой борьбѣ присоединилась бы религіозная борьба, а къ сознательному пролетаріату недовольная буржуазія! Какъ разъ тѣ элементы, которые громче всего требуютъ подавленія социалдемократіи, тогда были бы возмущены господствомъ клерикализма и напуганы броженіемъ въ народныхъ массахъ въ еще большей степени, чѣмъ они обезпечены побѣдами социалдемократіи на выборахъ въ настоящее время. Они стали бы винить во всемъ правительство и принялись бы усердно содѣйствовать его низверженію.

Поэтому до тѣхъ поръ пока въ Германской имперіи не будетъ введенъ имперскій подоходный налогъ, невозможно будетъ отмѣнить всеобщее избирательное право. А если введутъ подоходный налогъ, тогда правительству придется особенно крѣпко держаться за всеобщее избирательное право, ибо было бы слишкомъ рѣзкимъ и оскорбительнымъ противорѣчіемъ—обложить народъ налогомъ съ той цѣлью, чтобы похитить у него избирательное право. И если вздумаютъ такъ поступить, то уже при ближайшихъ выборахъ въ рейхстагъ образуется самая озлобленная оппозиція, какъ бы искусно ни была построена избирательная система.

Въ виду этой практической невозможности устранить въ Германской имперіи всеобщее избирательное право становится понятнымъ, почему до сихъ поръ, несмотря на многочисленныя жалобы на

соціалдемократію, въ сущности говоря не сдѣлано ни одного предложенія рѣшительной избирательной реформы. Близокъ локоть, да не укусишь. И тѣмъ легче рождаются проекты полумѣръ.

Такъ напр., было внесено предложеніе повысить возрастной цензъ. Помимо того, что эта мѣра принесетъ ущербъ не одной только соціалдемократіи, самое дѣйствіе ея чисто временное. Весьма возможно, что въ настоящее время среди людей возрастомъ отъ 25-ти до 30-ти лѣтъ процентъ соціалдемократовъ особенно великъ. Если же поднять избирательный цензъ съ 25-ти до 30-ти лѣтняго возраста что получится бы? Уже черезъ пять лѣтъ, то-есть къ началу слѣдующаго нормальнаго избирательнаго періода, нынѣшніе 25-ти и 30-ти лѣтніе мужчины превратятся въ 30-ти и 35 лѣтнихъ, и тѣмъ самымъ процентное отношеніе будетъ восстановлено. Болѣе того: отнявъ избирательное право у 25-ти лѣтнихъ, законъ очевидно толкнетъ ихъ въ оппозицію и обратитъ противъ правительства подростящее поколѣніе избирателей.

Нѣсколько большимъ значеніемъ обладаетъ предложеніе поставить избирательное право въ зависимости отъ осѣдлости. Но и этой мѣрой не достигъ большихъ результатовъ, хотя бы деревнѣ было дано преимущество передъ городомъ, а областямъ ниже стоящимъ въ промышленномъ отношеніи дали преимущество передъ мѣстностями съ развитой промышленностью. Къ той же категоріи относится проектъ ограниченія избирательнаго права холостыхъ гражданъ.

Слѣдуетъ еще упомянуть о мѣрахъ, которыя направлены не противъ всеобщаго, а противъ прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Но многостепенное избирательное право имѣетъ смыслъ лишь при наличности ценза, а неравное право возможно лишь на его основѣ. Слѣдовательно, все, что сказано о цензѣ, относится и къ послѣднимъ ограниченіямъ. Если бы тайное голосованіе было отмѣнено, это привело бы, правда, къ многочисленнымъ притѣсненіямъ рабочихъ. Но можно лишь смѣяться, если реакція этимъ путемъ думаетъ справиться съ соціалдемократіей. Соціалдемократія объединяетъ столь широкія массы, что въ большинствѣ случаевъ уже давно не тайна, кого избираютъ рабочіе. Предпринимателямъ приходится мириться съ этимъ фактомъ. И потому даже при открытомъ голосованіи они въ концѣ концовъ были бы вынуждены предоставить рабочимъ свободно проявлять свою политическую волю.

У всѣхъ этихъ на видъ рѣшительныхъ мѣръ есть одно общее свойство: онѣ достигаютъ результатовъ какъ разъ противоположныхъ тѣмъ, которые желательны ихъ авторамъ. Онѣ не улучшили бы положенія правительства, не устранили бы соціалдемократію, но зато усилили бы озлобленіе народа и укрѣпили бы оппозицію. Это

не серьезная борьба, это фантазія, плоды измышлений озлобленныхъ дураковъ, а не государственной мудрости политика.

Нигдѣ эта черта не сказалась яснѣе, чѣмъ въ любопытномъ проектѣ, который лишь недавно выплылъ на свѣтъ и быстро приобрѣлъ извѣстность. Было предложено просто на просто декретировать: «ни одинъ соціалдемократъ не долженъ избирать и ни одинъ соціалдемократъ не можетъ быть избранъ! Авторъ, очевидно, полагаетъ, что соціалдемократію можно уничтожить, уничтоживъ ея имя! Ибо,—что-же достигается съ помощью этой волшебной формулы, кромѣ уничтоженія имени? Правда, тогда не будетъ «соціалдемократіи»—зато будетъ «соціалдемократическая рабочая партія», «пролетарская партія», партія лишенныхъ правъ или эксплуатируемыхъ», наконецъ «безымянная партія»! Что же дальше?

Но можетъ быть хотятъ воспретить признаніе извѣстной программы? Отлично, тогда отбросимъ писанную программу—наша тактика, наше принципиальное боевое положеніе ничуть не измѣняется, ибо онѣ вытекаютъ изъ общественныхъ условій.

Неужели надѣются уничтожить такими средствами борьбу противъ капиталистической эксплуатаціи, противъ милитаризма, противъ налоговъ на потребление? Это было бы верхомъ наивности. Но пока эта борьба будетъ существовать, *de facto* будетъ жить и соціалдемократія, какъ бы она ни называлась.

Прожектеры не хотятъ думать о послѣдствіяхъ уничтоженія всеобщаго избирательнаго права. Но первымъ слѣдствіемъ была бы дезорганизация Германской имперіи. Если въ настоящее время партикуляристскія ¹⁾ тенденціи весьма сократились, то этотъ результатъ слѣдуетъ по существу приписать именно всеобщему избирательному праву: оно разрушило политическія рамки мелкихъ государствъ, создало общую и однородную политическую дѣятельность и лишь такимъ путемъ превратило Германію въ единое политическое цѣлое.

Если это политическое скрѣпленіе будетъ уничтожено, то вмѣсто единства наступитъ распадъ и раздробленіе. Противорѣчія интересовъ отдѣльныхъ государствъ, въ настоящее время, тонущія во всеобщемъ избирательномъ правѣ, тогда вновь вспыхнутъ, выростутъ. Авторитетъ рейхстага при цензовомъ избирательномъ правѣ быстро разсѣется. Самая имперская организация будетъ имѣть характеръ не проявленія воли германскаго народа, а конституціи, навязанной полицейской или военной силой. И возникшій сепаратизмъ найдетъ мощный откликъ въ народной массѣ, озлобленной похищеніемъ ея политическихъ правъ. Всеобщее броженіе,

¹⁾ Партикуляризмъ—стремленіе къ политическому обособленію отдѣльныхъ нѣмецкихъ княжествъ.

недовольство, продолжающаяся отчаянная борьба съ правительствомъ. Правительству же, разъ вступившему на этотъ путь останется одинъ отвѣтъ на все это движеніе: усиленныя репрессіи, полицейскія преслѣдованія.

Итакъ, уничтоженіе всеобщаго избирательнаго права — если окажется практически возможнымъ — съ необходимостью приведетъ къ дальнѣйшему обостренію реакціи. Уничтоженіе избирательнаго права не можетъ остаться единичной мѣрой, по ея пятамъ послѣдуютъ ограниченія свободы печати, собраній, вообще политической дѣятельности. Безъ всеобщаго избирательнаго права не будетъ ни политической свободы, ни буржуазной конституціи! Такимъ образомъ и здѣсь борьба будетъ направлена не противъ одной социалдемократіи, а противъ общихъ основъ гражданской свободы и единства Германской имперіи.

3. Полицейская война противъ социалдемократіи.

Чѣмъ труднѣе оказывается закрыть разъ навсегда для социалдемократіи двери парламента, тѣмъ скорѣе можно ожидать, что возникаетъ стремленіе помѣшать отдѣльнымъ проявленіямъ ея политической дѣятельности. Воспретить агитировать въ социалдемократическомъ духѣ! Воспретить избирать социалдемократовъ, хотя бы это и было законно! Воспретить думать по социалдемократически! Воспретить всякое социалдемократическое выраженіе! Короче сказать, социалдемократія должна перестать быть социалдемократіей. И для этой цѣли необходимо за ней слѣдовать и преслѣдовать ее на каждомъ шагѣ!

Это ни что иное, какъ война гверильсовъ, неорганизованная борьба полицейскихъ и прокуроровъ съ социалдемократіей, борьба, которую ведутъ по своему въ каждой провинціи, въ каждомъ судебномъ округѣ, въ каждомъ полицейскомъ участкѣ. Погоня за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, за каждымъ словомъ! И эта война направлена противъ партіи, которая насчитываетъ около 2-хъ милліоновъ избирателей, имѣетъ въ своемъ распоряженіи свыше трехъ дюжинъ ежедневныхъ газетъ и массу другихъ періодическихъ изданій, которыя распространены по всей имперіи до самыхъ мелкихъ поселеній, и ежегодно устраиваетъ тысячи собраній! И при всемъ томъ тактическія стремленія этой партіи заключаются не въ нарушеніи законовъ, наоборотъ — они находятся съ ними въ соответствии. Неужели же такъ трудно предугадать, что подобная

борьба со всей растущей социалдемократической массой совершенно безнадежна для государственной власти?

Попытаемся же изслѣдовать, чего можетъ достигъ на этомъ пути капиталистическое государство по отношенію къ социалдемократіи!

Такая полицейская война противъ социалдемократіи можетъ вестись по двумъ направленіямъ: съ одной стороны — противъ союзовъ и собраній, съ другой — противъ печати.

Что касается стѣсненія образованія политическихъ союзовъ, то въ этомъ отношеніи въ Германской имперіи въ предѣлахъ земного полиціи сдѣлала все возможное. Кромѣ «союзовъ избирателей» среди рабочихъ почти не существуетъ никакихъ политическихъ союзовъ. Каковы результаты этого порядка? Центръ тяжести политическаго дѣйствія перенесенъ изъ союза на собраніе. Въмѣсто того, чтобы разбиваться по мелкимъ группамъ, политическое дѣйствіе съ самаго начала приобретаетъ всеобщій массовый характеръ. Образование сектъ, самое опасное явленіе для цѣлостнаго развитія всякаго политическаго движенія, затруднено. Такъ какъ «союзъ избирателей» является почти единственной полицейски — возможной формой политической организаціи, то политическая дѣятельность неотдѣлима отъ парламентскаго представительства. А такъ какъ рейхстагъ есть представительство всей имперіи, то этимъ создается партія, охватывающая всю имперію. Въмѣсто того, чтобы дезорганизовать социалдемократію, ее сплачиваютъ такимъ образомъ въ единое цѣлое.

Мы отнюдь не хотимъ этимъ сказать, что саксонское или прусское законодательство о союзахъ является истиннымъ благословеніемъ для социалдемократіи. Политическое воспитаніе отдѣльных рабочихъ безъ сомнѣнія получило бы сильный толчекъ при свободномъ развитіи политическихъ клубовъ. Но, во первыхъ, есть чѣмъ замѣнить ихъ — главнымъ образомъ печатью, — и затѣмъ именно то, чему желаютъ помѣшать этими правилами — образованіе большой парламентской рабочей партіи, — въ дѣйствительности ими поддерживаемся.

Полиціи гораздо труднѣе справиться съ собраніями, чѣмъ съ союзами. Если союзъ распускается по какимъ-либо основаніямъ, то учредить на его мѣсто новый — весьма сложное дѣло. Зато послѣ каждаго воспрещеннаго собранія сравнительно легко созвать другое. Даже по самымъ придирчивымъ законамъ о собраніяхъ — прусскому или саксонскому — невозможно постоянно воспрещать собранія. Поэтому происходятъ многочисленныя собранія, и чѣмъ больше трудностей приходится преодолевать для ихъ осуществленія, тѣмъ многочислѣннѣе они бываютъ. Полиціи не остается ничего другого, какъ сосредоточивать нападенія на отдѣльныхъ личностяхъ, т. е. прежде всего на агитаторѣ, говорящемъ на собраніи.

За ораторомъ слѣдятъ по пятамъ. Полицейскія мѣры предупрежденія фактически исчерпаны. Агитація въ полномъ разгарѣ. Сама полиція содѣйствовала повышенію интереса къ собранію. Теперь слѣдятъ, не обнаружится ли въ рѣчи чего-нибудь такого, къ чему можно пригвоздить какой-либо параграфъ уголовного уложенія. Въ концѣ концовъ всѣ охранительныя дѣйствія сводятся къ тому, что парѣ прусскихъ унтеръ-офицеровъ удастся уловить слово, могущее быть понятнымъ, какъ оскорбленіе чьей-нибудь чести. И этимъ хотятъ уничтожить крупное политическое движеніе, коренящееся въ глубокихъ экономическихъ интересахъ!

Въ безчисленномъ количествѣ случаевъ и это не удается, но если даже и удастся, что съ того? Собраніе распускается. Возмущеніе массы достигаетъ крайнихъ предѣловъ: успѣхъ агитаціи обезпеченъ. Агитатора забираютъ. Но на мѣсто одного сразу вырастаетъ десятокъ!

Такъ полиція рыщетъ то въ томъ, то въ другомъ направленіи, хлопотъ полонъ ротъ, не управится съ дѣлами, повсюду раздражаетъ народъ, возбуждаетъ озлобленіе, настраиваетъ массы противъ себя и противъ правительства, и это называется: борьба съ социалдемократіей!

Но одно ясно съ перваго момента: до тѣхъ поръ пока, существуетъ всеобщее избирательное право, невозможно искоренить союзы и собранія. Въ этомъ и заключалось роковое для правительства свойство закона о социалистахъ, о которое онъ и разбился. Съ одной стороны, правительство разбивало организаціи, запрещало собранія, мѣшало агитаціи, но съ другой стороны, оно принуждено было постепенно допускать законныя средства избирательной организаціи, избирательныхъ собраній, избирательной агитаціи. И такъ какъ оно не открывало другихъ путей политической дѣятельности, кромѣ этого, оно силою создало большую политическую партію. Тѣмъ болѣе, что во всеобщемъ избирательнымъ правѣ заключалось также средство для устраненія закона о социалистахъ.

И опять таки тамъ, гдѣ по тѣмъ или инымъ причинамъ союзы и собранія не даютъ простора агитаціи, сейчасъ же является на помощь третій членъ политической троицы: печать. Изъ всѣхъ трехъ средствъ агитаціи печать — самое могущественное: оно въ состояніи замѣнить первыя два средства.

Разъ поймавъ читателя, газета уже не выпускаетъ его изъ рукъ. Изъ дня въ день она проникаетъ въ его домъ. Она его руководительница и совѣтница во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Она освѣдомляетъ его. Она заставляетъ его смотрѣть на вещи ея глазами. Она господствуетъ надъ его мышленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если она на службѣ у партій, то образуетъ духовную связь между сторонниками этой партіи. Она и агитируетъ и организуетъ въ

равной мѣрѣ и не покидаетъ поста, постоянно сохраняя роль связующаго звена, постоянно давая новое содержаніе и въ то же время опираясь на однѣ и тѣ же основы.

Притомъ гораздо труднѣе уловить въ сѣти уголовного уложенія, съ какими бы натяжками не толковать его журналиста, чѣмъ оратора, у котораго въ пылу спора скорѣе можетъ вырваться неосторожное, раздраженное слово. Ни социалдемократъ — ораторъ, ни социалдемократъ — журналистъ не станутъ намѣренно преступать законъ. Это извѣстно каждому ребенку. Да и для чего это нужно, когда партія пышно расцвѣтаетъ и на законной почвѣ?

Никакія ловушки и искусныя препоны уголовного законодательства не въ состояніи помѣшать социалдемократическому движенію. Печально было бы положеніе нѣмецкой литературы, всего богатства понятій и словъ, заключающихся въ нѣмецкомъ языкѣ, если бы было возможно юридическими формулами вырвать изъ общественной жизни выросшій и ежедневно растущій кругъ идей! Параграфами закона можно уловить слова, но не понятія. Ибо число способовъ выразить какое-либо понятіе безконечно. Ихъ можно сочетать въ постоянно новыхъ комбинаціяхъ и противоположеніяхъ. Они многообразны, какъ сама жизнь. И чѣмъ болѣе развита литература, тѣмъ разнообразнѣе формы, въ которыя облекаются понятія.

Болѣе столѣтія тому назадъ Клопштокъ написалъ гордые слова:

«Dass keine welche lebt mit Deutschlands Sprache sich
In den zu kühnen Wettstreit wage!
Sie ist—damit ich's kurz, mit ihrer Kraft es sage—
An mannigfalt' ger Uranlage
Zu immer neuer und doch deutscher Wendung reich» ¹⁾

И теперь, послѣ того какъ жили Клопштокъ, Лессингъ, Гете, Шиллеръ, Фихте, Гейне, Лассаль и т. д., теперь считаютъ возможнымъ уничтожить грандіозное, нѣсколько десятилѣтій развивающееся культурное движеніе, воспретивъ подъ страхомъ наказанія произнесеніе нѣкоторыхъ словъ и выраженій! Вѣдь, къ этому и сводится въ сущности такая полицейская война.

Всякое усиленіе преслѣдованій социалдемократіи имѣетъ въ лучшемъ случаѣ временное значеніе. Пока партія не успѣетъ приспособиться къ новымъ законодательнымъ или административнымъ нормамъ, прокуратурѣ достанется сравнительно много жертвъ. Но

¹⁾ Чтобъ ни одна страна на свѣтѣ не осмѣлилась вступить въ дерзкое соперничество съ языкомъ Германіи! Скажу я кратко, со всей силою нѣмецкаго языка: его неисчерпаемыя богатства даютъ безчисленные новые и все же нѣмецкіе обороты.

въ концѣ концовъ легальный способъ выражаться будетъ найденъ, публика также научится понимать новый языкъ агитаторовъ—и полицейскіе удары начнутъ бить мимо цѣли.

Зато будетъ достигнутъ иной результатъ! Чѣмъ труднѣе будетъ подводить социалдемократическую агитацію подъ уголовные законы, тѣмъ скорѣе возникнетъ стремленіе толковать законъ такимъ образомъ, чтобы его можно было примѣнять въ нужныхъ случаяхъ. Но тогда законъ будетъ уложенъ на Прокрустово ложе: въ судебныхъ рѣшеніяхъ его будутъ то сокращать, то растягивать, но постоянно будутъ нарушать! Правительство исходитъ изъ желанія искоренять беззаконіе, а кончитъ тѣмъ, что само будетъ поступать незаконно. Въ концѣ концовъ мѣсто закона займетъ произволъ, мѣсто судьи—полицейскій кнутъ.

Каковы будутъ послѣдствія такой политики? Уваженіе къ судьямъ и судебнымъ рѣшеніямъ исчезнетъ. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на нихъ, какъ на посредниковъ и регуляторовъ сталкивающихся общественныхъ противорѣчій, народъ при такихъ условияхъ привыкнетъ видѣть въ судьяхъ слугъ опредѣленнаго класса, класса богачей, капиталистовъ, эксплуататоровъ. Съ классоваго характера государства будетъ сорвана маска. Народъ увидитъ, что государство есть организація, съ помощью которой надъ нимъ господствуютъ. Онъ проникнется недовѣріемъ, недовольствомъ. И когда наступятъ новые выборы въ рейхстагъ, число голосовъ поданныхъ за социалдемократію, вырастетъ! И не мудрено!

Устраненіе всеобщаго избирательнаго права привело бы къ дезорганизаціи Германской имперіи, а полицейская война противъ социалдемократіи, проведенная послѣдовательно, будетъ имѣть слѣдствіемъ дезорганизацію государства вообще, подрывъ законныхъ основъ его существованія.

4. Конституціонализмъ или абсолютизмъ?

Существуетъ желѣзный законъ причинности. Послѣдствія наступаютъ независимо отъ того, желательны они или нѣтъ. И тогда приходится разрѣшать роковую дилемму: впередъ или назадъ, продолженіе борьбы или отступленіе?

Если полицейская война противъ социалдемократіи будетъ малоуспѣшна, то ее будутъ вести съ еще большимъ ожесточеніемъ. И чѣмъ ожесточеннѣе она будетъ, тѣмъ разрушительнѣе она подействуетъ на законныя условія политической жизни. И чѣмъ дальше пойдетъ это разрушеніе, тѣмъ меньше останется гаранти-

рованной закономъ свободы, тѣмъ сильнѣе будетъ необходимость вводить новыя законныя ограниченія политической свободы, или же положить конецъ полицейскому произволу. Раздвоенность и противорѣчія не могутъ продолжаться до безконечности: придется или приноравливать полицейскую практику къ законамъ, или законы—къ полицейской практикѣ.

Каковъ, однако, предѣлъ ограниченіямъ свободы печати, союзовъ и собраній?

Для печати этотъ предѣлъ заключается въ предварительной цензурѣ. Если вообще существуетъ дѣйствительное средство ограниченія печати, то это, безъ сомнѣнія, предварительная цензура.

Пока появленіе въ свѣтъ произведенія печати заранѣе разрѣшено и уголовное преслѣдованіе возбуждается лишь потомъ, когда слово уже было сказано, печать въ общемъ неуловима. Ибо тогда на обязанности исполнительной власти лежитъ доказать, что въ произведеніи заключается нѣчто противное законамъ. Но для всякаго предмета можно найти способъ выраженія, не нарушающій уголовныхъ законовъ.

Зато при предварительной цензурѣ господствуетъ принципъ: всякій выпускъ въ свѣтъ воспрещенъ, или иначе: можно печатать лишь съ дозволенія цензора. Если же цензоръ не дозволяетъ выпуска въ свѣтъ, то на обязанности автора лежитъ доказать, что толкованіе цензора неправильно. Ему приходится возбуждать процессъ противъ исполнительной власти, въ то время какъ прежде былъ обратный порядокъ.

При предварительной цензурѣ, слѣдовательно, появляются лишь тѣ произведенія, которыя признаются исполнительной властью подходящими или соответствующими инструкціямъ цензора. Это уже не только ограниченіе, но и уничтоженіе свободы печати.

Въ концѣ концовъ, правда, и предварительной цензурѣ не удастся уничтожить негодную правительству литературу. Это доказано на опытѣ. По истинѣ стыдно, что въ концѣ XIX столѣтія приходится объяснять столь простыя вещи. Немного же сдѣлала буржуазія!

Во-первыхъ, и цензора люди, слѣдовательно, ихъ можно надуть. Затѣмъ, въ такихъ случаяхъ въ литературѣ возникаютъ оригинальнѣйшія формы обходнаго обмѣна мнѣній съ публикой, напр., въ видѣ сатиры, пьесъ и т. д. Наконецъ, остается возможность тайнаго распространенія и тайнаго ввоза изъ-за границы. Блестящимъ примѣромъ этого способа является, какъ извѣстно, цюрихскій «Соціалдемократъ», который, несмотря на всѣ препятствія, еженедѣльно получался въ Германіи и распространялся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ.

Само собою понятно, что предварительная цензура не оказы-

ваетъ никакого дѣйствія тогда, когда наряду съ ней остается свобода слова. Слѣдовательно, предварительная цензура требуетъ какъ неизбѣжнаго дополненія уничтоженія свободы союзовъ и собраній.

Уничтоженія, а не только сокращенія. Какъ и по отношенію къ печати, такъ и по отношенію къ союзамъ и собраніямъ запрещеніе возводится въ принципъ. Снятіе запрещенія, разрѣшеніе основывать союзы, устраивать собранія цѣликомъ передается въ руки исполнительной власти правительства,—если не считать незначительныя тайныя организаціи. Примѣры: Россія, Турція и Китай ¹⁾.

Но ясно, что если дѣло дойдетъ до этихъ крайнихъ проявленій политической реакціи, именно тогда уничтоженіе всеобщаго избирательнаго права окажется необходимымъ для поддержанія государственной власти. Ибо все озлобленіе, порожденное политическими притѣсненіями, прорвалось бы во время выборовъ, тѣмъ болѣе, что это былъ бы единственный способъ дать ему просторъ. Такимъ образомъ, одно влечетъ за собой другое, какъ звенья непрерывной цѣпи.

Однако, весьма сомнительно, чтобы даже отмѣны всеобщаго избирательнаго права при такомъ напряженіи реакціи, которое душило бы все свободно или демократически мыслящее, было бы достаточно для созданія правительственнаго большинства въ рейхстагѣ на долгое время. Ибо такіе политическіе порядки сдѣлали бы невозможной общественную дѣятельность всякой оппозиціи внѣ рейхстага, и, слѣдовательно, при разнообразіи буржуазныхъ интересовъ создали бы парламентскую оппозицію.

Съ другой стороны, мы уже показали, съ какими почти непреодолимыми трудностями сопряжено введеніе ценза въ Германской имперіи.

Въ этомъ и заключается противорѣчіе: такъ какъ невозможно вытѣснить оппозицію изъ рейхстага, то пытаются помѣшать ея общественной дѣятельности ограниченіемъ политической свободы—но чѣмъ болѣе затрудняютъ политическую дѣятельность внѣ парламента, тѣмъ болѣе усиливаютъ парламентскую оппозицію; а если совсѣмъ уничтожить политическую свободу, тогда именно и получится настоящая оппозиція въ рейхстагѣ!

Есть ли выходъ изъ этой дилеммы? Да, есть: приходится идти еще дальше по пути реакціи. Если нельзя освободиться отъ оппозиціи въ рейхстагѣ, то приходится ограничивать ея политическую дѣятельность внутри рейхстага. Эта задача юридически легко разрѣшима. Законодательная инициатива рейхстага, какъ из-

¹⁾ Въ настоящее время, какъ извѣстно, и въ нашей странѣ система эта потерпѣла крушеніе.

вѣстно, уже теперь заключена въ узкія рамки: ни одно постановленіе рейхстага не можетъ стать закономъ, если этого не захочетъ союзный совѣтъ. Этотъ порядокъ нужно лишь дополнить ограниченіемъ права рейхстага на отказъ. Напримѣръ, постановить: если правительственный законопроектъ трижды отклоненъ рейхстагомъ, но принятъ союзнымъ совѣтомъ, то онъ всетаки получаетъ силу закона. Другими словами, право рейхстага на отказъ должно имѣть силу лишь до третьяго раза. Если это будетъ проведено, то правительству, правда, нечего будетъ бояться парламентской оппозиціи, но тогда оно одно будетъ издавать законы, а рейхстагъ перестанетъ быть законодательнымъ корпусомъ страны.

Итакъ, уничтоженіе свободы печати, уничтоженіе свободы союзовъ и собраній, уничтоженіе всеобщаго избирательнаго права, уничтоженіе законодательной власти рейхстага—одно тѣсно связано съ другимъ, и одно влечетъ за собой другое, какъ неотвратимое послѣдствіе.

Совершенно безразлично, съ какого мѣста начать читать этотъ реакціонный акаѳистъ; незамѣтно идешь все дальше и дальше, прочтешь весь рядъ и въ концѣ концовъ не знаешь, гдѣ начало и гдѣ конецъ. Если начать съ ограниченія компетенціи рейхстага, то ясно, что пришлось бы сейчасъ же уничтожить всеобщее избирательное право, иначе обязательно начнется ожесточенная борьба между рейхстагомъ и правительствомъ. Или если начать съ введенія цензовыхъ выборовъ—тогда оппозиція съ тѣмъ болѣе яростью кинется на собранія и въ печать. Отсюда вытекаетъ уничтоженіе свободы печати и т. д. Подтверждается то, что мы излагали раньше: что уничтоженіе всеобщаго избирательнаго права не можетъ остаться одинокимъ, а должно повлечь за собой жесточайшую общую политическую реакцію.

Реакціонеры не думаютъ объ этихъ послѣдствіяхъ. Они идутъ напроломъ. Но дѣйствительность не сообразуется съ логикой государственныхъ мужей. У ней есть своя логика. И она заставляетъ и великихъ, и малыхъ слѣдовать ей или же поворачивать съ полдороги.

Борьба противъ социалдемократіи, если ее вести указаннымъ способомъ, съ непреодолимой послѣдовательностью превращается въ борьбу двухъ политическихъ системъ. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Социалдемократія работаетъ на почвѣ данной политической конституціи. Слѣдовательно, если хотятъ помѣшать этой дѣятельности, приходится ограничить конституцію. Борясь противъ политической организаціи рабочаго класса, приходится въ концѣ концовъ бороться вообще съ конституціонализмомъ, который только и даетъ этой организаціи возможность широкаго развитія. Съ этой точки зрѣнія вся германская реакція есть ничто иное какъ возвратъ къ старымъ временамъ. Правительство хочетъ

спускаться со ступеньки на ступеньку по той лестницѣ, по которой оно поднялось раньше — немудрено, что въ концѣ концов оно вернется туда, откуда пришло — къ абсолютизму.

Поэтому, если политическое преслѣдованіе социалдемократіи будетъ идти дальше тѣмъ же путемъ, то въ одно прекрасное утро не только передъ социалдемократіей, но и передъ буржуазіей неминуемо станетъ вопросъ: конституціонализмъ или абсолютизмъ?

5. Государственный переворотъ, милитаризмъ, аграріи.

«Иронія всемірной исторіи все переворачиваетъ вверхъ ногами. Мы, «революціонеры», «крамольники», мы процвѣтаемъ при законныхъ средствахъ борьбы гораздо лучше, чѣмъ при незаконныхъ. Партии порядка, какъ онѣ себя называютъ, гибнутъ отъ законнаго порядка, ими самими созданнаго. И если мы не окажемся настолько безумными, чтобы къ ихъ удовольствію позволить втянуть себя въ уличную борьбу, тогда имъ въ концѣ концов не останется ничего другого, какъ самимъ пробить столь роковыя для нихъ рамки законности».

Фридрихъ Энгельсъ.

Чѣмъ рѣзче и грубѣе проявляетъ себя реакція, тѣмъ сильнѣе должна расти парламентская оппозиція. Не заключается ли въ одномъ этомъ обстоятельствѣ залогъ того, что реакціи суждено своевременно рухнуть? Такъ могло бы обстоять дѣло въ демократической странѣ, гдѣ правительство находится въ зависимости отъ парламента. Другое дѣло, когда правительство достаточно независимо для того, чтобы пускаться въ авантюры. Такое правительство, разъ вступивъ на путь авантюръ, въ концѣ концов не остановится передъ измѣненіемъ конституціи незаконнымъ путемъ, если оно не можетъ измѣнить законы конституціоннымъ путемъ. Съ саблей въ рукѣ оно навязетъ народному представительству новую конституцію. Это и есть государственный переворотъ.

Германскому правительству уже неоднократно совѣтовали осуществить свою волю съ помощью мошеннической продѣлки à la

Наполеонъ III. Еще чаще социалдемократіи грозили «кровоопусканіемъ». Почвой, на которой вырастаютъ эти безумные проекты, служитъ милитаризмъ.

Всеобщая воинская повинность и колоссальное развитіе техники вооруженія влагаетъ въ руки правительства страшную военную силу. Слишкомъ рано отнятый у насъ смертью Фридрихъ Энгельсъ немного времени тому назадъ ясно и убѣдительно доказалъ, что развитіе военной техники и организаціи, въ связи съ прогрессомъ въ способахъ сообщенія, сдѣлало невозможной баррикадную революцію. Опираясь на эти факты, реакціонеры пришли къ убѣжденію, что съ помощью военной силы можно все сдѣлать, что современное постоянное войско дѣлаетъ положеніе правительства несокрушимымъ.

Въ сознаніи этой мнимой — неприступной позиціи склонное къ авантюрамъ правительство въ концѣ концов легко можетъ воспитать въ себѣ увѣренность въ успѣхѣхъ какого-угодно безумно-дерзкаго шага, и тогда оно становится нетерпимымъ и нетерпѣливымъ по отношенію ко всякой оппозиціи. Если только ходъ вещей поставитъ его передъ альтернативой — уступить или примѣнить силу, — то оно едва ли остановится передъ насиліемъ.

Съ другой стороны, существуютъ заинтересованныя группы, для которыхъ насильственный переворотъ безразсуднаго правительства былъ бы весьма желателенъ, которыя отчасти даже планомерно работаютъ надъ его осуществленіемъ.

Это прежде всего аграріи. Эти крупные землевладѣльцы — капиталисты до 70-хъ годовъ, а при таможенной охранѣ и гораздо позже, пользовались возростающей до колоссальныхъ размѣровъ земельной рентой, вмѣстѣ съ которой такъ же непомерно росли цѣны на землю. Благодаря этому росту они получали возможность закладывать земли, строить винокуренные и сахарные заводы или пускаться въ инныя спекуляціи, нерѣдко и на биржѣ, или прокучивать полученныя подъ залогъ деньги. И вотъ, когда наступило время паденія хлѣбныхъ цѣнъ и одновременно получилось перепроизводство водки и сахара, аграріи, разумѣется, не въ состояніи платить долги, бремя процентовъ гнететъ ихъ, и они жалуются на разореніе. Но ихъ только постигла общая участь всѣхъ спекулянтовъ. Они — банкроты, ничѣмъ не отличающіеся отъ любого лопнувшего банка; но они ставятъ себѣ банкротство въ заслугу, въ то время какъ у другихъ оно признается порокомъ.

Они подняли крикъ: «государство, помоги!» Но государство не можетъ имъ помочь, разъ даже хлѣбныя пошлины не имѣютъ длительного дѣйствія. Развѣ что государство выкупитъ ихъ долги (достигающіе многихъ милліардовъ) и броситъ долговья обязательства въ огонь!

И сами аграріи не находятъ выхода. Они придумываютъ самые

фантастическіе планы, одинъ несбыточнѣе другого, и для ихъ осуществленія хотятъ заручиться помощью государства. Въ основѣ всѣхъ ихъ плановъ въ конечномъ счетѣ лежитъ мысль о государственномъ подавнѣи за счетъ плательщиковъ налоговъ. Но у аграріевъ нѣтъ большинства въ рейхстагѣ, и никогда не смогутъ они образовать его собственными силами, потому что съ развитіемъ промышленности расширяется представительство буржуазіи, а также рабочаго класса. Тѣмъ больше надеждъ возлагаютъ они на правительство. Къ тому же прусское юнкерство ¹⁾ и прусскую монархію соединяють старинныя узы.

Аграріи предлагаютъ государству свои услуги для всевозможныхъ цѣлей—но за соотвѣтствующее вознагражденіе. Они готовы бороться съ кѣмъ угодно—съ социалдемократіей, съ католиками, съ поляками, съ французами. Только за услуги приходится платить! Свою любовь къ отечеству, свою вѣрность престолу они выносятъ на рынокъ и торгуются изъ-за нихъ съ правительствомъ хуже чѣмъ цыганъ изъ-за старой кобылы. Они готовы продать германскую свободу любому правительству, готовы убить ее, опозорить—все за приличное вознагражденіе. Но если правительство, по ихъ мнѣнію, мало заплатитъ, они поднимають крикъ: «обманъ!» нападаютъ на правительство и грозятъ ему кулаками.

Аграріи выдаютъ себя за опору правительства, но взамѣнъ требуютъ, чтобы правительство сдѣлалось ихъ опорой. Они защищаютъ правительство отъ буржуазной оппозиціи, но съ другой стороны, сами угрожаютъ правительству, если оно поступаетъ не по ихъ желанію. Такимъ образомъ они ставятъ правительство между двухъ огней: съ одной стороны, натравливая его противъ буржуазной и пролетарской оппозиціи, съ другой—натравливая массы своихъ избирателей противъ правительства.

Чѣмъ больше растетъ пропасть между правительствомъ и политическимъ народнымъ представительствомъ, тѣмъ это пріятнѣе аграріямъ. Ибо чѣмъ больше растетъ оппозиція, тѣмъ больше нуждается въ ихъ поддержкѣ правительство. Не слѣдуетъ обманывать себя: когда аграріи выступаютъ на защиту ограниченій всеобщаго избирательнаго права, то ихъ интересуется не столько социалдемократія—въ ихъ восточно-прусскихъ провинціяхъ рабочій классъ едва лишь начинаетъ шевелиться ²⁾, сколько возстановленіе аграрнаго режима во всей неприкосновенности!

Аграріи стоятъ за ограниченіе политической свободы, видя въ немъ залогъ своего политическаго господства. Они стремятся

¹⁾ Подъ „юнкерами“ въ Германіи понимаютъ прусскихъ дворянъ—землевладѣльцевъ.

²⁾ Два года спустя, при выборахъ 1898 г. уже сказался, однако, сильный ростъ социалдемократическихъ голосовъ въ округахъ Восточной Пруссіи, гдѣ главную массу избирателей составляютъ селѣско-хозяйственные рабочіе.

къ политическому порабощенію народа, чтобы пользоваться государствомъ какъ орудіемъ фискальной эксплуатаціи. Они стоятъ за государственный переворотъ, надѣясь съ помощью его захватить правительственную власть въ свои руки.

6. Страхъ передъ соціальной революціей.

«Въ тотъ день, когда термометръ всеобщаго избирательнаго права покажетъ точку кипѣнія на сторонѣ рабочихъ, и они, и капиталисты будутъ сознавать все значеніе момента».

Фридрихъ Энгельсъ.

«Очень это хорошія слова: нужно устранить соціальное зло и этимъ вырвать у социалдемократіи почву изъ-подъ ногъ. Конечно, къ этому слѣдуетъ стремиться по возможности. Но всецѣло эта цѣль никогда не будетъ достигнута. По крайней мѣрѣ ни одна партія не умѣетъ указать необходимыя для этого средства. Никогда мы не сможемъ удовлетворить эту партію. Н и к о г д а!»

Генералъ фонъ-Богуславскій.

Гораздо опаснѣе маккиавелевской политики аграріевъ можетъ оказаться при нѣкоторыхъ условіяхъ страхъ класса капиталистовъ передъ соціальной революціей.

Классъ капиталистовъ, повидимому, со дня на день ожидаетъ взрыва насильственной революціи со стороны пролетаріата. Но не больше ли основаній у пролетаріата опасаться государственнаго переворота со стороны класса капиталистовъ, если послѣдній всецѣло завладѣетъ правительствомъ?

Мы никогда не устанемъ повторять несомнѣнную истину: тамъ, гдѣ конституція даетъ рабочему классу, какъ, на примѣръ, въ Германской имперіи, возможность достигать своихъ цѣлей законодательнымъ путемъ, тамъ социалдемократія не заинтересована въ насильственномъ измѣненіи конституціи съ помощью революціи. У ней скорѣе есть всѣ основанія избѣгать такого конфликта, потому что въ революціонной борьбѣ большинство жертвъ несомнѣнно пало бы со стороны пролетаріата, и потому, что эта борьба—весьма рискованное предпріятіе, неудача котораго необычайно усилила бы

реакцію и отбросила бы рабочее движеніе на много лѣтъ назадъ. Зачѣмъ же ему вступать на этотъ опасный путь, если открыты другіе, вполне обезпеченные законностью пути?

Но чѣмъ меньше основаній для социалдемократіи насильно измѣнять государственный строй, тѣмъ больше основаній у класса капиталистовъ прибѣгнуть къ этому средству, если нѣтъ иного выхода. Чѣмъ успѣшнѣе социалдемократія пользуется всеобщимъ избирательнымъ правомъ, тѣмъ грознѣе оно становится для класса капиталистовъ.

Чѣмъ дальше идетъ классовая борьба, тѣмъ яснѣе становится для всѣхъ, что тутъ идетъ рѣчь о существованіи самаго капитализма. Научному социализму это было извѣстно съ самаго начала, и онъ никогда не закрывалъ глазъ на этотъ фактъ. Если социализмъ рекомендуетъ капитализму уступчивость и вступленіе на путь социальныхъ реформъ, то онъ этимъ лишь имѣетъ въ виду легкую кончину для капитализма. Но умереть капитализму все-таки суждено.

Можно ли думать, что капиталъ спокойно подчинится этой роковой участи? Это противорѣчило бы всему историческому опыту и всякому пониманію исторіи. Еще никогда ни одинъ общественный классъ не отказывался добровольно отъ своего существованія.

Тѣмъ менѣе это можетъ имѣть мѣсто въ виду пролетарской классовой борьбы. Рѣчь идетъ уже не только о политическихъ привилегіяхъ, которыхъ классъ капиталистовъ долженъ лишиться, а объ экономической основѣ его социального существованія. Социалдемократія стремится къ экспроприаціи экспроприаторовъ. Кто повѣритъ, что съ этой экспроприаціей безъ всякаго сопротивленія примирятся фабриканты, купцы и крупные землевладѣльцы, короче—капиталисты, чья частная собственность на средства производства должна быть превращена въ общественную, капиталисты, которые тѣмъ самымъ будутъ лишены всей своей громадной экономической власти? О нѣтъ, они будутъ бороться всѣми доступными имъ средствами и ни передъ чѣмъ не остановятся!

Если пролетаріатъ бросится въ рѣшительную борьбу потому, что ему нечего терять, а приобрести предстоитъ цѣлый міръ, то классъ капиталистовъ пойдетъ въ битву потому, что ему суждено потерять цѣлый міръ и лишь очень мало приобрести.

Поэтому, если на законномъ пути возможна полная побѣда пролетаріата, то классъ капиталистовъ попытается, по крайней мѣрѣ, въ послѣдній моментъ отрѣзать ему этотъ путь вооруженной силой.

Но нѣтъ надобности заглядывать въ столь далекое будущее. Первосвященники капитала уже въ настоящій моментъ или какъ можно скорѣе охотно устроили бы кровавую баню для пролета-

ріата. Этимъ хотятъ нагнать страхъ на рабочій классъ и удержать его отъ энергичной политической борьбы.

Какъ же обстоитъ дѣло: дѣйствительно ли только великодушіе правительства удерживаетъ капиталистовъ отъ того, чтобы нести рабочимъ массамъ смерть и ужасъ? Или дѣло, быть можетъ, обстоитъ не такъ ужъ просто? Не рискуетъ ли и правительство кое-что потерять въ этой игрѣ?

Отъ одного ли желанія правительства зависитъ тотъ или иной политическій характеръ страны? Если правительство опирается на оружіе, на что долженъ опереться народъ? Если дѣло дойдетъ до вооруженнаго нападенія правительства на народъ, чѣмъ можетъ народъ защищаться? Если правительство захочетъ похитить у народа узаконенныя права, чѣмъ можно помѣшать похищенію? Нѣтъ ли средства, которое можно было бы противопоставить государственному перевороту? И вполне ли безнадежна защита конституціи отъ измѣны, когда послѣдняя опирается на ружья и автоматическія пушки? Или же еще существуютъ условія, при которыхъ она можетъ удался? Въ чемъ они заключаются? И какъ вести борьбу? Вотъ вопросы большой политической важности. Попробуемъ дать на нихъ отвѣтъ.

7. Баррикадная революція.

„Способъ борьбы 1848 года въ настоящее время устарѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ“.

Фридрихъ Энгельсъ.

Одно обстоятельство могло бы дать измѣническому правительству увѣренность въ успѣхѣ его преступнаго предпріятія—это, какъ мы уже упоминали, то предположеніе, что народъ не въ состояніи сопротивляться перевороту. Но при этомъ думаютъ о сопротивленіи лишь въ смыслѣ уличной борьбы съ войсками, баррикадной борьбы. Послѣдняя, положимъ, была бы безуміемъ при современныхъ стратегическихъ условіяхъ! Однако, въ распоряженіи народа имѣются еще другія средства сопротивленія насилію надъ конституціей, которая хотя и не имѣетъ насильственнаго характера баррикадной борьбы, все же дѣйствительны не менѣе, чѣмъ она. Прежде чѣмъ разсмотрѣть средства народной обороны, бросимъ короткій взглядъ на баррикадную революцію, чтобы получить представленіе о силахъ и вліяніяхъ, въ общемъ играющихъ роль въ конфликтѣ между народомъ и правительствомъ.

Какъ при государственномъ переворотѣ, такъ и при насильственной политической революціи задача заключается въ насиль-

ственномъ измѣненіи конституціи. Только въ первомъ случаѣ правительство вооруженной силой навязываетъ народу измѣненіе, во второмъ же—народъ силою устраняетъ прежнее политическое подавленіе или угнетеніе.

Въ демократическомъ государствѣ какъ государственный переворотъ, такъ и насильственная политическая революція развѣ навсегда невозможны. Ибо государственный переворотъ предполагаетъ, что правительство можетъ выступить какъ независимая сила противъ народнаго представительства, что оно обладаетъ достаточно широкимъ правомъ распоряжаться вооруженными силами. Насильственная же революція предполагаетъ, что крупный общественный классъ лишенъ конституціонныхъ средствъ, достаточныхъ для того, чтобы обезпечить свои интересы въ политикѣ.

Потому, если бы различныя политическія теченія общества могли находить свободное и равномѣрное выраженіе въ общественности и въ парламентѣ, то существовали бы только парламентскіе конфликты. Если бы при такихъ условіяхъ какая-нибудь партія оказалась недостаточно сильной для того, чтобы оказывать въ парламентѣ желательное ей политическое давленіе, то это было бы невозможно для нея и на улицѣ, т.-е., въ народѣ. Если же при тѣхъ же условіяхъ партія имѣла бы за собою народное большинство, то она держала бы въ своихъ рукахъ и большинство парламентское, то-есть, законодательную власть.

Но когда большія народныя массы, объединенныя серьезными политическими интересами, были отрѣзаны отъ политической жизни и прежде всего отъ избирательнаго права, тогда естественно скопился тотъ политическій горючій матеріалъ, который въ концѣ концовъ приводилъ къ насильственному взрыву. Ибо насильственная политическая революція никогда не была чѣмъ-нибудь случайнымъ или внезапнымъ, хотя и была для многихъ неожиданностью. Она подготовлялась постепенно и закономѣрно и потому, при данныхъ условіяхъ, должна была наступить неизбежно.

Росло и ширилось озлобленіе политически угнетенныхъ народныхъ массъ, искавшее выхода всѣми возможными способами, пока высшее напряженіе народнаго гнѣва насильно не пробивало себѣ дорогу. Начинались политическія манифестаціи, которыя вели въ восходящей степени отъ сокращенія «законности» до того воспѣтаго самой буржуазіей «вѣчнаго» революціоннаго права, которое, по словамъ Шиллера, «неприкосновенно и ненарушимо, какъ сами звѣзды». Вѣглый огонь газетъ—насмѣшки, остроты, издѣвательства, булавочные уколы, удары дубины, критика, аргументація, морализированіе, угрозы, резолюціи собраній, петиціи, протесты, демонстраціи, шествія, ропотъ, крики, нетерпѣніе народной толпы, «скопища» — наконецъ, революція! Для революціи отнюдь не обязательно пройти всю эту скалу подрядъ и во всѣхъ мелочахъ.

Способъ ея политическаго проявленія зависитъ отъ имѣющейся политической возможности. Если открытое проявленіе невозможно, то процессъ можетъ даже происходить скрыто, пока, наконецъ, всѣ силы не вырвутся разомъ бѣшеннымъ потокомъ.

Всѣ перечисленныя дѣйствія преслѣдуютъ одну общую цѣль: повліять на политическую власть, запугать ее, смутить, обличить, возбудить къ ней презрѣніе, ненависть, въ концѣ концовъ низвергнуть или измѣнить правительство, какъ высшее выраженіе угнетающей государственной власти. Это процессъ, допускающій разнообразныя градаціи, отъ переменъ кабинета до установленія временнаго революціоннаго правительства.

При изображеніи хода баррикадной революціи необходимо предварительно указать, что ея почти исключительной областью была столица и потому лишь здѣсь можно прослѣдить все ея теченіе.

Баррикадная революція, какъ мы ее наблюдаемъ въ исторіи, является прежде всего финаломъ изображеннаго ряда политическихъ выступленій и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ сочетаніемъ и расширеніемъ до высшихъ предѣловъ силы дѣйствія. Но она имѣла еще большее значеніе. Она обозначала общественную дезорганизацію, фабрики, мастерскія, жилища пустѣли, улицы и площади наполнялись, лавки закрывались. Производство, торговля, сообщенія прерывались. Тысячи нитей социальнаго кукольнаго театра на моментъ распускались. И вмѣстѣ съ повседневными занятіями прекращалось повседневное обывательское житіе. Комфортъ исчезалъ, сонливость улетучивалась, традиціи забывались, скука разсѣивалась, мелочи жизни уходили на задній планъ, и лишь одно одушевляло движущуюся, несущуюся, кипящую, бурную толпу — политическій интересъ. Въ возбужденномъ людскомъ хаосѣ растворялась воля еденицы и законы массоваго движенія вступали въ силу.

Толкующія о политикѣ кучки людей сходились на перекресткахъ. Это были нервные узлы народной толпы, слившейся въ одно громадное чудовище подъ открытымъ небомъ, чувствительные нервы, которые съ головокружительной быстротой передавали, создавали, раздували и поддерживали впечатлѣнія, извѣстія, слухи, мысли, слова, настроенія. Непрочность, необычность, измѣчивость положенія, нервное напряженіе, сосредоточеніе интереса на одной точкѣ, скопленіе большого числа людей повышали впечатлительность, какъ бы создавали на мѣсто обычной душевной воспримчивости утонченный, усовершенствованный, революціонный массовой интеллектъ. Отсюда быстрое распространеніе революціоннаго возстанія — однако, лишь въ томъ случаѣ, если оно возникало въ подходящій моментъ.

Государство втягивалось въ общій водоворотъ. Правительственная машина вращалась отлично, пока весь общественный механизмъ работалъ безъ помѣхи. «Священный порядокъ» царилъ, пока

рабочіе днемъ были заперты въ фабрикахъ, а ночью въ казармахъ, пока улицы днемъ были предоставлены полицейскимъ, дѣльцамъ, носильщикамъ, модницамъ, ломовикамъ, а ночью — ворами, театраль-ной и концертной публикѣ, посѣтителямъ баловъ и грабителямъ, пока каждый былъ занятъ своей гражданской профессіей: рабочіе корпѣли надъ работой, фабриканты дремали въ мягкихъ контор-скихъ креслахъ, купцы стояли за прилавкомъ, воры крали, судьи судили, монархи охотились. Все это при томъ условіи, что про-цессъ общественной чистки правильно совершался съ помощью метельщиковъ, полиціи, живодеровъ, гробовщиковъ. Но когда про-фессіональная дѣятельность прекращалась, аккуратный дѣлецъ вмѣстѣ съ воромъ и мошенникомъ теряли заработокъ, когда мрач-ныя толпы народа двигались по улицамъ и на стѣнахъ появлялись надписи: «смерть ворами» — тогда органы правительства, отъ го-родового до короля охватывали страхъ и забота, удручающая не-увѣренность, беспомощная растерянность. Если раньше они выда-вали себя за защитниковъ народа, то теперь они сами нуждались въ его защитѣ. Ибо противъ нихъ направленъ былъ долго сдер-живаемый гнѣвъ, проснувшася отъ тяжелаго сна народа. Но прежде всего заботы правительства были направлены къ тому, чтобы возстановить порядокъ, т. е. силою заставить народъ вновь занять отдѣльныя мѣста въ общественной мельницѣ, силою по-грузить его въ обычную спячку. Но полиція исчезала въ людскомъ потокѣ и была безсильна. Оставалось одно убѣжище — войско.

Задача, лежавшая на войскѣ, заключалась въ томъ, чтобы очистить улицы отъ народа, разбить его на единицы и тѣмъ раз-рушить волшебную силу скопленія. Это дѣлалось въ надеждѣ, что разсѣянная масса, лишенная связи, падетъ духомъ, и ея разроз-ненные отдѣльные члены, предоставленные самимъ себѣ, лишатся моральной опоры, уступятъ и вновь вползутъ въ ярмо, чтобы идти дальше по проторенной дорожкѣ. Этимъ попыткамъ сопротивлялся народъ. Такъ возникали баррикады.

Значеніе баррикады можетъ быть рассматриваемо съ двухъ точекъ зрѣнія. Во первыхъ, она служила сборнымъ пунктомъ и средствомъ организаціи. Какъ разъ тамъ, гдѣ масса была заранее неорганизована, какъ это имѣло мѣсто во всѣхъ извѣстныхъ исторіи насильственныхъ революціяхъ, это обстоятельство было весьма важно. Массовыя собранія приобретали такимъ путемъ цѣль и связующее средство. Особенно полезными оказывались баррикады для тѣхъ, которые по своей профессіи отдѣлены другъ отъ друга, но всетаки въ весьма большомъ числѣ находятся въ ограничен-номъ пространствѣ одной улицы, квартала — для мелкихъ лавочни-ковъ, ремесленниковъ, для занятыхъ въ домашней промышленности. Постройка баррикады выталкивала этихъ людей изъ лавокъ, ма-стерскихъ, заднихъ дворовъ и объединяла ихъ. Наконецъ, для

всѣхъ баррикада обозначала провозглашеніе, публичное объявле-ніе и осуществленіе революціи, поднятое знамя, подъ которое собирались революціонныя силы. Достаточно вспомнить, какъ много-числены были въ 1848 году мелкая буржуазія и ремесленники, насколько неорганизованъ былъ самъ рабочій классъ, и важность этого момента станетъ понятной. Поэтому, всякая революція на-чинается съ восходящаго движенія. Ей нужно было время для того, чтобы развернуться. И пока эта способность къ расширенію существовала, побѣда была на сторонѣ народа. Вполнѣ справед-ливо Энгельсъ указываетъ, что побѣда народа въ Берлинѣ въ 1848 году, наряду съ прочими причинами, должна быть приписана сильному притоку новыхъ боевыхъ силъ въ теченіе ночи и утра 19-го марта.

Во-вторыхъ, баррикада служила защитой и прикрытіемъ для народа и препятствіемъ для войскъ. Сила этой помѣхи заключалась не столько въ ея матеріальномъ, сколько въ ея моральномъ влія-ніи. Движеніе отрядовъ задерживалось, вслѣдствіи этого возникало разстройство въ рядахъ, строгая выдержка боевого строя ослабѣ-вала, время проходило, и солдаты, до тѣхъ поръ сдерживаемые привычкой и военной муштровкой, оглушенные трескомъ бараба-новъ, увлекаемые общимъ маршемъ колонны, теперь получали воз-можность осмотрѣться, одуматься, дать себѣ отчетъ въ своихъ дѣй-ствіяхъ и такъ какъ предстояла не борьба въ открытомъ полѣ съ чужеземнымъ врагомъ, а нападеніе на народъ въ узкомъ про-странствѣ улицы на глазахъ населенія, на тотъ народъ, съ кото-рымъ еще вчера солдаты мирно встрѣчались, изъ котораго они сами вышли, — то войска охватывалъ упадокъ энергіи, удрученіе, замѣшательство, деморализація, и все это съ тѣмъ большей силой, чѣмъ больше симпатіи они съ самаго начала питали къ возстанію. Извѣстно, что въ виду этого во время революціонныхъ битвъ существовало обыкновеніе замѣнять недостатокъ воодушевленія щедрыми порціями водки. Въ опьяненіи алкоголемъ — послѣдняя надежда на спасеніе государства.

Скопленіе, организація, революціонное воодушевленіе народа съ одной стороны, дезорганизація и деморализація войскъ съ дру-гой — вотъ въ чемъ заключалась сущность баррикады, самая же борьба являлась тогда лишь мѣрой силы обоихъ факторовъ, ихъ взаимнаго вліянія. Такъ нашъ преждевременно умершій борецъ и теоретикъ революціи Энгельсъ говоритъ: «не будемъ создавать себѣ иллюзіи: дѣйствительная побѣда надъ войсками въ уличной борьбѣ, побѣда какъ бы одной арміи надъ другой, принадлежитъ къ величайшимъ рѣдкостямъ. Но такъ же рѣдко на это разсчитывали возставшіе. Ихъ дѣло заключалось лишь въ томъ, чтобы ослабить войска моральнымъ воздѣйствіемъ, которое совсѣмъ не имѣетъ или имѣетъ въ гораздо меньшей степени мѣсто

въ борьбѣ армій двухъ враждующихъ государствъ. Если воздѣйствіе удачно, то или войско отказывается бороться, или начальники теряютъ голову, и возстаніе побѣждаетъ... Значитъ, даже въ классическія времена уличныхъ битвъ баррикада дѣйствовала въ большей мѣрѣ морально, чѣмъ матеріально. Она была средствомъ подорвать прочность войска. Если она держалась до наступленія этого момента, то побѣда была достигнута, если нѣтъ, борьба кончалась поражениемъ».

Изъ этихъ соображеній вытекаетъ слѣдующее:

1) Такъ какъ даже въ сороковыхъ годахъ тактическій перевѣсъ въ уличной борьбѣ былъ на сторонѣ войскъ, то при весьма усовершенствованной тактикѣ вооруженія нашего времени было бы слѣпымъ безуміемъ пытаться силою противостоять войску.

2) Съ другой стороны, сущность политической революціи заключалась отнюдь не въ баррикадной борьбѣ, а находила и другія проявленія, которыя въ совокупности могутъ быть названы дезорганизациею общества. Напрашивается вопросъ, не можетъ ли и государственный переворотъ привести ко всеобщей дезорганизации и въ какой мѣрѣ послѣдняя можетъ оказать вліяніе.

3) Дастъ ли войско увлечь себя на противозаконныя и противоконституціонныя дѣйствія государственнаго переворота, зависитъ, очевидно, отъ его настроенія и моральнаго вліянія, которому оно можетъ быть подвергнуто.

8. Всеобщая воинская повинность.

Всѣ арміи европейскаго континента зиждутся теперь на основѣ всеобщей воинской повинности. Военными по профессіи являются только унтеръ-офицерскіе и офицерскіе чины. Для солдата военная служба перестаетъ уже быть профессіей, ремесломъ; не ей опредѣляется его общественно-экономическое положеніе. Поэтому войско не является въ настоящее время особымъ общественнымъ классомъ, если подъ послѣднимъ понимать общественный слой, объединенный ему одному присущими хозяйственными интересами. Солдатъ не имѣетъ экономическихъ интересовъ, отличныхъ отъ интересовъ крестьянина или рабочаго, а потому не имѣетъ и обособленныхъ отъ нихъ политическихъ интересовъ; то, что затрагиваетъ ихъ, должно затронуть въ концѣ концовъ и его.

Военная служба стала гражданской обязанностью, и потому только искусственная изолированность войска отрываетъ его отъ народа. Но никакими искусственными средствами нельзя устранить того факта, что всѣми своими помыслами и упованіями, своимъ прошлымъ и будущностью солдатъ принадлежитъ народу. Только

тамъ, гдѣ народъ очень слабо живетъ политической жизнью, солдатъ можетъ быть превращенъ въ безвольную машину. Чѣмъ живѣе политическая жизнь, чѣмъ болѣе широкіе круги она охватываетъ, тѣмъ менѣе молодой человѣкъ поступаетъ на военную службу, какъ «неисписанный листъ». Рекруты приносятъ съ собою въ армію тѣ политическія идеи и настроенія, которыя господствуютъ въ народѣ. Помимо того, что благодаря этому рекруты заранее пріобрѣтаютъ извѣстный политическій отпечатокъ, все моральное вліяніе на нихъ военной службы становится въ существенную зависимость отъ ихъ политическихъ убѣжденій. Бываютъ времена, когда военные окружены въ глазахъ народа ореоломъ величія и славы и воинская повинность считается почетной обязанностью. Въ такія времена молодежь съ восторгомъ идетъ служить и радостно переноситъ всѣ трудности и тяготы. Но бываютъ другія времена, когда военщина чувствуется народомъ, какъ тягостное бремя, когда съ ея лица безпощадно сорвана личина народнаго института, когда дѣлаются къ тому же попытки систематически и открыто натравливать войско на народъ. Тогда народъ питаетъ къ военной службѣ злобу, ожесточеніе, порой и ненависть, тогда и молодой рекрутъ переступаетъ порогъ казармы съ инымъ чувствомъ, онъ проникается критическимъ и недовѣрчивымъ отношеніемъ къ службѣ, на которую онъ начинаетъ смотрѣть, какъ на безполезную, даже вредную трату времени, вмѣсто воодушевленія является недовольство, а вмѣсто служебнаго усердія заступаетъ вынужденное страхомъ наказанія повиновеніе, за которымъ скрывается недовольство, затаенная злоба, едва сдерживаемый протестъ. При такихъ условіяхъ всѣ мѣры военнаго начальства ведутъ только къ одному: къ усугубленію недовольства. Если обращеніе смягчается, то тѣмъ свободнѣе развивается критика, если же обращеніе становится суровымъ, оно принимается какъ оскорбленіе и обращаетъ недовольство въ ненависть. Если все время солдата поглощается службой, онъ начинаетъ казаться себѣ вьючной скотиной или каторжникомъ, прикованнымъ къ тачкѣ; если же ему оставляютъ много свободнаго времени, то тутъ какъ разъ и представляется удобный случай предаваться критикѣ государства и его военныхъ порядковъ.

Своеобразное освѣщеніе съ этой точки зрѣнія получаетъ парадная муштровка. Безцѣльная во всѣхъ отношеніяхъ, она можетъ имѣть только одну задачу — заполнить солдатскій досугъ, занять его и держать въ постоянномъ напряженіи его вниманіе. Но при данныхъ условіяхъ и это не удастся. Скептически настроенный и озлобленный умъ долженъ видѣть въ парадной муштровкѣ низведеніе военной службы на степень кукольной комедіи, но комедіи, доставляющей много хлопотъ и мученій.

Противорѣчіе между военнымъ воспитаніемъ и политическимъ

воздѣйствіемъ можетъ до того обостриться, что самому военному начальству уже благодаря этому одному, не говоря о финансовыхъ соображеніяхъ, покажется цѣлесообразнымъ сократить срокъ службы. Солдаты, которые уже знаютъ службу и все-таки не могутъ оставить казарму, становятся самыми опасными ворчунами. Все, что военная служба представляетъ соблазнительнаго для крестьянина или рабочаго, они уже испытали. Прелесть новизны отлетѣла; новыя условія, своеобразное солдатское житье, все, что такъ импонировало молодому рекруту и держало его духъ въ напряженіи, больше уже ихъ не захватываетъ. Зато осталось казарменное однообразие, дѣлающее всѣ дни похожими другъ на друга, точно пуговицы мундира, осталось подневольное, безцѣльное существованіе, сотканное изъ вѣчной скуки. Служба, которой не приходится больше учиться, становится скучной и все же остается тягостной. И при такомъ изнуряющемъ времяпровожденіи сверлитъ жгучая забота о необезпеченномъ будущемъ. Къ этому надо прибавить, что старый солдатъ находится лично въ болѣе близкомъ соприкосновеніи со всѣмъ военно-административнымъ аппаратомъ. Ему знакомы всѣ особенности и слабости его начальства, начиная съ фельдфебеля и кончая, по крайней мѣрѣ, майоромъ. Очарованіе исчезло и всѣ колесики военного механизма лежатъ передъ нимъ, какъ на ладони. Какъ видите, старые солдаты образуютъ категорію людей, очень опасныхъ для государственнаго порядка.

Но чѣмъ сильнѣе развита политическая жизнь, тѣмъ болѣе живымъ и впечатлительнымъ въ политическомъ отношеніи, тѣмъ интеллигентнѣе бываетъ составъ новобранцевъ, тѣмъ легче усваивается новобранцемъ военная, или солдатская наука. Ничѣмъ, можетъ быть, лучше не характеризуется степень достигнутаго политическаго развитія въ Германіи, какъ тѣмъ обстоятельствомъ, что пятилѣтняя дѣйствительная служба, какъ было раньше, теперь является и политически немислимой. Еще нѣсколько лѣтъ и возвращеніе къ трехлѣтнему сроку службы станетъ политической невозможностью. Но чѣмъ больше сокращается срокъ службы, тѣмъ болѣе перевѣсъ въ арміи получаютъ только-что оторванные отъ народа элементы, тѣмъ вообще тѣснѣе связь между солдатомъ и рабочимъ или крестьяниномъ. Съ сокращеніемъ срока службы мы все больше и больше приближаемся къ народной милиціи, которая является логическимъ слѣдствіемъ всеобщей воинской повинности.

При наличности всеобщаго, глубоко проникающаго политическаго недовольства въ народѣ не требуется такимъ образомъ никакой пропаганды среди солдатъ, чтобы настроить ихъ оппозиціонно. Разумѣется, если для выполненія этой задачи нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ распространенія летучихъ листовъ въ казармахъ, военное начальство всегда справится съ крамолой съ величайшей легкостью. Но, если въ арміи кромѣ этого все обстоитъ

благополучно, тогда нечего бояться этихъ листовъ, ибо они не окажутъ на солдатъ никакого дѣйствія. Тотъ смертельный страхъ, который испытываютъ теперь передъ каждой занесенной прокламаціей, въ этомъ отношеніи характеренъ. Это даетъ основаніе подозревать, что въ арміи господствуетъ недовольство, жадно прислушивающееся ко всякому оппозиціонному проявленію. Но разъ такого рода недовольство является лишь отраженіемъ общаго оппозиціоннаго настроенія въ странѣ, то въ такомъ случаѣ само военное начальство, вся военщина какъ таковая является источникомъ самой разрушительной и плодотворной революціонной пропаганды. Такимъ образомъ, военное начальство должно начать съ самого себя, если хочетъ искоренить крамольниковъ.

При такихъ обстоятельствахъ совершенно безсильны помочь всякіе «Umsturgvorlage» (законъ о крамольникахъ), при другихъ же они совершенно излишни. Если даже совершенно изолировать солдатъ, то отъ этого только усилится броженіе внутри казармы, и недовольство перейдетъ въ открытое возмущеніе. И чѣмъ заботливѣе будутъ охранять солдатъ отъ революціоннаго яда, тѣмъ сильнѣе они будутъ имъ заражены. Если, напри-мѣръ, старательно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы солдатъ не входилъ ни въ малѣйшее соприкосновеніе съ социалдемократами, развѣ этимъ самымъ не направляется его вниманіе въ сторону социалдемократіи? А вѣдь самая трудная задача социалдемократической пропаганды всегда заключается въ томъ, чтобы привлечь вниманіе, преодолѣть тупое равнодушіе массъ. Разъ это достигнуто, социалистическій «ядъ», точно синильная кислота, распространяется съ удивительной быстротой. Точно также и солдатъ, разъ вниманіе его пробуждено, разъ онъ начинаетъ думать и наблюдать, быстро находитъ себѣ товарищей, болѣе знающихъ, чѣмъ онъ, и въ концѣ концовъ казарма формируетъ своихъ социалдемократовъ не хуже, чѣмъ фабрика.

Чего только не сдѣлалъ въ этомъ направленіи «Umsturgvorlage», особенно подъ забавнымъ аккомпаниментомъ военного министра фонъ-Шеллендорфа? Или думаютъ, что комедія съ «Umsturgvorlage», которая почти цѣлый годъ давала тонъ политикѣ и была предметомъ общественнаго вниманія, совсѣмъ уже осталась неизвѣстной солдатамъ? Дебаты по поводу «Umsturgvorlage» сдѣлали для возбужденія недовольства больше, чѣмъ до конца столѣтія и еще на десятокъ лѣтъ впередъ могли бы сдѣлать всѣ летучіе листки, которымъ «законъ противъ крамолы» хотѣлъ закрыть доступъ въ казармы.

Вотъ гдѣ роковое противорѣчіе, которое возникаетъ на почвѣ демократическихъ учрежденій и всеобщей воинской повинности для всякаго правительства, стремящагося къ государственному перевороту. Чѣмъ упрямѣе и долѣе оно стремится опереться на войско

противъ народа, тѣмъ оно все больше обращаетъ войско противъ себя, и чѣмъ больше растутъ въ этомъ отношеніи притязанія, тѣмъ все менѣе надежной становится опора. Если систематически готовить армію къ государственному перевороту, то въ концѣ она будетъ готовой ко всему, кромѣ государственнаго переворота.

9. Дисциплина.

Говорятъ: если мы завоевали головы солдатъ, мы тѣмъ самымъ имѣемъ въ своемъ распоряженіи и штыки. Это теоретически вѣрное положеніе, должно быть на практикѣ примѣнено съ большою осторожностью.

Уже завоеваніе «головъ» само по себѣ является дѣломъ большой трудности. Мы не должны обманываться на счетъ того обстоятельства, что уровень познаній, достижимый для народа въ рамкахъ буржуазнаго общества, является чрезвычайно ограниченнымъ. Тяжелый трудъ и горькая нужда являются непреодолимыми силами, угнетающими духъ.

Пролетарій, который послѣ долгаго трудового дня разслабленный и смертельно-усталый возвращается домой, едва находитъ достаточно мѣста и свѣта для чтенія въ тѣсной каморкѣ, заставленной столомъ и кроватями, гдѣ тѣснится все его семейство, иногда съ прибавкой одного или нѣсколькихъ ночлежниковъ. Кромѣ того онъ занятъ еще женой, дѣтьми и домашними дѣлами. Гдѣ ему найти досугъ и возможность выработать себѣ законченный, ясный взглядъ хотя бы только на политику? Пролетаріи, охваченные такой страстью къ политикѣ, наукѣ или искусству, что пренебрегаютъ всѣми житейскими интересами и здоровьемъ и преодолеваютъ всѣ препятствія, составляютъ и должны составлять большую рѣдкость. Человѣчество въ большей своей части всегда будетъ стремиться придать положительное содержаніе жизни, какъ она разъ сложилась, а уже на второмъ планѣ заниматься размышленіемъ и критикой.

Если же опытъ показываетъ, что социалдемократическая пропаганда развивается съ необычайной быстротой въ средѣ пролетарскихъ массъ, то тутъ, очевидно, дѣло больше въ настроеніи, чѣмъ въ убѣжденіи. Но социалистически-революціонное настроеніе пролетаріата ни въ коемъ случаѣ не есть что-то случайное и скоропреходящее, ибо оно является неизбѣжнымъ результатомъ господствующихъ экономическихъ отношеній, капиталистической эксплуатаціи. Въ этомъ сила социалдемократіи, которую можно искоренить только вмѣстѣ съ капиталистическимъ обществомъ.

Поэтому также и въ войскѣ рѣчь во всякомъ случаѣ только можетъ идти объ оппозиціонномъ настроеніи.

Тамъ, гдѣ мы его находимъ, оно вездѣ является, какъ уже сказано, продуктомъ общаго политическаго недовольства въ народѣ, но разъ свивши себѣ гнѣздо, оно не подавляется, а разжигается военной службой. Но зато въ распоряженіи военнаго начальства находятся могущественныя средства, чтобы удержать въ надлежащемъ повиновеніи солдатъ, несмотря на могущее возникнуть въ ихъ средѣ оппозиціонное настроеніе. Есть три силы, на которыя опирается военное начальство: военная организація, военная дисциплина и военное руководство.

Выработанная столѣтнимъ опытомъ военная организація, какъ всякая организація для господства надъ массами, зиждется главнымъ образомъ на томъ, что вся масса расчленяется на отдѣльныя части, изъ которыхъ каждая образуетъ подчиненную особому начальнику группу. Нарушенная благодаря этому живая связь массы восполняется единствомъ администраціи. Вся масса какъ будто втиснута въ крѣпкія, тѣсно сомкнутыя формы, надъ которыми пирамидально возвышается желѣзный строй военно-административнаго механизма, колеса котораго заставляютъ двигаться эту разрозненную, но прочно спаянную массу.

Отдѣльныя войсковыя части чувствуютъ себя благодаря этому безвольными членами общей организаціи, руководимой высшей силой. Военное же начальство выступаетъ передъ каждой частью или отдѣльнымъ солдатомъ, какъ цѣлое, какъ единая, прекрасно расчлененная, всеохватывающая, вездѣсушая, всезнающая правительственная власть, вооруженная всѣми атрибутами господства: полиціей, судьями и тюрьмами.

Громадное значеніе дисциплины уже много разъ объяснялось. Къ созданной военной организаціей формѣ она подходитъ, какъ содержаніе. Ея конечнымъ дѣйствіемъ является слѣпое повиновеніе, ея сущность сводится вотъ къ чему: вся дѣятельность солдата разлагается на извѣстное число точно опредѣленныхъ манипуляцій, которыя въ неизмѣнномъ порядкѣ съ величайшей точностью должны быть продѣланы изо дня въ день. Для солдата на службѣ нѣтъ никакого выбора, никакого самоопредѣленія, никакой осмысленной работы. Все направлено къ тому, чтобы превратить его въ автоматъ, отправляющій свои функціи съ точностью часового механизма.

Благодаря общей одинаковой выучкѣ стираются всѣ индивидуальныя особенности и вырабатывается стадный типъ солдата.

Дѣло довершается производствомъ массовыхъ движеній. Тутъ воля каждаго индивидуума совершенно подавлена. По отбиваемому такту, по командѣ замкнутая колонна двигается впередъ, назадъ, движется въ сторону, однимъ общимъ движеніемъ многихъ рукъ

продѣлываются ружейные приемы. Ни тѣни мысли, одно инстинктивное, бессознательное, выработанное навыкомъ самоприспособленіе, механическое дѣйствіе, слившейся въ одинъ организмъ народной толпы. Всякая часть становится слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ ея начальника.

Задача военного руководства заключается въ томъ, чтобы организаціей и дисциплиной слитую въ одинъ организмъ съ опредѣленными массовыми функціями, солдатскую толпу приводить въ движеніе. Въ движеніи солдатская масса еще болѣе безвольна, чѣмъ въ состояніи покоя. Размѣреннымъ маршированіемъ въ шеренгѣ, въ строю, напряженіемъ, производимымъ общимъ неустержимымъ стремленіемъ впередъ, парализуется сознание; сверхъ того, всякое движеніе мысли подавляется барабаннымъ боемъ, или шумной, оглушительной музыкой.

Таящемуся гдѣ то въ глубинѣ души оппозиціонному чувству, такимъ образомъ, противопоставляется въ арміи систематическое уничтоженіе проявленія воли солдата путемъ организаціи, дисциплины и руководства, полное раствореніе его личности въ общности войсковой части, инстинктивно покорной словамъ команды. Во всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ революціяхъ нужно было разрушить эти чары, чтобы тѣмъ самымъ солдаты могли проявить свои убѣжденія, свое настроеніе и слѣдственно свою волю.

Эту задачу выполняли баррикады. Они задерживали двигающіяся войска, приводили ихъ этимъ въ замѣшательство и заставляли притти въ себя. Что же однако можетъ стать теперь на пути къ движенію войскъ въ случаѣ государственнаго переворота, теперь, когда всякая баррикада можетъ быть сметена.

10. Народъ и войско при государственномъ переворотѣ.

Политическое развитіе такимъ образомъ такъ же мало зависитъ отъ арміи, какъ капиталистическое производство въ цѣломъ отъ развитія военной техники. Напротивъ, при всеобщей воинской повинности само войско становится носителемъ оппозиціоннаго настроенія, такъ что оно въ концѣ концовъ только благодаря организаціи и дисциплинѣ удерживается въ инстинктивномъ повиновеніи.

Сила дисциплины и организаціи велика, но надолго она едва ли можетъ сохраниться при наличности конфликта съ народомъ. Моральное сопротивленіе солдата можетъ быть на время подавлено, но если этотъ гнетъ бываетъ слишкомъ продолжителенъ, напряженіе начинаетъ ослабѣвать, дѣйствіе теряетъ свою силу и одновременно съ этимъ усиливается противодѣйствіе. Достаточно

поэтому оставить войско въ покоѣ, чтобы вліяніе организаціи и дисциплины само собой исчезло.

Какъ это ни кажется парадоксомъ, но фактъ тотъ, что тактическое значеніе баррикады меньше на руку народу, чѣмъ военнымъ начальникамъ.

Первому они могутъ служить лишь очень слабымъ прикрытіемъ, для вторыхъ же они являются весьма благоприятнымъ пунктомъ нападенія. Совсѣмъ иное дѣло, когда во время великихъ политическихъ движеній войско противостоитъ ничѣмъ неприкрытымъ громаднымъ скопищамъ народа. Тутъ въ отношеніи военномъ нечего дѣлать. вмѣсто того, чтобы сражаться противъ революціонной арміи, при этихъ условіяхъ солдаты употребляются для самой обыкновенной полицейской службы.

Въ этомъ и разница. Въ первомъ случаѣ войско имѣетъ передъ собой сражающагося противника, само подвергается опасности быть разстрѣляннымъ, поэтому хотя и наступаетъ, въ то же время все-таки находится въ положеніи обороняющагося—во второмъ случаѣ, оно, будучи вынужденнымъ итти въ наступленіе, должно обстрѣливать безоружную толпу, мужчинъ и женщинъ, которые изъ своихъ оконъ или подъ открытымъ небомъ смотрятъ имъ въ глаза, если и не дружелюбно, то все-таки съ робкой надеждой.

Войска, которыя еще, пожалуй, могутъ быть употреблены для быстраго натиска на баррикады, при такихъ обстоятельствахъ становятся нерѣшительными и ненадежными. Послѣ того, какъ ихъ гнали цѣлый день по улицамъ, они возвращаются въ казарму усталые и въ самомъ удрученномъ состояніи духа. На слѣдующій день они уже, само собой разумѣется, еще менѣе годны для дѣла и только вопросъ времени, когда ихъ энергія окончательно измѣнитъ имъ.

Солдаты, которые высылаются правительствомъ, стремящимся къ государственному перевороту, чтобы разстрѣливать или громить картечью защищающій свои политическія права народъ, не должны быть встрѣчаемы послѣднимъ ружейными выстрѣлами или камнями, ибо народъ не имѣетъ никакого разумнаго основанія озлобить противъ себя солдатъ, наоборотъ, онъ долженъ выискать всякія мѣры перетянуть ихъ на свою сторону.

Баррикады можно снести, но ничѣмъ нельзя помѣшать народу дѣйствовать на войска воззваніями, плакатами и прокламаціями. Уши солдата еще могутъ быть оглушены барабаннымъ боемъ, но какъ ему завязать глаза? Школьный учитель, побѣдившій при Садовой, можетъ еще разъ выступить въ роли великаго защитника народа.

Не трудно себѣ представить, съ какими словами увѣщанія граждане должны были бы обращаться къ солдатамъ. Народъ дол-

женъ напомнить войску объ его гражданскомъ долгѣ, о томъ, что оно само есть часть народа, что права народа—и его права, благо народа—и его благо, борьба народа—его борьба, что роли могутъ очень скоро перемѣниться, и тѣ же солдаты, которые теперь готовятся стрѣлять въ народъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть, сами очутятся въ средѣ народной массы, которую будутъ разстрѣливать.

Не исключается и возможность того, что народъ лично выйдетъ навстрѣчу войску, но выйдетъ не съ оружіемъ въ рукахъ, а во всеоружіи сознанія своихъ правъ и солидарности интересовъ между народомъ и войскомъ. Но во всякомъ случаѣ народъ, свободно толпящійся на улицѣ, какъ уже сказано, оказываетъ войску болѣе дѣйствительное моральное противодѣйствіе, чѣмъ это можетъ сдѣлать кучка народа, которая подъ защитой баррикады осыпаетъ войско пулями. Въ большинствѣ случаевъ не страхъ передъ баррикадой удерживалъ войско отъ нападенія.

Тутъ, конечно, можетъ представиться народу случай проявить свое мужество. Но послѣднее не надо смѣшивать съ храбростью наемной солдатчины.

Мужество народа не въ томъ, чтобы убивать, а въ томъ, чтобы умирать. Даже своими революціонными побѣдами народъ обязанъ не силѣ своихъ кулаковъ. Грубая матеріальная сила всегда была на сторонѣ реакціи. Силы, давшія народу возможность побѣдить, заключались въ геройскомъ самопожертвованіи во имя общаго дѣла, въ способности безъ колебанія рисковать жизнью, присущей той эксплуатируемой и угнетенной массѣ, которой нечего терять, и въ инстинктивной, стадной сплоченности толпы. Это тѣ силы, которыя дали возможность народу 14-го іюля 1789 г. штурмовать Бастилію все возрастающей массой, несмотря на пушечные выстрѣлы изъ крѣпости. Это тѣ силы, которыя во всѣхъ позднѣйшихъ революціяхъ на мѣсто разрушенныхъ баррикадъ за ночь воздвигали новыя и еще болѣе грозныя, на смѣну выбитымъ изъ строя борцамъ посылали новыхъ и еще болѣе многочисленныхъ. И эти же силы въ будущемъ, если явится необходимость въ защитѣ конституціи, высшаго политическаго блага, дадутъ народу мужество противостоять вооруженной силѣ и безъ защиты баррикадъ.

11. Организація пассивнаго сопротивленія.

Лозунгъ для поведенія народа передъ лицомъ вооруженной силы при государственномъ переворотѣ долженъ былъ бы гласить слѣдующее: «не нужно баррикадной борьбы! не нужно насильственнаго сопротивленія! не давать себя провоцировать! спокойно выжидать,

пока деморализація, которая неизбежно должна наступить, приведетъ въ смятеніе зачинщиковъ злодѣйскаго дѣла и заставить ихъ отступить». Хватитъ ли, однако, у народа достаточно хладнокровія и сплоченности, чтобы выполнить эту трудную задачу, не впадая въ то же время въ отчаяніе и трусость?

Революція имѣла свое механическое связующее средство: баррикаду. Теперь баррикада совершенно отжила свой вѣкъ. Слѣдствіемъ этого является то, что всѣ тѣ разрозненные элементы народа, которые могутъ быть сплочены только такимъ механическимъ путемъ и вся сила которыхъ заключалась въ баррикадѣ, лишены въ политическомъ отношеніи всякой способности сопротивленія. Этимъ сломлена окончательно революціонная сила мелкой буржуазіи; и такимъ образомъ она навсегда сыграла свою роль руководительницы неорганизованныхъ пролетарскихъ массъ во время революціонныхъ сраженій. Съ другой стороны, общественный классъ, организованный уже самъ по себѣ, можетъ съ успѣхомъ примѣнять, какъ указано раньше, тактику пассивнаго сопротивленія. Другими словами это значитъ вотъ что: автоматическія пушки и мелкаго калибра ружья положили конецъ буржуазной революціи, но они нисколько не сломили политической силы сопротивленія пролетаріата.

Насколько рабочіе могутъ быть хорошо сплочены и безъ механическихъ средствъ показываютъ стачки. Между прочимъ это показала недавно стачка англійскихъ горно-рабочихъ, объединившая 400.000 рабочихъ. Развитіе стачекъ вообще аналогично съ развитіемъ политической борьбы, хотя и въ весьма слабой степени, соотвѣтственно обстоятельствамъ. Исторія рабочаго движенія показываетъ, что первыя стачки сопровождались насиліями противъ капиталистовъ, уничтоженіемъ машинъ и поджогами. Это отнюдь не было только порожденіе грубости и безсознательности. Но въ то время, когда проникнутая классовымъ сознаніемъ сплоченность рабочихъ была еще такъ мало развита, ихъ вниманіе, ихъ гнѣвъ должны были быть направлены на что-нибудь осязательное, требовалась какая-нибудь дѣятельность, которая дала бы имъ возможность чувствовать себя массой и дѣйствовать, какъ масса.

Въ настоящее время это грубое вспомогательное средство организаціи замѣнено классовой сознательностью.

Лозунгомъ при стачкѣ является въ настоящее время нѣчто совершенно противоположное: «никакихъ насилій». Изъ-за этого однако стачки не прекратили своего существованія и, напротивъ, только теперь онѣ даютъ возможность для развитія массъ.

Организованы ли рабочіе въ профессиональные союзы или въ политическую партію—достаточно того факта, что они организованы. Какъ бы ни были лишены политическаго характера стремленія профессиональныхъ союзовъ, въ минуту нужды политиче-

ское движеніе можетъ вполне использовать эти превосходныя организациі для своихъ цѣлей.

Ясно, что чѣмъ прочнѣе и шире организациа рабочаго класса, тѣмъ дѣйствительнѣе окажется его сопротивленіе. Если теперь спеціально въ Германіи политическая организациа имѣетъ передъ профессиональными то преимущество, что она носитъ болѣе всеобщій характеръ, то и профессиональныя въ свою очередь превосходятъ политическую болѣе прочностью своей внутренней связи. Политическая организациа текуча и непрочна и зависитъ отъ политическаго настроенія, профессиональная же прочна и захватываетъ рабочаго въ самой основѣ его экономическаго положенія, въ его эксплуатаціи. Она обслуживаетъ рабочаго не только, какъ гражданина, но и какъ пролетарія, настигаетъ его не только на форумѣ и у избирательной урны, но и на фабрикѣ и у домашняго очага. Уже изъ-за этой болѣе прочной связи, которой профессиональное движеніе сплѣкаетъ рабочихъ, оно имѣетъ, какъ мы видимъ, громадное значеніе.

Но не одни только профессиональные союзы, даже и такія учрежденія, какъ больничныя кассы и страхованія рабочихъ, превращаются, когда нужно, въ политическія организациі. Такого результата своихъ «соціальныхъ реформъ» Бисмаркъ, вѣроятно, не ждалъ. Но это и показываетъ, что политическое значеніе какого нибудь учрежденія лежитъ не въ немъ самомъ, а въ политической ситуациі. При предполагаемомъ конфликтѣ все дѣло въ томъ, чтобы народъ себя не чувствовалъ разьединеннымъ, слабо связаннымъ, а сплоченнымъ, объединеннымъ и организованнымъ, какъ масса. Поэтому, когда этого хочетъ іронія исторіи, бюро общества для страхованія рабочихъ превращаются въ политическіе узловые пункты, а служащіе въ нихъ чиновники, обвязавшись красными шарфами, или тѣ, кого народъ ставитъ на ихъ мѣсто, превращаются въ пропагандистовъ и организаторовъ народнаго ополченія.

Если германскіе рабочіе примутъ участіе въ сопротивленіи государственному перевороту, то уже однимъ фактомъ организованности рабочаго класса и само сопротивленіе сдѣлается организованнымъ. Было бы необходимо уничтожить и запретить всѣ формы объединенія, безъ всякаго исключенія, до пѣвческихъ обществъ включительно, если захотѣли бы дезорганизовать рабочій классъ. Можно ли это провести на дѣлѣ? Можно ли пріостановить безконечно развѣтвленную общественную жизнь? Хватило ли бы на это государственнаго механизма полицейскаго аппарата? И на долго ли?

Двухъ отвѣтовъ на эти вопросы не можетъ быть. Организациі рабочаго класса, какъ Фениксъ, возрождаются каждый разъ послѣ ихъ уничтоженія. За это ручается классовое самосознаніе пролетаріата, которое порождается экономическими отноше-

ніями и укрѣпляется историческимъ развитіемъ. Пролетаріатъ многолѣтнимъ развитіемъ наученъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ проявляться въ общественной жизни, какъ классъ. Мощно развитое чувство солидарности не можетъ быть болѣе вытравлено. Оно коренится глубоко въ общности эксплуатаціи рабочихъ капиталомъ, и всякій общій политическій гнетъ еще тѣснѣе сковываетъ пролетаріатъ узами единства. Такъ рабочіе держатся сплоченно даже тогда, когда никакая организациа ихъ формально не объединяетъ. Это убѣдительно показали выборы сейчасъ-же послѣ объявленія «исключительнаго закона». Развѣ не были разгромлены тогда всѣ организациі? И тѣмъ не менѣе рабочія массы шли къ урнамъ и выбирали социалдемократовъ. Духовная связь, которая ихъ объединяла не могла быть конфискована полиціей. Это-то и даетъ увѣренность, что пролетаріатъ, когда это понадобится, создаетъ изъ себя организациу сопротивленія и безъ помощи баррикадъ.

Въ чемъ тутъ дѣло? Въ томъ, чтобы народъ терпѣливо выждалъ, чтобы онъ не поддавался страху, но также чтобы онъ не далъ себя провоцировать на безумныя дѣйствія. Для этого онъ долженъ избрать себѣ должностныхъ лицъ, полицію, администрацію, которая поддерживала бы порядокъ. Этому германскій пролетаріатъ научился за долгіе годы классовой борьбы. Пролетаріатъ уже не дикая, случайно сбившаяся масса, а дисциплинированная армія. Пришедшій къ классовому сознанію пролетаріатъ обладаетъ способностью, недоступной никакому другому классу капиталистическаго общества, способностью управлять самимъ собой. И не анархистское хвастовство и неистовство, а спокойствіе и стройность крѣпкой организациі составляетъ его непреодолимую политическую силу сопротивленія.

12. Политическая массовая стачка.

Изображенный образъ дѣйствія народа во время государственнаго переворота является ничѣмъ инымъ, какъ политической массовой стачкой. И баррикадная революція предполагала забастовку, она предполагала, что работа на фабрикахъ и въ ремесленныхъ заведеніяхъ прекращена. Но баррикадная революція имѣетъ слишкомъ бурное теченіе, чтобы проявиться, какъ стачка.

Генеральная стачка не является панацеей. Изолированная отъ политической жизни, она бесплодна и должна привести къ пораженію пролетаріата. Но тутъ рѣчь идетъ не объ этомъ, а о массовой стачкѣ съ политическими цѣлями, образецъ которой намъ представила Бельгія. Мы говоримъ намѣренно «массовая

стачка», такъ какъ въ этомъ случаѣ дѣло совсѣмъ не въ томъ, чтобы бастовалъ весь рабочій классъ страны безъ исключенія. Политическая массовая стачка тѣмъ и отличается отъ другихъ стачекъ, что цѣлью ея является не достиженіе лучшихъ условій труда, а извѣстныхъ политическихъ измѣненій, что она поэтому направлена не противъ отдѣльныхъ капиталистовъ, а противъ правительства.

Какъ можетъ, однако, такая стачка оказать дѣйствіе на правительство? Она дѣйствуетъ на него тѣмъ, что потрясаетъ весь экономическій строй общества. Мы уже видѣли, что могущественнымъ средствомъ насильственныхъ революцій была дезорганизация общества. Но основой этой дезорганизации несомнѣнно является приостановка работы. Она вызываетъ кризисъ въ дѣлахъ. Средніе слои населенія втягиваются въ круговоротъ событій. Возмущеніе растетъ. Но правительство безпомощно, ибо не можетъ же оно таскать насильно рабочихъ на фабрику. И оно тѣмъ безпомощнѣе, чѣмъ меньше ему оказывается открытое сопротивленіе, чѣмъ болѣе массовой характеръ носитъ стачка, чѣмъ она продолжительнѣе.

Каковы же условія, необходимыя для развитія и поддержанія политической массовой стачки?

Прежде всего, организация рабочаго класса. Она зависитъ, какъ указано было раньше, отъ развитія классоваго самосознанія пролетаріата. Въ связи съ этимъ должно быть опять отмѣчено громадное значеніе профессиональных организаций. Дальше — денежные средства. Слѣдовательно, богатые стачечныя кассы. Но не это одно. Если на сторонѣ стачки симпатіи среднихъ слоевъ буржуазіи, она находитъ богатую поддержку со стороны этихъ круговъ. Но мы уже много разъ разъясняли, что такое народное движеніе мыслимо только, какъ отвѣтъ на вопіющія урѣзыванія политическихъ правъ, на предпринятое правительствомъ насильственное ниспроверженіе конституціи, мы также показали, что реакція должна задѣть не только рабочихъ, но и все населеніе. Но въ такомъ случаѣ пролетаріату обеспечены симпатіи и поддержка среднихъ слоевъ населенія.

Вмѣстѣ съ наличными деньгами надо принять во вниманіе и кредитъ у булочниковъ и мелкихъ лавочниковъ. Можно съ полнымъ правомъ сказать, что пока этотъ кредитъ существуетъ, продолженіе стачки обеспечено. Но дѣло въ томъ, что чѣмъ болѣе массовый, чѣмъ болѣе всеобщій характеръ носитъ стачка, тѣмъ болѣе торговцы находятъ себя вынужденными давать стачечникамъ въ кредитъ. Въ противномъ случаѣ они лишаются всѣхъ своихъ покупателей и подрываютъ окончательно свою торговлю. По тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ громадное число берлинскихъ рестораторовъ отказывалось отъ услугъ бойкотируемыхъ пивоваренныхъ заводовъ и покупало только свободное отъ бойкота

пиво, по тѣмъ же соображеніямъ пекари и лавочники, если стачкой будутъ охвачены громадная часть рабочей массы, будутъ давать въ кредитъ до извѣстныхъ предѣловъ. Къ этому надо принять во вниманіе, какъ и при денежномъ вопросѣ, симпатіи, которыя встрѣчаетъ движеніе со стороны всего населенія.

Потребительныя общества также могутъ явиться очень цѣнной поддержкой при такихъ обстоятельствахъ.

Вотъ въ общемъ тѣ условія, при которыхъ можетъ проявиться массовая стачка. Въ своихъ главныхъ чертахъ этотъ взглядъ вполне совпадаетъ съ выработаннымъ Каутскимъ предложеніемъ X комиссіи международного социалистическаго рабочаго конгресса, въ Цюрихѣ въ 1893 г. Въ этомъ предложеніи мы находимъ слѣдующее: «массовая стачка при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ быть весьма сильнымъ оружіемъ не только экономической, но и политической борьбы, но оружіемъ, плодотворное примѣненіе котораго предполагаетъ прочную профессиональную и политическую организацію»¹⁾. Вопросъ о генеральной стачкѣ, къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени не былъ рассмотрѣнъ въ общемъ собраніи Цюрихскаго конгресса, поэтому и нѣтъ о немъ никакого постановленія.

Не слѣдуетъ прежде всего упускать изъ виду зависимость между стачкой и государственнымъ переворотомъ. Не слѣдуетъ забывать главнаго, что необходимо протянуть это состояніе всеобщаго волненія и броженія до тѣхъ поръ, пока не будутъ деморализованы активные участники переворота: войска станутъ нерѣшительными, зачинщики и руководители конституціоннаго переворота будутъ повергнуты въ смятеніе. По мѣрѣ того, какъ это будетъ наступать, будетъ все болѣе мѣняться положеніе, и политическій характеръ движенія можетъ все болѣе принимать форму массовыхъ шествій, уличныхъ собраній, демонстрацій и т. д.

При политической массовой стачкѣ, слѣдовательно, вопросъ не въ томъ, кого давить сильнѣе стачка: классъ ли капиталистовъ или рабочій классъ. Вопросъ только въ томъ, какъ долго можетъ выдержать правительство давленіе массоваго прекращенія работы при всеобщемъ броженіи и возмущеніи? И рѣшеніе этого вопроса, само собой разумѣется, зависитъ не только отъ общихъ условій успѣха стачки, но и отъ силы возмущенія, господствующаго въ народѣ, отъ политическихъ интересовъ, которые ставятся на карту, отъ состоянія войска и т. д. Однимъ словомъ, массовая стачка важный политическій факторъ, но вовсе не единоспасающее средство политической борьбы.

Ясно, что чѣмъ болѣе всеобщій характеръ имѣетъ стачка, тѣмъ

¹⁾ Ср. также Бернштейнъ: «Стачка, какъ средство политической борьбы», «Neue Zeit» 1893/94 г., кн. 1, стр. 689.

сильнѣе ея дѣйствіе. Но, если же при обыкновенной стачкѣ многое зависит не только отъ ея размѣровъ, но и отъ значенія охватываемыхъ ею отраслей производства, то тѣмъ болѣе это важно при политической стачкѣ. Большая разница, бастуютъ ли горно-рабочіе или, напримѣръ, портные. Стачка горно-рабочихъ приостанавливаетъ всю желѣзнодорожную и машиностроительную промышленность и, такимъ образомъ, почти всю крупную промышленность. Одно значеніе имѣетъ также стачка пекарей, а совсѣмъ другое стачка строительныхъ рабочихъ. Центръ тяжести, и особенно при политической стачкѣ, лежитъ въ средствахъ сообщенія. Когда громадныя средства сообщенія перестаютъ работать, тогда застопоривается весь общественно-производственный механизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и политическій механизмъ.

Когда перестаютъ отправлять свою службу рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, машинисты, низшіе станціонные служащіе, рабочіе прочихъ отраслей желѣзнодорожнаго дѣла, когда это же дѣлаютъ почтовые служащіе, служащіе въ телеграфныхъ и телефонныхъ учрежденіяхъ, правительство дезорганизовано, оно, точно совершенно обезкровленное, безсильно бьется въ судорогахъ.

Но насколько громадно дѣйствіе стачки рабочихъ и служащихъ, занятыхъ около средствъ сообщенія, настолько же и трудно вызвать ее. Если есть, однако, положеніе, способное объединить на одномъ общемъ дѣлѣ эти разношерстные и трудно поддающіеся организаціи слои рабочихъ, то это борьба противъ уничтоженія конституціи.

13. Дезорганизація правительства.

Баррикадная революція имѣла своимъ почти исключительнымъ мѣстомъ борьбы столицу. Прежде всего, потому что тутъ мѣстонахожденіе правительства, а во-вторыхъ, потому что только въ большомъ городѣ и возможно то внезапное скопленіе людей, котораго требуетъ насильственная революція.

Это прежде всего давало правительству то преимущество, что оно могло стягивать къ резиденціи военныя силы всей страны.

Но уже политическая массовая стачка не ограничена рамками столицы. Она скорѣе предполагаетъ распространеніе по всей странѣ. Этому соотвѣтствуетъ всеобщій застой въ дѣлахъ, всеобщее потрясеніе хозяйственныхъ и политическихъ отношеній во всемъ государствѣ.

И опять таки только одинъ сознательный пролетаріатъ можетъ это осуществить. Всѣ остальные общественные слои разрознены

внутри самихъ себя. Ихъ разъѣдаетъ конкуренція. Они распадаются на мелкія группы, которыя или пространственно изолированы другъ отъ друга, какъ крестьянство, или профессионально и хозяйственно, какъ мелкая буржуазія и представители либеральныхъ профессій. Только одинъ пролетаріатъ образуетъ громадную, экономически однородную массу, въ которой вездѣ въ большомъ городѣ, какъ и въ изолированно стоящей въ деревнѣ фабрикѣ, отъ отдаленнаго приморскаго города у Балтійскаго моря до промышленно богатаго Рейна, вездѣ обнаруживается одинаковое чувство солидарности.

При баррикадной революціи достаточно было возстанія въ столицѣ, чтобы привести въ замѣшательство правительство. — Что же будетъ, когда всеобщее броженіе со стихійной силой охватитъ всю страну? Что будетъ, когда во всѣхъ большихъ городахъ будутъ происходить собранія, демонстраціи, манифестаціи протеста, и цѣлый ураганъ негодованія понесется изъ всей страны на встрѣчу правительству, стремящемуся къ государственному перевороту? Когда прежде всего повсемѣстно будетъ приостановлена работа и все громче будутъ раздаваться сѣтованія на разстройство въ дѣлахъ, вызывающееся общей неувѣренностью, и на гибель торговли. Когда падетъ курсъ государственныхъ бумагъ и въ то же время понизятся доходы, особенно государственные, которые зиждутся почти исключительно на налогахъ на предметы потребленія, расходы же вслѣдствіи колоссальной дѣятельности, которую должно развить правительство, будутъ расти. А каждый дальнѣйшій шагъ дѣлаетъ войско все менѣе надежнымъ.

Трудно удержать надолго большую массовую стачку, но еще труднѣе правительству устоять противъ всеобщаго враждебнаго ему политическаго движенія.

Между тѣмъ, какъ правительство такимъ образомъ, находится теперь въ столицѣ въ болѣе трудномъ положеніи, чѣмъ во времена баррикадной борьбы, такъ какъ оно не можетъ сосредоточить здѣсь такъ много военныхъ силъ, политическое движеніе въ провинціи будетъ развиваться съ неслыханной доселѣ силой. Это ведетъ насъ къ разсмотрѣнію еще одного важнаго момента.

Никакое государство не имѣетъ такой сложной и запутанной организаціи, какъ Германія, что обусловливается историческимъ образованіемъ ея изъ маленькихъ государствъ. Она распадается прежде всего на союзныя государства, и каждое союзное государство имѣетъ свой правительственный и административный аппаратъ, представляющій самую пеструю мѣшанину бюрократіи и демократіи. Уже это одно мѣшаетъ быстротѣ единству и общности дѣйствій правительства.

Не вездѣ существуютъ прусскіе порядки.

Чѣмъ сильнѣе развитіе демократіи въ какомъ-нибудь союзномъ

государствѣ, тѣмъ менѣе оно будетъ послушнымъ слугой реакціи, тѣмъ менѣе оно будетъ помогать склонному къ государственному перевороту имперскому правительству. Это обстоятельство можетъ повести къ дезорганизаціи, покушающагося на конституцію, правительства, съ другой стороны, итти на пользу политической массовой стачкѣ.

Не одни только ландтаги должны тутъ быть приняты во вниманіе. Громадное значеніе имѣетъ также общественное самоуправленіе, прежде всего городское. Когда городская дума находится на сторонѣ народа или подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія вынуждена проявить къ нему сочувственное отношеніе, тогда народъ располагаетъ не только авторитетомъ, но и финансовыми средствами городского управленія. Демократическая городская дума можетъ оказать поддержку стачечникамъ, обезпечить имъ кредитъ, ручаться за ихъ кредитъ.

Она можетъ для этой цѣли повысить налоги и заключать займы. Чѣмъ дольше держится стачка въ такомъ видѣ, безъ баррикаднаго боя, безъ пролитія крови безъ воинственныхъ страстей, тѣмъ глубже разложеніе, тѣмъ все болѣе и болѣе колеблется войско, тѣмъ въ большее замѣшательство приходитъ правительство, и въ концѣ концовъ противъ правительства обращается весь административный аппаратъ государства. Чтобы окончательно дезорганизовать правительство не достааетъ только одного: отказа во взносахъ податей.

Вотъ тотъ способъ, какимъ народъ можетъ защищать конституцію противъ измѣны. Успѣхъ этой народной обороны не только не парализуется современнымъ милитаризмомъ, но наоборотъ обезпеченъ при одномъ условіи: что пролетаріатъ спокойно выдержитъ свою роль и не дастъ себя увлечь на безразсудное дѣло. Тогда безусловно очень быстро должна наступить минута, когда покушающееся на конституцію правительство смирится и жалобно запроситъ прощанья.

14. Предостереженіе.

«Понимаетъ ли теперь читатель, почему господствующіе классы хотятъ непременно привести насъ туда, гдѣ стрѣляетъ ружье и рубитъ сабля?.. Эти господа расточаютъ со-всѣмъ напрасно свои просьбы, какъ и свои вызовы. Мы не такъ глупы. Съ такимъ же успѣхомъ они могутъ потребовать въ ближайшей войнѣ отъ непріятеля, чтобы онъ выстраивался противъ нихъ въ боевой строй стараго Фрица или въ колонны цѣлыхъ дивизій à la Ваграмъ и Ватерлоо и при томъ вооруженный кремневыми ружьями. Если условія измѣнились для народныхъ войнъ, то не меньше и для классовой борьбы. Времена внезапныхъ нападеній, революцій, проведенныхъ маленькимъ, сознательнымъ меньшинствомъ во главѣ безсознательныхъ массъ, безвозвратно прошли. Тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ измѣненіи общественной организаціи, должны сознательно участвовать сами массы, они сами должны сознавать о чемъ идетъ рѣчь, за что они должны сражаться. Этому научила насъ исторія послѣдняго пятидесятилѣтія».

Фридрихъ Энгельсъ.

Было бы глупо теперь при громадномъ развитіи милитаризма затѣять въ Германіи революцію вродѣ 1848 года, но еще глупѣе было бы надѣяться побѣдить возникшее при современныхъ отношеніяхъ политическое, народное движеніе тѣми средствами, которыхъ можетъ быть и хватило бы въ 1848 г. Въ теченіе этого полу-вѣка развилась не одна только военная техника, но вся хозяйственная и политическая жизнь народовъ, и, наконецъ, развитіе милитаризма является только блѣднымъ отраженіемъ всеобщаго промышленнаго развитія.

Это забываютъ господа отставные генералы, которые коротаютъ скучный досугъ своего празднаго существованія, въ пере-межку съ картами, шахматами и изученіемъ генеалогіи, бумажными революціонными сраженіями и мнятъ себя стратегами государственнаго переворота, доморощенными Мольтке противъ «внутренняго

врага». Да, еслибы народъ повелъ бы себя такъ, какъ они себѣ это представляютъ, какую превосходную кровавую баню они бы ему устроили! Жаль только, что народъ и не вздумаетъ полѣзть на баррикады только затѣмъ, чтобы способствовать возведенію дряхлыхъ генераловъ въ чинъ спасителей отечества.

Въ 1848 г. прусское правительство, самое сильное правительство Германіи, не могло справиться съ берлинскимъ возстаніемъ. Конечно, такихъ пушекъ и ружей, какъ теперь, не было тогда въ его распоряженіи. Но все же были пушки и ружья, значить нѣчто большее, чѣмъ «пожарныя трубы». И армія изъ 250.000 человѣкъ стояла подъ ружьемъ и была въ распоряженіи правительства. Это была послушная армія: безъ всякихъ политическихъ мыслей, не поколебленная никакими политическими идеями, никакимъ сознаниемъ, покорная и грубая. «Мы не парижане», кричали померанскіе солдаты плѣннымъ борцамъ берлинскихъ баррикадъ и разбивали имъ головы ружейными прикладами! И все-таки прусскій король вынужденъ былъ снять шляпу передъ столпившейся «чернью»!

И какъ ничтожна была тогда политическая сила народа въ сравненіи съ нынѣшней! Въ то время Пруссія была земледѣльческой страной. Свыше 70 процентовъ населенія жило въ деревняхъ. Населеніе городовъ равнялось только 28 процентамъ. Зато по переписи 1890 г. городское населеніе Пруссіи составляетъ свыше четырехъ десятыхъ общаго количества.

Тогда, въ 1848 г. въ Пруссіи число занятыхъ въ ремеслѣ, торговлѣ и средствахъ сообщенія составляло только 29 процентовъ населенія. Уже въ 1882 г. это промышленное населеніе составляло 47 процентовъ, а теперь оно достигаетъ вѣроятно свыше 50 процентовъ.

А изъ кого состояло городское или занятое въ промышленности населеніе 1848 г. въ Пруссіи? Промышленность находилась еще въ зачаточной стадіи своего развитія, фабрикъ было очень мало. Перепись 1849 г. въ таблицѣ ремесленниковъ даетъ цифру «механиковъ и ремесленниковъ» въ 942.373 человѣка, между тѣмъ какъ таблица фабрикъ въ рубрикѣ «фабрики по металлу и т. д.» показываетъ рабочій персоналъ всего 95.211 человѣкъ. Таково было тогда въ Пруссіи положеніе машиннаго производства, этой основы всей промышленности по отношенію къ слесарному, жестяному издѣлію и подобнымъ ремесленнымъ производствамъ.

Если на одну чашку вѣсовъ положить ничтожную численность фабричныхъ рабочихъ, ремесленниковъ, купцовъ и литераторовъ, которые составляли въ 1848 г. революціонную армію, а на другую сильную прусскую абсолютную королевскую власть Божьей милостью, опиравшуюся на четверть милліона штыковъ, не считая

«пожарныхъ трубъ», революція 1848 г. должна показаться безумнымъ рискомъ, а вѣдь и тогда не было недостатка въ старыхъ генералахъ, которымъ казалось возможнымъ подавить революцію парой штыковъ. И тѣмъ не менѣе революція 1848 г. имѣла успѣхъ, какъ показываетъ исторія.

Каждая эпоха имѣетъ свои приемы борьбы! Если въ 1848 г. по соображенію вышеизложенныхъ обстоятельствъ слѣдовало бы считать сумасшедшимъ всякаго, кто вздумалъ бы тогда выдвинуть массовую стачку, какъ средство политической борьбы, то таковымъ же приходится считать всякаго, кто вздумалъ бы современному войску преградить дорогу по широкимъ ровнымъ улицамъ столицы при помощи разрытого булыжника, старой рухляди и опрокинутыхъ тачекъ. Вотъ почему глупо думать, что народъ такими средствами сможетъ бороться противъ государственнаго переворота. Если дойдетъ до государственнаго переворота, генералы безъ сомнѣнія выдвинутъ свои пушки. Представится ли этимъ пушкамъ поводъ стрѣлять — это другой вопросъ. Однимъ выдвиганіемъ еще ничего не сдѣлано, а у народа врядъ ли будетъ охота служить пушечнымъ мясомъ. Къ тому же должно быть принято во вниманіе, что солдаты больше мыслятъ, чѣмъ пушки. Тотъ фактъ, что промышленное населеніе составляетъ теперь большую половину, значить съ другой стороны, что половина арміи выходитъ изъ этихъ круговъ. Поммеране, конечно, не были «парижанами», но взятый изъ фабрики или крупнаго центра солдатъ не является также поммераниномъ 48 года.

А двухлѣтній срокъ службы! А широкое распространеніе просвѣщенія, политическаго образованія, особенно культурное развитіе полувѣка! Стоитъ только подумать о колоссальномъ развитіи прессы. Въ 1847 году было, напримѣръ, въ Австріи всего 79 газетъ, въ 1892 г. ихъ уже было 1864. Число же періодическихъ изданій въ Германіи достигаетъ (1891 г.) свыше 6.300. Все это распространяется въ милліонахъ экземплярахъ, находитъ своихъ читателей и будитъ въ нихъ въ той или иной степени политическій интересъ.

Какъ, полувѣка тому назадъ, маленькая, разбросанная по нѣсколькимъ дюжинамъ союзныхъ государствъ кучка идеологовъ, подстрекателей, демагоговъ завоевала нѣмецкую свободу, а теперь эту самую свободу не будетъ въ состояніи отстоять великій единый нѣмецкій народъ? Развѣ мы не праздновали только что 25 лѣтній юбилей основанія Германской имперіи? И развѣ не было это — четверть вѣка самой оживленной политической дѣятельности? Развѣ не встряхнули въ политическомъ отношеніи народъ выборы, безчисленные собранія, многочисленные союзы, пресса, кипучая жизнь крупныхъ центровъ и развѣ онъ не привыкъ политически проявлять свою волю? И развѣ не былъ этотъ періодъ въ то же время четвертью вѣка классовой борьбы пролетаріата,

организации двухмиллионной народной массы в одну социально-революционную армию?

И чтобы все это можно было стереть с лица земли парой «пожарных труб»? Или даже посредством автоматических пушек и мелкокалиберных ружей?

Мы уже показали, что значить государственный переворот: разложение империи и дезорганизация государства. А что означает в Германии политическая массовая стачка, являющаяся раньше или позже неизбежным ответом на государственный переворот? Да, она означает завоевание политической власти пролетариатом. Ибо во всяком случае верно одно: только один сознательный пролетариат в состоянии защитить политическую свободу, конституцию от насилия. И если была бы сломлена сила покушающегося на конституцию правительства, то один пролетариат занял бы поле сражения и принял бы политическое руководство в свои руки.

Вот что мы скажем в заключение реакционерам в мундирах и без оных: буржуазным революциям, в которых пролетариат играл роль чернорабочих, пришел конец в Западной Европе. Вам их больше нечего бояться. Но буржуазные революции были только дѣтской игрой в сравнении с той политической и хозяйственной силой, которую может проявить пролетариат. В их распоряжении не было такой массы, такой организации, такой дисциплины, такой широты захвата, таких материальных интересов, как в распоряжении политической стачки рабочего класса.

Берегитесь пролетариата, когда он двинет все свои средства борьбы на защиту конституции!

Вы хотите ставить *va banque*? Вы, несомненно, проиграете и позорите, чем вы думаете!

Оппортюнизмъ на практикѣ.

1. Оппортюнизмъ и социально-революционное развитие.

„Это еще разъ доказываетъ неизлѣчимое непостоянство страшнаго дестона хорошаго общества: общественнаго мнѣнія средняго класса, и еще разъ оправдываетъ то презрѣніе, съ которымъ мы, социалисты псечающаго поколѣнія, всегда относились къ нему“.

Фридрихъ Энгельсъ.

Конецъ всякому сомнѣнію: мы имѣемъ теперь в Германии вполне сформировавшійся оппортюнизмъ. Было время—не особенно далекое, самые молодые члены партіи могутъ припомнить его—когда германская социалдемократія считалась застрахованной отъ оппортюнизма. В то время достаточно было показать оппортюнистическій характеръ даннаго политическаго дѣйствія, чтобы сдѣлать это дѣйствіе невозможнымъ в партіи. Что партія не должна, не можетъ стать оппортюнистической—это считалось аксіомой, не требующей доказательствъ. Всего два-три года тому назадъ, кто дерзалъ упрекнуть виднаго члена партіи в оппортюнизмѣ, считался сварливымъ пессимистомъ и могъ опасаться изгнанія изъ партіи за клевету.

В настоящее время ни слово «оппортюнизмъ», ни его содержание уже не пугаютъ. Оппортюнизмомъ хвастаются теперь наши политическіе модники—есть такіе и в нашей партіи—и выставляютъ его на показъ на всѣхъ перекресткахъ. За то революционизмъ отзывается на вкусъ этихъ самоновѣйшихъ политиковъ чѣмъ-то столь-же старомоднымъ и провинціальнымъ, какъ длиннополые сюртуки и неуклюжіе цилиндры 1848 года. Словомъ, оппортюнистъ существуетъ и самъ на себя не нарадуется. Для него самый фактъ его существованія служитъ лучшимъ доказательствомъ правомѣрности и политической цѣнности оппортюнизма. «Сколько разъ меня отвергали, опровергали и всячески уничтожали», заявляетъ оппор-

туністѣ, «сколько разъ всѣ были убѣждены, что послѣ безпощаднаго и основательнаго разоблаченія моего умственного убожества, моего невѣжества и фальшивыхъ цитатъ я уже не выплыву? И однако я каждый разъ снова появляюсь на свѣтъ и становлюсь все безстыднѣе. Не доказываетъ ли это, что я необходимый продуктъ историческаго развитія? Гдѣ же ваше соціально-революціонное предвидѣніе?»

Развитіе соціалдемократіи неотдѣлимо отъ общаго политическаго развитія капиталистическаго міра. Соціально-революціонная дѣятельность пролетаріата не стоитъ на одномъ уровнѣ съ его соціально-революціоннымъ сознаніемъ, а на это послѣднее вліяетъ не одна только соціально-революціонная пропаганда. Достигаемые нами результаты зависятъ далеко не отъ одной только настойчивости и цѣлесообразности нашей агитаціи. Крупныя событія на міровомъ рынкѣ, опредѣляющія темпъ промышленнаго развитія, періодическое чередованіе процвѣтанія и кризисовъ, неподвижность сельскаго населенія или его наплывъ въ города, эмиграція, развитіе капиталистическихъ колоній, возникновеніе новыхъ промышленныхъ странъ и гибель старыхъ формъ хозяйства, образованіе новыхъ крупныхъ государствъ и упадокъ или распаденіе старыхъ, война и миръ, борьба національностей, борьба за демократію, правительственная реакція, столкновенія интересовъ буржуазныхъ партій, борьба между церковью и государствомъ — все это оказываетъ могучее вліяніе на соціально-революціонную дѣятельность пролетаріата. Какъ въ экономическомъ и политическомъ развитіи капитализма, такъ и въ освободительной борьбѣ пролетаріата бываютъ періоды ускореннаго и замедленнаго движенія, періоды бурнаго воодушевленія, когда пролетаріатъ изумляетъ міръ своей мужественной рѣшимостью и дерзостью своихъ плановъ, и періоды угнетенія, когда онъ становится нерѣшительнымъ, тяжелымъ на подъемъ и, повидимому, тратитъ на мелочи свою силу.

За историческимъ ураганомъ 1848 г., свергавшимъ правительства и грозившимъ выбить изъ коленъ капиталистическій міръ, послѣдовало самое угнетенное состояніе, въ 60-хъ гг. — новый подъемъ, выразившійся въ Интернаціоналѣ, Коммунѣ и крупныхъ политическихъ организаціяхъ германскихъ рабочихъ, послѣ событій 1870—71 г. опять реакція, длившаяся, разумѣется, всего дольше во Франціи, затѣмъ новый подъемъ. Послѣдній періодъ характеризуется сплоченіемъ пролетаріата въ крупныя парламентскія партіи, прежде всего въ Германіи. Здѣсь быстрымъ развитіемъ страны въ великую капиталистическую державу сплавивались массы фабричныхъ рабочихъ, революціонизировались цѣлыя ремесла, какъ портняжное конфекціонными фабриками, изготовленіе обуви — сапожными; съ ростомъ крупныхъ городовъ явился совершенно новый разрядъ строительныхъ рабочихъ, совсѣмъ непохожихъ на каменщиковъ и

плотниковъ мелкихъ городовъ, и всюду закипѣла новая политическая и культурная жизнь. Въ эту жизнь соціалдемократія внесла готовую организацію и ясную программу, тогда какъ буржуазія, не имѣвшая за душой ничего, кромѣ традиціонной половинчатости, слабости, вялости, предательства ползала у ногъ Бисмарка въ благодарность за то, что этотъ слуга гогенцоллернскаго дома бросилъ ей въ видѣ подачки прусскаго короля германское единство, котораго она не сумѣла достигнуть. А самъ желѣзный канцлеръ впутался въ столь же нелѣпую, какъ и нерѣшительную при всей ея грубости борьбу съ католическимъ духовенствомъ, и закономъ противъ социалистовъ привилъ молодой, быстрорастущей соціалдемократіи классовое сознаніе и солидарность! Во Франціи, Австріи, Италіи, Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи, Даніи, Швеціи и Норвегіи происходило то же самое. Высшій пунктъ этого новаго подъема соціально-революціонной борьбы былъ достигнутъ уже въ 1889 г. Съ той поры организаціи значительно усилились, но энергія революціонной инициативы, проявившаяся на первомъ международномъ социалистическомъ конгрессѣ, самый созывъ котораго былъ важнымъ успѣхомъ, не была превзойдена. Нѣсколько лѣтъ движеніе держалось на одномъ уровнѣ, затѣмъ наступилъ отливъ, въ которомъ мы теперь находимся. Ростъ организацій продолжается, но поверхность великаго историческаго теченія уже не такъ гладка, видны побочные и поперечные токи, растекающіеся тонкими струйками, встрѣчается и масло на волнахъ. Это явленіе объясняется многими причинами положительнаго и отрицательнаго характера.

Парламентское сплоченіе служило первоначально цѣлямъ агитаціи. Но съ теченіемъ времени парламентаризмъ не могъ остаться однимъ агитаціоннымъ средствомъ. Съ ростомъ значенія партіи въ парламентѣ явилось стремленіе къ непосредственнымъ парламентскимъ успѣхамъ. Будучи небольшою и слабой партіей, соціалдемократія ставила въ счетъ классовому характеру государства многое, что было только результатомъ ея слабости. Поэтому когда усилившаяся партія получила возможность достигнуть кое-чего въ парламентѣ, этотъ фактъ отразился во многихъ парламентскихъ головахъ въ видѣ противорѣчія принципіальной борьбѣ съ капиталистическимъ государствомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ парламентская дѣятельность соціалдемократіи становится все разностороннѣе, она обращается къ деталямъ. Повседневная мелкая политическая работа не только неизбежна, но въ цѣломъ она революціонна, тѣмъ не менѣе многіе, сосредоточиваясь на деталяхъ, теряютъ изъ виду общую связь движенія. Вообще отъ такого историческаго движенія, какъ борьба пролетаріата, стремящаяся охватить въ своихъ многообразныхъ политическихъ проявленіяхъ всю соціальную жизнь, нельзя ожидать, чтобы въ каждомъ единичномъ случаѣ ея основной характеръ ясно выступалъ наружу. Чѣмъ шире разрастается со-

ціально-революційне движеніе, тѣмъ легче уклоненія въ подробностяхъ, тѣмъ труднѣе видѣть на деталяхъ его основной характеръ и тѣмъ необходимѣе не упускать изъ виду всего движенія въ его цѣломъ. Парламентаризмъ ставитъ соціалдемократіи много мелкихъ политическихъ задачъ, которыя легко уклоняются въ сторону отъ принципиальной борьбы съ капиталистическимъ государствомъ и еще легче вводятъ въ заблужденіе наблюдателя.

Съ другой стороны, необычайно болѣзненный процессъ революціонизированія ремесла, который приводилъ въ ряды соціалдемократіи многихъ неудачниковъ, можетъ считаться закончившимся,—по крайней мѣрѣ, для континентальной Западной Европы. Разорившійся ремесленникъ находилъ нѣкоторое нравственное утѣшеніе въ простой критикѣ капиталистическихъ порядковъ. Промышленному рабочему этого мало. Онъ хочетъ прежде всего выбиться изъ нужды. Онъ хочетъ перемѣнить, крупныхъ, всесокрушающихъ, если возможно, хоть мелкихъ, если нельзя иначе. Не могу здѣсь останавливаться надъ разрѣшеніемъ этой задачи, я констатирую только, что желаніе «положительной» дѣятельности возникаетъ также и съ этой стороны. Наконецъ, произошла существенная перемѣна въ отношеніи правительствъ къ соціалдемократіи. Можно принять, что въ общемъ періодъ политическаго безправія и опеки уже окончился для пролетаріата. Не хочу этимъ сказать, что капиталистическое государство отказалось отъ насильственныхъ мѣръ по отношенію къ соціалдемократіи, вовсе нѣтъ, но оно убѣдилось въ бесполезности мелкихъ полицейскихъ придиорокъ. Въ настоящій моментъ, послѣ многихъ поражений въ борьбѣ съ соціалдемократіей, оно старается притти къ парламентскому соглашенію съ нею. Это относится не къ одной Франціи, гдѣ образовалось форменное министерство «соціального мира», но и къ Германіи, Австріи и, въ послѣднее время, Италіи. Такой тактикѣ благопріятствуетъ то обстоятельство, что колоніальная и виѣшняя политика въ послѣдніе годы приобрѣли для капиталистическихъ государствъ небывалое значеніе, благодаря чему вниманіе правительствъ отвлекается отъ внутренней политики и они ищутъ мира внутри, чтобы свободнѣе дѣйствовать во виѣшнихъ столкновеніяхъ. И это ослабленіе политической реакціи дѣйствуетъ успокоительно и порождаетъ въ иныхъ головахъ иллюзіи, тѣмъ болѣе пышныя, чѣмъ жирнѣе была удобрена раньше почва соціаль-реформистскимъ навозомъ¹⁾. Такимъ иллюзіямъ благопріятствовалъ также промышленный подъемъ послѣднихъ лѣтъ.

¹⁾ Позволю себѣ напомнить, что уже на штуттгартскомъ съѣздѣ, гдѣ при обоснованіи нашей соціально-революціонной тактики правительственные насилія играли гораздо большую роль, чѣмъ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы, я высказалъ слѣдующее: «звѣрское поведение правительства встрѣчается не въ каждомъ капиталистическомъ государствѣ.

Всѣ эти моменты, разумѣется, не въ состояніи измѣнить соціально-революціонный характеръ классовой борьбы пролетаріата, но ихъ вполне достаточно, чтобы въ головахъ иныхъ парламентаристовъ, адвокатовъ и журналистовъ образовалась та идейная путаница, которая характерна для оппортунизма. Газетные пустозвоны буржуазіи даютъ всему этому резонансъ, необходимый для того, чтобы о немъ говорили.

Однако, уже довольно ясно замѣтны признаки поворота, который долженъ повести къ новой соціально-революціонной концентраціи пролетаріата. На капиталистическомъ міровомъ рынкѣ готовится перемѣщеніе коммерческаго центра тяжести. Всѣ видятъ опасность, грозящую коммерческой мощи Англіи. Это не можетъ остаться безъ вліянія на политику англійскаго рабочаго класса. Со времени паденія хлѣбныхъ законовъ англійскій либерализмъ прошелъ блестящій путь, и ему удалось даже вопречъ рабочихъ въ свою триумфальную колесницу. Но золотой вѣкъ торговой гегемоніи Англіи кончился, англійскій капиталъ сильно стѣсненъ на товарномъ и колоніальномъ рынкахъ, ростъ экспорта и промышленности уже не поспѣваетъ за капиталистическимъ развитіемъ другихъ странъ. Что же дальше? «Что, если континентальные и особенно американскіе товары будутъ приливать во все возрастающемъ количествѣ, если все еще львиная доля англійскихъ фабрикантовъ въ снабженіи мірового рынка, будетъ изъ года въ годъ уменьшаться? Пусть отвѣтитъ на это универсальное средство отъ всѣхъ золъ—свободная торговля!» На этотъ вопросъ, поставленный Энгельсомъ въ 1885 г., отвѣтъ теперь написанъ потоками крови: имперіализмъ. Англійскій имперіализмъ—послѣдняя отчаянная попытка англійскаго капитала удержать еще на время торговое владычество на моряхъ. Уже не подлежитъ сомнѣнію, что попытка эта лопнула. Какъ бы ни кончилась съ формальной стороны южно-африканская война, она не дастъ желанной основы для созданія британской міровой имперіи, но знаменуетъ собою эру начинающагося паденія мірового значенія Англіи. За войной послѣдуетъ—тогда же, или послѣ временнаго упоенія успѣхомъ—страшная экономическая и политическая ликвидація.

А тѣмъ временемъ у всѣхъ на виду царизмъ охватываетъ азіат-

Въ Англіи мы видимъ совсѣмъ другую тактику. Съ того момента, когда и въ Германіи убѣдятся, что съ соціалдемократическимъ движеніемъ нельзя бороться «каторжными» мѣрами, съ того момента идеи тов. Гейне станутъ опасными. Ходъ событий приведетъ къ попыткамъ парламентскаго соглашенія съ соціалдемократіей, и тогда идеи, которыя теперь робко высказываетъ Гейне, получатъ практическое значеніе». Съ тѣхъ поръ правительство вступило на путь, ведущій къ такому парламентскому соглашенію и хотя ничуть не торопится подвигаться въ этомъ направленіи, все же гейневская политика компромиссовъ практически затрагиваетъ насъ ближе.

скую сферу влияния Англии, желѣзнымъ полукругомъ, простирающимся уже отъ Пекина до Персидскаго Залива и имѣющимъ много опорныхъ пунктовъ. Тѣмъ временемъ германскій и американскій экспортъ вытѣсняють англійскую индустрію съ всемірнаго рынка. Съ 1885 г., когда Энгельсъ писалъ свои слова, англійскій либерализмъ, это политическое представительство промышленнаго капитала, все слабѣетъ и слабѣетъ. Онъ раскололся и продолжаетъ раскалываться. Онъ не рѣшается ни взять на себя полную отвѣтственность за политику правительства, ни стать въ принципиальную оппозицію къ послѣднему. Такимъ образомъ и англійскій либерализмъ постигла общая участь буржуазнаго либерализма: политическое измельчаніе. Это освобождаетъ отъ его влияния англійскихъ рабочихъ и должно заставить ихъ образовать собственную политическую партію. И чѣмъ болѣе вынуждено будетъ британское государство подвигаться по пути милитаризма, тѣмъ выше шансы англійской социалдемократіи. «Каждый годъ приближаетъ Англию къ роковому вопросу: кому погибать, націи или капиталистическому производству?» (Энгельсъ).

Континентальные промышленники рады готовящемуся паденію Англии, надѣясь поживиться при раздѣлѣ англійскаго наслѣдства. Въ особенности германскій капиталъ мнитъ себя наслѣдникомъ Англии въ коммерческой гегемоніи. Ошибочный расчетъ! Борьба гораздо шире, чѣмъ между двумя промышленными государствами. Конкурентами являются цѣлыя части свѣта. Промышленное будущее принадлежитъ Америкѣ и Россіи. Эти страны имѣютъ предъ старой Европой преимущество географическаго положенія, обширнаго протяженія, гигантскаго масштаба для развитія промышленности, политическаго единства. Конкуренція грозитъ какъ Англии, такъ и Германіи и Франціи. Только государства, лежащая у Средиземнаго моря, благодаря своей близости къ возникающимъ новымъ центрамъ мірового рынка у Тихаго Океана и своему богатству водяной силой, пользованіе которой для полученія электрической энергіи играетъ большую роль въ развитіи современной индустріи, могутъ дать отпоръ американской и русской конкуренціи. Напрасно Германія кидаетъ на чашку вѣсовъ свою военную мощь: удаленность отъ мірового рынка отъ этого не уменьшается, производительныя силы Европы не становятся больше. Германскій империализмъ до сихъ поръ служилъ преимущественно социалдемократіи. Такъ пойдетъ и дальше, поскольку оппортунизмъ не окажетъ влияния на политику партіи.

Наряду съ промышленными конфликтами обремененной политическими традиціями и политически раздробленной Европѣ предстоятъ также и политическіе конфликты. Бываютъ историческіе моменты, когда эволюція въ самыхъ различныхъ областяхъ подходить къ рѣшительному перелому. Такъ въ революціонной бурѣ

1848 г. идея свободы комбинировалась съ идеей нѣмецкаго единства, объединенія Италіи, независимости Венгріи. И теперь мы въ періодѣ всеобщей тревоги. Восточный вопросъ настоятельно требуетъ рѣшенія, борьба національностей въ Австріи парализовала государственный механизмъ. Кто не убѣжденъ а priori въ вѣчности австрійскаго государства, тотъ не пройдетъ съ легкимъ сердцемъ мимо недобрыхъ симптомовъ разложенія, свидѣтелями которыхъ мы были въ послѣдніе годы. Политическая система Европы, здѣсь раздирающая національности, тамъ насильственно соединяющая ихъ, снова оказывается въ противорѣчій съ исторической тенденціей къ образованію крупныхъ національных союзовъ. Раздробленность Западной Европы при наличности такихъ мощныхъ экономическихъ агрегатовъ, какъ Россія и Америка является все болѣе и болѣе преградой экономическому, т. е. капиталистическому развитію. Объединеніе Европы становится все болѣе и болѣе настоятельнымъ требованіемъ капиталистическаго мірового рынка. Но объединенная Европа мыслима только какъ республиканская Европа. Въ тоже время царской Россіи становится уже не въ мочь держать въ оковахъ силы, освобожденныя развитіемъ капитализма, молодой пролетаріатъ смѣло поднимаетъ голову, и не смотря на ссылки и нагайки все гуще становятся его ряды, все тѣснѣе смыкаются они вокругъ царизма.

Какъ видитъ читатель, и безъ предвзятой мысли о социальной революціи можно признать, что политическое развитіе Европы будетъ идти не совсѣмъ гладко и мирно. Пожалуй, многіе изъ тѣхъ, кто такъ тихо, такъ незамѣтно переводитъ — на бумагѣ — капитализмъ въ социализмъ, станутъ втупикъ передъ далеко менѣе крупной задачей: какъ слить безболѣзненно воедино габсбургскій и савойскій домъ и еще полсотни политическихъ фирмъ «божьей милостью». Но какъ бы ни совершалось политическое развитіе Европы, болѣе-ли бурно, менѣе-ли бурно, весь опытъ прошлаго столѣтія не позволяетъ сомнѣваться во влияніи этого развитія на социально-революционную концентрацію пролетаріата. Эта концентрація будетъ совершаться тѣмъ легче, что непрерывно растущее парламентское сплоченіе пролетаріата создало организаціи, грандіозные размѣры которыхъ не только затмѣваютъ всѣ прежнія организаціонныя попытки пролетаріата, но являются безпримѣрными и во всей парламентской исторіи Европы. Въ то же время въ промышленности съ нѣкоторыхъ поръ происходитъ ускоренный процессъ капиталистической экспроприаціи, который не оставляетъ мѣста капиталистической средней собственности и создаетъ могучіе конгломераты, гигантскіе тресты, концентрирующие классовую борьбу рабочихъ въ той же мѣрѣ, въ какой они концентрируютъ производство, и сводящіе вопросъ о собственности къ простой альтернативѣ: монополія капиталистическаго синдиката или коллек-

тивизмъ! Одновременно съ этимъ развитіе электротехники производитъ радикальный переворотъ во всей промышленной дѣятельности.

Капиталистическое развитіе идетъ много быстрее, чѣмъ развитіе такъ называемаго «общественнаго мнѣнія»; оно всегда значительно опережаетъ идеи задающія тонъ въ прессѣ и парламентахъ. Только что успѣли буржуазные идеологи, обладивъ по своему вкусу маленькую теорію, приготовиться къ желанному спокойствію, медленности и гладкости капиталистическаго развитія, какъ вдругъ оно бурно клокочетъ, становится на дыбы и вообще ведетъ себя такъ, какъ будто бы нарочно хотѣло осмѣять своихъ благожелательныхъ друзей. Вліяніе этого буржуазнаго вѣчно ковыляющаго на костыляхъ общественнаго мнѣнія простирается и на социалдемократическіе ряды. Если судить о политическомъ характерѣ классовой борьбы пролетаріата по взглядамъ, получающимъ эфемерное распространеніе внутри рабочихъ партій, то можно иной разъ прійти въ большое уныніе. Но социальнореволюціонный характеръ рабочаго движенія основывается на фактахъ, а не на мнѣніи о классовой борьбѣ, которое составилъ себѣ тотъ или другой изъ временныхъ свѣтилъ социалдемократіи. Въ партіи всегда будутъ люди, къ которымъ социальнореволюціонное сознаніе является, большею частью, извнѣ, въ видѣ литературной или политической плетки, которая ихъ стегаетъ. Если взглянуть на эволюцію съ этой точки зрѣнія, то придется признать, что и въ послѣдніе годы германская социалдемократія обнаружила много социальнореволюціоннаго сознанія. Вѣдь всюду и вездѣ, гдѣ только ни показывались оппортунистскіе симптомы, тотчасъ же за ними выступало и социальнореволюціонное сознаніе. Шагъ за шагомъ оно преслѣдовало оппортунизмъ и часто впервые именно оно вытаскивало его изъ темныхъ закоулковъ на свѣтъ. Завѣщанный Марксомъ и Энгельсомъ историческій методъ даетъ намъ возможность познавать политическіе промахи и заблужденія пролетаріата въ ихъ происхожденіи и въ ихъ послѣдствіяхъ. Благодаря этому мы избѣгаемъ разочарованія, способствуемъ исправленію промаховъ и стараемся оградить отъ раздробленія накопленную социальнореволюціонную энергію, пока напоръ обстоятельствъ не вызоветъ новой социальнореволюціонной концентраціи пролетаріата.

Но самъ оппортунизмъ не въ состояніи дожидаться того момента, когда прогрессъ развитія смететъ его съ дороги. Онъ изъ кожи лѣзетъ отъ старанія довести себя заранѣе до практическаго абсурда. Оказать ему въ этомъ маленькое теоретическое содѣйствіе, такова въ сущности цѣль настоящей статьи.

Посмотримъ же, чѣмъ проявилъ себя оппортунизмъ на практикѣ, что онъ далъ, на какія перспективы онъ вправѣ рассчитывать. Посмотримъ и выведемъ заключенія!

2. Оппортунизмъ и доктрина.

Съ самаго появленія своего на свѣтѣ оппортунизмъ не переставалъ жаловаться, что его не понимаютъ. Рѣчи Фольмара въ Эльдorado въ 1891 г. были непоняты, его отношеніе къ государственному социализму въ 1892 г. было непонято, одобреніе бюджета социалдемократической фракціей баварскаго сейма было непонято, идея самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ въ южногерманскомъ проектѣ аграрной программы была непонята, отношеніе Шиннеля къ милитаризму на гамбургскомъ съѣздѣ партіи было непонято, гейневская политика компромиссовъ была непонята, наконецъ, бернштейновскій пересмотръ социализма былъ непонятъ — сначала мною бѣднымъ, затѣмъ всѣми, кто ни нападалъ на него, вплоть до Каутскаго, ближайшаго друга Бернштейна, впродолженіи двадцати лѣтъ обмѣнивавшася съ нимъ мыслями! Способность возбуждать непониманіе составляетъ самое сильное духовное оружіе оппортунизма. Есть политики, которые даже при всемъ своемъ добромъ желаніи не могли бы остаться непонятыми, они скорѣе уже слишкомъ ясны, дѣлаютъ въ отдѣльныхъ случаяхъ слишкомъ прямолинейные выводы и платятся за нихъ кричащими противорѣчіями, въ которыя безсознательно впадаютъ. Но противорѣчіе вытекающее изъ прямого и смѣлаго стремленія къ правдѣ и ясности, все же гораздо почетнѣе той умственной приспособляемости, у которой на языкѣ всегда двѣ половинки истины, не складывающіяся одна съ другой, потому что принадлежать различнымъ цѣлымъ. Но противорѣчіе рѣжетъ глаза, половинчатость же умѣетъ угодить всѣмъ.

Предполагаемая непонятость зависитъ отъ самой сущности оппортунизма. Онъ прежде всего и больше всего самъ себя не понимаетъ. Ему нужна посторонняя помощь, чтобы увидѣть къ чему ведетъ его образъ дѣйствій, долгій опытъ, чтобы познать самого себя. При появленіи своемъ на свѣтѣ онъ — только степень, отгненокъ, пятнышко; и какъ бы онъ не разрослся, онъ никогда не сложится въ систему, доктрину или хотя бы принципъ, онъ остается безформеннымъ, студенистымъ. Потому то ничто ему такъ не противно, какъ отчетливая форма, «доктрина», «догма». Въ то же время для него не представляетъ никакого затрудненія, подвергнувшись нападенію, подписаться подъ догмой. Поэтому до сихъ поръ никогда не удавалось охватить оппортунизмъ резолюціей. Когда Бебель предложилъ въ Эрфуртѣ свою резолюцію, весь конгрессъ, судя по занятому Фольмаромъ положенію, ожидалъ отъ него поправокъ и дополненій, но Фольмаръ и не подумалъ о нихъ: безъ всякихъ оговорокъ онъ присоединился къ резолюции. Въ своей заключительной рѣчи онъ даже заявилъ, что вообще не желаетъ

никакого измѣненія, партійной тактики: пусть остается какою была. Подобнымъ же образомъ и Бернштейнъ подписывается теперь подъ всѣми резолюціями. Ведя ожесточенную борьбу противъ всей научной и политической дѣятельности Маркса и Энгельса, онъ заявляетъ, что стоитъ на почвѣ идей и дѣятельности этихъ людей. И хотя между нимъ и все политикой, всѣми историческими традиціями партіи давно образовалась цѣлая бездна, онъ упорно повторяетъ, что партія за одно съ нимъ, правда безсознательно и сама того не замѣчая.

Слѣдуетъ отказаться отъ попытки выразить оппортунизмъ одной формулой. Для этого онъ такъ же мало годится, какъ песокъ для ваянія. Критику не остается ничего иного, какъ представить его въ его происхожденіи, развитіи и разложеніи.

Въ источникѣ всѣхъ оппортунистскихъ блужданій внутри социалистическаго рабочаго движенія, я нахожу одну общую черту: неспособность связать въ одну органическую картину текущую работу партіи съ ея социально-революціонной цѣлью. Въ глазахъ оппортунистовъ: «конечная цѣль» рѣзко отдѣлена отъ «работы въ настоящемъ». Въ лучшемъ случаѣ они признаютъ только параллелизмъ: агитація въ пользу социальной революціи и дѣятельность внутри капиталистическаго государства. Что наша работа настоящаго при всемъ своемъ разнообразіи, при всемъ своемъ «положительномъ» практическомъ характерѣ можетъ быть вполне социально-революціонной, притомъ въ старомъ, истинномъ смыслѣ слова, по которому социальная революція начинается только съ диктатуры пролетаріата, этого они понять не могутъ. Зато чистый революціонизмъ, отказывающійся отъ всякой работы для настоящаго, имъ совершенно ясенъ, его они понимаютъ. Такъ, въ 1891 г. Фольмаръ выставилъ такъ называемыхъ «молодыхъ» за образецъ послѣдовательности, излагая ихъ точку зрѣнія слѣдующимъ образомъ: «Нынѣшнія общественныя и политическія условія неисправимы... Поэтому намъ надо держаться въ сторонѣ отъ практической политики и только протестовать да ждать момента, когда сила перейдетъ на улицу: тогда мы все сразу передѣлаемъ. Этотъ моментъ недалекъ; приблизить его зависитъ только отъ насъ самихъ». «Это несомнѣнно, а сн а я, цѣ л ѣ н а я точка зрѣнія», добавляетъ Фольмаръ. Напротивъ, точка зрѣнія Бебеля, Либкнехта и др. казалась ему верхомъ непослѣдовательности. Въ статьяхъ, напечатанныхъ въ «Мюнхенской Почтѣ» и перепечатанныхъ въ брошюрѣ: «Ближайшія задачи германской социалдемократіи» онъ писалъ: «Всему нашему пониманію постепеннаго созрѣванія въ новое общество рѣзко противорѣчатъ внезапно дѣлаемая время отъ времени заявленія, представляющія работу для непосредственныхъ цѣлей почти что не имѣющею никакой цѣли... Въ Берлинѣ выдающійся членъ партіи въ хорошо продуманной рѣчи сказалъ: «Го-

сударство господствующихъ классовъ никогда не даетъ ничего, кромѣ незначительныхъ уступокъ». Такія слова въ пору развѣ комунибудь изъ «молодыхъ», проповѣдующихъ воздержаніе отъ практической политики и чисто «принципіальную» агитацію. И дѣйствительно, къ чему посвящать девять десятыхъ нашей дѣятельности работѣ, которая «никогда» не даетъ ничего, кромѣ «незначительныхъ» результатовъ?

Чего тутъ Фольмаръ, очевидно, не понимаетъ, такъ это социально-революціоннаго агитаціоннаго значенія практической парламентской работы, которое именно тогда-то всего полнѣе, когда классовые интересы или хотя бы классовое своекорыстіе власти имущихъ мѣшаютъ законодательному осуществленію выставленныхъ требованій. На это то и напирала позднѣе эрфуртская резолюція, что, конечно, не помѣшало Фольмару присоединиться къ ней.

Кто не умѣетъ связать борьбу за социальную революцію съ повседневной политической, также и парламентской работой, у того на практикѣ то повседневная политическая работа будетъ мѣшать социально-революціонной агитаціи, то наоборотъ—агитація работѣ. Для оппортуниста одна исключаетъ другую—нужно выбирать: или чистый революціонизмъ или чистый реформизмъ! Теперь намъ понятно, почему въ разсужденіяхъ оппортунистовъ время социальной революціи играетъ такую важную роль. Предполагаемая близость социальной революціи избавляетъ ихъ отъ проклятой дилеммы, въ такомъ случаѣ они уже не считаютъ нужнымъ ломать голову надъ шансами социальной реформы и могутъ отдаться ультра-революціонизму. Такъ, о Бебелѣ, который ждалъ въ близкомъ будущемъ крупнаго социального переворота, Фольмаръ выразился: «Если бы я могъ раздѣлять эту вѣру, то никакія агитаціонныя соображенія не заставили бы меня продолжать обыденную политическую работу». Такимъ то именно образомъ дѣйствій, замѣтимъ мимоходомъ, и можно бы нѣсколько отсрочить приближающуюся революцію. Достигнетъ ли пролетаріатъ власти, чтобы положить конецъ капиталистической эксплуатаціи, черезъ десять, черезъ двадцать или черезъ пятьдесятъ лѣтъ,—этотъ вопросъ имѣетъ большое культурное значеніе, но социально-революціонная политика обусловливается не срокомъ социальной революціи, она вытекаетъ изъ капиталистическаго развитія, которое, совершается ли оно быстро или медленно, во всякомъ случаѣ ставитъ рабочій классъ въ непримиримое социальное противорѣчіе съ капиталомъ. Многіе удивлялись, почему Фольмаръ, который раньше готовъ былъ закусить удила въ своемъ ультра-революціонизмѣ, сдѣлался такимъ умѣреннымъ. Теперь мы знаемъ, что въ этомъ то и состоитъ его своеобразная послѣдовательность, позднѣе доставшаяся въ удѣлъ «молодымъ» 1891 г., которые, поскольку продолжаютъ принимать участіе въ политикѣ, всѣ стали фольмаристами.

Ясно, что кто революционеръ лишь потому, что ждетъ завтра революціи, станетъ послѣзавтра реформистомъ, если ходъ событій отсрочитъ революцію до конца недѣли. Революціонизмъ «молодыхъ» былъ скорѣе настроеніемъ, чѣмъ убѣжденіемъ, ему недоставало яснаго пониманія соціально-революціоннаго развитія, внутренне онъ былъ также пустъ, какъ теперешній оппортунизмъ. Вотъ Марксъ и Энгельсъ полвѣка боролись за соціальную революцію, ни на минуту не впадая въ малодушіе, а, напротивъ, съ растущей увѣренностью, потому что у нихъ была историческая прозорливость, какой не достаетъ другимъ; Бебель тоже не перемѣнился оттого, что до 1898 г. не произошло крупныхъ политическихъ перемѣнъ. Дѣло не въ великомъ историческомъ днѣ, а въ великихъ историческихъ событіяхъ, время наступленія которыхъ зависитъ не отъ однихъ нашихъ расчетовъ, а прежде всего отъ капиталистическаго развитія.

Фольмаръ, упрекавшій Бебеля въ непоследовательности за то, что онъ не простираетъ своего революціонизма до полного отказа отъ «обыденной работы», самъ, однако, остерегся сдѣлать практическіе выводы изъ своей точки зрѣнія. Вѣдь если между соціальной революціей и «обыденной работой» существуетъ такое противорѣчіе, то надо, чтобы посвятить себя безъ помѣхъ «обыденной работѣ», оставить мысль о соціальной революціи. Этого Фольмаръ не сдѣлалъ, а заявилъ, что при обыденной работѣ хочетъ имѣть передъ глазами «конечную цѣль». Дальнѣйшій шагъ сдѣлалъ Бернштейнъ своимъ извѣстнымъ изрѣченіемъ: «Конечная цѣль для меня ничто, движеніе—все». Но для оппортунизма именно и характерно то, что онъ не отваживается выйти изъ противорѣчія, въ которое впадаетъ. Когда оппортунистъ дѣлаетъ свои соціально-реформистскіе выводы, онъ перестаетъ существовать, онъ превращается въ соціалреформиста, и положеніе ясно: съ чистымъ реформизмомъ мы могли бы раздѣлаться такъ же быстро, какъ покончили съ чистымъ революціонизмомъ. Какъ увидимъ далѣе, эволюція оппортунизма ведетъ именно къ поглощенію его реформизмомъ. Но пока окончательный шагъ не сдѣланъ, оппортунизмъ маскируетъ свое собственное развитіе. Такъ возникаютъ теоріи о постепенномъ востаніи въ социализмъ, о незамѣтномъ переходѣ капиталистическаго строя въ социалистическій и проч., которыя все сводятся къ подмѣнѣ соціальной революціи соціальной реформой. Оппортунисты думаютъ перемѣнить вещи, измѣнивъ ихъ названіе. Но такъ какъ это невозможно, то подвигаясь въ своей эволюціи, они впадаютъ во все большее и большее противорѣчіе со своимъ исходнымъ пунктомъ, начинаютъ смѣяться надъ революціонизмомъ, объявляютъ социализмъ свободной наукой, затѣмъ отъ науки апеллируютъ къ относительности человѣческаго званія, наконецъ, дѣлаютъ изъ социализма предметъ вѣры, вопросъ темперамента,—и такимъ обра-

зомъ задолго до превращенія капитализма въ социализмъ, наши социалисты, для которыхъ раньше ничто не было достаточно революціоннымъ, сами превращаются въ буржуазныхъ соціалреформистовъ. Они незамѣтно устраняютъ не капитализмъ, а свое политическое прошлое. Вмѣсто того, чтобы разрѣшать свое собственное противорѣчіе, оппортунистъ переноситъ его на всю партію. Онъ думаетъ, что борясь съ нимъ, мы противопоставляемъ нашу конечную цѣль работѣ въ настоящемъ. Но въ такомъ видѣ вопросъ для насъ вовсе не существуетъ, потому что намъ соціально-революціонная агитація не мѣшаетъ, а скорѣе помогаетъ въ текущей работѣ. Дѣло идетъ о самой этой работѣ, изъ которой оппортунисты выбрасываютъ соціально-революціонную агитацію. Дѣло идетъ о томъ, должна-ли наша «повседневная работа» быть направлена исключительно на достиженіе непосредственныхъ парламентскихъ и профессиональных успѣховъ, или же послѣдніе сами должны служить средствомъ для высшаго объединенія, для соціально-революціонной организаціи пролетаріата. Вопросъ не въ томъ, надо-ли участвовать въ выборахъ, стремиться къ парламентскимъ успѣхамъ, бороться за соціальныя реформы и демократическое законодательство, организовывать борьбу за заработную плату и другіе виды профессиональной борьбы, а въ томъ, должны ли мы при всемъ этомъ оставить государственную власть въ рукахъ буржуазіи, или же, объединяя все виды дѣятельности въ соціально-революціонной агитаціи, вести пролетаріатъ къ завоеванію политической власти, необходимой для измѣненія самыхъ основъ государства, собственности и способа производства. Бросая намъ упрекъ въ отказѣ отъ текущей работы или пренебреженіи ею, оппортунисты борются не съ нами, а съ воображаемымъ противникомъ. Такъ, Фольмаръ соціально-революціонную точку зрѣнія Бебеля, Либкнехта, Зингера и другихъ подмѣнилъ революціонизмомъ «молодыхъ». Такъ, Бернштейнъ направляетъ свои удары противъ превращеннаго имъ въ чистѣйшее бунтарство бланкизма, какимъ онъ никогда не былъ ни въ Германіи, ни въ другихъ странахъ, а изобрѣтенъ самимъ Бернштейномъ ради полемическихъ цѣлей. Такъ, Жоресъ борется противъ такого непримиримаго революціонизма, какой давно вышелъ изъ моды даже во Франціи, и вмѣсто того, чтобы признать практическую дѣятельность партій, которыя научили французскій пролетаріатъ повседневной соціально-революціонной работѣ, онъ уличаетъ ихъ въ противорѣчьи за то, что онѣ ведутъ эту работу, не отрекаясь отъ своихъ соціально-революціонныхъ принциповъ, уличаетъ въ томъ самомъ грѣхѣ, который Фольмаръ въ 1891 г. открылъ у Бебеля и Либкнехта.

Кто смотритъ на свѣтъ черезъ призму, не долженъ удивляться, если видитъ его окрашеннымъ всеми цвѣтами радуги. Таковъ удѣлъ оппортунизма. Онъ носитъ противорѣчіе въ самомъ себѣ и

борется только противъ собственнаго опрокинутого въ зеркалѣ изображенія. Онъ отражается въ непримиримомъ революціонизмѣ, какъ этотъ послѣдній отражается въ немъ самомъ.

3. Тактика Фольмара.

«Wie nur dem Kopf nicht alle Hoffnung schwindet,
Die immerhin an schalem Zeuge klebt,
Mit gieriger Hand nach Schätzen gräbt,
Und froh ist, wenn er Regenwürmer findet».

Goethe, Faust.

Умственная безформенность оппортунизма обуславливаетъ большое разнообразіе также и формъ его проявленія. Поскольку онъ обнаружился до сихъ поръ въ германской социалдемократіи, въ немъ можно различить четыре главные типа, обнимающіе болѣе или менѣе родственныя души.

Прежде всего назову государственную мудрость Фольмара. Подъ нею я понимаю далеко немаловажное, конечное искусство политическихъ (парламентскихъ) комбинацій, первое условіе котораго—умѣнье уловить въ каждый данный моментъ взаимное отношеніе парламентскихъ партій и политику правительства. Подобная политическая проницательность полезна, конечно всякому политику, въ томъ числѣ и социалдемократу. Но для социалдемократіи ея мало. Какъ для партіи социально-революціонной, для социалдемократіи развитіе важнѣе баланса политическихъ партій въ данный моментъ. Основа всей нашей дѣятельности—экономическое развитіе, которое революціонизируетъ социальное расчлененіе, измѣняетъ относительную силу политическихъ партій, преобразуетъ политику правительствъ и должно привести насъ къ господству. Социалдемократія считается съ факторами, о которыхъ буржуазный государственный дѣятель не знаетъ вовсе. Съ другой стороны, хотя было бы, конечно, глупо игнорировать расхожденіе интересовъ различныхъ слоевъ буржуазіи, ихъ борьбу между собою и съ правительствомъ и все валить въ одну безформенную «реакціонную массу», тѣмъ не менѣе, при каждомъ значительномъ политическомъ шагѣ пролетаріата, буржуазія и правительство въ борьбѣ съ нимъ всегда оказывались заодно. Универсальный характеръ пролетарской классовой борьбы, которая направлена противъ всего существующаго общественнаго порядка вмѣстѣ съ его государственной формой обуславливаетъ то, что въ противномъ лагерѣ общій классовой интересъ имущихъ, несмотря на всѣ тренія, въ концѣ концовъ одерживаетъ верхъ. Измѣна буржуазной демократіи пролетаріату не случайность, а законъ. Вначалѣ демократическая буржуазія, забывая классовыя противорѣчія, обольщается

мыслью, будто можетъ представлять интересы рабочихъ такъ же хорошо, какъ и «всѣхъ другихъ слоевъ населенія», но затѣмъ, когда классовое противорѣчіе, всегда внезапно и неожиданно для буржуазныхъ идеологовъ, всплываетъ наружу,—для нихъ не остается иного выбора, какъ измѣнить собственному классу или же пожертвовать интересами пролетаріата.

Государственный умъ между социалдемократами особенно склоненъ переоцѣнивать значеніе преходящихъ парламентскихъ комбинацій и упускать изъ виду великіе законы развитія. Онъ придаетъ слишкомъ много вѣса намѣреніямъ правительства, видамъ и общаніямъ партій. Онъ вообще переоцѣниваетъ значеніе правительства (не смѣшивать съ правительственной властью) и парламентскаго большинства и охотно упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что государственная власть, т. е. правительство, парламентъ и вся политическая организація страны, включая войско, находится въ рукахъ господствующаго капиталистическаго класса. Онъ придаетъ чересчуръ много вѣса вліянію общественнаго мнѣнія на парламентъ и правительство и слишкомъ мало вѣса тѣмъ интересамъ, вытекающимъ изъ социального расчлененія, которые производятъ быстрый и радикальный поворотъ въ общественномъ мнѣніи, когда тихія воды повседневной политической жизни. Нашему политику не разъ приходится видѣть крушеніе своихъ хитро задуманныхъ политическихъ комбинацій благодаря непредвидѣнному его высокой мудростью проявленію классовыхъ противорѣчій. Въ смущеніи и горечи онъ ищетъ причину своей неудачи въ зазорной тактикѣ вожаковъ, въ неумѣренности стремленій массы. Поэтому онъ старается затормозить социально-революціонное движеніе, направить его въ болѣе спокойный фарватеръ. Онъ проповѣдуетъ умѣренность, разсудительность. Онъ думаетъ этимъ обезпечить развитіе, вести пролетаріатъ отъ успѣха къ успѣху маленькими этапами все ближе къ цѣли. Слѣдуетъ только не спѣшить, считаться съ данными условіями и ставить себѣ «достижимыя» цѣли. Онъ взываетъ къ самообладанію, требуетъ самоотреченія. И самъ упражняется въ немъ. Запуганный неудачами, жаждущій «политическихъ» результатовъ, онъ все болѣе и болѣе урѣзываетъ свои требованія, приспособляясь къ преходящимъ политическимъ группировкамъ, къ мимолетному парламентскому большинству. Все больше и больше «самоограниченія» требуетъ онъ отъ пролетаріата, все дальше и дальше идетъ навстрѣчу буржуазнымъ партіямъ и приходитъ все въ большую и большую ярость противъ революціонныхъ смутьяновъ, которые мѣшаютъ ему въ его похвальной работѣ.

Если его стѣсняютъ теоретическія положенія, онъ обращается противъ теоріи вообще. Онъ не хочетъ быть рабомъ принципа,

работомъ научнаго знанія. Развѣ наука не измѣняется? Будемъ поэтому ссылаться на ту науку, которая намъ по вкусу, а нѣтъ въ данный моментъ подходящей на рынокъ, такъ подождемъ, пока явится.

Отъ научныхъ доводовъ можно отдѣлаться, не только опровергнувъ ихъ,—можно также обойти ихъ, перепрыгнуть черезъ нихъ, не поддаваясь имъ,—все зависитъ отъ человѣка. Какое значеніе могутъ имѣть для нашего политика доказательства ложности его аргументовъ, его незнакомства съ фактами, его противорѣчій и непоследовательности? Ничто не вѣчно подъ луной, все забывается, и у публики короткая память. Болѣе того: публика всегда уважаетъ того, кто не смущается. Всѣ видѣли, на примѣръ, что въ такомъ то случаѣ нашему мудрому государственному мужу пришлось сплосковать предъ аргументами неизвѣстнаго, не носящаго ни шпоръ, ни эпалетъ злого критика, но такъ какъ мудрецъ при этомъ глазомъ не моргнулъ и не поморщился, то всѣ заключаютъ, что онъ знаетъ больше другихъ и оттого-то сохраняетъ гордый видъ тамъ, гдѣ всякой другой на его мѣстѣ чувствовалъ бы себя пристыженнымъ. Стоитъ продѣлать это нѣсколько разъ, и мудрому политику останется только бросать толпѣ при случаѣ мудрыя изреченія въ родѣ того, на примѣръ, что «всякой вещи свое время», что «пустые мечтатели ничего не добьются», что ему противны «безпочвенныя разсужденія, что «ходъ вещей самъ повліяетъ на идеи», и т. п., чтобы на всѣхъ площадяхъ заговорили: «мудрый политикъ знаетъ нѣчто, чего не вѣдаетъ весь міръ, но молчитъ, потому что выжидаетъ случая заговорить, а представится этотъ случай, тогда—о, тогда!.. Другіе дивятся хладнокровію политика, не раздумывая надъ причинами. Оно для нихъ просто чудо, какъ многое на свѣтѣ, Али, на примѣръ, неуязвимый арабъ, которому можно проколоть вязальной спицей безкровныя щеки, человѣкъ съ каменнымъ черепомъ, на которомъ можно раскалывать гранитъ и т. д.

Характеристика тактики никогда не можетъ быть тождественной съ характеристикой личностей. Вещи последовательныѣ людей. Прошу читателя держать эту оговорку въ памяти. Но, съ другой стороны, я считаю себя въ правѣ вывести безъ прикрасъ самыя крайнія послѣдствія изъ всякаго политическаго поступка, изъ всякаго положенія, открыто занятого при разногласіяхъ внутри партіи.

Основная политическая ошибка, которую Фольмаръ сдѣлалъ уже въ 1891 г., состояла въ томъ, что онъ придавалъ чрезчуръ много вѣса перемѣнѣ тактики правительства по отношенію къ социалдемократіи. Не особенно важно было то, что онъ ошибочно приписалъ правительству гораздо больше доброжелательства, чѣмъ оно его имѣло, что онъ не предвидѣлъ калейдоскопической

смѣны цвѣтовъ новаго курса мелкихъ и крупныхъ законопроектовъ, направленныхъ противъ разрушительныхъ тенденцій; его главная ошибка заключалась въ томъ, что онъ перемѣну въ образѣ дѣйствій правительства счелъ настолько значительной, что находилъ нужнымъ пересмотръ всей тактики партіи. Слѣдовательно, если правительство реакціонно, то мы революціонны, если оно податливо, то и мы идемъ на уступки. Но пролетаріатъ революціонеръ не потому, что его преслѣдуютъ, а наоборотъ его преслѣдуютъ, потому что онъ революціонеръ. Фольмаръ забылъ, что по отношенію къ пролетаріату правительство капиталистическаго государства при наилучшихъ желаніяхъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ какъ орудіемъ въ рукахъ капиталистическаго класса. Что социалдемократія революціонна, это не зависитъ ни отъ правительства, ни отъ насъ, а есть результатъ борьбы классовъ въ капиталистическомъ обществѣ. Германская социалдемократія справедливо гордилась тѣмъ, что законъ противъ социалистовъ не отклонилъ ее ни вправо, ни влѣво, почему же паденіе этого закона требовало перемѣны партійной тактики? Тутъ опять бросается въ глаза характерное совпаденіе: именно тѣ, которые послѣ изданія закона противъ социалистовъ хотѣли увлечь партію далеко влѣво, послѣ паденія этого закона тянутъ ее далеко вправо. Въ обоихъ случаяхъ ошибка заключалась въ переоцѣнкѣ вліянія правительственной политики на классовую борьбу пролетаріата. Соціально-революціонное движеніе само прокладываетъ себѣ путь независимо отъ ненависти или доброжелательства правительства.

Итакъ, Фольмаръ думалъ, что съ паденіемъ закона противъ социалистовъ начинается новая эра политическихъ и социально-реформаторскихъ уступокъ со стороны правительства. Поэтому онъ торопился точно опредѣлить наши ближайшія требованія въ области законодательства и совѣтовалъ партіи показать правительству готовность идти ему навстрѣчу, чтобы облегчить его работу. Можно держаться различныхъ взглядовъ на цѣнность германскаго социально-политическаго законодательства послѣдняго десятилѣтія, но не подлежитъ сомнѣнію, что девяностые годы въ этомъ отношеніи не выдерживаютъ никакого сравненія съ восьмидесятыми. Мѣропріятій, равныхъ по важности проведенію фабричнаго законодательства или страхованію рабочихъ, больше не предпринимается. Вопреки ожиданіямъ Фольмара, социально-политическій жаръ правительства не разгорался, а остывалъ, пока, наконецъ, не была открыто провозглашена пауза въ соціальной политикѣ. Какое отношеніе имѣетъ это къ выбору между соціально-революціонной или оппортунистской тактикой,—разберу въ другомъ мѣстѣ, теперь-же я констатирую только, что наиболѣе интенсивная соціально-политическая дѣятельность государства приходится на періодъ наиболѣе интенсивной соціально-революціонной агитаціи.

Такимъ образомъ государственная проницательность Фольмара обманула его вполне. Посмотримъ, какъ это повліяло на дальнѣйшее развитіе его тактики. Изъ пяти требованій, выставленныхъ Фольмаромъ въ 1891 г., особенно заслуживаютъ вниманія два: законодательное установленіе нормальнаго рабочаго дня и «отмѣна пошлйнъ на жизненные припасы». Эти пункты онъ считалъ тогда немедленно осуществимыми, и требующими поэтому всего вниманія практическаго политика. Конечно, надо работать и надъ дальнѣйшимъ развитіемъ законодательства по охранѣ труда, «но прежде всего надо направить всѣ силы на законодательное установленіе нормальнаго рабочаго дня, этого краеугольнаго камня всѣхъ мѣръ по охранѣ труда». Относительно отмѣны пошлйнъ на жизненные припасы онъ выразился такъ: «Я хочу только сказать, что наша борьба противъ искусственной дороговизны жизненныхъ припасовъ никогда не должна ослабѣвать». Но мы тщетно будемъ искать въ дѣятельности Фольмара съ 1891 г. признаковъ «сосредоточенія всѣхъ силъ» на достиженіи нормальнаго рабочаго дня. Напротивъ, чѣмъ больше его государственный взоръ открывалъ, что правительство и партіи пока считаютъ такую мѣру несвоевременной, тѣмъ больше агитація въ пользу нормальнаго рабочаго дня отступала у него на задній планъ передъ социально-политическими мѣрами одна другой мельче, которымъ онъ въ 1891 г. придавалъ второстепенное значеніе.

Также и въ своей борьбѣ за отмѣну пошлйнъ на жизненные припасы, которая «никогда не должна была ослабѣвать», Фольмаръ допустилъ длинную паузу. Только самыя послѣднія событія снова встряхнули его, и онъ началъ звать къ борьбѣ противъ «новыхъ пошлйнъ», т. е. уже не за отмѣну пошлйнъ на жизненные припасы, а противъ повышения ихъ. До этихъ же поръ онъ лично устранялся отъ агитаціи противъ пошлйнъ на жизненные припасы, игнорируя всѣ поводы, которыми упорно снабжалъ его Крестьянскій Союзъ. Онъ молчалъ, когда Крестьянскій Союзъ предложилъ повышение пошлйнъ на хлѣбъ. Молчалъ, потому что обдумывалъ уже достойный государственнаго мужа планъ обратитъ посредствомъ предупредительности членовъ Крестьянскаго Союза въ социал-демократовъ, также точно какъ хотѣлъ посредствомъ той же предупредительности склонить правительство къ социальнымъ реформамъ. Это была только часть цѣлаго плана — агитаціи въ крестьянской средѣ, прелести которой я подвергну подробному и любящему разбору въ другомъ мѣстѣ. Ея руководящимъ положеніемъ было слѣдующее: такъ какъ германское крестьянство, какимъ оно является въ настоящее время, нельзя склонить къ социалистической программѣ пролетаріата, то мы должны выкроить социалистическую программу въ духѣ этого крестьянства. Здѣсь государственная мудрость, начавши съ простой ни къ чему необязывающей преду-

предительности по отношенію къ правительству, — «безъ забвенія о конечной цѣли», — приводитъ къ принципиальнымъ уступкамъ. Прикрывая Крестьянскій Союзъ отъ всякихъ нападеній справа или слѣва, Фольмаръ какъ нельзя лучше помогъ дѣламъ этого политическаго ублюдка. Расплачиваться за эту дѣятельность пришлось при выборахъ въ рейхстагъ 1898 г. давшихъ въ сельскихъ избирательныхъ округахъ Баваріи значительный приростъ голосовъ Крестьянскому Союзу и абсолютное уменьшеніе числа избирателей, голосовавшихъ за социал-демократовъ. Государственная мудрость еще разъ разбилась въ дребезги о подводные камни классовыхъ противорѣчій.

Одинаковымъ успѣхомъ увѣнчалась и политическая комбинація Фольмара въ вопросѣ о баварскомъ избирательномъ правѣ. Баварская избирательная система такова, что при безрезультатности первой баллотировки необходимы избирательные союзы, иначе выборы не могутъ состояться. Раньше въ такомъ случаѣ центръ и національ-либералы соединялись противъ социал-демократовъ, но такъ какъ при дѣлежѣ добычи національ-либералы неоднократно выказывали себя несговорчивыми, то на послѣднихъ выборахъ огорченный центръ обратился къ социал-демократамъ. Вслѣдствіе этого либералы были побиты и имъ пришлось на собственной шкурѣ извѣдать невыносимость существующей избирательной системы. Но и радость центра была не безъ примѣси: выступивъ за одно съ социал-демократами онъ собственными руками сдѣлалъ не мало надрывовъ въ густой сѣти лжи и клеветы, которыми отпугивалъ массы отъ социал-демократіи; особенно неловко долженъ былъ центръ чувствовать себя по отношенію къ католическимъ рабочимъ союзамъ. Съ другой стороны, ему пришлось выслушивать горькіе упреки со стороны католической буржуазіи и католическихъ ханжей. Въ свое оправданіе онъ ссылался на избирательную систему. Такимъ образомъ послѣ выборовъ всѣ партіи горько жаловались на эту систему. Мы должны были прежде всего воспользоваться такимъ благоприятнымъ положеніемъ для цѣлей агитаціи. Такъ какъ всѣ говорили объ измѣненіи избирательнаго права, то намъ слѣдовало посредствомъ собраній, летучихъ листовъ и проч. вызвать массовое движеніе въ пользу демократическаго избирательнаго права. Въ ландтагѣ мы должны были выставить самыя крайнія требованія, чтобы вызвать рѣзкое выраженіе частныхъ интересовъ отдѣльныхъ партій. Мы должны были настаивать на возможно быстромъ рѣшеніи вопроса, принудить къ тому правительство и партіи всѣми доступными политическими средствами, не исключая обструкціи. Если-бъ даже мы и не добились удовлетворенія всѣхъ своихъ требованій, то при такомъ образѣ дѣйствій мы все же могли рассчитывать, что господствующія партіи уступятъ хоть въ чемъ нибудь; во всякомъ случаѣ отъ

агитации мы только выиграли бы. Но Фольмарь думалъ иначе. Его государственный умъ тотчасъ придумалъ политическую комбинацію. И онъ началъ кампанію въ ландтагъ съ торжественной рѣчи въ тонѣ доброжелательнаго увѣщанія. Онъ указывалъ партіямъ, какъ неразумно поступали онѣ до сихъ поръ, оставаясь глухи къ предъявленному социалдемократами требованію избирательной реформы. «Потрудитесь же, господа, понять насъ», взывалъ онъ, всячески стараясь стать на точку зрѣнія буржуазныхъ партій, доказывая имъ, что въ ихъ собственныхъ интересахъ и въ виду социал-демократической агитации онѣ должны измѣнить избирательное право. Онъ грозилъ этой агитаціей, но только грозилъ. Ему хотѣлось главнымъ образомъ невыполненіемъ этой угрозы выказать доброжелательство и уступчивость социалдемократіи, «теперь, — говорилъ онъ — я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній относительно самаго предмета, т. е. избирательной реформы. Я буду кратокъ, и именно потому, что вопросу уже данъ полный ходъ и прежде всего нами. Предложеніе должно поступить въ комиссію, и тамъ мы будемъ въ состояніи говорить о дѣлѣ. Для насъ, социалдемократовъ, тутъ, какъ и всегда, важна не агитация, хотя многіе изъ васъ думаютъ противное... Поэтому мы хотимъ избѣжать обвиненій въ виду прежняго отношенія партій къ нашимъ предложеніямъ и не будемъ входить въ подробности; послѣднее лучше сдѣлаемъ въ комиссіи». Ораторы всѣхъ партій высказались за измѣненіе избирательнаго права, слѣдовательно, оно неотложено. Совершенно невозможно, заявлялъ Фольмарь, чтобы вопросъ былъ снова отложенъ надолго.

Итакъ, Фольмарь думалъ, что на вопросъ объ избирательномъ правѣ онъ объединитъ всѣ партіи. Нѣкоторая готовность идти на компромиссъ со стороны буржуазныхъ партій, сговорчивость съ нашей стороны, — и дѣло въ шляпѣ. Потому то такъ мила была ему комиссія, гдѣ вдали отъ шума должна была совершиться «положительная работа». Агитация была замѣнена миролюбіемъ. Но именно этого то и хотѣли реакціонеры. Они боялись массовой агитации, они боялись публичнаго обсужденія и были несказанно рады, что социалдемократія позволяетъ успокоить себя нѣсколькими фразами и въ лучший моментъ общественнаго возбужденія отказывается отъ агитации. Въ комиссіи не слѣшили. Среди общей тишины, которую социалдемократія почти не нарушала, жгучій интересъ общественнаго мнѣнія испарился. Вопросъ началъ забываться. При «положительной» работѣ составленія законопроекта все яснѣе становились какъ особые интересы буржуазныхъ партій такъ и объединяющая ихъ вражда къ социалдемократіи, и скоро уже не подлежало никакому сомнѣнію, что дѣло отложено въ долгій, самый долгій ящикъ! Такъ кончилась эта государственная махинація. Фольмарь обогатился лишнимъ опытомъ, изъ кото-

раго, какъ и изъ всѣхъ предыдущихъ, онъ вывелъ по всему вѣроятію лишь то заключеніе, что былъ еще недостаточно хитеръ, недостаточно политиченъ.

Въ послѣднее время «дѣло Милльерана» дало Фольмару наилучшую возможность самому вывести всѣ послѣдствія своей точки зрѣнія. Подъ прикрытіемъ утвержденія, что «практическаго» значенія этотъ вопросъ въ Германіи не имѣетъ, онъ могъ позволить себѣ роскошь размышленія не стѣсняющагося практическими соображеніями. Когда въ Эрфуртѣ Либкнехтъ сказалъ, что точка зрѣнія Фольмара логически ведетъ къ «правительственному социализму», Фольмаръ крайне обидѣлся. Съ тѣхъ поръ неудача за неудачей внушили ему больше скромности въ желаніяхъ и мудрости въ выборѣ средствъ. Безпрерывное урѣзываніе своихъ ближайшихъ законодательныхъ требованій научило его высоко цѣнить микро-скопическія подобія реформъ Милльерана. Съ другой стороны, чѣмъ мельче законодательная мѣра, тѣмъ легче провести ее доброжелательному правительству. Чѣмъ больше суживается политическій горизонтъ парламентариста, тѣмъ больше разрастается въ его глазахъ значеніе правительства.

Такимъ путемъ Фольмаръ приобрѣлъ вкусъ къ социалистическому министеріализму. И дѣйствительно, кто протягиваетъ руку «доброжелательству» правительства, тотъ не можетъ сказать: «нѣтъ», когда правительство приглашаетъ его: «приходи и будь моимъ добрымъ геніемъ?» Фольмаръ и прочіе защитники Милльерандизма, всегда оговариваются, правда, что къ Германіи случай непримѣнимъ, что въ Германіи отношенія иныя, политическая форма менѣе свободна, правительство менѣе демократично, и проч. Но если присмотрѣться поближе, то окажется, что случай непримѣнимъ лишь потому, что германское правительство не захочетъ имѣть министромъ социалиста. А пожелай, — такъ это было бы доказательствомъ его либерализма, демократизма, и проч. Итакъ, правительству надо только захотѣть!

Германскіе министріалисты отличаются отъ французскихъ только тѣмъ, что послѣдніе принимаютъ предложеніе правительства, а первые приготовились принять его задолго до того, какъ у правительства является хотя бы самая отдаленная мысль дать министерскій портфель социалисту. Какая государственная предусмотрительность!

Я вовсе не хочу этимъ сказать, что самъ Фольмаръ принялъ бы министерскій портфель. За нимъ слишкомъ крупное политическое прошлое, чтобы онъ могъ лично осуществить на практикѣ крайнія послѣдствія своей теперешней точки зрѣнія. Но предѣльный пунктъ, достигнутый однимъ политикомъ за всю его жизнь, является для его пріемника отправнымъ пунктомъ дѣятельности, и онъ развиваетъ его послѣдствія гораздо дальше. Оппортунизмъ —

сама непоследовательность. И оппортунисту, возражающему намъ, что онъ въ томъ или другомъ практическомъ случаѣ не заходитъ такъ далеко, мы заявляемъ: «Мы не можемъ основываться на твоей непоследовательности, но должны считаться съ выводами, которые другіе сдѣлаютъ изъ твоей точки зрѣнія!»

Государственное искусство въ рядахъ социалдемократіи рядомъ незамѣтныхъ переходовъ приводитъ къ тому, что завоеваніе политической власти пролетаріатомъ подмѣнивается заполученіемъ министерскаго портфеля какимъ нибудь политиканомъ, а социальнореволюціонный процессъ развитія замѣняется парламентскими, а гдѣ можно—то и придворными интригами!

4. Практицизмъ Ауэра.

Что Ауэръ находится въ натянутыхъ отношеніяхъ съ теоріей, объ этомъ онъ самъ неоднократно заявлялъ. Онъ этимъ положительно щеголяетъ при всѣхъ принципиальныхъ дебатахъ въ партіи. Къ сожалѣнію, онъ до сихъ поръ не удосужился выяснитъ специфическія особенности того практицизма, которымъ онъ отличается отъ другихъ членовъ партіи, занимающихся во всякомъ случаѣ не однимъ же обсужденіемъ принциповъ. Неизвѣстно даже, стоитъ ли онъ на оппортунистской, или же революціонной точкѣ зрѣнія. Въ Ганноверѣ онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ противъ зачисленія его въ одну компанію съ Бернштейномъ и хотя бѣглыми, но рѣзкими чертами отмежевывалъ себя отъ отъ бернштейнства. Но на публику—удивительное дѣло!—это нисколько не повліяло, и Ауэръ какъ прежде, такъ и теперь слыветъ вождемъ оппортунизма, теперь даже больше, чѣмъ прежде. Онъ слѣдовательно тоже принадлежитъ къ «непонятымъ». Постараемся растолковать его.

Практицизмъ вытекаетъ изъ отвращенія къ теоретическому мышленію въ политикѣ. Онъ хочетъ оперировать только съ конкретными отношеніями, ненавидитъ неопредѣленныя величины. Однако, пріятно то или нѣтъ, а въ политикѣ нельзя обойтись безъ вычисленія вѣроятностей. Только законъ развитія можно установить—и для капиталистическаго общества это уже сдѣлано въ Коммунистическомъ Манифестѣ такъ мастерски, что послѣдующіе полвѣка капиталистической исторіи вполне подтвердили его.—За ходомъ же развитія приходится постоянно слѣдить и всегда снова опредѣлять его направленіе. Но практическій умъ знаетъ только непосредственно данное, все, выходящее за этотъ предѣлъ, ему въ тягость, обременяетъ мысль. Онъ хочетъ яснаго, простого положенія, а если оно не просто, то онъ упрощаетъ его, т. е.

рѣшаетъ задачу тѣмъ, что игнорируетъ ея трудности. Онъ собственно не врагъ теоріи, но хочетъ такой теоріи, которая сразу же и безъ остатка переходила бы въ практику. Практическій умъ не понимаетъ, какъ можетъ служить руководящей нитью то, что само измѣняется? Поэтому неизмѣнная форма—прежде всего. А когда теорія укладывается на прокрустово ложе практическаго разсудка, то застываетъ въ догму, изъ которой практикъ выкраиваетъ шаблоны. Если же практикъ, пользуясь теоріей какъ шаблономъ, натолкнется на противорѣчіе развивающихся отношеній, то усумнится не въ своемъ методѣ пользованія теоріей, но въ самой теоріи. Неподвижность, которую онъ самъ же внесъ въ теорію, представляется ему ея собственной сущностью, и онъ борется противъ всякаго теоретизированія какъ вреднаго догматизма и выкраиванія шаблоновъ.

Едва-ли кто изъ членовъ партіи защищалъ социалдемократическіе принципы такъ доктринерски, какъ Ауэръ на берлинскомъ конгрессѣ партіи. Онъ былъ докладчикомъ по вопросу о кооперацияхъ. Уже самое вступленіе интересно. Онъ дословно цитируетъ положеніе эрфуртской программы, говорящее объ измѣненіи формы собственности и необходимомъ для этого захватѣ политической власти пролетаріатомъ, и объявляетъ, что: «въ этихъ положеніяхъ ясно выражены наши цѣли и задачи. Мы приняли ихъ при началѣ социалдемократической агитаціи, мы держимся ихъ до сихъ поръ и должны сохранять на всѣ времена, пока наша партія есть партія социалдемократическая. Если возникаютъ другіе взгляды,—а они появились,—то это доказываетъ только, что въ этомъ вопросѣ товарищи ошибаются насчетъ сущности и содержанія социалдемократіи». Такимъ образомъ въ 1892 г. программа для Ауэра была установлена «на всѣ времена»,—а нѣсколькими годами позднѣе онъ уже не знаетъ ничего, болѣе измѣнчиваго, чѣмъ программа, и обзываетъ доктринерами всѣхъ, кто защищаетъ положенія программы отъ скоропалительной и зложелательной критики.

Переходя къ самой темѣ доклада, Ауэръ говорилъ тогда, что тотъ: «кто думаетъ устройствомъ кооперативныхъ обществъ способствовать рѣшенію социальнаго вопроса, кто думаетъ, какъ это заявлялось въ Бреславлѣ, что кооперативы могутъ урегулировать производство, и предотвратить перепроизводство, тотъ заблуждается насчетъ сущности социализма. Партія неоднократно высказывалась противъ подобныхъ попытокъ затушевать сущность нашихъ задачъ и цѣлей. Сегодня мы обязаны сдѣлать то же» Здѣсь Ауэръ уже предвидитъ Бернштейна, въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ Бернштейнъ представляетъ только новое изданіе старыхъ социаль-реформистскихъ фразъ. Въ Ганноверѣ Ауэръ тоже заявилъ, что не раздѣляетъ иллюзій Бернштейна относительно кооперативныхъ обществъ, но вмѣсто того, чтобы какъ

въ Берлинѣ протестовать противъ этого «затушевыванія нашихъ задачъ и цѣлей», онъ сталъ теперь самымъ ревностнымъ его поборникомъ. Въ Берлинѣ онъ заявилъ, что тотъ, кто видитъ въ кооперативныхъ обществахъ средство къ осуществленію нашей социаль-революціонной программы, «не имѣетъ никакого представленія о сущности социализма и нашихъ задачахъ». Ничего худшаго не говорили о Бернштейнѣ его злѣйшіе критики. Но въ Ганноверѣ Ауэръ яростно обрушился на всѣхъ, кто упрекалъ Бернштейна въ недостаткѣ научныхъ знаній. «Человѣкъ, который впродолженіи десяти лѣтъ редактировалъ нашъ центральный органъ, человѣкъ, который до послѣдняго времени считался замѣчательнѣйшимъ изъ научныхъ писателей партіи, человѣкъ...» и т. д.

Итакъ, въ виду того, что кооперація еще не социализмъ, онѣ бесполезны и даже вредны для рабочаго движенія, потому что заставляютъ пролетаріатъ растрчивать свою энергію на бесплодной почвѣ и отвлекаютъ его вниманіе отъ политической борьбы. Тутъ передъ нами шаблонность во всей ея узкости и закоснѣлости! Была предложена и соотвѣтствующая резолюція: товарищи должны противиться основанію коопераций и, между прочимъ бороться съ иллюзіей, будто кооперація «могутъ устранить или хотя бы смягчить политическую и профессиональную борьбу рабочихъ». Нельзя сказать, что это невѣрно, но это узко и односторонно: конечно, основаніе коопераций въ капиталистическомъ государствѣ не есть социализмъ, конечно, нелѣпо ждать отъ нихъ смягченія классовой борьбы пролетаріата,—но этимъ не все еще сказано, тутъ только одна отрицательная сторона явленія, а положительная та, что кооперація въ видѣ комбинаціи потребительныхъ и производительныхъ товариществъ при нѣкоторыхъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ въ высокой степени усиливаютъ организованность пролетаріата и доставляютъ ему поддержку въ профессиональной и политической борьбѣ. Съ точки зрѣнія нашихъ принциповъ мы можемъ побивать только социаль-реформаторство въ кооперативномъ движеніи, мы можемъ бороться лишь противъ теоретической и практической эксплуатаціи коопераций социаль-реформаторами. Само же по себѣ кооперативное движеніе есть экономическій фактъ, требующій не оспариванія, а пониманія. Но практикъ умѣетъ пользоваться программой лишь какъ собраніемъ шаблоновъ: если явленіе подходит подъ готовую форму (параграфъ такой то),—хорошо, а если нѣтъ, то онъ рѣшительно не знаетъ что съ нимъ дѣлать, оно для него является нарушеніемъ нормального, закономѣрнаго развитія; онъ не умѣетъ пользоваться программой какъ методомъ для познанія социального развитія.

Тотъ же догматизмъ и доктринерство повліяли и на отношеніе Ауэра къ профессиональнымъ союзамъ. Разумѣется, не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы Ауэръ былъ когда либо противникомъ профес-

сionalнаго движенія, онъ только долгое время считалъ нужнымъ оградить партію отъ конкуренціи профессиональныхъ союзовъ, но мѣръ своего роста стремящихся къ самостоятельности. Онъ ясно высказывалъ это: «прежде профессиональные союзы хотѣли считаться и считались хотя и самостоятельной частью, но все же только частью организованнаго и сознательнаго классоваго рабочаго движенія,—какъ артиллерія составляетъ особый отдѣлъ арміи, но не есть армія, а только часть ея,—но со времени основанія генеральнаго комитета замѣчается стремленіе отдѣлять профессиональные союзы отъ политической партіи и относиться къ этимъ двумъ организаціямъ какъ соперничающимъ силамъ. Эти стремленія, исходящая особенно отъ генеральнаго комитета и опирающіяся на него, я считаю крайне превратными и, если они найдутъ болѣе широкій откликъ, прямо роковыми для всего германскаго рабочаго движенія». И здѣсь имѣется большая доза истины, но опять таки слишкомъ узко понимаемой и односторонней. Въ Германіи, гдѣ политическая организація пролетаріата развивалась поразительно быстро, профессиональные союзы долгое время во всемъ зависѣли отъ партіи, были подчинены партіи. Но съ ростомъ профессиональныхъ организацій отношенія должны были измѣниться. Союзы должны были выучиться держаться на собственныхъ ногахъ. Имъ нужна была собственная централизація. Чѣмъ больше подвигались они въ этомъ направленіи, тѣмъ самостоятельнѣе должны они были себя чувствовать. Ихъ отношеніе къ политической партіи не могло уже оставаться отношеніемъ спеціальнаго рода оружія ко всей арміи, но уподобиться отношенію между двумя союзными арміями. Конечно, съ развитіемъ профессиональныхъ союзовъ возникла опасность конкуренціи между ними и социалдемократіей, кто станетъ отрицать это? Но для предотвращения этой опасности у социалдемократіи есть только одно средство: обращать еще болѣе вниманія, чѣмъ раньше, на профессиональные интересы при своемъ выступленіи въ парламентѣ, въ своей политикѣ, въ своей агитаціи. Должно было ясно понять, что усиленіе профессиональныхъ союзовъ увеличиваетъ также, какъ обязанности, такъ и вліяніе политическаго представительства пролетаріата. Но Ауэръ понималъ дѣло крайне узко: должно сокрушить, подавить въ зародышѣ конкуренцію профессиональныхъ союзовъ; опорнымъ пунктомъ всѣхъ стремленій профессиональныхъ союзовъ къ независимости является генеральный комитетъ, слѣдовательно, ему нужно «подрывать шерсть». Тогда это ему удалось легко—благодаря сильному авторитету политической организаціи и подрыву кредита и безъ того уже очень слабыхъ профессиональныхъ союзовъ неблагоприятнымъ общимъ положеніемъ дѣлъ, только что проигранной крупной стачкой, внутренними организаціонными раздорами, и проч. Но это была Пиррова побѣда. Спасительное, по мнѣнію Ауэра, осаживаніе отдѣль-

ныхъ вожakovъ профессиональнаго движенія образовало трещину между социалдемократіей и профессиональными союзами.

Ложная тактика Ауэра по отношенію къ профессиональнымъ союзамъ имѣла одинаковое основаніе съ его нападками на кооперацию: онъ смотрѣлъ на политическую дѣятельность пролетаріата черезчуръ исключительно, черезчуръ отрѣшенно отъ всего прочаго. Ходъ его мыслей былъ приблизительно таковъ: мы хотимъ социальной революціи, слѣдовательно, завоеванія политической власти; для этого нужна политическая организація пролетаріата, социалдемократія; все прочее можетъ представлять нѣкоторыя выгоды въ настоящемъ (многое—просто обманъ), можетъ также имѣть нѣкую цѣну какъ подготовительная школа къ социалдемократіи, но въ сопоставленіи съ политической дѣятельностью социалдемократіи во всякомъ случаѣ отходить на задній планъ и не должно стоять у нея на дорогѣ. Эта аргументація упускаетъ изъ виду взаимодѣйствіе. Если оставить въ сторонѣ пертурбаціи, неизбѣжныя въ классовой борьбѣ пролетаріата, какъ во всякомъ крупномъ политическомъ движеніи, и зависяція отъ разныхъ причинъ, среди которыхъ недостаточная прозорливость вождей играетъ самую ничтожную роль, то окажется, что политическая дѣятельность пролетаріата помогаетъ профессиональнымъ союзамъ и кооперациямъ, а тѣ въ свою очередь помогаютъ социалдемократіи. Главная сила не въ перевѣсѣ политической дѣятельности пролетаріата, а въ томъ что социальные стремленія пролетаріата во всемъ ихъ растущемъ многообразіи, даже въ формахъ, имѣющихъ всего менѣе соотношенія съ политикой, всегда и постоянно приводятъ къ одному и тому же результату: къ необходимости завоеванія пролетаріатомъ политической власти.

Ауэръ никогда не велъ иной политики, кромѣ чисто рабочей. Въ этомъ его сила. Онъ никогда не кокетничалъ съ крестьянствомъ или ремесленниками. Политика мудрыхъ комбинацій для него черезчуръ спекулятивна: его практический умъ требуетъ яснаго, простого положенія. Ауэра считаютъ чрезвычайно хитрымъ, но онъ все не хитеръ. Онъ только дѣлаетъ видъ будто хитритъ и что всего замѣчательнѣе: ему вѣрятъ. Поразивъ публику своимъ чертовски хитрымъ изрѣченіемъ: «Милый Эде, такія вещи дѣлаютъ, но о нихъ не говорятъ», онъ тѣмъ самымъ сталъ въ противорѣчіе, со своимъ макіавеллевскимъ принципомъ. Онъ слишкомъ чистокровный германецъ, чтобы быть непомѣрно лукавымъ. Краснорѣчивый полемистъ въ цicerоновскомъ жанрѣ онъ слишкомъ часто дозволяетъ своимъ собственнымъ сарказмамъ завлекать себя въ преувеличеніе. Въ послѣдніе годы онъ несомнѣнно говорилъ гораздо больше, чѣмъ слѣдовало, и притворялся худшимъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности.

Въ качествѣ практика, онъ уже заранѣе относился къ теоріи

съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ; а его способъ примѣнять теорію долженъ былъ, какъ мы видѣли, окончательно разочаровать его въ ней, такимъ образомъ его недоувѣріе перешло въ скептицизмъ. Отъ этого страдаетъ прежде всего цѣльность его политическаго сознанія. У него есть сомнѣнія вправо и сомнѣнія влѣво, и ничто не удовлетворяетъ его. Онъ уже не находитъ въ своемъ умѣ достаточной самоуувѣренности, чтобы выступить рѣшительнымъ сторонникомъ опредѣленныхъ принциповъ, поэтому онъ и не понимаетъ, какъ могутъ дѣлать это другіе. Онъ видитъ въ ихъ поведеніи только нетерпимость и полемическій задоръ. Его сомнѣнія сближаютъ его съ оппортунизмомъ: не съ положительной, а съ отрицательной стороной послѣдняго—его привлекаетъ критика установленныхъ принциповъ. Съ этой критикой онъ не согласенъ, правда, но его интересуется, къ чему она поведетъ, что изъ нея выйдетъ. Потому Ауэръ,—одинъ изъ тѣхъ, кто всего раньше увидѣлъ опасность оппортунизма и всего рѣзче выступалъ противъ него, сталъ теперь, если и не отъявленнымъ оппортунистомъ, то во всякомъ случаѣ патрономъ оппортунизма.

Въ то же время скептицизмъ привелъ его, странно сказать, къ своего рода фатализму. Всякое теоретизированіе—бездельная трата времени, всякое спекулятивное предвидѣніе—разъ Бебель ошибся въ датѣ революціи—игра, чему быть, тому не миновать, а какъ оно будетъ,—объ этомъ мы знаемъ очень мало. Поэтому прежде всего—степенность и осмотрительность, нечего летѣть сломя голову! Мы и такъ придемъ во время, если не черезчуръ рано. Будемъ считаться съ обстоятельствами, не будемъ стремительны. Никакой программы и никакой ясной тактики, кромѣ одной: тормозить всюду. И тутъ также чѣмъ дальше конечная цѣль уходитъ изъ поля зрѣнія, тѣмъ сильнѣе становится жажда непосредственныхъ, ощутимыхъ успѣховъ. Работа для настоящаго въ охарактеризованномъ нами ограниченномъ смыслѣ. Намѣсто движущей впередъ критики отношеній, становится приспособленіе къ отношеніямъ, осаживающее всякій порывъ, тяжелымъ гнетомъ ложащееся на движеніе, затрудняя и парализуя его.

На франкфуртскомъ съѣздѣ 1899 г. Ауэръ еще обращался къ баварской фракціи, которая вотировала фактически во многихъ отношеніяхъ несамостоятельный баварскій бюджетъ, съ такими словами: «для того ли вы выбраны въ сеймъ, чтобы способствовать продленію существованія баварскаго государства въ его нынѣшнемъ видѣ? Не должны-ли вы передѣлать его или—извините за выраженіе—подкопаться подъ его основы. Только поставьте себя этотъ вопросъ—и вы поймете ненормальность положенія, въ которомъ очутились. Безъ бюджета общественная жизнь пришла бы въ разстройство, тѣмъ не менѣе вотировать средства на ея сохраненіе и поддержаніе—не ваше дѣло. Вы можете спокойно предоставить

его національ-либераламъ и клерикаламъ». Въ Гамбургѣ Ауэръ уже не могъ понять, какъ это можно отказывать правительству въ перевооруженіи арміи,—нельзя же «вывести солдатъ въ поле съ дубинами!» А въ 1900 г. въ Парижѣ онъ защищалъ вступленіе въ министерство Миллерана и жалѣлъ бѣдную Германію, столь далекую еще отъ кандидатуры социалиста въ министры. Какой съ божьей помощью поворотъ!

Такимъ образомъ практицизмъ, отрывая движеніе отъ родной социально-революціонной почвы, также и въ рабочей политикѣ, теряетъ всякую почву и тяготеетъ къ ассимиляціи съ капиталистическимъ государствомъ.

5. Что далъ оппортунизмъ?

Оставляю безъ разсмотрѣнія еще одну духовную разновидность оппортунизма.

На этотъ разъ займемся оппортунистской тактикой въ ея отношеніи къ прежней дѣятельности.

Диктатура пролетаріата, составляющая до сихъ поръ ту идею, вокругъ которой концентрируется революціонная политика социалдемократіи, въ существенныхъ чертахъ заключается въ томъ, что пролетаріатъ, который численно уже составляетъ большинство націи и съ интересами котораго совпадаютъ интересы разоренныхъ капитализмомъ ремесленниковъ и крестьянъ, завладѣваетъ политической властью. Рядомъ съ политическимъ и военнымъ переустройствомъ государства въ смыслѣ самаго полного господства народа, устраняющаго всякую возможность злоупотреблять государственной властью для навязыванія народнымъ массамъ воли экономически господствующаго меньшинства, пролетаріатъ переводитъ одну отрасль производства за другою въ распоряженіе государства, которое при такихъ условіяхъ изъ правительственной машины, служащей для угнетенія народа, обращается въ организацію, завѣдующую его хозяйствомъ. Всѣми своими политическими и экономическими средствами государство содѣйствуетъ развитію муниципальнаго владѣнія, муниципальнаго производства и кооперацій. Частная собственность на средства производства исчезаетъ, и капиталистическій способъ производства уступаетъ мѣсто социализму.

На «диктатурѣ пролетаріата», какъ извѣстно, оппортунизмъ всего охотнѣе упражняетъ свои критическія способности, хотя онъ прямо и не оспариваетъ ея возможности, но сомнѣвается въ ней, отсылаетъ ее въ самое отдаленное будущее, изъ политическихъ же размышленій о настоящемъ хочетъ во что бы то ни стало выкинуть. Дѣло, дескать, еще настолько не созрѣло, что, возьми про-

летаріатъ государственную машину въ свои руки, онъ только опозоритъ себя своей законодательной дѣятельностью, и все кончится колоссальнымъ проваломъ. Мы должны, слѣдовательно, оставить господство въ государствѣ его нынѣшнимъ властителямъ—дворянству, биржѣ, промышленникамъ, и въ каждой побѣдѣ на выборахъ тоскливо видѣть шагъ, приближающій насъ къ—провалу... Съ той непослѣдовательностью, впрочемъ, благодаря которой онъ только и существуетъ, послѣдняго вывода изъ своихъ посылокъ оппортунизмъ не дѣлаетъ. Но что же предлагаетъ онъ намъ вмѣсто негодной по его мнѣнію «диктатуры пролетаріата», служившей до сихъ поръ нашей путеводной нитью въ политикѣ? Если не завоеваніемъ политической власти, то какимъ-же инымъ путемъ долженъ пролетаріатъ устранить капиталистическую эксплуатацію? Что должно произойти, какъ долженъ дѣйствовать пролетаріатъ для того, чтобы эта цѣль была достигнута? Короче, каково содержаніе той «реальной политики», которою такъ хвалятся оппортунисты? Поищемъ отвѣта въ практикѣ оппортунизма. Весьма естественно, что, отбросивъ надежду на политическое господство пролетаріата, оппортунизмъ стремится къ компромиссу между буржуазіей и пролетаріатомъ. Тамъ гдѣ до сихъ поръ социализмъ открывалъ самыя рѣзкія классовыя противорѣчія, оппортунизмъ выискиваетъ пункты объединенія. Онъ ведетъ политику компромиссовъ, хочетъ обломать всѣ острые края, перекинуть мосты между всѣми противными интересами. Такъ возникаютъ тѣ теоріи приспособленія капитализма, востанія социализма въ капитализмъ и т. п., которыми оппортунизмъ старается скрыть, какъ отъ себя самаго, такъ и отъ всего міра безнадёжность своей точки зрѣнія. Посмотримъ, какихъ результатовъ достигаетъ онъ когда пытается приложить эти теоріи къ практикѣ.

Казалось бы оппортунизму всего логичнѣе остановиться на мысли о государственной собственности. Это путь компромиссовъ, на которомъ ничего не дѣлается безъ согласія класса капиталистовъ и тѣмъ не менѣе производство уходитъ изъ рукъ частныхъ собственниковъ. Вѣдь на этой основѣ построены и катедры-социализмъ. Оказывается, однако, что мысль о государственномъ производствѣ совсѣмъ не привлекаетъ нашихъ оппортунистовъ. Почему? Причина ясна: они боятся государства. Повторяя на каждомъ шагѣ, что государство непрерывно и самопроизвольно становится все болѣе и болѣе демократическимъ, они въ то же время сами пугаются практическихъ выводовъ изъ своей теоріи. Итакъ, государственная собственность не годится. Не подойдетъ ли въ такомъ случаѣ муниципализація? О муниципальномъ социализмѣ оппортунисты много кричатъ, но вы не найдете у нихъ ни малѣйшихъ новыхъ практическихъ предложеній въ этомъ направленіи. Социалдемократія развивала свою муницип-

пальную тактику, нимало не поступаясь своими социальными революционными принципами. Наоборот, муниципальная деятельность социалдемократов дает им на каждом шагу новые доказательства безусловной необходимости как политической, так и экономической реорганизации капиталистического строя. О чем бы ни шла речь, о квартирном ли вопросе, электротехнических сооружений, об очистке улиц или о постановке в рабочем квартале лишней пары фонарей, вы всюду наталкиваетесь на вопрос о поземельной ренте. Домовладельцы пользуются всяким улучшением, чтобы поднять квартирную плату. Если обложить их налогом, они переложат его на квартиронанимателей. Но в то время как социалдемократ революционер имеет определенную цель сознательно выдвигать именно те моменты, которые ставят муниципальную политику в противоречие с капиталистической формой собственности, оппортунисту эти противоречия только мешают, только стесняют и затрудняют его в его «положительной работе». Он не может разрешить противоречия, поэтому старается обойти его, ставя наимельчайшие задачи, при которых противоположность интересов выступает меньше резко. Но чем ничтожнее практическая ценность его работы, тем сильнее теоретические спекуляции, которые он с нею связывает. Муниципальный политик-революционер не может ничем удовлетвориться, он зорко следит за всеми проблемами и недостатками муниципальной жизни, вытаскивает их наружу и тем самым становится движущей вперед силой. Оппортунист в муниципалитете всегда занят по горло своей «положительной работой», роется в ней как крот и остается подобно кроту в самом узком кругу; он дѣлает из каждой пойманной мухи «положительного» слона и считает, что кладет фундамент социализму устройством публичных бань и отхожих мест.

Оппортунист думает преобразовать капитализм муниципальной политикой, на деле же муниципальная политика разбивается о капитализм, остается лѣсами без здания, не только стесняется капиталистическими отношениями, но и уродуется ими зачастую настолько, что дает результаты, прямо противоположные намеченным. Устраивают, например, в предместьях водопровод и канализацию, прокладывают трамвай и проч., чтобы доставить удобства живущим там рабочим, а на деле достигается лишь то, что рабочих выгоняют из их жилищ, потому что в преобразованное предместье устремляются чиновники, учителя, офицера, рантье и поднимают квартирную плату.

Итак, муниципальная политика не в состоянии замѣнить государственной политики пролетариата. Для своего развития она сама нуждается наоборот в таких коренных изменениях экономической структуры, которые без диктатуры пролетариата не-

возможны. Устранив ее из своей программы, оппортунист и здесь также отнимает у себя почву для всякой практической деятельности скольконибудь возвышающейся над горизонтом социаль-политического бургомистра.

Следующей излюбленной темой оппортунистов являются кооперации, особенно потребительные общества. И здесь опять таки вы придете в величайшее затруднение, если вздумаете искать каких-нибудь практических предложений внесенных оппортунистами. Партия, правда, некоторое время смотрела на эти вещи односторонне и узко, но она не только никогда не мешала развитию потребительных товариществ, а наоборот поощряла их. Но как бы тепло не относилась она к ним из этого еще не следует, что она должна предаваться иллюзиям насчет экономического значения и социально-политической роли потребительных товариществ и связанных с ними производительных учреждений. Против всех попыток буржуазных политиков задавить потребительные общества с помощью фискальных мер партия всегда энергично протестовала не потому, собственно, чтобы дело шло о социалистических учреждениях, а потому, что видела в этих мерах налог на народное потребление, — кроме же такой защиты партия фактически не может оказать серьезного содействия развитию потребительных товариществ, если не считать общей пропаганды. Сами оппортунисты очень далеки от того, чтобы приглашать партию заняться повсеместным учреждением потребительных товариществ, так как подобная деятельность непременно и весьма скоро привела бы ее к «колоссальному провалу».

На этом кончается область мероприятий, которые с большим или меньшим основанием могут считаться направленными на изменение экономической структуры общества, на устранение основных отношений, обуславливающих эксплуатацию. Немного же оставляет нам оппортунизм в этой области: всякое изменение формы собственности путем самостоятельной политики устранено, нет помина и о переходе производства в руки современного государства; остается муниципальная политика, заранее осужденная мельчайшими пустяками и в заключение потребительных товариществ. Никакой «положительной работы», которую партия не делала бы раньше без всякого оппортунизма, ничего нового кроме фантастических иллюзий относительно результатов такой работы.

И это называют «реальной политикой»! Вся разница в том, что партия, занимаясь одним, не выбрасывает за борт всего остального, ведет, например, энергичную муниципальную политику, не отказываясь для нее от завоевания политической власти, которая даст ей возможность передѣлать общия отношения в

государствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ далеко усилить ея мощь въ муниципальной политикѣ; оппортунизмъ наоборотъ выдвигаетъ муниципальную политику, вмѣсто дѣятельности вытекающей изъ социально-революціонной точки зрѣнія, но потерявъ эту точку зрѣнія, онъ по необходимости обращаетъ муниципальную политику въ безцвѣтную реформаторскую работу въ самомъ поверхностномъ буржуазномъ духѣ.

Сколько бы не твердили, что оппортунизмъ остается социалистическимъ или даже социально-революціоннымъ ученіемъ, тотъ фактъ, что на практикѣ всякая мысль о радикальномъ измѣненіи экономической структуры общества отходитъ для него на самый задній планъ остается фактомъ. При такой постановкѣ социализмъ въ лучшемъ случаѣ обращается въ символъ вѣры, который повторяютъ по привычкѣ, не помышляя серьезно о проведеніи его въ жизнь. Оппортунизмъ охотно отводитъ ему область пропаганды: можете говорить о социализмѣ сколько угодно, но къ практикѣ онъ не имѣетъ никакого отношенія, тутъ нужна «реальная политика». Мы не касаемся принциповъ! Но принципъ одно, а тактика совсѣмъ другое, нѣчто прямо противоположное принципу.

Чѣмъ старательнѣе оппортунисты отсылаютъ социализмъ въ область далекихъ фантазій, тѣмъ больше научаются они подчиняться капиталистическимъ отношеніямъ. Подчиняться этимъ отношеніямъ или считаться съ ними для того, чтобы какъ можно лучше использовать ихъ для заранѣе намѣченной цѣли—это двѣ совершенно различныя вещи. Ихъ различіе особенно ярко сказывается въ вопросѣ о законодательной охранѣ труда.

Выставляя свои требованія въ этой области социалдемократія сообразуется съ общими отношеніями капиталистическаго производства. Иначе и быть не можетъ: являясь ограниченіемъ капиталистической эксплуатаціи, фабричное законодательство существуетъ и падаетъ вмѣстѣ съ капитализмомъ. Социалдемократія идетъ еще дальше и въ своихъ законопроектахъ принимаетъ въ расчетъ также и общія промышленныя отношенія страны. Но для «реальной политики» оппортунистовъ этого еще недостаточно. Такъ какъ дѣло идетъ о законѣ, то оппортунистъ прежде всего справляется о парламентскихъ группировкахъ. Что скажутъ буржуазныя партіи? Какъ отнесется правительство? И онъ урѣзываетъ свои законодательныя требованія, хотя убѣжденъ въ экономической возможности ихъ выполненія, лишь для того, чтобы набрать необходимое число голосовъ въ парламентѣ и получить согласіе правительства. Такъ возникаютъ призрачныя законодательныя мѣры, извѣстнѣйшими образчиками которыхъ являются миллерановскій нормальный рабочий день и его законъ объ урегулированіи стачекъ. Вмѣсто того, чтобы оказывать на парламентскія партіи давленіе извнѣ, вмѣсто того, чтобы вліять на составъ парламента, короче, вмѣсто того, чтобы приспособлять парламентъ къ своей волѣ, оппортунизмъ

заранѣе рѣшаетъ принаравливать къ готовому буржуазному парламентскому большинству.

Когда такая оппортунистская тактика относительно законодательной охраны труда приходитъ на смѣну политики, доводившей до крайности всѣ политическія противорѣчія, она на первыхъ порахъ, конечно, можетъ достигъ нѣсколькихъ мелкихъ результатовъ. Буржуазныя партіи, радуясь ослабленію антагонизма, выказываютъ на первыхъ порахъ нѣкоторую готовность къ уступкамъ. Этимъ успѣхомъ оппортунизмъ обязанъ не себѣ самому, онъ просто ликвидируетъ полученное наслѣдство, размѣниваетъ на мелкую монету капиталъ, накопленный долготѣней социально-революціонной агитаціей. Весьма понятно, что оппортунизмъ дорожитъ лишь немедленными успѣхами. Не имѣя никакихъ политическихъ перспективъ, никакой конечной цѣли, выбросивъ изъ своего кругозора связь социализма съ социально-революціонной борьбой и тѣмъ самымъ превративъ его въ утопическій идеалъ, оппортунистъ не имѣетъ за душой ничего кромѣ непосредственныхъ «положительныхъ» результатовъ, имъ пожертвовалъ онъ и прошлымъ и будущимъ. Но эта политическая расточительность кончается еще быстрѣе и позорнѣе, чѣмъ всякая другая форма мотовства. Порадовавшись сначала внезапной склонности социалдемократіи къ компромиссамъ, буржуазія будетъ становиться затѣмъ все сдержаннѣе по мѣрѣ роста уступчивости со стороны ея противницы. Буржуа слишкомъ ловкій дѣлецъ, чтобы не видѣть своей выгоды. Чѣмъ меньше энергіи будетъ въ дѣятельности социалдемократіи, тѣмъ меньше будетъ она внушать уваженія. Но въ той же мѣрѣ будетъ расти любезность въ обращеніи съ ней. «Законъ противъ социалистовъ? Боже сохрани, онъ дѣлаетъ мучениковъ изъ вожаковъ и возбуждаетъ массы! Да и къ чему это? Социалдемократы вполне приличные, разсудительные люди, которыхъ можно урезонить государственными соображеніями. Соціальная политика? О, конечно. Справедливыя требованія рабочихъ!.. Но только не все сразу. Государству, правительству и безъ того чертовски много дѣла. Сколько хлопотъ съ однимъ Дальнимъ Востокомъ! Затѣмъ поддержка родственныхъ намъ буровъ въ Южной Африкѣ и сдѣлки съ кузеномъ по ту сторону канала! И вѣчно что-нибудь да случается то въ Южной Америкѣ, то въ Турціи! Мы должны вести міровую политику, а для этого нуженъ милитаризмъ, нуженъ флотъ. Сооруженіе броненосцевъ доставляетъ занятіе для рабочихъ, это тоже своего рода социальная политика! И такъ, будемъ ждать терпѣливо, а со временемъ, когда нибудь вполнѣ... почему бы и нѣтъ? Мы люди современные! И вы говорите, къ тому же, что эволюція сама обо всемъ заботится... Не спѣша, потихоньку. При случаѣ мы опять позаймемся социальной политикой, а пока повысимъ пошлины на съѣстные припасы!»

Никто не станет сожалѣть о томъ времени, когда надъ партіей тяготѣлъ «постыдный законъ». Но не будемъ забывать, что германская социалдемократія, чтобы сокрушить законъ противъ социалистовъ не лизала руки, занесшей надъ нею кнутъ, а выказывала самую желѣзную непреклонность. Законъ палъ не потому, чтобы социалдемократія примирилась съ капиталистическимъ государствомъ, а потому что при исключительномъ законѣ она выросла въ внушающую страхъ силу. Этотъ же спасительный страхъ предъ социалдемократіей является движущей силой законодательной дѣятельности по охранѣ труда. Здѣсь мы имѣемъ классическое свидѣтельство Бисмарка, оказывающее намъ такъ много услугъ при агитации. «Если бы не страхъ передъ социалдемократіей, не было бы и тѣхъ социальныхъ реформъ какія сдѣланы». Соціально-революціонная агитация и социальная реформа всегда идутъ рука объ руку. Когда пролетаріатъ готовится сдвинуть съ устоевъ весь капиталистическій общественный порядокъ, буржуазія вотируетъ фабричные законы, чтобы умиротворить его, — когда же пролетаріатъ оставляетъ въ покоѣ экономическіе устои и ничего не требуетъ кромѣ десятичасового рабочаго дня, ему не даютъ и этого, чтобы не разлакомить, но обнадеживаютъ одиннадцатичасовымъ рабочимъ днемъ!

Даже простой индифферентизмъ капиталистовъ ко всему, что полезно рабочимъ, не говоря уже объ ихъ эксплуататорскихъ интересахъ, можетъ быть сломленъ только давленіемъ массъ. Какъ бы научно и краснорѣчиво ни доказывалъ оппортунистъ капиталисту, что сокращеніе рабочаго времени не понизитъ суточной производительности труда, предприниматель останется при старомъ рабочемъ днѣ, если ничто не принуждаетъ его къ иному образу дѣйствій. Но принаравливаясь въ своихъ законопроектахъ по охранѣ труда къ парламентскому большинству, оппортунистъ тѣмъ самымъ уменьшаетъ ихъ привлекательность для рабочихъ. Онъ требуетъ, напримѣръ, не восьмичасового, а десяти или одиннадцатичасового рабочаго дня, надѣясь легче провести его въ парламентъ; но такой проектъ не представляетъ никакого практическаго интереса для тѣхъ слоевъ промышленныхъ рабочихъ, которые уже имѣютъ болѣе короткий рабочий день. Ослабленіе интереса рабочихъ массъ, разумѣется, не проходитъ незамѣченнымъ, парламентъ чувствуетъ уменьшеніе внѣшняго давленія и проваливаетъ законъ, несмотря на всю его умѣренность. Замѣчательна также аргументация оппортунистовъ при защитѣ нормальнаго рабочаго дня, этого важнѣйшаго очереднаго требованія относительно охраны труда. Прежде всего онъ старается доказать предпринимателямъ, что сокращеніе рабочаго времени не можетъ принести имъ ни малѣйшаго вреда, а скорѣе пользу. Слѣдуетъ, конечно, опровергать буржуазныя преувеличенія относительно дѣйствія фабричныхъ законовъ. Но не

станемъ же мы на ту точку зрѣнія, съ которой только тѣ фабричные законы и желательны, которые не приносятъ фабрикантамъ ни малѣйшаго ущерба. Такимъ способомъ борьбы мы никогда не достигли бы запрещенія дѣтскаго труда, ночной работы и т. п. Этимъ почтительнымъ отношеніемъ къ интересамъ капиталистовъ уменьшается агитаціонное воздѣйствіе на рабочихъ. Мы не можемъ послѣдовательно доказывать имъ, что ихъ выгоды въ точности совпадаютъ съ интересами эксплуататоровъ. Такимъ образомъ и въ законодательной охранѣ труда попытки оппортунизма обойти классовыя противорѣчія, чтобы достигнуть соглашенія, ни къ чему не приводятъ кромѣ ослабленія политической дѣятельности пролетаріата. Вся выгода отъ затушевыванія классовыхъ противорѣчій неизбежно достается капиталу. Онъ господствуетъ, а вся задача господствующаго класса заключается лишь въ оставаніи существующаго положенія, отъ смягченія классовой борьбы, другими словами — отъ ослабленія оппозиціи его господству, онъ можетъ, слѣдовательно, только выиграть. Отсюда его жажда «соціального мира».

Профессиональные союзы! Въ то время, какъ буржуазная пресса, не исключая органовъ крупной буржуазіи, признаетъ профессиональные союзы организаціями, стоящими на почвѣ существующаго общественнаго порядка и защищающими опредѣленные интересы не касаясь основъ капитализма, — оппортунизмъ утверждаетъ, что развитіе профессиональныхъ союзовъ ведетъ къ уничтоженію класса капиталистовъ и къ постепенному устраненію капиталистической частной собственности. Оригинальностью это утвержденіе не отличается. Это старыя рѣчи, которыя капиталистъ охотно повторяетъ при стачкахъ, чтобы возбудить общественное мнѣніе противъ рабочихъ: профессиональный союзъ хочетъ занять его мѣсто, хочетъ быть «хозяиномъ въ домѣ»! Оба взгляда заключаютъ въ себѣ преувеличенія. Профессиональные союзы не такъ ужъ невинны, какъ изображаетъ ихъ буржуазная пресса, они — боевыя организаціи пролетаріата, направленные противъ капиталистической эксплуатаціи. Но съ другой стороны, эти боевыя организаціи, сами по себѣ рѣшительно не въ состояніи измѣнить экономическую структуру капиталистическаго общества, ихъ дѣятельность представляетъ наоборотъ только новое доказательство необходимости тѣхъ политическихъ и экономическихъ измѣненій, которыя будутъ введены диктатурой пролетаріата. Связь между профессиональнымъ движеніемъ и законодательствомъ по охранѣ труда теперь никѣмъ не оспаривается, а мы только что показали какимъ образомъ оппортунизмъ мѣшаетъ развитію этого законодательства. Но оппортунистская точка зрѣнія можетъ и вообще оказывать лишь вредное вліяніе на профессиональное движеніе. Въ своей борьбѣ профессиональные союзы должны считаться съ состояніемъ промышленности, съ конкуренціей и другими капиталистическими

отношениями, потому что все это оказывает сильное влияние на исход борьбы, но при благоприятных для рабочих обстоятельствах союзы вступают в борьбу с капиталом, хотя бы от этого, благодаря конкуренции страдал само промышленное развитие. Чем крупнее и продолжительнее стачка, тем больше — за исключением тех случаев, когда стачка вызвана самими предпринимателями — вред, который она наносит промышленности, тем труднее последней оправиться от ее последствий. Но на все подобные доводы профессиональные союзы отвечают предпринимателям: «мы хотим условий, при которых можно было бы жить по человечески», «living wage», как говорят англичане. Другими словами: «кладя в основу капиталистические интересы, нам никогда не выйти из нищеты; мы противопоставляем свои человеческие интересы интересам накопления капитала, конкуренции и пр.; если капиталистическое общество не может удовлетворять наших требований, то долой такое общество». Товар — рабочая сила возвышает свой человеческий голос, протестующий против этой экономической метаморфозы человека, а вместе с тем и против всего экономического строя, необходимый элемент которого — человек — товар. Но оппортунизм и здесь также прежде всего заботится о снисходительном отношении к недостаткам капитализма. Он ревниво блюдет интересы промышленности и потому легко на помин, когда надо в интересах промышленного развития помешать стачке, или осудить действие профессионального союза. Напомню только отношение Бернштейна к колоссальной стачке английских машиностроительных рабочих. Оппортунизм и здесь как и всюду старается примирять, соглашать, объединять и поэтому придает такой большой вес всем учреждениям, служащим для соглашений между хозяевами с рабочими. Сдерживая и притупляя таким образом, сверх всякой надобности профессиональную борьбу, он воображает, что этим устраняется капитализм.

Через все проявления оппортунизма красной нитью проходит одна и та же особенность: отбросив практически всякую мысль о возможности диктатуры пролетариата с целью социальной революции, он предполагает существование капиталистического способа производства длящимся безпредельно. Отсюда его полнейшая беспомощность всякий раз, когда требование рабочих сталкивается с препятствиями, вытекающими из эксплуататорского характера капиталистического производства, т. е. из его первородной сущности. Потому-то «реальная политика» оппортуниста есть ничто иное как постоянное стремление тормозить и сдерживать классовую борьбу пролетариата во всех ее проявлениях.

Но кто стоит на почве капиталистического способа производства, тот должен взять в придачу и капиталистическое

государство. Оппортунизм, так и поступает. И так же точно как свою капитуляцию перед капиталистическим способом производства он маскирует теоретическим стиранием границ между капитализмом и социализмом, так и свое подчинение капиталистическому государству он прикрывает ссылками на неустанную демократизацию государства. Бьда лишь в том, что демократическая форма ничуть не устраняет классового характера государства. И этот факт дает себя чувствовать оппортунистам на каждом шагу. Суживая все больше и больше свою рабочую политику, оппортунизм в то же время видит себя вынужденным вести капиталистическую государственную политику.

Как может, например, оппортунист вести принципиальную борьбу против колониальной политики, слишком хорошо зная, — изучал же он Маркса — что капиталистическое государство должно вести колониальную политику, если не хочет рушиться под бременем перепроизводства? Поэтому он ограничивает свою критику лишь внешними проявлениями и сохраняет оппозиционное положение в этом вопросе исключительно по милости колониальных бандитов и разных негодяев, заботящихся о заполнении газетной рубрики «колониальных ужасов». А впрочем — почему бы Германии не завладеть Кiao-Чоу? Неужели все должно достаться русским или англичанам? Разве «мы» не должны получить свою долю? Кто занялся такими соображениями, тот скоро пропоет всю колониальную литанию, и если все же будет продолжать протестовать против единичных ужасов, то на общую картину этой политики крови и железа скоро научится закрывать глаза. Ведь что такое эта колониальная политика? Стремление насильно навязать капиталистическую эксплуатацию народам, живущим в примитивных условиях и душой и телом протестующим против ярма капитализма, под которое их стараются подвести. А усмирение строптивых скорбе достигается пулями и кнутом, чем парламентскими речами.

Но если относительно колониальной политики остается некоторая возможность выбора, то милитаризм не оставляет никакого. Лишите современное капиталистическое промышленное государство его армии — и оно перестанет существовать. Народная милиция? На нее капиталисты никогда не согласятся. Причина этому только одна, но совершенно достаточная для устранения всей оппортунистской маниловщины относительно демократизации и гармонии, — а именно та, что капиталу армия нужна против внутреннего врага, и ее превращение в народную милицию требует предварительного завоевания политической власти пролетариатом. На это наши «реальный политик» не рассчитывает и ему остается только примириться с постоянным войском и вотировать военный бюджет. Сдлать неизбежный вывод из своей точки

зрѣнія у него, правда, мало охоты. Онъ дѣлаетъ различія. Соглашаясь вотировать за ассигновку денегъ на перевооруженіе арміи, онъ противъ расходовъ на усиленіе ея численности. Неустойчивое это различіе. Въ современной войнѣ рѣшаетъ дѣло не одно оружіе, но и численность. Разъ ставъ на точку зрѣнія военной цѣлесообразности, придется убѣдиться, что небольшая, хотя бы и прекрасно вооруженная армія точно такъ же рискуетъ быть побитой, какъ и плохо вооруженная—большая. Вотировавъ оружіе для солдатъ, надо же быть послѣдовательнымъ и согласиться, что для оружія нужны солдаты.

А кто соглашается на милитаризмъ, долженъ согласиться и на налоги.

Такимъ образомъ оппортионизмъ обрываетъ не только съ рабочей политикой, онъ не можетъ удержаться на демократической и ведетъ къ полнѣйшему сліянію съ капиталистической государственной политикой. И это понятно. Крестьянинъ и ремесленникъ стоятъ въ оппозиціи къ капитализму съ точки зрѣнія опредѣленныхъ, разоряемыхъ имъ формъ производства. Будущность самого капитализма до нихъ не касается. Въ иномъ положеніи пролетаріатъ. Онъ борется не за прошлое, а за будущее. Онъ можетъ нападать на капитализмъ лишь съ точки зрѣнія социальной революціи. Если бы онъ отбросилъ эту точку зрѣнія, ему не осталось бы ничего, кромѣ покорнаго приспособленія къ существующему капиталистическому общественному строю,—защищать подобно ремесленнику остатки погибшаго общественного строя онъ не можетъ. Для него нѣтъ средняго пути. Пролетаріатъ можетъ быть только могильщикомъ капитала или же его подданнымъ. Но послѣ ста лѣтъ социально-революціонной борьбы немыслимо, чтобы пролетаріатъ добровольно отдался въ крѣпостную зависимость капиталу. Заключение для оппортионизма отсюда вытекаетъ само собою.

Оппортионизмъ означаетъ ослабленіе политической энергіи во всѣхъ областяхъ, общее отступленіе, смуту и безпомощность. Онъ самъ бросается въ этомъ направленіи дальше даже того, къ чему вынуждаетъ его отреченіе отъ социально-революціонной точки зрѣнія. Это ярко обнаружилось въ вопросѣ о таможенномъ тарифѣ. Тутъ въ послѣдніе годы мы могли наблюдать не одно только затемнѣніе социально-революціонной точки зрѣнія капиталистическимъ вліяніемъ; протекціонистическія вождѣнія противны интересамъ самого капиталистическаго развитія Германіи и тѣмъ не менѣе поднятый ими крикъ нашель откликъ въ социалдемократической литературѣ.

Оппортионизмъ въ социалдемократіи есть ни что иное какъ національ-либерализмъ, приспособляющійся къ особннымъ условіямъ парламентской рабочей партіи.

		Цѣна:
Эмиль Вандервельдъ. ПОЛОЖЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАС-СА ВЪ БЕЛЬГІИ. Переводъ съ рукописи Н. Секерина	— р. 40 к.	
Артуръ Лабріола. ПОЛОЖЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАС-СА ВЪ ИТАЛІИ. Переводъ съ рукописи Т. Герценштейнъ	— » 30 »	
Фридрихъ Энгельсъ. ПОЛОЖЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАС-СА ВЪ АНГЛІИ. Съ прилож. статьи проф. В. Зомбарта: «Ф. Энгельсъ.—Къ исторіи развитія социализма» и портрета автора на мѣловой бумагѣ. Переводъ съ нѣмец. Г. Котляра	— » 70 »	
Гансъ Лейссъ. ВЪ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ ТЮРЬМѢ. Переводъ съ нѣмец. подъ редакціей Б. Барта	— » 80 »	
В. Адлеръ. МАССОВАЯ СТАЧКА. Переводъ съ нѣмецкаго П. Теплова.	— » 6 »	
В. Гессенъ. О ПРАВОВОМЪ ГОСУДАРСТВѢ	— » 20 »	
В. Мякотинъ. ИДЕЯ ЗЕМСКАГО СОБОРА ВЪ РУССКОМЪ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ	— » 10 »	
В. Водовозовъ. ВСЕОБЩЕЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО и ЕГО ПРИМѢНЕНІЕ ВЪ РОССІИ. Съ прилож. таблицъ	— » 35 »	
И. Чернышевъ. О ВСЕОБЩЕМЪ ИЗБИРАТЕЛЬНОМЪ ПРАВѢ и ЕГО ПРИМѢНЕНІИ ВЪ РОССІИ. Съ приложеніемъ таблицъ, цвѣтныхъ диаграммъ и картограммъ	— » 35 »	
Б. Зомбартъ. ФРИДРИХЪ ЭНГЕЛЬСЪ. (1824—1895 г.г.). Къ исторіи развитія социализма. Переводъ съ нѣмецкаго Г. Котляра	— » 7 »	
Эрнестъ Ренанъ. ЖИЗНЬ ІИСУСА. Съ прилож. портрета автора на мѣловой бумагѣ. Полный переводъ О. Крыловой.—2-ое изд.	— » 40 »	
Е. Войничъ. ОВОДЪ. Романъ изъ революціонной жизни Италіи XIX вѣка. Полный переводъ З. Венгеровой.—3-е изд.	— » 60 »	
П. и В. Маргеритъ. КОММУНА. Романъ. Полный переводъ съ франц. Е. Клишиной	— » 80 »	
Танъ. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ.—2-ое дополненное изданіе, въ 6-ти томахъ. Цѣна каждаго тома	1 » — »	
Танъ. СТИХОТВОРЕНІЯ.—3-е исправленное изданіе	— » 30 »	
Танъ. ПАШЕНЬКИНА СМЕРТЬ. Разсказъ.—2-ое изд.	— » 7 »	
Танъ. ЧЕРНЫЙ СТУДЕНТЪ. Разсказъ.—2-ое изд.	— » 4 »	
Вацлавъ Сѣрошевскій. РАЗСКАЗЫ.—2-ое изд.	1 » — »	
Вацлавъ Сѣрошевскій. ДАЛЬНИЙ ВОСТОКЪ. Очерки.—Съ прилож. 50 иллюстрацій.—2-ое дополненное изданіе	1 » 25 »	
Вацлавъ Сѣрошевскій. КОРЕЯ. Природа; жизнь; государственный строй; исторія. Съ прилож. 50 иллюстрацій и карты.—2-ое дополненное изданіе	1 » 25 »	
Вацлавъ Сѣрошевскій. БОКСЕРЪ. Разсказъ	— » 4 »	
Вацлавъ Сѣрошевскій. КУЛИ. Разсказъ	— » 8 »	
Вацлавъ Сѣрошевскій. МАТРОСЫ КОРАБЛЯ «НА-ДЕЖДА». Разсказъ. Съ 10 рисунками.—3-е изданіе	— » 20 »	

Съ требованіями просить обращаться исключительно по адресу:
Контора книгоиздательства Н. Глаголева, С.-Петербургъ, Невскій пр., 92.

Книгоиздательство Н. ГЛАГОЛЕВА.
(С.-Петербургъ, Невскій пр., 92).

	Цѣна:
ИСТОРИЯ СОВѢТА РАБОЧИХЪ ДЕПУТАТОВЪ. Статьи С. Введенскаго, В. Звѣздина, П. Злыднева, М. Киселевича, А. Кузовлева, Н. Нѣмцова, Б. Петрова-Радина, А. Синаповскаго, Н. Троцкаго, Г. Хрусталева-Носаря	1 р. — к.
ДѢЛО СОВѢТА РАБОЧИХЪ ДЕПУТАТОВЪ. Стенографическій отчетъ судебного засѣданія подъ редакціей Л. Н. Андроникова, О. О. Грузенберга, А. С. Заруднаго, П. М. Кашинскаго, П. Н. Малиновича, М. С. Маргуліеса, Н. К. Муравьева, Г. Д. Сидамонова-Эристова и Н. Д. Соколова. Рисунки худ. Е. Зарудной-Кавосъ	1 » 25 »
М. Б-овъ и Ф. Данъ. РАБОЧИЕ ДЕПУТАТЫ ВЪ ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ	— » 60 »
Л. Мартовъ. ПРОЛЕТАРСКАЯ БОРЬБА ВЪ РОССІИ. Съ предисловіемъ П. Аксельрода	— » 30 »
Л. Дейчъ. 16 ЛѢТЪ ВЪ СИБИРИ. Воспоминанія. 2-ое исправленное и дополненное изданіе	1 » — »
П. Тепловъ. ИСТОРИЯ ЯКУТСКАГО ПРОТЕСТА. (Дѣло Романовцевъ). Съ прил. официал. докум. и иллюстрацій	1 » — »
Н. Троцкій. НАША РЕВОЛЮЦІЯ	1 » — »
Парвусъ. РОССІЯ И РЕВОЛЮЦІЯ	1 » — »
Парвусъ. ВЪ РЯДАХЪ ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛДЕМОКРАТІИ.	1 » — »
Фердинандъ Лассаль. СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ, въ 3 томахъ. Съ прилож. 3-хъ портретовъ автора на мѣловой бумагѣ и (при I томѣ) біографич. очерка и вступительной статьи Эд. Бернштейна: «Ф. Лассаль и его значеніе для рабочаго класса». Цѣна каждаго тома	1 » 25 »
Жанъ Жоресъ. ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ Томъ I-ый: УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ (1789—1791 г.г.). Полный переводъ съ французскаго А. Водена.	2 » — »
Э. Лиссагаръ. ИСТОРИЯ КОММУНЫ 1871 г. Съ прилож. очерка С. Мендельсона: «Причины и внутреннія движущія силы Коммуны». Полный перев. съ франц. В. Иванова	— » 70 »
То же, съ иллюстраціями на отдѣльн. листахъ мѣл. бум.	1 » — »
Артуръ Арну. НАРОДНАЯ ИСТОРИЯ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ. Полный переводъ съ франц. В. Александрова	— » 80 »
Густавъ Жеффруа. ЗАКЛЮЧЕННЫЙ. Жизнь и революціонная дѣятельность Огюста Бланки. Полный переводъ съ франц. А. Израильсона и П. Теплова.	— » 80 »
В. Тотоміанцъ. ФОРМЫ РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ. 2 изд.	— » 60 »
В. Тотоміанцъ. ФОРМЫ АГРАРНАГО ДВИЖЕНІЯ	— » 80 »
В. Кожевниковъ. ВЕЛИКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ВЪ ГЕРМАНИИ (1524—1525 г.г.).	— » 60 »
ПОЛОЖЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАССА въ главнѣйшихъ государствахъ Европы, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и Австраліи. Томъ I-ый: Эмиль Вандервельдъ: Бельгія;—Адольфъ Браунъ: Германія;—Артуръ Лабріола: Италія	1 » — »
Карлъ Родбертусъ-Ягцовъ. КЪ ОСВѢЩЕНІЮ СОЦІАЛЬНАГО ВОПРОСА. Соціальныя письма къ фонъ-Кирхману. Переводъ и предисловіе проф. М. Соболева	1 » 25 »

Съ требованіями просятъ обращаться исключительно по адресу:
Контора книгоиздательства Н. Глаголева, С.-Петербургъ, Невскій пр., 92.